

НОМОТНЕТИКА:
Философия. Социология. Право
2022. Том 47, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор
 Белгородского государственного института искусств
 и культуры

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук,
 доцент (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философии, профессор
 (Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор
 (Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
 (МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспон-
 дент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор
 (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор
 (Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
 (Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор
 (Белгородский государственный институт искусств
 и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор
 Московского государственного института культуры
 (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор
 Поволжского института (филиала) Всероссийского
 государственного университета правосудия, профессор
 (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор
 (Тульский государственный педагогический университет
 им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор
 (Институт философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор
 (Российская академия народного хозяйства и
 государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор
 (Софийский университет имени Св. Климента Охридского,
 Болгария)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор
 (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Шпопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор
 (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор
 (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор
 (Государственный университет управления)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 21,4. Дата выхода 30.09.2022. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 421 **Демин И.В. С.И.** Гессен о противоположности и диалектическом единстве социализма и консерватизма
431 **Третьяк А.Р., Тинус Н.Н.** Выготский и Бахтин в Италии: синтез Аугусто Понцио
436 **Понцио А.** Читая Выготского и Бахтина вместе. Перевод с итал. Н.Н. Тинус, А.Р. Третьяк. (Ponzio A. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin // Corrisponden za Internazionale, Periodico di documentazione storica, culturale e sociale, Anno VII. NN° 20/22. Luglio 1981/Febbraio 1982. pp. 111–119).

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 445 **Захаров В.М., Бовкунова А.В.** Вопросы трудоустройства российской молодёжи в условиях пандемии COVID-19: самозанятость и другие перспективы
455 **Кильдеев М.В.** Сельская религиозность у мусульман Среднего Поволжья по данным социологических исследований советского периода

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

- 467 **Борисовский А.В., Борисов С.Н.** История одного кольца. Инструментализации насилия и терроризм
474 **Рецова К.М.** На смену постмодерну: обзор новых концепций состояния культуры и общества
483 **Суханова Н.П.** Заботливое и критическое мышление: социально-этическое измерение образовательного проекта

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- 490 **Брежнев О.В.** Эволюция правового регулирования полномочия Конституционного Суда Российской Федерации по проверке нормативных актов в связи с запросами судов
498 **Винокуров В.А.** Рассуждения на тему лишения наград государства и отмены решения о награждении
508 **Дегтярев С.Н.** Конституционный опыт формализации брака европейских и американских государств
516 **Новикова А.Е., Соболева М.М.** Правозащитное взаимодействие полиции и общественных организаций в России
525 **Пенская Т.М., Пенской А.В.** Судебник Ивана III – памятник права централизованного Русского государства?
539 **Петербургский А.П.** Гарантии функционирования конституционно-правового института судебного контроля в России
548 **Петрищева Н.С.** Правовое регулирование противохолерных мероприятий в Российской империи во второй четверти XIX века
561 **Тресков А.П.** Принципы судебной власти в Конституции непризнанного государства Турецкой Республики Северного Кипра

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 570 **Уфимцева Е.И.** Социологический потенциал теоретической модели обращения в православие святителя Феофана (Говорова)
584 **Королёв Ю.А.** Международная Духовная Школа Золотого Розенкрейца «Lectorium Rosicrucianum» и движение «Нового века» как религиозные идентичности в рамках современного оккультизма

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 593 **Дагаев Р.Р., Филатова Я.С.** Генезис картины мира и аксиологических ценностей молодого поколения
601 **Исмаилова М.М., Римский А.В., Римский В.П.** Философское понимание силы права: совесть и достоинство в истоках народной органической жизни

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

- 610 **Анисимов Н.О., Римская О.Н.** Мода и идентичность в городском пространстве
615 **Бабинцев В.П.** Консолидация регионального сообщества: политический манифест, реальный проект или имитация? (Опыт Белгородской области)

NOMOTHIKA:
Philosophy. Sociology. Law
2022. Volume 47, No. 3

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, professor
(Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod
National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod
National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of sociology (Belgorod
National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod
National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod
National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor
(Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor
(North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples'
Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow
State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS,
honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the
Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor
(Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social
and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State
Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School
of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod
National Research University)

Mareeva E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow
State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the Volga Institute
(branch) All-Russian State University of Justice, Professor
(Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy
Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute
of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia
"St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State
University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National
Research University)

Dariusz Shpopper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska,
Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (The State University
of Management)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77840 dd 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Ivahnenko. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 21,4. Date of publishing 30.09.2022. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 421 **Demin I.V.** Hessen S.I. on Opposites and the Dialectical Unity of Socialism and Conservatism
431 **Tretiak A.R., Tinus N.N.** Vygotsky and Bakhtin in Italy: The Synthesis of Augusto Ponzio
436 **Ponzio A.** Reading Vygotsky and Bakhtin Together. Translated from Italian. N.N. Tinus, A.R. Tretiak. (Ponzio A. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin // Corrisponden za Internazionale, Periodico di documentazione storica, culturale e sociale, Anno VII. NN° 20/22. Luglio 1981/Febbraio 1982. pp. 111–119).

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- 445 **Zakharov V.M., Bovkunova A.V.** Issues of Employment of Russian Youth in The Context of The COVID-19 Pandemic: Self-Employment and Other Prospects
455 **Kildejev M.V.** Rural Religiosity Among the Middle Volga Muslims by the Social Surveys in Soviet Period

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

- 467 **Borisovsky A.V., Borisov S.N.** The History of One Ring. Instrumentalization of Violence and Terrorism
474 **Retsova K.M.** In Place of Postmodernity: A Review of New Concepts of the State of Culture and Society
483 **Sukhanova N.P.** Caring and Critical Thinking: The Social and Ethical Dimension of an Educational Project

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

- 490 **Brezhnev O.V.** The Evolution of Legal Regulation of the Power of the Constitutional Court of the Russian Federation to Verify Normative Acts in Connection with the Requests of the Courts
498 **Vinokurov V.A.** Arguments on the Topic of Deprivation of State Awards and Cancellation of the Award Decision
508 **Degtyarev S.N.** Constitutional Experience of the Formalization of Marriage in European and American States
516 **Novikova A.E., Soboleva M.M.** Human Rights Cooperation Between the Police and Public Organizations in Russia
525 **Penskaya T.M., Penskoj A.V.** The Judicial Book of Ivan III – a Monument of the Law of the Centralised Russian State?
539 **Peterburgsky A.P.** Guarantees of the Functioning of the Constitutional and Legal Institute of Judicial Control in Russia
548 **Petrishcheva N.S.** Legal Regulation of Anti-cholera Measures in the Russian Empire in the Second Quarter of the 19th Century
561 **Treskov A.P.** The Principles of the Judiciary in the Constitution of Unrecognized State of the Turkish Republic of Northern Cyprus

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

- 570 **Ufimceva E.I.** The Sociological Potential of the Theoretical Model of Conversion to Orthodoxy of St. Theophan (Govorov)
584 **Korolev Y.A.** The Golden Rosycross International Theological School “Lectorium Rosicrucianum” and the “New Century” movement as religious identities within the framework of modern occultism

THESIS

- 593 **Dagaev R.R., Filatova Y.S.** Genesis of the Worldview and Axiological Values of the Younger Generation
601 **Ismagilova M.M., Rimsky A.V., Rimskiy V.P.** Philosophical Understanding of the Power of Law: Conscience and Dignity in the Origins of People's Organic Life

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATIONS

- 610 **Anisimov N.O., Rimskaya O.N.** Fashion and Identity in Urban Space
615 **Babintsev V.P., Kovrizhnykh Yu.V.** Consolidation of the Regional Community: A Political Manifesto, a Real Project or an Imitation? (Experience of the Belgorod Region)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 32.019.5

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-421-430

С.И. Гессен о противоположности и диалектическом единстве социализма и консерватизма

Демин И.В.

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
Россия, 443086, Самарская область, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34
E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается представленная в политической философии С.И. Гессена трактовка соотношения социализма и консерватизма. Показано, что сущность консерватизма в интерпретации русского философа сводится к трём взаимосвязанным принципам – историзму, органицизму, этатизму. Если консерватизм в трактовке Гессена предстает в качестве целостного, статичного, лишённого внутренней динамики политического мировоззрения, то социализм, напротив, трактуется как антиномическое, содержащее в себе неустранимое внутреннее противоречие учение. Социализм, с точки зрения Гессена, изначально амбивалентен, в нем содержится возможность движения как в сторону консервативного этатизма, так и в сторону либерального принципа суверенитета права.

Ключевые слова: политическая философия Гессена, консерватизм, социализм, правовой социализм, государственный социализм, идея блага

Благодарности: статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

Для цитирования: Демин И.В. 2022. С.И. Гессен о противоположности и диалектическом единстве социализма и консерватизма. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 47(3): 421–430. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-421-430

Hessen S.I. on Opposites and the Dialectical Unity of Socialism and Conservatism

Ilya V. Demin

Samara National Research University,
34 Moskovskoe shosse St, Samara 443086, Russian Federation
E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Abstract. The article considers the interpretation of the relationship between socialism and conservatism presented in the political philosophy of S.I. Hessen. The essence of conservatism in the interpretation of the Russian philosopher is reduced to three interrelated principles – historicism, organicism, etatism. Conservatism in the interpretation of Hessen appears as a holistic, static, devoid of internal dynamics of the political worldview. Socialism, on the contrary, is interpreted as an antinomian doctrine containing an

unremovable internal contradiction. Socialism, from Hessen's point of view, is initially ambivalent, it contains the possibility of development both towards conservative etatism and towards the liberal principle of the sovereignty of law. The interpretation of conservatism in the works of Hessen hardly introduces an element of novelty into modern discussions about the conservative ideological and political tradition. However, the conclusions of the Russian philosopher about the relationship and interconnection of the three basic ideologies are of undoubted theoretical interest.

Keywords: Hessen's political philosophy, Conservatism, Socialism, Legal Socialism, State Socialism, Idea of the Good

Acknowledgements: This article was prepared with support from the Grants Council of the President of the Russian Federation, Project MD-2252.2021.2 "The Political Language of Russian Conservatism: A Cultural and Semiotic Analysis".

For citation: Demin I.V. 2022. Hessen S.I. on Opposites and the Dialectical Unity of Socialism and Conservatism. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 421–430 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-421-430

Введение

Несмотря на то, что сложившиеся на протяжении XVIII–XIX вв. границы между тремя базовыми идеологиями (либерализмом, социализмом, консерватизмом) все более размываются (и на уровне теоретической рефлексии, и на уровне массового общественного сознания), современная философско-политическая и политико-правовая мысль по-прежнему идентифицирует себя преимущественно *идеологически*. Констатируемая многими исследователями радикальная трансформация форм и содержания идеологического сознания в обществе и культуре постмодерна [Соловьев, 2001; Мусихин, 2013] не только не снимает проблему сущности и идентификационных критериев основных идеологий (идеологических парадигм¹), но, напротив, делает эту проблему ещё более актуальной.

В этой связи обращение к наследию Сергея Иосифовича Гессена, в работах которого был представлен анализ всего спектра мировоззренческо-идеологических позиций и направлений, позволяет понять истоки и прояснить теоретические рамки современных дискуссий вокруг проблемы границ и идентификационных критериев либеральной, социалистической и консервативной философско-политических парадигм.

Взгляды С.И. Гессена на эту проблему наиболее полно представлены в основанной на цикле статей 1924–1929 гг. работе «Правовое государство и социализм» [Гессен, 2010б], а также в ряде брошюр и статей 1910–30-х гг. («Идея нации» [Гессен, 2010а]; «Политическая свобода и социализм» [Гессен, 1917]; «Современный кризис и перерождение капитализма» [Гессен, 1932]).

Несмотря на то, что философско-политические и философско-правовые воззрения Гессена уже рассматривались и анализировались в современной отечественной литературе [Власкин, Ермичев, 2004; Агаев 2011; Загирняк, 2017; Загирняк, 2020; Мелих, 2020; Агаев и др., 2020], предложенная русским философом трактовка основных идеологий и их соотношения специально ещё не исследовалась.

Базовые принципы консерватизма: историзм и органицизм

Как и многие другие политические теоретики первой половины XX в., Гессен видел в консерватизме прежде всего негативную реакцию на абстрактный рационализм Просвещения, представленный, как известно, в двух основных идеологических «ипостасях» –

¹ О понятии «идеологическая парадигма» см.: [Demin, 2021].

классического либерализма и утопического социализма¹. Метафизическим основанием консерватизма при такой трактовке становится *историзм* (в том виде, в котором он был представлен в немецком романтизме и исторической школе права).

Раскрывая сущность консерватизма и его место в контексте политических идеологий XIX в., Гессен ставит вопросы, которые нельзя не признать риторическими: «Не должны ли мы, умудренные крушением утопизма, ограничиться охранением полученного от предков достояния, ревниво оберегая его от всяких новшеств, могущих только исказить его и изувечить? Не следует ли нам, отказавшись от всяких абсолютных заданий, ограничиться собиранием и защитой того, что уцелело от пережитого нами потрясения?» [Гессен, 2010б, с. 58]. Консервативный историзм, «представляющий собой прямую противоположность революционному утопизму» [Гессен, 2010б, с. 58], даёт, с точки зрения русского философа, утвердительный ответ на оба вопроса.

Консервативный историзм и рационалистический утопизм эпохи Просвещения, будучи идеологическими противоположностями, совершают одну и ту же методологическую ошибку – они разрывают и противопоставляют два исконных и неразрывных начала социально-исторической жизни – *предание* и *задание*. Если рационалистический утопизм противопоставлял наличной действительности абстрактно сконструированный универсальный внеисторический идеал, то консервативный историзм, напротив, стремился «утвердить предание на себе самом» [Гессен, 2010б, с. 58].

Консервативный историзм, желая во что бы то ни стало сохранить предание, в действительности лишает его жизни и жизненности. Между тем, как подчеркивает Гессен, «оставаться самим собою предание может лишь в своей диалектической сопряженности с противостоящим ему началом задания» [Гессен, 2010б, с. 59], сохранить предание – «значит уйти от него в направлении задания: лишь воспринятое в творческий акт и, следовательно, частично отвергнутое, остается предание самим собою» [Гессен, 2010б, с. 60]. Согласно Гессену, «подлинная верность преданию достигается не пассивной приверженностью ему, не абсолютированием предания, а подчинением его тем высшим заданиям культуры, которые в свое время вызвали к жизни действия наших предков и тем самым сделали возможным предание» [Гессен, 2010б, с. 59].

В представленной трактовке и критике консерватизма отчетливо проявляется приверженность русского философа неокантианской теории культуры с характерным для неё постулатом о неснимаемой противоположности между «эмпирической действительностью» и «идеалом» (подробнее об этом см.: [Валицкий, 1999; Фролова, 2013; Белов, 2014].

Другой определяющей характеристикой консерватизма в трактовке Гессена выступает *органицизм*.

Вслед за Густавом Радбрухом русский философ так формулирует замысел и «сокровенный мотив» каждой из трех базовых идеологий. Сущность социалистического общественного идеала раскрывается при помощи метафоры *строительства средневекового собора*. Труд отдельных людей, соучаствующих в общем деле, здесь подчиняется надындивидуальной объективной задаче. Либеральная концепция общества базируется на метафоре *договора*, обеспечивающего охрану одинаковых интересов отдельных лиц. Наконец, базовой метафорой консервативного политического мировоззрения выступает *организм*, то есть такой тип целостности, в котором целое безусловно господствует над своими частями. При этом, с точки зрения Гессена, и в социализме, и в консерватизме индивидуальность и свобода личности приносятся в жертву объективным, сверхличностным началам общественной жизни.

¹ Рационалистический оптимизм Просвещения и утопический социализм располагаются на противоположных полюсах политико-идеологического спектра, однако в методологическом отношении эти крайности сходятся. Общим знаменателем классического либерализма XIX века и социализма, согласно Гессену, выступает именно *утопизм*.

Заметим, что представленная в работах Гессена схема консерватизма при всей её наглядности, информативности и дидактической полезности сама несет на себе отпечаток идеологических искажений, так как едва ли в истории общественной мысли XIX, а тем более XX в. можно найти хоть одно конкретное философско-политическое учение, которое бы в полной мере (или хотя бы в основных чертах) соответствовало приведенной трактовке.

Консерватизм, в отличие от двух других идейно-политических традиций, представлен Гессеном в весьма упрощённом, схематическом виде. Примечательно и то обстоятельство, что в работах русского философа содержится напряженная полемика с теоретиками *социализма* и *либерализма*, даётся детальный анализ различных направлений и общей логики эволюции этих идеологических течений, тогда как ссылки на сочинения теоретиков консерватизма имеют эпизодический и сугубо иллюстративный характер (они лишь призваны подтвердить заранее принятую, упрощённую и весьма предвзятую схему консервативного миропонимания).

Усматривая в консерватизме лишь негативную реакцию на абстрактный рационализм и утопизм французского Просвещения, отождествляя консерватизм с «историзмом» и «органицизмом», Гессен тем самым выносит за скобки всю традицию возрождения естественно-правового мышления и тех авторов, которые стремились совместить консервативную политическую философию с обновленной доктриной естественного права (в отечественной философии эта тенденция была представлена такими философами, как Л.А. Тихомиров [2010] и И.А. Ильин [1994]).

Идея общего блага в социализме и консерватизме

Общий знаменатель и социалистических, и консервативных учений Гессен усматривал в примате *идеи блага* над *идеей права*. Важно отметить, что для русского философа именно отношение к идее права выступает мерилем, идентификационным критерием любых политико-правовых доктрин и идеологических учений. Различия между тремя базовыми идеологиями нового времени определяются, согласно его трактовке, именно их отношением к идее права. Классический либерализм, выдвинувший теорию «правового государства», безоговорочно утверждал «суверенитет права». Государство здесь выступает в качестве механизма обеспечения и ограждения естественных и неотъемлемых прав личности. Социализм (как утопический, так и марксистский) являет собой, по мысли Гессена, безусловное отрицание идеи права. В социалистической оптике право и государство предстают в качестве инструмента эксплуатации и классового угнетения, который должен быть упразднен в ходе социальной революции. В консерватизме же право подчиняется государству, выступает в качестве необходимого орудия власти. И консерваторы, и социалисты, отвергая традицию естественно-правового мышления, видят в праве лишь совокупность установленных государством норм.

Гессен признавал, что критика либеральной доктрины естественного права в консерватизме и социализме (прежде всего марксистском) руководствуется различными мотивами и исходит из различного понимания принципа историзма, однако результат получается один и тот же: оба идеологических течения отказываются от идеи суверенитета и автономии права, отвергают провозглашаемый либерализмом примат права над государственной политикой. Отличие же социализма от консерватизма, согласно Гессену, заключается в том, что «последний отрицает самостоятельность и автономию права, первый же – самое право как таковое» [Гессен, 2010б, с. 128]. Раскрывая данный тезис, Гессен обращается к таким хрестоматийным фигурам в истории идеологии, как Анри Сен-Симон и Жозеф де Местр. «Если Жозеф де Местр отрицает только самостоятельность и автономию права, низводя последнее до простого средства религиозной и национальной государственности, то Сен-Симон отрицает и самое право как таковое» [Гессен, 2010б, с. 128]. Отрицание права в со-

циализме столь же абсолютно, как абсолютно его утверждение в идеологии классического либерализма.

Если вытекающее из консервативной идеологии отношение к идее права может быть обозначено термином «*правовой релятивизм*», то для описания социалистического понимания права больше подходит выражение «*правовой нигилизм*». Причём нигилистическое отрицание права, с точки зрения Гессена, равно характеризует воззрения и утопических социалистов, и марксистов.

Раскрывая методологическое родство консерватизма и социализма, Гессен отмечал, что в обоих этих направлениях подвергается критике *формальный* характер провозглашаемого классическим либерализмом принципа равенства. И социалисты, и консерваторы склонны видеть в формальном (правовом) равенстве не позитивный организующий принцип, но некий *изъян, пустоту, отсутствие содержания*. «И Жозеф де Местр, и теоретики современного фашизма в полном согласии с Сен-Симоном <...> видят недостаток правового государства в его “атеизме”, в том, что оно устанавливает только форму поведения, качество последнего, но ничего не говорит о том содержании, которое люди должны преследовать своими действиями» [Гессен, 2010б, с. 127].

Несмотря на то, что в консерватизме и социализме даются различные (и даже несоместимые друг с другом) трактовки принципа равенства, общим для обоих направлений, с точки зрения Гессена, является само *требование восполнения формального равенства равенством содержательным*. «Чисто формальному равенству правового государства» социалисты и консерваторы противопоставляют «равенство духовного содержания, единство и равенство одинакового убеждения» [Гессен, 2010б, с. 127].

Критика формально-юридического равенства обуславливается тем обстоятельством, что и социализм, и консерватизм есть «системы, исходящей из начала Блага в его противоположности идее Права» [Гессен, 2010б, с. 126]. При этом содержание понятия блага в социализме и консерватизме раскрывается по-разному. «Достоин удивления, – отмечал Гессен, – как теоретики социализма не дали до сих пор резкого и точного разграничения между Благом социализма и Благом консерватизма» [Гессен, 2010б, с. 127]. Остановимся на этом разграничении.

Консерватизм «подчиняет право благу целого, причем носителем этого блага он признает государство» [Гессен, 2010б, с. 128]. Тем самым консерватизм в трактовке Гессена приобретает черты *этатизма*. Не случайно, что в качестве эталонного образца *консерватизма* русский философ рассматривает политическое учение Платона¹. Центральным смысловым звеном консервативной политической философии выступает именно *государство*, тогда как «право» рассматривается в качестве *инструмента* реализации идеи блага. Консерватизм гипостазировывает государство в особую сущность, описываемую в органицистских терминах, и «благо» консерватизма в конечном счёте оказывается *благом государства, государственного целого*, а не каждого отдельного лица [Гессен, 2010б, с. 128].

Второй значимый момент состоит в том, что «подчиняя право государству, как носителю Блага, консерватизм мыслит Благо наполненным определенным историческим содержанием – национальным или религиозным, т. к. только такому содержанию присущ характер исторической объективности» [Гессен, 2010б, с. 128]. Привязка идеи блага к конкретному национально-религиозному содержанию вытекает из принципа историзма,

¹ Примечательно, что такие политические мыслители, как К.-Р. Поппер и Ф.А. фон Хайек, наиболее последовательно выражавшие в XX в. парадигму классического либерализма, видели в Платоне родоначальника «тоталитаризма». Термин же «тоталитаризм» (наряду с термином «коллективизм») в либеральной политической традиции закрепился в качестве обозначения общей фундаментальной установки, свойственной всем нелиберальным (социалистическим и консервативным) политическим учениям (см.: [Поппер, 1992; Хайек, 2017, с. 221]).

который в свою очередь нерасторжимо связан с органицистским пониманием общества и государства.

«Государство», «нация», «национальный дух», «религия» – таков смысловой ряд, раскрывающий специфику консервативного понимания идеи блага. «По отношению к этому Благу, – отмечает Гессен, – отдельные лица имеют только обязанности, но не права», «они суть по отношению к нему простые средства, не имеющие самостоятельной ценности» [Гессен, 2010б, с. 128].

Представленную трактовку консерватизма, разумеется, трудно признать идеологически беспристрастной (хотя бы потому, что никто из теоретиков консерватизма не принял бы предполагаемого здесь противопоставления «блага государства» «благу отдельной личности»). Тем не менее эта трактовка важна в плане понимания специфики философско-политической концепции самого Гессена и предложенной в ней типологии идеологической доктрин.

Если в консерватизме центральным смысловым звеном выступает *государство*, мыслимое как *исторически развивающаяся органическая целостность*, то в социализме отправной точкой становится *общество*, понимаемое *механистически*. «Благо, которое социализм противопоставляет формальному Праву либерализма, есть *благо всех и каждого*» (курсив Гессена – *И.Д.*). В этом заключается принципиальное отличие социализма от консерватизма, гипостазирующего государство в особую сущность. «Не благо государства, могущее всегда быть противопоставленным благу отдельного лица, а благо всех и каждого есть цель социалистического устройства» [Гессен, 2010б, с. 130]. Гессен констатирует «наличие внутри социализма момента крайнего индивидуализма» [Гессен, 2010б, с. 129] и усматривает «последнюю цель социализма» в том, чтобы «обеспечить максимальное благо каждого отдельного лица» [Гессен, 2010б, с. 129]. «Общее благо» при этом трактуется *механистически* и *арифметически*, оно «есть, в сущности, не что иное, как простая сумма индивидуальных благ» [Гессен, 2010б, с. 129]. В такой трактовке идеи блага Гессен, вслед за А. Менгером, усматривает специфическую черту социализма [Гессен, 2010б, с. 130].

Механицизм и механистический индивидуализм составляют, согласно Гессену, общий знаменатель и классического либерализма, и утопического социализма, и марксизма. В данном пункте Гессен присоединяется к той (весьма характерной для русской религиозно-философской традиции) трактовке, согласно которой социализм оказывается не просто негативной реакцией на «буржуазное» общество, но рассматривается как *квинтэссенция* «буржуазного духа», логическое завершение буржуазного индивидуализма и «экономизма»¹.

Внутренняя антиномичность социализма. Социализм как лже-консерватизм

Консерватизм в трактовке Гессена отождествляется с анти-индивидуализмом, органицизмом и этатизмом, а утопический социализм и марксизм обнаруживают в себе черты индивидуализма и механицизма. Однако, как показывает русский философ, в *идеологическом* и *историко-политическом* плане эти мировоззренческие крайности взаимно тяготеют друг к другу и могут соединяться. Наглядным подтверждением этого становится теория и практика «государственного социализма».

В феномене «государственного социализма» две враждебных друг другу идеологии (социализм и консерватизм) сходятся на почве отрицания либеральной идеи неотъемле-

¹ Таковую трактовку можно обнаружить в работах Вл.С. Соловьева, А.И. Введенского, Н.А. Бердяева и ряда других русских философов конца XIX – первой трети XX в. (см.: [Соловьев, 2012, с. 482–483; Введенский, 1909, с. 98; Бердяев, 1917]).

мых прав личности, принципа формального юридического равенства и доктрины правового государства.

В эксплицитном виде концепция государственного социализма представлена у Шпенглера («прусский социализм»), однако её теоретические истоки Гессен усматривает в утопическом социализме Сен-Симона и органицизме О. Конта. «Повторяя зады Сен-Симона и Конта, Шпенглер со всей силой убежденного англофоба противопоставляет свои “истинно прусские” идеи функции, обязанности, служения – “английской” идее правового государства» [Гессен, 2010б, с. 127]. Важнейшими презумпциями и принципами «государственного социализма» являются: примат обязанности над правом (субъективным правопритязанием) и первичность начала служения в общественной жизни. Следование этим принципам, согласно Гессену, характерно и для итальянского фашизма, который, как и «прусский социализм» Шпенглера, противопоставляет «свободе – обязанность, праву – благо и “анархии” правового государства – порядок»¹.

В «государственном социализме» Гессен усматривал не просто случайную конфигурацию идей и исторических обстоятельств, но в известном смысле результат последовательного развертывания тех принципов, которые *изначально присутствовали* в социализме. Однако движение социалистической мысли в сторону консерватизма и этатизма не является единственно возможным и безальтернативным. Социализм как идеология, с точки зрения Гессена, изначально *амбивалентен, антиномичен*, в нем содержится возможность движения как в сторону консервативного понимания идеи блага, так и в сторону либерализма с его принципом «суверенитета права».

Антиномичность утопического социализма, согласно Гессену, состоит в том, что социалистическое понимание идеи блага совмещает в себе черты индивидуализма и анти-индивидуализма (социоцентризма). С одной стороны, утверждая объективный, надындивидуальный характер идеи блага, социализм претендует на то, чтобы «дать положительное содержание жизненному поведению» отдельных индивидов [Гессен, 2010б, с. 132], с другой стороны, понятие блага в социализме «лишено в сущности своего собственного содержания и есть в последнем счете лишь сумма субъективных, индивидуальных благ» [Гессен, 2010б, с. 131]. Подобная антиномичность, как подчеркивает русский философ, полностью отсутствует в консервативных политических учениях, «которые субъективному Праву противопоставляют раз и навсегда определенный в своем содержании, национально и религиозно обоснованный, за абсолютную истину выдаваемый идеал» [Гессен, 2010б, с. 132].

Социалистическая идея блага, как показывает Гессен, лишь *по видимости* является положительной, в действительности же она (в силу изначально присутствующего в социализме и унаследованного от классического либерализма *индивидуалистического начала*²) лишена какого-либо объективного содержания. Главное противоречие социализма есть «противоречие объективного, монистического, положительного Блага, последнее содержание которого, однако, субъективно, плюралистично и потому по необходимости отрицательно» [Гессен, 2010б, с. 138]. Стремясь преодолеть это противоречие, социалистическая мысль оказывается перед мировоззренческой и идеологической развилкой: либо «наполнение» идеи блага конкретным содержанием (то есть принятие *консервативной* трактовки этой идеи), либо движение в сторону *либерализма* с его «формальной» идеей права. С этой альтернативной, согласно Гессену, сталкивается не только социалистическая *теория*, но и *практика* социалистических реформ, практика построения социалистического общества.

¹ Примечательно, что в идеологии итальянского фашизма Гессен усматривал реализацию тех же принципов, которые были определяющими в европейском консерватизме XIX в.

² «Социализм, – как подчеркивает Гессен, – с самого же начала уже содержит в себе момент отрицаемого им либерализма» [Гессен, 2010б, с. 131].

Основоположники «утопического социализма» избрали первый путь, что предопределило превращение социализма в квази-религию. Сен-Симон и Фурье предприняли попытку «придать Благу такой же объективный, положительный, авторитарный характер, какой оно имеет в учениях консерватизма» [Гессен, 2010б, с. 138]. «Не удовлетворяясь идеалом совершенного общественного строя, они сочли необходимым дать ему своего рода религиозное обоснование» [Гессен, 2010б, с. 138]. Эта попытка, однако, заведомо не могла увенчаться успехом, поскольку утопическо-социалистическое мировоззрение с его оптимистической верой в «возможность уничтожения чисто природными силами всякого на земле зла» упраздняет то, что «составляет душу всякой религии: сознание “радикальной греховности” человеческой природы и безысходной трагичности земного бытия» [Гессен, 2010б, с. 138].

Если в утопическом социализме ещё сохранялась возможность движения в сторону идеи права, то в марксизме и особенно в советском коммунизме (большевизме) эта возможность, согласно Гессену, была окончательно утрачена. Неизбежность вырождения большевизма в лже-консерватизм и оппортунизм обусловлена тем обстоятельством, что ни одна идеология не может быть лишь *идеологией разрушения*. Поскольку путь в сторону права для советского большевизма «был закрыт всем прошлым революционного марксизма, существо которого заключалось именно в отрицании Права» [Гессен, 2010б, с. 165], постольку «большевизм должен был наполнить идею Блага каким-то положительным содержанием, т.е. обнаружить себя как явный и неприкрытый консерватизм» [Гессен, 2010б, с. 165]. Однако и консервативная идея блага (как положительной категории, наполненной определенным историческим, религиозным, национальным содержанием) не могла быть усвоена большевизмом. «Оставалось идеологически прикрыться *личиною* положительного Блага (придать чистому отрицанию видимость положительного содержания), практически же превратиться в совершенно беспринципный оппортунизм» (курсив Гессена – *И.Д.*). Таким образом, проистекающая из антиномичности социализма идеологическая альтернатива обозначается Гессеном с предельной ясностью: либо движение в сторону либерализма, идеи права и «правового социализма»; либо «вырождение социализма в грубую подделку консерватизма» [Гессен, 2010б, с. 166].

Если консерватизм (как, впрочем, и классический либерализм) в трактовке Гессена предстает в качестве целостного и самодостаточного политического мировоззрения, то социализм, напротив, трактуется как антиномическое, содержащее в себе неустранимое внутреннее противоречие учение. Такая трактовка социализма проявляется в том числе и на уровне используемой Гессеном терминологии. Если термин «социализм» в работах русского философа имеет по преимуществу положительные (или по крайней мере нейтральные) коннотации, то термины «коммунизм», «марксизм», «большевизм» всегда несут негативно заряженный смысл. Гессен не просто различает «социализм» и «коммунизм» (как два родственных течения или как умеренную и радикальную версию одной и той же идеологии), он видит в них два *разнонаправленных* вектора идейной эволюции. «Социализм» как «правовой социализм» направлен в сторону всё большего «пронизания хозяйства и государства правом» [Гессен, 2010б, с. 247], «коммунизм» же предполагает движение социалистической мысли в сторону консерватизма, неизбежно превращается в эрзац-консерватизм.

Заключение

Из трёх базовых идеологий нового времени *наименьшее* внимание Гессен уделяет консерватизму, что не является простой случайностью. Сущность консерватизма в трактовке русского философа сводится к трём взаимосвязанным принципам – историзму, органицизму, этатизму. Так понятый консерватизм оказывается целостным, статичным, лишённым внутренней динамики политическим мировоззрением. Упрощённая, схематичная трактовка консерватизма оттеняет и подчёркивает сложность двух других мировоззренче-

ско-идеологических парадигм – либерализма и социализма, синтез которых как раз и стремится осуществить русский философ в своей концепции «правового социализма». В рамках предложенной Гессеном целостной схемы конфигурации и эволюции политических идей консерватизму отводится роль идеологического и мировоззренческого полюса, во всём противоположного полюсу «правового социализма».

Актуализация представленной в работах Гессена трактовки консерватизма едва ли способна внести элемент новизны в современные дискуссии о консервативной идейно-политической традиции. Однако содержащиеся в работах русского философа выводы относительно соотношения и взаимосвязи трёх базовых идеологий представляют несомненный теоретический интерес.

Трактовка соотношения социализма и консерватизма, представленная в работах Гессена, интересна тем, что позволяет увидеть общие закономерности функционирования идеологического сознания, проникнуть в самую суть проблемы идеологизации социально-политического и философского знания.

Список источников

- Бердяев Н.А. 1917. О буржуазности и социализме. Русская свобода, 8: 3–8.
Введенский А.И. 1909. Социализм как нравственная и теоретическая задача. М., 159 с.
Гессен С.И. 1917. Политическая свобода и социализм. Петроград, 40 с.
Гессен С.И. 1932. Современный кризис и перерождение капитализма. Новый град, 3: 60–71.
Гессен С.И. 2010а. Идея нации. В кн.: Гессен С.И. Избранное. М., РОССПЭН: 504–528.
Гессен С.И. 2010б. Правовое государство и социализм. В кн.: Гессен С.И. Избранное. М., РОССПЭН: 43–394.
Ильин И.А. 1994. О сущности правосознания. В кн.: Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., Русская книга: 149–414.
Поппер К.-Р. 1992. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М., Феникс, 448 с.
Соловьев А.И. 2001. Политическая идеология: логика исторической эволюции. Полис, 2: 5–23.
Соловьев Вл.С. 2012. Оправдание добра. М., Институт русской цивилизации, Алгоритм, 656 с.
Тихомиров Л.А. 2010. Монархическая государственность. М., РОССПЭН, 751 с.
Хайек Ф. фон. 2017. Дорога к рабству. М., АСТ, 320 с.

Список литературы

- Агаев Б.В. 2011. Концепция правового социализма С.И. Гессена. М., Политическая мысль, 175 с.
Агаев Б.В., Гуроров В.А., Ширинянц А.А. 2020. Рождение идеи правового социализма: С.И. Гессен. Диалог со временем, 71: 141–151.
Белов В.Н. 2014. С.И. Гессен в истории русского неокантианства. Кантовский сборник, 1 (47): 59–65.
Валицкий А. 1999. Сергей Гессен: философ в изгнании. В кн.: Гессен С.И. Избранные сочинения. М., РОССПЭН: 3–31.
Власкин А.Г., Ермичев А.А. 2004. Политическая философия С.И. Гессена. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения, 2: 42–48.
Загирняк М.Ю. 2017. Диалектика Г.В.Ф. Гегеля в политической философии С.И. Гессена. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 37: 30–36.
Загирняк М.Ю. 2020. Статус права в аксиологической модели социокультурного развития Гессена. В кн.: Сергей Иосифович Гессен: сборник статей. Под ред. В.В. Сапова, Т.Г. Щедриной. М., РОССПЭН: 119–140.
Мелих Ю.Б. 2020. Расширение либерализма коллективизмом у С.И. Гессена. Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология, 36 (1): 35–48.
Мусихин Г.И. 2013. Очерки теории идеологий. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 288 с.
Фролова Е.А. 2013. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М., Юркомпани, 598 с.

Demin I.V. 2021. The Significance of Lotman's Semiotics of Culture for the Modern Ideologies Theory. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, 120: 33–40. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.12.03.5>

References

- Agaeв B.V. 2011. Kontsepsiya pravovogo sotsializma S.I. Gessena [S.I. Hessen's concept of legal socialism]. Moscow, Politicheskaya mysl', 175 p.
- Agaeв B.V., Gutorov V.A., Shirinyants A.A. 2020. Birth of the idea of legal socialism: S.I. Hessen. Dialogue with Time, 71: 141–151 (in Russian)
- Belov V.N. 2014. S.I. Hessen and the history of Russian Neo-Kantianism. Kantian Journal, 1 (47): 59–65 (in Russian)
- Valitskiy A. 1999. Sergey Gessen: filosof v izgnanii [Sergey Hessen: philosopher in exile]. In: Hessen S.I. Izbrannye sochineniya [Selected writings]. Moscow, ROSSPEN: 3–31.
- Vlaskin A.G., Ermichev A.A. 2004. S. U. Gessen's political philosophy. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations, 2: 42–48 (in Russian)
- Zagirnyak M.Yu. 2017. Hegel's dialectic in political philosophy of Sergius Hessen. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, 37: 30–36 (in Russian)
- Zagirnyak M.Yu. 2020. Status prava v aksiologicheskoy modeli sotsiokul'turnogo razvitiya Gessena [The status of law in Hessen's axiological model of the socio-cultural development]. In: Sergey Iosifovich Gessen: sbornik statey [Sergei Iosifovich Hessen: collection of articles]. Ed. by. V.V. Sapov, T.G. Shchedrina. Moscow, ROSSPEN: 119–140.
- Melikh Yu.B. 2020. The extension of liberalism by collectivism in S. I. Hessen. Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies, 36 (1): 35–48. (in Russian)
- Musikhin G.I. 2013. Ocherki teorii ideologii [Essays on the theory of ideologies]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 288 p.
- Frolova E.A. 2013. Neokantianskaya filosofiya prava v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Neo-Kantian Philosophy of Law in Russia in the late 19th – early 20th century]. Moscow, Yurkompani, 598 p.
- Demin I.V. 2021. The Significance of Lotman's Semiotics of Culture for the Modern Ideologies Theory. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, 120: 33–40. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.12.03.5>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.03.2022

Поступила после рецензирования 19.06.2022

Принята к публикации 30.07.2022

Received March 19, 2022

Revised June 19, 2022

Accepted July 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демин Илья Вячеславович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Demin, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, Samara, Russia

УДК 159.9.019

Выготский и Бахтин в Италии: синтез Аугусто Понцио

Третьяк А.Р.,² Тинус Н.Н.

Финансовый университет, Россия,
Россия, 125167, г. Москва, Ленинградский проспект, 49/2
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: tiinusnn@gmail.com; assefir@mail.com

Аннотация. Итальянский философ и бахтиновед Аугусто Понцио одним из первых обратил внимание на параллели между трудами Выготского и бахтинским наследием. Его доклад «Читая Выготского и Бахтина вместе» был представлен на первом конгрессе, посвященном Выготскому, который состоялся в 1979 г. в Риме, а после неоднократно издавался в письменной форме. Авторы представляют его перевод на русский язык. Данная статья предваряет перевод кратким комментарием.

Ключевые слова: Выготский, Бахтин, Волошинов, русский формализм, советская наука, итальянский марксизм, Аугусто Понцио

Благодарности: исследование Н.Н. Тинуса поддержано грантом Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00028 «Культурно-историческая психология в архивах её творцов».

Для цитирования: Третьяк А.Р., Тинус Н.Н. 2022. Выготский и Бахтин в Италии: синтез Аугусто Понцио. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 47(3): 431–435. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-431-435

Vygotsky and Bakhtin in Italy: The Synthesis of Augusto Ponzio

¹Artur R. Tretiak, ²Nikita N. Tinus

¹ Financial University,
49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow 125167, Russia
² Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: tiinusnn@gmail.com; assefir@mail.com

Abstract. The Italian philosopher and Bakhtin scholar Augusto Ponzio was one of the first to draw attention to the parallels between Vygotsky's works and the Bakhtin heritage. His report "Reading Vygotsky and Bakhtin together" was presented at the first congress dedicated to Vygotsky, which was held in Rome in 1979, and after that it was repeatedly published in writing. The authors present its translation into Russian. This article precedes the translation with a brief comment.

Key words: Vygotsky, Bakhtin, Voloshinov, Russian formalism, Soviet science, Italian marxism, Augusto Ponzio

Acknowledgments: N.N. Tinus's work was supported by the Russian Science Foundation grant number 20-18-00028.

For citation: Tretiak A.R., Tinus N.N. 2022. Vygotsky and Bakhtin in Italy: The Synthesis of Augusto Ponzio. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 431–435 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-431-435

Период 1960–70-х годов был для западноевропейской гуманитарной науки временем открытий новых больших имен. Когда с оттепелью приподнялся занавес, все ценное, что сохранилось в советском интеллектуальном пространстве, скоро разнеслось за пределы соцлагеря. Очень часто это были плоды творческого подъема в краткий, наполненный энтузиазмом промежуток русской истории, связанный с тектоническим революционным процессом и его недолгой инерцией. Эффект от этих открытий был совершенно потрясающим – наследие Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, В.Н. Волошинова, формалистов поражаало своей современностью, их представления о сущности психики, языка, искусства опередили свое время (хотя, конечно, отнюдь не совпадали друг с другом).

Италия в этом смысле была крупнейшим шлюзом, через который осуществлялся транзит идей, еще не до конца реабилитированных даже на родине, в Европу. Можно назвать целый ряд причин, почему именно Италия стала таким центром, но, пожалуй, главный фактор – это деятельность крупнейших влиятельных компартий, аффилированных с советским партийным аппаратом, заинтересованных в укреплении контактов с СССР. Интересы итальянских компартий в области импорта советской науки позволили наладить тесный и более-менее свободный интеллектуальный обмен.

Работы Бахтина и его круга, как и наследие Выготского, в Италии получили основное распространение в 70-х. В случае с Бахтиным история в общих чертах развивалась следующим образом – подъем структурализма определил рост интереса к русской формальной школе, которая была воспринята на западе как особый вариант «советского структурализма». Благодаря этому попутно в фокус внимания попали и сочинения Бахтина. Однако очень быстро стало ясно, что бахтинская мысль сильно отличается от формализма (более того, успешно критикует формальный метод) и имеет собственное уникальное значение далеко за пределами литературоведения или языкознания. В то же время итальянские левые интеллектуалы нуждались в новой марксистской психологии, на которую можно было бы опереться. Далекое не всех устраивал выбор между культурным мейнстримом – психоанализом и старой советской догмой – редукционизмом павловской школы. Сочинения Выготского, которые начали переводить и издавать в 60-е, стали глотком свежего воздуха, а позже привлекли к себе еще больше интереса – идеи психолога во многом отвечали социальным реформам левых, которые состоялись в педагогике и психиатрии, поворотных для всего итальянского общества ¹.

Между тем в идеях Выготского и Бахтина по мере их освоения выявилось определенное сходство. Даже на уровне биографии можно обнаружить много примечательных деталей – оба родились 17 ноября, у обоих отцы были заняты в банковском деле, оба сформировали свои основные идеи в довольно раннем возрасте, эти идеи были почти забыты и только спустя долгое время завоевали оглушительный успех в международном масштабе. В самих работах бросается в глаза слишком большое отличие в стиле, фразеологии и бэкграунде – если Выготский следовал рационалистской традиции от Спинозы до Маркса, то идеи Бахтина во многом произрастали из религиозной философии, философии жизни, персонализма и т.д. И хотя сегодня некоторые исследователи упирают на различия в подходах этих двух мыслителей [См.: Matusov, 2011] (надо признать, не без оснований), сложно также отрицать следующее: «Они мыслили и писали по-разному, но об одном и том же. А это намного важнее и интереснее, чем "одно и то же", ибо свидетельствует о содержательном родстве мыслей <...> для обоих интериоризированный (вращенный вовнутрь) диалог с другими людьми, по сути, родом человеческим, и есть спо-

¹ Речь идет о законах об «Integrazione Scolastica» (1971 и 1977 гг.) и «законе Базальи» (1978 г.), которые определяли масштабные изменения в итальянской педагогике и психиатрии. В первом случае реформа была направлена на интеграцию детей с теми или иными особенностями в общую школьную среду, во втором – на адаптацию больных с ментальными проблемами в обществе путем оказания им медико-социальной помощи вместо прежней практики изоляции в лечебницах.

соб существования индивидуального сознания, механизм работы индивидуального мышления, "образ" душевной жизни» [Кудрявцев, 2015, с. 107].

Статья *Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin* («Читая Выготского и Бахтина вместе»), предлагаемая здесь читателю в русском переводе – одна из первых попыток проанализировать это родство мысли. Ее автор, Аугусто Понцио, специалист по философии языка и крупнейший итальянский бахтиновед. Сложно переоценить ту роль, которую он занимал в распространении идей Бахтина в Европе. Понцио организовал первый бахтинский центр в Италии, курировал переводы многочисленных работ Бахтина, Медведева, Волошинова и Канаева. Также его авторству принадлежит ряд фундаментальных монографий, посвящённых творчеству Бахтина: «*La rivoluzione bachtiniana. Il pensiero di Bachtin e l'ideologia contemporanea*» (Бахтинская революция. Мысль Бахтина и современная идеология, 1997), «*Scrittura, dialogo e alterità. Tra Bachtin e Lévinas*» (Письмо, диалог и инаковость. Между Бахтином и Левинасом, 1994), *Segni e contraddizioni. Fra Marx e Bachtin* (Знаки и противоречия. Между Марксом и Бахтиным, 1981), «*Michail Bachtin. Alle origini della semiotica sovietica*» (Михаил Бахтин. У истоков советской семиотики, 1980) и др. До своей письменной публикации «Читая Выготского и Бахтина вместе» прозвучала в форме доклада на первой в мире конференции, посвященной Выготскому – «Выготский и науки о человеке», организованной в Риме 15–16 января 1979 г. Освоение Выготского тогда находилось на пике, и докладчики активно делились своим опытом прочтения работ психолога. Так, в частности, Понцио сформулировал и изложил свои наблюдения в отношении мест соприкосновения бахтинской мысли, главного объекта своего интереса, и психологии Выготского. Через два года этот доклад был включен в книгу «*Segni e contraddizioni. Fra Marx e Bachtin*», и, что более примечательно, был перепечатан в *Corrispondenza Internazionale* – операистском журнале, напрямую связанном с радикальными антисистемными левыми. В нем, наряду с докладом Понцио, операисты публиковали отрывки из Выготского, Волошинова и Бахтина, стараясь всячески привлечь к этим авторам внимание. Л. Мекаччи, организатор римской конференции по Выготскому, отмечает, что «в крайне левых экстремистских группах в период с 1970-х по 1980-е годы было мало ссылок на предыдущую обширную литературу о связи между Фрейдом и Марксом, в то время как внимание уделялось другому психологу, в то время малоизвестному, но чья теория казалась более совместимой с марксизмом и более перспективной для построения нового общества: Выготскому» [Месасси, 2015, с. 181]. Нечто похожее можно было бы сказать и о Бахтине – философия диалога была воспринята операизмом как комплиментарная культурно-исторической теории. Конечно, обратной стороной такого рода прочтения стала генерализация соответствующих идей, но базовый тезис о том, что социальные отношения предшествуют индивиду и формируют его, когда он орудует знаками, укрепился очень прочно. Позже операизм перестал быть экстремальным движением – на его основе сложился влиятельный, вполне академический подход к осмыслению постфордистского капитализма. Анализ современного производственного процесса (П. Вирно, А. Негри, М. Лаззаратто и др.), в котором на первом плане находится уже не просто сила дисциплинированных тел, а сама социальность – творческие коммуникативные и языковые способности, происходит сегодня со ссылками на труды Выготского и Бахтина. Впрочем, операистская рецепция советских авторов – это отдельная обширная тема [Тинус, 2021], надо лишь подчеркнуть, что работа Понцио оказала на нее определенное влияние.

Понцио начинает с того, что обращается к историко-культурному контексту. Перед Выготским, как и перед членами Ленинградского кружка, полагает он, сама эпоха поставила задачу усовершенствовать слабые места марксизма – теории сознания, языка и искусства. Очевидно, их не могло устраивать сведение этих сложнейших гуманитарных сфер к понятию надстройки так, как будто одно лишь указание на этот термин волшебным образом все объясняет. В то время как одни ученые, такие как П. Коган, К. Корнилов, Н. Марр и прочие, просто пытались приладить марксистскую догму к нужной сфере, дру-

гие, как Выготский и Бахтин, следовали в своих изысканиях за спецификой изучаемого объекта. Оба избегали простых ответов и редуционизма, оба стремились понять, как и за счет чего складывается внутренняя жизнь человека. Отсюда и общая широта дисциплинарных интересов у Выготского, Бахтина, Волошинова, Медведева – искусство, литература были важны как вещественные доказательства, внешние признаки, по которым можно воссоздать принципы внутренней деятельности индивида.

Здесь стоит сделать важную оговорку. Говоря о Бахтине, Понцио порой подразумевает тексты Волошинова или Медведева. Дело в том, что в 70–80-е годы господствовала точка зрения, согласно которой основные работы Волошинова и Медведева были по большей части написаны Бахтиным. Сегодня этот вопрос остается дискуссионным, однако общий консенсус среди исследователей сходится к тому, что в 1920-е существовал так называемый «круг Бахтина», в который входили Бахтин, Волошинов, Медведев, Канаев и др. В этом круге происходил активный обмен идеями, и дифференцировать реальный вклад каждого из его участников теперь почти невозможно, да и вряд ли нужно – авторство, в свете идей самого Бахтина, это всегда соавторство, а любое знание является продуктом межличностного диалога.

Понцио выискивает аналогии в самом материале работ и больше всего пересечений с Выготским обнаруживает у Бахтина-Волошинова, особенно в связи с сочинениями «Марксизм и философия языка» и «Фрейдизм» (в последнем присутствует даже прямая ссылка на «Сознание как проблема психологии поведения»). И тот и другой видоизменяют плехановскую формулу, согласно которой между базисом и надстройкой пролегает «психология эпохи». И Волошинов, и Выготский полагают, что нет никакой другой психологии, кроме психологии конкретной, социально обусловленной личности. Между экономическими отношениями и идеологиями находится психологическая жизнь индивида. Ее функционирование происходит в сфере знаков – в этом ее исключительность. При этом как у Выготского знак интериоризуется, организуя индивидуальную психику, так и у Волошинова «внутренняя личность есть выраженное или загнанное вовнутрь слово» [Волошинов, 1993, с. 167]. Поэтому исследование знака и языка приобретает первостепенное значение в рамках анализа любых историко-социальных форм поведения.

Статья Понцио интересна тем, что это, наверное, первый опыт сравнения двух самых значимых фигур советской гуманитарной мысли. Они крайне актуальны сегодня – ведь как точно заметил Библер, «смысл идей Бахтина или Выготского бьется в висках современного разума» [Библер, 1991, с. 22]. Поэтому важно посвятить свое внимание не только различиям между их идеями, но и зафиксировать те важные сходства, которые являются опорой для понимания сущности современного человека и его общественной жизни сегодня.

Список литературы

- Библер В.С. 1991. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., Политиздат, 421 с.
- Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). 1993. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., Лабиринт, 192 с.
- Кудрявцев В. 2015. Выготский и Бахтин. День и век. В кн.: Обучение и развитие: современная теория и практика. Материалы XVI Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 16–20 ноября 2015 года. М., Изд.: Левь: 106–111.
- Kudryavtsev V. 2015. Vygotsky and Bakhtin. A day and a century. In: Training and Development: Modern Theory and Practice. Materials of the VI International Readings in memory of L.S. Vygotsky. Moscow, November 16-20, 2015. Moscow, Publ.: Lev: 106–111.
- Тинус Н. 2021. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации. Полития, 1(100): 44–59. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-100-1-44-59
- Ponzio A. 1982. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin. Corrisponden za Internazionale, 20/22: 111–119.

- Matusov E. 2011. Irreconcilable differences in Vygotsky's and Bakhtin's approaches to the social and the individual: An educational perspective. *Culture & Psychology*, 17(1): 99–119.
- Mecacci L. 2015. Vygotsky's reception in the West: The Italian case between Marxism and communism. *In History of the Human Sciences*, 28(2): 173–1884. DOI:10.1177/0952695115575409

References

- Bibler V.S. 1991. From science to the logic of culture. Two philosophical introductions to the twenty-first century. M., Politizdat, 421 p.
- Voloshinov V.N. (M.M. Bakhtin). 1993. Marxism and the philosophy of language: the main problems of the sociological method in the science of language. M., Labyrinth, 192 p.
- Kudryavtsev V. 2015. Vygotsky and Bakhtin. A day and a century. In: *Training and Development: Modern Theory and Practice. Materials of the VI International Readings in memory of L.S. Vygotsky*. Moscow, November 16-20, 2015. Moscow, Publ.: Lev: 106–111.
- Tinus N. 2021. Process and relation: the origins of the autonomist theory of individuation. *Politiya*, (100): 44–59. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-100-1-44-59
- Ponzio A. 1982. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin. *Corrisponden za Internazionale*, 20/22: 111–119.
- Matusov E. 2011. Irreconcilable differences in Vygotsky's and Bakhtin's approaches to the social and the individual: An educational perspective. *Culture & Psychology*, 17(1): 99–119.
- Mecacci L. Vygotsky's reception in the West: The Italian case between Marxism and communism. *In History of the Human Sciences*, 28(2): 173–1884. DOI:10.1177/0952695115575409

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.06.2022
Поступила после рецензирования 30.07.2022
Принята к публикации 30.07.2022

Received June 18, 2022
Revised July 30, 2022
Accepted August 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Третьяк Артур Романович, кандидат философских наук, старший преподаватель, Финансовый университет, г. Москва, Россия

Artur R. Tretiak, PhD, Senior Lecturer, Financial University, Moscow, Russia

Тинус Никита Николаевич, младший научный сотрудник, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Nikita N. Tinus, Junior Researcher, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 130.2

Читая Выготского и Бахтина вместе

Аугусто Понцио, университет Бари, Италия

Перевод с итал. Н.Н. Тинус, А.Р.Третьяк

(Ponzio A. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin // Corrisponden za Internazionale, Periodico di documentazione storica, culturale e sociale, Anno VII. NN° 20/22. Luglio 1981/Febbraio 1982. pp. 111–119).

Аннотация. В этом докладе Понцио исследует теоретические и методологические сходства между учением Выготского с одной стороны, идеями Бахтина и его круга с другой. Привлекается внимание к общему идеологическому и культурному контексту их творчества, общим влияниям, таким как русский формализм, от которого оба полемически отталкивались. Автор подчеркивает совпадение взглядов на природу человека, ее историко-социальную основу и специфически орудийный, еще точнее – знаковый характер. Это совпадение обуславливает и общую широту дисциплинарных интересов у Выготского и Бахтина – раз знаковая реальность выступает средством формирования индивидуального сознания, то изучение искусства, литературы, самого языка оказывается необходимым средством исследования этого сознания.

Ключевые слова: Выготский, Бахтин, Волошинов, русский формализм, советская наука, итальянский марксизм, Аугусто Понцио

Для цитирования: Понцио А. 2022. Читая Выготского и Бахтина вместе. Перевод с итал. Н.Н. Тинус, А.Р. Третьяк. (Ponzio A. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin // Corrisponden za Internazionale, Periodico di documentazione storica, culturale e sociale, Anno VII. NN° 20/22. Luglio 1981/Febbraio 1982. pp. 111–119). NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(3): 436–

Reading Vygotsky and Bakhtin Together

Augusto Ponzio, University of Bari, Italy

Translated from Italian. N.N. Tinus, A.R. Tretiak

(Ponzio A. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin // Corrisponden za Internazionale, Periodico di documentazione storica, culturale e sociale, Anno VII. NN° 20/22. Luglio 1981/Febbraio 1982. pp. 111–119).

Abstract. In this report, Ponzio explores the theoretical and methodological similarities between the teachings of Vygotsky on the one hand, and the ideas of Bakhtin and his circle on the other. Attention is drawn to the general ideological and cultural context of their work, common influences, such as Russian formalism, from which both polemically repelled. The author emphasizes the coincidence of views on human nature, its historical and social basis and specifically instrumental, even more precisely, symbolic character. This coincidence also determines the general breadth of Vygotsky and Bakhtin's disciplinary interests – since iconic reality acts as a means of forming individual consciousness, then the study of art, literature, and language itself turns out to be a necessary means of exploring this consciousness.

Key words: Vygotsky, Bakhtin, Voloshinov, Russian formalism, Soviet science, Italian marxism

For citation: Ponzio A. 2022. Reading Vygotsky and Bakhtin Together. Translated from Italian. N.N. Tinus, A.R. Tretiak. ((Ponzio A. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin // Corrisponden za Internazionale, Periodico di documentazione storica, culturale e sociale, Anno VII. NN° 20/22. Luglio 1981/Febbraio 1982. pp. 111–119). NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 436–444 (in

В 1929 в Ленинграде вышла книга М. Бахтина *«Марксизм и философия языка»* (издана под именем В.Н. Волошинова)¹, которую можно считать первой русской работой, прямо и систематично затрагивающей проблемы общей семиотики. Многие из идей, содержащихся в этой работе, имеют по определяющим, важным пунктам точки соприкосновения с концепциями Л.С. Выготского, в которых к тому же, как известно, понятие знака не только является объектом внимания, но еще играет немаловажную роль в общем подходе к психологическим исследованиям вплоть до того, что в истории советской семиотики было бы серьезным упущением обойти вниманием имя Л.С. Выготского. Но не только эта единственная работа Бахтина позволяет установить сходство — в отношении подхода, используемых методов и категорий, а также открытых или заново определенных тематических областей — с исследованиями Выготского. Сходство касается самого процесса исследований и изысканий этих двух авторов — оно как таковое не может быть случайным или фактом субъективного свойства, а имеет значение, которое выходит за чисто биографические рамки и оказывается признаком объективной общественно-исторической ситуации, задававшей культурное развитие СССР в годы после революции и до торжества сталинизма.

Чтобы подчеркнуть общую культурную, идеологическую основу, из которой протекает вклад Выготского и Бахтина в областях от психологии и философии языка до семиотики и теории литературы, необходимо обратиться в первую очередь (поскольку это авторы, движущиеся в русле марксизма) к толчку развития марксизма в различных областях научных исследований в Советском Союзе, в 1920-е годы. Этот импульс, также отразившийся в статье Ленина *«О значении воинствующего материализма»* 1922 года, выразился и в области гуманитарных наук, которые нас здесь интересуют особенно, то есть в психологии, теории литературы, философии языка и т.д. Впрочем, это объединяет не только таких авторов, как Выготский и Бахтин, но и таких, как Корнилов в отношении психологии, Марр в отношении теории языка, а в отношении теории литературы — ревнителей марксистско-ленинской ортодоксии вроде П. Когана и В. Полянского, которые во имя марксизма выступали против ОПОЯЗа [см. Erlich 1966: 111–12]. То, что ставит Выготского (вместе с Лурией и Леонтьевым) и Бахтина (вместе с Волошиновым и Медведевым: *«Ленинградский кружок»*) на одну сторону и отличает их от других марксистски ориентированных авторов, занятых теми же областями исследований, заключается прежде всего: а) в ясном понимании, из которого оба исходят, неполноценности марксизма по части изучения сознания и отдельных идеологических форм, таких как искусство и язык; б) в ориентации своих исследований на определение *специфики* изучаемого объекта за рамками общих схем, поверхностного использования таких категорий, как «базис», «надстройка», «класс» и последующей механистической интерпретации сознания, языка и идеологии. С другой стороны, напротив, оказываются все эти Корниловы, Коганы, Марры и, говоря о естествознании, Лысенко, а также сам Сталин, и не только в плане его вмешательства в языкознание — подумайте, между прочим, о *«Диалектическом и историческом материализме»*, в котором история человечества сводится к неизбежной и прямолинейной последовательности пяти стадий, соответствующих «пяти основным типам производственных отношений» [Stalin, 1973, pp. 935–36]. Сюда же относятся и все те, кто верит, что может «применить» марксизм к науке, прибегая к редуцированным и общим схемам, к упрощающим формулам, вроде таких, которые просто ограничиваются утверждением надстроечного или классового характера языка, науки, литературы и т.д.

¹ В 70–80-х, с подачи В. Иванова, авторство многих работ Волошинова и Медведева часто приписывалось Бахтину. Сегодня исследователи склоняются к тому, что следует говорить о «круге Бахтина», где эти работы рождались как продукт интеллектуального обмена совместно. Здесь и далее курсив авторский. — *Прим. пер.*

Понимание необходимости выработать в перспективе марксизма лингвистическую теорию, теорию искусства и литературы, психологию, которая выходила бы за рамки поспешного решения вопроса о языке, сознании, искусстве и т.д. через обращение к их «определению» надстройки и фактически начатая в этом направлении работа была задумана подъёмом сталинизма. О судьбе начатых Выготским исследований в области психологии и педагогики в сталинский период см. [Месасси, 1976] (Введение). «*Марксизм и философия языка*» была забыта до самого последнего времени. Бахтин был вынужден более тридцати лет почти полностью молчать. Однако в области науки о языке утвердилась теория Н.Я. Марра, тоже умершего в 1934 году, как и Выготский, но – в отличие от последнего, публичное замалчивание произведений которого, начавшееся в середине тридцатых, было нарушено только около 1956 года – стал официальным и неоспоримым авторитетом марксистской концепции языка (даже в аспектах, связанных с психологией и которые, как, например, вопрос об отношении между мышлением и речью, широко разрабатывались Выготским). Господство теории Марра продолжалось, как известно, до 1949–1950 гг., пока, особенно со статьями Сталина в «*Правде*» 1950 года, "старый аракчеевский режим" (как говорит сам Сталин) в области исследований языка не сменился на другой, ничем не отличающийся, в котором догматическая апелляция к авторитету, на этот раз к авторитету самого Сталина, как это уже произошло с другими общественными науками, оставалась основным критерием истины.

Если рассматривать, с одной стороны, книги Волошинова «*Фрейдизм*» (1927), «*Марксизм и философия языка*» (1929), Медведева, «*Формальный метод в литературоведении*» (1928) (все в значительной степени принадлежащие Бахтину: см. [Ivanov, 1977, p. 523, nota 201]) и Бахтина «*Проблемы творчества Достоевского*» (1929), а с другой – работы Выготского «*Психология искусства*» (написана между 1915 и 1922), «*Сознание как проблема психологии поведения*» (1925), «*Педагогическая психология*» (1926), «*История развития высших психических функций*» (1930–1931), «*Орудие и знак в развитии ребенка*» (1930, рукопись), «*Психика, сознание, бессознательное*» (1930) «*Мышление и речь*» (1934), мы сразу же замечаем, уже из заголовков, общие темы и, что для нас здесь особо интересно, общий интерес к проблемам разных дисциплинарных отраслей: психологии, искусствознания и литературоведения, философии языка, семиотики.

В работе «*Фрейдизм*», где проблематика словесного знака, позднее развитая в «*Марксизме и философии языка*», уже занимает видное место и где вдобавок дискуссия вокруг фрейдизма включается в более широкую полемику, которая велась в те годы в СССР между «*субъективной психологией*» и «*объективной психологией*», автор прямо обращается к цитируемому эссе Выготского 1925 года [см. Volosinov, 1977, p. 193, nota 8]. Утверждение необходимости материалистически-диалектического подхода в психологии, направленного на постижение специфического историко-социального характера фундаментальных процессов феномена «*словесной реакции*» и противопоставление этого подхода редукции к физиологистскому объяснению, пренебрегающему социологическую компонентой «*словесной реакции*», связано с идеями, выраженными Выготским в работе «*Сознание как проблема психологии поведения*». Подобно Выготскому, Бахтин осознавал, что «*первая и основная задача*» (как выразились Лурия и Леонтьев в отношении советской психологии 1921–1927 годов) «*состояла в том, чтобы отбросить, с одной стороны, вульгарный бихевиоризм, а с другой стороны, представление о психических явлениях как о чисто субъективных состояниях, исследование которых доступно только интроспекции*» [Leontjev, Lurija, 1973]. Такую же задачу, очевидно, нужно было решать и в области изучения идеологий, вербального языка и человеческих знаков в целом.

Вопросы соотношения между индивидуальным и социальным, между базисом и надстройкой, между сознанием и общественной идеологией, между знаком и идеологией,

между индивидуальной психикой и социальной психологией выходят за рамки дисциплинарных полей и становятся отправными точками для решения конкретных проблем, таких как определение «своеобразия искусства» [Vygotskij, 1972b, p. 34] и его особенностей в сравнении с другими идеологическими формами, своеобразия литературного факта (Медведев, 1928), специфики индивидуальной психики (Выготский, 1925), словесного знака (Волошинов, 1929). И первая часть «Психологии искусства» Выготского, и первая часть «Марксизма и философии языка», и «Формальный метод в литературоведении» обращаются к фундаментальным вопросам такого рода, особенно в связи с общей теорией идеологий, указывая на опосредованный характер отношения «базис – надстройка», исследуя промежуточные механизмы, условия опосредования, утверждая, что такой характеристики, как «надстройка», недостаточно для определения специфики конкретного идеологического феномена и выступая против сведения социальной психической жизни к чему-то вторичному, вытекающему из индивидуального (принятого как безусловное допущение). В сравнении с мнимой «марксистской лингвистикой» Н.Я. Марра, размышления Бахтина и Выготского о проблеме знака и языка обнаруживают тот же фундамент, те же теоретические положения, на которые они ссылаются и с которыми себя соизмеряют, а элементы различий отражены, безусловно, в «системно-функциональном» подходе в их рассмотрении отношений между мыслью и языком [см. Ferrario, 1977, pp. 133–134, 203], в отличие от «генетического» рассмотрения языка Марром. Но сказанное не исключает наличия генетического подхода у Выготского и у Бахтина. Это следует не только из общей ориентации их исследований, но и из отдельных штудий: вспомните только о том, что волнует Бахтина в «Из предыстории романного слова» и, касательно Выготского, в главе IV «Мышления и речи» под названием «Генетические корни мышления и речи».

Выготский начинает с проблем критики, теории литературы, «психологии искусства»: это психология, что противопоставляет себя эмпирически-субъективистской психологии и всякой имплицитной или эксплицитной форме психологизма. Влияние формальной школы прослеживается в самой позиции по отношению к психологизму и в значимости, придаваемой определению специфики художественного и литературного факта, в частности, хотя и с оговорками и критикой, выраженной Выготским в его анализе формального метода – это видно уже из того, что пишет Выготский во введении к «Психологии искусства»: «Центральной идеей психологии искусства мы считаем признание преодоления материала художественной формой или, что то же, признание искусства *общественной техникой чувства*. Методом исследования этой проблемы мы считаем объективно аналитический метод, исходящий из анализа искусства, чтобы прийти к психологическому синтезу, – метод анализа художественных систем раздражителей. Вместе с Геннекеном мы смотрим на художественное произведение как на «совокупность эстетических знаков, направленных к тому, чтобы возбудить в людях эмоции», и пытаемся на основании анализа этих знаков воссоздать соответствующие им эмоции. Но отличие нашего метода от эстопсихологического состоит в том, что мы не интерпретируем эти знаки как проявление душевной организации автора или его читателей. Мы не заключаем от искусства к психологии автора или его читателей, так как знаем, что этого *сделать на основании толкования знаков нельзя*. Мы пытаемся изучать чистую и безличную психологию искусства безотносительно к автору и читателю, исследуя только форму и материал искусства» [Vygotskij, 1972b, p. 23].

Работы формальной школы со всей ее философско-лингвистической подоплекой (А. Потебня, Бодуэн де Куртенэ, Соссюр, Гуссерль, Шпет и др.) вкупе с марксистской ориентацией – одного этого было бы недостаточно для объяснения тематических и методологических сходств между работами Выготского и Бахтина – составляют общую основу как психологии искусства Выготского и бахтинской теории литературы, так и «пролего-

менов к семиотике» (Матейка), намеченных в «Марксизме и философии языка» (см. прим. Иванова в [Vygotskij, 1972b, p. 105]), а также теории Выготского об управлении человеческим поведением посредством знаков, предвосхитившей, как говорит Иванов, современные представления о роли семиотических систем в человеческой культуре (прим. Иванова в [Vygotskij, 1972b, p. 25]). Таким образом, как указывает Матейка, влияние Л.П. Якубинского – одного из крупнейших представителей формальной школы, занимавшегося в том числе проблемой диалога и выражения, – не чуждо исследованиям *внутренней речи* Выготского и Бахтина, потому как оба считают изучение диалога основой адекватного к ней подхода. Точно так же, как Якубинский показал неполноценность лингвистических категорий, когда они применяются к вербальному взаимодействию диалога вместо отдельных монологических предложений, так и Волошинов (1927 и 1929), и Выготский считают неприменимыми к анализу внутренней речи категории, разработанные лингвистикой (см. [Volosinov, 1976, p. 29], [Vygotskij, 1966, pp. 220–21] и [Mateyka, 1977, pp. 153–55]).

Не случайно, когда в 1924 году Выготский перешел от проблематики психологии искусства к решению фундаментальных проблем психологии, он особо занялся исследованием функции знаков в регуляции поведения человека, потому что такое исследование как раз является «непосредственным продолжением эстетической концепции, изложенной в “Психологии искусства”» (прим. Иванова в [Vygotskij, 1972b, p. 365]). Что касается Бахтина, в таких же отношениях состоят «Формальный метод» с «Марксизмом и философией языка».

Та же полемика между психологизмом и антипсихологизмом, затрагивающая так называемый формальный метод, и в которой располагались позиции, выраженные Бахтиным и Выготским соответственно в «Формальном методе» и «Психологии искусства», уже в самом своем истоке подразумевала проблематику знака, функции, значения. Решающим фактором в принятии формалистами антипсихологической позиции было влияние Эдмунда Гуссерля, особенно благодаря работе его русского ученика Густава Шпета; и благодаря этому влиянию также был воспринят гуссерлианский интерес к проблемам семиотического порядка. «В то время как Бодуэн де Куртенэ и его последователи, – пишет Эрлих, – не чурались описания языковых явлений с учетом их психологического происхождения, гуссерлианцы были убежденными и последовательными противниками психологии». А несколькими строками ранее: «Гуссерль подходил к вопросам языка как логик, точнее, как семасиолог. Говоря словами одного из его русских приверженцев (Г. Шпет), он видел в языке «центральную знаковую систему, естественный и наиболее близкий для нас прототип и репрезентант всякого выражения, прикрывающего собою значение» [Erlich, 1966, pp. 64–65].

И Бахтин, и Выготский выделяют наивную психологию, которая лежит в основе формального метода, несмотря на его антипсихологическое позиционирование [см. Medvedev, 1978; Vygotskij, 1972b, 81–107]; и оба приходят к утверждению объективного и общественно-исторического характера всякого собственно человеческого продуктивного проявления, особенно в той части особой реальности, которая является сферой знаков, вербальных и невербальных.

Плехановская формула, согласно которой «психический контекст общественного человека» выступает опосредующим (*intermediario*) механизмом между экономическими отношениями и идеологиями, приобретает новое значение, когда мы рассматриваем, как это делают Бахтин и Выготский, функцию знаков в этом механизме; новый смысл, который положит конец колебанию этой формулы между наивным материализмом (с вытекающим отсюда окостенением и гипостазированием категорий «базиса» и «надстройки») и идеалистической, не менее гипостазирующей концепцией «психологии эпохи, общей для

всех идеологий» (Плеханов)¹. Переходное звено в диалектике между базисом и надстройкой обнаруживается в знаке и, в частности, в словесном знаке, составляющем материал, из которого состоят все общественные отношения на любом уровне, от трудовых отношений до отношений на художественно-литературном уровне. Этот материал также устанавливает взаимосвязь между уровнем институционализированных, доминирующих идеологий и уровнем неофициальных или пока еще развивающихся идеологий. «Общественная психология», которую Плеханов назначает связующим звеном между базисом и надстройкой, есть, замечает Бахтин, в своем материальном существовании знаковое и словесное взаимодействие; «Взятая вне этого реального процесса речевого (вообще знакового) общения и взаимодействия, общественная психология превратилась бы в метафизическое или мифическое понятие («коллективная душа» или «коллективная внутренняя психика, «дух народа и т.п.») [Volosinov, 1976, p. 74]. Какими бы ни были различия между разными областями идеологии (например, между художественным образом, религиозным символом, научной формулой, правовой нормой и т. д.), а также различия, которые показывают идеологии даже в пределах одной и той же области, в отношении их социальной функции и способа преломления действительности возможность определения и анализа идеологии в целом задается знаковым характером всех идеологических явлений» [Volosinov, 1976, p. 59]. В этой перспективе вы переворачиваете взаимосвязь, которую вы формируете когда верите, что можно справиться с лингвистическими и в целом семиотическими проблемами посредством понятий «базис» и «надстройка» (Март, Сталин), как если бы отношения между базисом и надстройкой могли бы быть определены в плоскости познания независимо от проблематики знака и словесного языка: напротив, именно через определение специфических знаковых функций можно понять диалектику отношения между базисом и надстройкой, преодолевая их механистическое видение.

«Психология данной эпохи», которая, по Плеханову, служит промежуточным звеном между экономическими отношениями и идеологиями, есть, утверждает Выготский, психическая жизнь индивида, социальная и социально обусловленная [Vygotskij, 1972, pp. 32–36]. Именно поэтому в отличие от социальной психологии², которая расценивает социальность как нечто вторичное, как сумму, как результат поведения абстрактно понимаемых индивидов, рассматриваемых вне их реальных историко-социальных условий, марксистская социальная психология принимает психику индивида в качестве своего объекта. Не признавать, как это делает Челпанов, что именно индивидуальная психика есть предмет марксистской психологии, значит, замечает Выготский, занимать позицию, прямо обратную марксистскому пониманию человеческого индивидуума не только как аристотелевского *zoon politikon*, но и как «общественного животного», которое «только в обществе и может обособляться» (Marx, *Grundrisse*).

«В самом деле, раз мы отрицаем существование народной души, народного духа и т. п., то как можем мы отличить общественную психологию от личной. Именно психология отдельного человека, то, что у него есть в голове, это и есть психика, которую изучает социальная психология. Никакой другой психики нет. Все другое есть или метафизика, или идеология» [Vygotskij, 1972 p. 36].

Если психический контекст интерпретировать как «промежуточный механизм», как «корень» идеологий, то тогда его нельзя смешивать, говорит Выготский, с самими идеологиями, упуская из виду различие, отделяющее идеологию от психологической реальности и принимая тот же самый вектор социальной психологии, или психологии народов,

¹ Речь идет о «монистической формуле» Плеханова, подразумевающей, что «все идеологии имеют один общий корень: психологию данной эпохи». См.: Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма. В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., Политиздат. 1956. Т. 1. С. 180. – *Прим. пер.*

² Имеется в виду немарксистская социальная психология, вроде психологии В. Вундта. – *Прим. пер.*

как ее понимал Вундт. Таким же образом Шпет в «Объекте и задачах этнической психологии» (1917)¹ провел критику вундтовской *Volkerpsychologie* – критику, которую Бахтин [Volosinov, 1976, p. 270, nota 16] воспринял положительно. Психология Выготского не занимается сгустками, кристаллизациями идеологии. «Задача же психологии заключается в том, чтобы изучить самый раствор, самое общественную психику, а не идеологию» [Vygotskij, 1972, p. 35]. Поставив перед психологией задачу проникновения в «социальную лабораторию, в которой образуются и формируются идеологии», как выражается Бахтин [Medvedev, p. 80], не только можно выявить точку соприкосновения психологии и искусствоведения, психологии и литературоведения, но и подчеркнуть важность и смысл психологии искусства, поскольку именно из этой «лаборатории», из этого «раствора» искусство черпает свой материал; «художник», говорит Бахтин, «слышит идеологии *in statu nascendi*, он участвует в их становлении, он чувствует их брожение в недрах так называемой “общественной психологии”» [Medvedev, p. 81]. Впрочем, таким же образом формируются предпосылки и для сближения между изучением психической жизни и изучением знаков.

И Бахтин, и Выготский обнаруживают специфику психических функций человека в их опосредованном характере; опосредуют – орудия, создаваемые и применяемые внутри конкретных социальных форм, среди которых также следует учитывать орудия, создаваемые в соответствии с нуждами социальной коммуникации: знаки и прежде всего словесный язык. Орудие как средство труда «служит проводником воздействий человека на объект его деятельности, оно направлено вовне, оно должно вызвать те или иные изменения в объекте, оно есть средство внешней деятельности человека, направленной на покорение природы» [Vygotskij, 1974, p. 137]. Знак как средство социальной коммуникации «ничего не изменяет в объекте психологической операции, он есть средство психологического воздействия на поведение – чужое или свое, средство внутренней деятельности, направленной на овладение самим человеком; знак направлен внутрь» [Vygotskij, 1974, p. 137]. Как показано и во «Фрейдизме», и в «Марксизме и философии языка», формирование индивидуального сознания происходит через процесс «загнания вовнутрь» знаков, используемых вовне в социальном общении и составляющих конкретную культурную систему. Знаки, особенно словесный язык, являются не только орудиями сообщения значений, готовых индивидуальных переживаний, но и орудиями означивания, конституирования личных переживаний, ментальных, внутренних процессов, которые также являются социальными, как и используемые ими знаки. Лурия пишет, ссылаясь на ранние исследования Выготского и его коллег (в том числе и на себя самого): «Если использование орудий давало возможность овладеть внешним материальным миром, то использование знаков позволяло человеку управлять собственными психологическими процессами. Внося изменения в среду и подчиняясь этим изменениям, человек заново строит свою сознательную деятельность. Подчиняясь объективным законам рефлекторной деятельности, человек делается их хозяином. Вот почему ранние исследования Выготского и его сотрудников были направлены на изучение того, как с помощью внешних средств или знаков человек может организовать активное запоминание, произвольно направить своё внимание, управлять своим поведением» [Lurija, 1974, p. 70].

Уже во введении к «Марксизму и философии языка» Бахтин, ссылаясь на книгу И. Презента «Происхождение речи и мышления» («Прибой», 1928), заявляет о своей позиции против редукции знака, в частности словесного знака, к простому сигналу в рефлексологическом понимании [Volosinov, 1976, p. 53]. Развивая уже высказанные идеи о феномене словесной реакции во «Фрейдизме» (которые, как мы уже видели, прямо связаны с сочинением Выготского 1925 года «Сознание как проблема психологии поведения», докладом, прочитанным на II съезде по психоневрологии в Ленинграде в 1924 г.), Бахтин

¹ На самом деле имеется ввиду «Введение в этническую психологию» Г. Шпета 1927 г. – *Прим. пер.*

в «Марксизме и философии языка» отличает знак от сигнала: «Все основные, существенные в жизни человека поступки, – пишет Бахтин во «Фрейдизме», – вызываются социальными раздражителями в условиях социальной среды. Если мы знаем только физический компонент раздражителя и только отвлеченно физиологический компонент реакции, мы еще очень немного поймем в поступке человека» [Volosinov, 1977, p. 71].

Словесные реакции нельзя изучать исключительно физиологическим путем: они являются «специфически социальным проявлением человеческого организма» [Volosinov, 1977, p. 71]. В «Марксизме и философии языка» подчеркивается несводимость социальных знаков к сигналам, которыми занята рефлексология: «Только печальное недоразумение и неискоренимые навыки механического мышления были причиной того, что эти «сигналы» пытались сделать чуть ли не ключом к пониманию языка и человеческой психики (внутреннего слова)» [Volosinov, 1976, p. 134].

Аналогии с выготскианской концепцией знака очевидны. Здесь мы также находим различие между знаком и сигналом, между сигнификацией и сигнализированием, между пониманием языка и простым реагированием в соответствии со звуковыми сигналами. Сводя человеческое поведение и социальное общение к схеме условного рефлекса, как это делают рефлексологи, – говорит Выготский, – мы получим исключительно натуралистическое объяснение, которое, не в силах объяснить социальную природу человека, не может даже объяснить эти конкретно историко-социальные формы поведения, такие как сознание, язык и т.д. [см. Vygotskij, 1974, pp. 125-33].

Список литературы

- Иванов В. 1976. Очерки по истории семиотики в СССР. М., Наука. 304 с.
- Bachtin M. 1968. Dostoevskij. Poetica e stilistica. Torino: Einaudi. 355 p.
- Bachtin M. 1970. L'oeuvre de F. Rabelais et la culture populaire au Moyen Age et sous la Renaissance. Paris: Gallimard. 471 p.
- Bachtin M. 1979. L'opera di Rabelais e la cultura popolare. Torino: Einaudi. 524 p.
- Bachtin M. 1972. La preistoria della parola del romanzo. Nuovi argomenti, 29-30: 160-186.
- Erlich V. 1966. Il formalismo russo Milano: Bompiani. 329 p.
- Ferrario E. 1977. Teorie della letteratura in Russia 1900-1934. Roma: Editori Riuniti. 444 p.
- Ivanov V. 1973. Significato delle idee di M. Bachtin sul segno. Tatto di parola e il dialogo per la semiotica contemporanea. in Bachtin M. et al. Semiotica, teoria della letteratura e marxismo. Bari: Dedalo, 1977. pp. 67-104.
- Leontjev A., Lurija A. 1973. Le concezioni psicologiche di L. S. Vygotskij. in Vygotskij L. S. Lo sviluppo psichico del bambino. Roma: Editori Riuniti. pp. 9-58.
- Lurija A. 1974. Neuropsicologia e neurolinguistica. Roma: Editori Riuniti. 241 p.
- Marcellesi J.-B. et al. 1978. Linguaggio e classi sociali. Marrismo e stalinismo. Bari: Dedalo. 304 p.
- Matejka L. 1977. Primi prolegomeni russi alla semiotica. in Bachtin M. Semiotica, teoria della letteratura e marxismo. Bari: Dedalo. pp. 139-160.
- Mecacci L. 1976. La psicologia sovietica 1917-1936. Roma: Editori Riuniti. 354 p.
- Medvedev P. 1978. Il metodo formale nella scienza della letteratura. introd. Bari: Dedalo. 378 p.
- Ponzio A. 1977. Linguaggio, inconscio e ideologia. in V. N. Volosinov, Freudismo. Bari: Dedalo. pp. 7-22.
- Ponzio A. 1977. Semiotica e studio delle ideologie in M. Bachtin et al. Michail Bachtin. Semiotica, teoria della letteratura e marxismo, Bari: Dedalo. pp. 7-66.
- Ponzio A. 1978. Semiotica marxista, teoria dell'individuo umano e dell'ideologia negli anni venti in URSS. in A. Ponzio, Marxismo, scienza e problema dell'uomo. Verona: Bertani. pp. 59-114.
- Ponzio A. 1978. La materia linguistico-ideologica dell'inconscio. Psicanalisi e classi sociali. Roma: Editori Riuniti. pp. 70-83.
- Ponzio A. 1978. Introduzione in Marcellesi J.-B. Linguaggio e classi sociali. Marrisimo e stalinismo. Bari: Dedalo. pp. 5-77.

- Ponzio A. 1978. Coscienza linguistica e generi letterari in M. Bachtin. introd. in Medvedev P. N. Il metodo formale nella scienza della letteratura. Bari: Dedalo. pp. 5-52.
- Stalin I. 1938. Materialismo dialettico e materialismo storico. trad. it. in Stalin I. Opere Scelte. Milano: Ediz. Movimento Studentesco, pp. 919-942.
- Stalin I. 1968. Il marxismo e la linguistica. Milano: Feltrinelli. 103 p.
- Volosinov V. N. 1976. Marxismo e filosofia del linguaggio. Bari: Dedalo. 285 p.
- Volosinov V. N. 1977. Freudismo. Bari: Dedalo. 207 p.
- Vygotskij L. S. 1966. Pensiero e linguaggio. Giunti Barbera, Firenze. 253 p.
- Vygotskij L. S. 1972. La tragedia di Amleto. Roma: Ed. Riuniti. 256 p.
- Vygotskij L. S. 1972. Psicologia dell'arte. Roma: Editori Riuniti. 387 p.
- Vygotskij L.S. 1974. Storia dello sviluppo delle funzioni psichiche superiori e altri scritti. Firenze: Giunti-Barbera. 337 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.06.2022
Поступила после рецензирования 30.07.2022
Принята к публикации 30.07.2022

Received June 18, 2022
Revised July 30, 2022
Accepted July 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аугусто Понцио, Почетный профессор философии, Почетный профессор философии и теории языков, Университет Бари, Бари, Италия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Augusto Ponzio, Professor Emeritus in Philosophy and Theory of Languages, University of Bari, Bari, Italy

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.442

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-445-454

Вопросы трудоустройства российской молодёжи в условиях пандемии COVID-19: самозанятость и другие перспективы

Захаров В.М., Бовкунова А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308000, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: zakharov@bsu.edu.ru, bovkunova@bsu.edu.ru

Аннотация. Проблемы трудоустройства и занятости выпускников учебных заведений в настоящее время обнажаются довольно остро. Причины этого – нестабильность рынка труда, вызванная пандемией COVID-19, и высокая уязвимость в данных условиях молодёжи как социальной группы. Несмотря на многочисленность публикаций по данной тематике, выявлена недостаточность исследований влияния пандемии и иных глобальных изменений на молодёжную занятость. В связи с этим авторами поставлена цель – выявить основные характеристики трансформации рынка труда в период пандемии, влияющие на трудоустройство и занятость молодежи. В результате исследования выявлены преимущества, риски и перспективы для самозанятой работающей молодежи. Показано, что экономический кризис, связанный с COVID-19, может привести к частичному вытеснению молодых специалистов с рынка труда. Сделан вывод о том, что молодое поколение требует более пристального внимания со стороны государственной политики в области урегулирования трудовых отношений и трудового поведения.

Ключевые слова: молодёжь, образование, пандемия коронавируса, рынок труда, самозанятость, трудоустройство

Для цитирования: Захаров В.М., Бовкунова А.В. 2022. Вопросы трудоустройства российской молодёжи в условиях пандемии COVID-19: самозанятость и другие перспективы. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 47(3): 445–454. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-445-454

Issues of Employment of Russian Youth in The Context of The COVID-19 Pandemic: Self-Employment and Other Prospects

Viktor M. Zakharov, Anna V. Bovkunova

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308000, Russia
E-mail: zakharov@bsu.edu.ru, bovkunova@bsu.edu.ru

Annotation. The problems of employment of graduates of educational institutions are exposed quite sharply now. The reasons for this are the instability of the labor market caused by the COVID-19

pandemic and the high vulnerability of young people as a social group in these conditions. Despite the numerous publications on this topic, there is a lack of research on the impact of the pandemic and other global changes on youth employment. In this regard, the authors set a goal - to identify the main characteristics of the transformation of the labor market during the pandemic, affecting the employment and employment of young people. As a result of the study the advantages, risks and prospects for self-employed working youth are revealed. It is shown that the economic crisis associated with COVID-19 can lead to a partial displacement of young professionals from the labor market. It is concluded that the younger generation requires closer attention from the state policy in the field of regulation of labor relations and labor behavior.

Keywords: education, employment, labor market, pandemic COVID-19, self-employment, youth

For citation: Zakharov V.M., Bovkunova A.V. 2022. Issues of Employment of Russian Youth in The Context of The COVID-19 Pandemic: Self-Employment and Other Prospects. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 445–454 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-445-454

Введение

Процессы, протекающие на рынке труда, непосредственно влияют на сферы жизни человека и сопровождают его на протяжении всего периода трудовой деятельности. Именно рынок труда является наиболее ярким отражением экономического статуса молодёжи и возникающих в связи с этим трудностей: не всегда ожидания молодых людей могут совпадать с реальными возможностями трудоустройства. Молодёжь имеет все возможности формировать и оспаривать экономические идеалы, преодолевать и разрушать сложившиеся на почве трудовой деятельности стереотипы, формулировать иные системы ценностных ориентаций в трудовой сфере. Молодое поколение выступает базисом воспроизводства трудовых ресурсов, предпосылки этому: творческий и неординарный характер мышления, повышенная выносливость и работоспособность, мотивация на карьерный рост и развитие в профессии, мобильность, психологическая устойчивость и гибкость, владение различными методами выполнения трудовых задач, желание воплощать на практике полученные знания, умения, навыки, быстрая обучаемость и готовность к переподготовке [Красова, 2012]. При этом в современных рыночных условиях именно молодёжь является наиболее уязвимой социальной группой – молодые люди, ввиду нестабильности экономической самостоятельности, испытывают на себе сильное воздействие динамики рынка труда: из-за отсутствия трудового опыта, они, как правило, не имеют возможности адекватно реагировать на поступающие вызовы со стороны работодателей, рынка и других участников трудовых отношений. В данном контексте взаимосвязь мотивов, сопутствующих факторов и моделей поведения – это обширный сегмент исследований по теме занятости молодёжи [Drozdikova-Zaripova et al., 2015].

Актуальность исследования данной проблемы обоснована динамикой, многогранностью и противоречивостью происходящих в современном российском обществе социально-экономических и политических процессов. Ситуация на молодёжном рынке труда достаточно напряжённая и нестабильная, также наблюдается масштабность регистрируемой и скрытой безработицы среди молодого поколения, ужесточение и усложнение условий выхода на рынок труда вчерашних выпускников учебных заведений, их низкая конкурентоспособность по сравнению с населением старшего возраста.

Количество научных работ, посвященных данной проблематике, значительно увеличилось в последние годы. Основные положения изложены в работах К.С. Горбушковой [2014], М.И. Гуровой [2012], Ю.А. Зубок [2019], А.В. Калининой [2017], Т.Л. Клячко [2020], А.Г. Кузьминой [2017], Е.М. Ожигановой [2015] и других. В данных работах ключевой акцент делается на раскрытии понятий «молодёжь», «трудоустройство», «занятость» через призму происходящих в стране социально-экономических явлений, а также со

стороны влияния пандемии коронавирусной инфекции. Приведены данные собственных исследований и осуществлен анализ вторичных исследований.

Отдельный сегмент исследований направлен на изучение неформальной самозанятости, которую выбирает каждый десятый студент: результаты проведённых опросов демонстрируют, что в современном мире наиболее распространённым видом самостоятельной занятости среди молодёжи становится фриланс [Davis et al., 2014]. Но при этом недостаточно широко рассмотрен вопрос о фрилансе как о том, чем же он является с точки зрения нормативно-правовых актов и законодательства, ведь проблема еще и в том, что определение фриланса не дается четко, как и определение самозанятости.

Цель исследования – выявить основные характеристики трансформации рынка труда в период пандемии, влияющие на трудоустройство молодежи.

Самозанятость в современном обществе

В условиях трансформации экономики и видоизменения всей общественной жизни общества ситуация в сфере труда и занятости характеризовалась сложностью, нестабильностью, противоречивостью, что особым образом отражалось и на социально-экономическом положении молодёжи, испытавшей на себе все негативные последствия эпохи реформирования и трансформации. Подтверждение тому: данные Федеральной службы государственной статистики 2010 года, согласно которым средний уровень безработицы в среде молодежи нашей страны в возрасте 15–24 лет составил 18 %, что оказалось на 5 % выше среднемирового уровня; данные ВЦИОМ, которые гласят, что в 2009 году 100–150 тыс. выпускников вузов ушли на биржу труда. Ряд экономических и политических процессов, а также специфика развития рынка труда в нашей стране сформировали слой незанятых молодых людей, условно делимый на добровольно незанятых и вынужденно незанятых [Коршунов, 2011, с. 54].

Не так давно в общее использование вошло понятие «самозанятые». Несмотря на то, что данное определение законодательно не закреплено, формулировка «самозанятость» стала применяться после внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (№ 199-ФЗ от 26.07.2017 «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации») ¹. К самозанятым гражданам относятся представители малого бизнеса, получающие оплату за свой труд непосредственно от работодателя или заказчика, в отличие от наёмной нормативно фиксированной работы. Поскольку самозанятость является альтернативным способом трудоустройства молодежи в условиях сложной ситуации на рынке труда, считаем необходимым проанализировать риски и преимущества данного вида деятельности.

По сведениям Федеральной службы государственной статистики, ещё в 2019 году в России был зафиксирован рост доли занятых в неформальном секторе. Росстатом под самозанятыми подразумеваются те люди, которые работают на одном предприятии (организации), не зарегистрированы в качестве юридического лица. Также в свою статистику Росстат включил и тех, для кого эта работа основная, и тех, для кого она является дополнительным источником дохода, и тех, кто работает по найму.

1 января 2019 года в нашей стране начался процесс внедрения специального налогового режима для самозанятых. Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» ² впервые для самозанятых лиц был введён налог на

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.02.2021).

² Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в

профессиональный доход, и с начала 2020 года к ним присоединились еще 19 субъектов. А с 1 июля 2020 года уже в общем режиме его могут водить все регионы. По данным Федеральной налоговой службы (ФНС), к концу 2020 года в качестве самозанятых зарегистрированы свыше 1 млн человек. Ежедневно самозанятыми становятся более 2000 человек по всей стране.

Самозанятый предприниматель работает на себя: он не должен иметь наемных сотрудников и заниматься посредничеством и некоторыми другими видами деятельности, он имеет годовой доход не более 2,4 млн руб. Самозанятые уплачивают налог на профессиональный доход (НПД): 4 % с доходов, полученных от клиентов – физических лиц, и 6 % – с доходов от юридических лиц и предпринимателей. Других обязательных платежей у них нет. По желанию можно платить взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. Следует понимать, что налог на профессиональный доход – это новый специальный налоговый режим, на который граждане могут перейти добровольно, а не дополнительный налог.

Белгородская область также ввела специальный налоговый режим для самозанятых. В регионе это стало возможно с 2020 года на основании федерального законодательства. Регулирует данный вопрос закон «О введении в действие специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» на территории Белгородской области»¹. Областной закон направлен на легализацию трудовой деятельности самозанятых белгородцев, он предоставил более широкому кругу жителей региона возможности вести предпринимательскую деятельность в комфортных условиях. Так, самозанятым предлагается заниматься бизнесом, зарегистрировав его онлайн, без отчетности, без контрольно-кассовой техники, и применять при этом налоговую ставку в 4 или 6 % вместо 13 % налога на доходы физических лиц.

Введению специального налогового режима для самозанятых сопутствовало внесение поправок в некоторые законодательные акты, в том числе в Налоговый кодекс Российской Федерации (установлена ответственность в виде штрафа за нарушение сроков передачи в налоговый орган сведений о расчетах, связанных с получением дохода)², Федеральный закон «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» (предусмотрена возможность не применять индивидуальными предпринимателями контрольно-кассовую технику в отношении доходов, облагаемых налогом на профессиональный доход)³, Федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (зафиксированы особенности уплаты применяющими данный налоговый режим налогоплательщиками страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в добровольном порядке)⁴.

Пандемия коронавируса COVID-19 ускорила прирост числа самозанятых, их количество по итогам 2020–2021 годов выросло в десятки раз. Сегмент самозанятых продолжает находиться на стадии быстрого роста. Ожидается, что количество официально зарегистри-

Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 10.12.2021).

¹ Закон Белгородской области от 08.05.2020 № 463 «О введении в действие специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» на территории Белгородской области». URL: https://www.belduma.ru/document/laws/laws_detail.php?soz=6&god=2020&nom=463 (дата обращения 10.01.2022).

² Налоговый кодекс Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032-1 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.12.2021).

³ Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.12.2021).

⁴ Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.12.2021).

стрированных самозанятых будет только увеличиваться: новый налоговый режим стремительно и повсеместно развивается в регионах страны, самозанятые активно привлекаются крупными электронными коммерческими платформами, люди стремятся искать дополнительные источники заработка, проходить переобучение, открывать для себя новые ниши.

Ситуацию, сложившуюся в 2020 и 2021 годах из-за пандемии коронавирусной инфекции, можно рассматривать с разных сторон: с одной стороны, для соблюдения всех необходимых мер Роспотребнадзора люди стали активнее переходить в режим удаленной работы, этот процесс заметно ускорился. Так, пандемия повлияла на увеличение числа самозанятых по нескольким причинам. Во-первых, увеличение их численности непосредственно зависит от роста безработицы. Ранее на одного неработающего приходилось примерно две вакансии, но с наступлением пандемии ситуация поменялась в обратную сторону: на одну вакансию стало как минимум два неработающих. Во-вторых, многим фирмам и организациям из-за существенной экономии на налогах и иных издержках выгоднее найти самозанятого специалиста. В-третьих, когда люди находились на вынужденном карантине в течение нескольких месяцев, они занимались тем, что им действительно может и нравиться, и приносить прибыль, и некоторые решили не возвращаться в офис, а продолжать работать в текущем режиме.

С другой стороны, значительно пострадал сектор «работающих на себя»: сфера услуг, развлечений, кафе, рестораны, обслуживание и т.д. Участники данных трудовых отношений понесли серьезные финансовые потери в связи с введением ограничений на определенные виды мероприятий и деятельности.

Пандемия коронавируса COVID-19 и ситуация на рынке труда

В условиях пандемии молодое поколение чаще других возрастных групп испытывало переживания по поводу трудоустройства. Подтверждение тому – анализ, проведенный в 2021 году исследователями Южного федерального университета на основе данных Федеральной службы государственной статистики [Маслюкова, Мокроусова, Покусаенко, 2021]. Наиболее распространенные страхи: совсем не найти работу, не оправдать надежды будущего работодателя, не найти вакансию с должной оплатой труда. И приходилось идти на компромисс: соглашаться на приемлемо оплачиваемую работу, даже если она не соответствует ожиданиям, или же делать выбор в пользу любимого дела, соглашаясь на невысокую оплату труда.

Во время пандемии COVID-19 работающие молодые люди столкнулись с высоким риском потери работы и дохода. «Это может быть связано с быстрым ростом безработицы, усилением конкуренции среди соискателей; также прослеживается зависимость уровня занятости, темпов роста и падения заработных плат во время пандемии со сферой профессиональной деятельности» [Маслюкова, Мокроусова, Покусаенко, 2021].

На фоне затянувшейся пандемии коронавируса ситуация на рынке труда стала максимально нестабильной. Молодёжь оказалась экономически незащищенным слоем населения. В 2020 году ограничения на фоне пандемии затронули 60 % компаний, после чего примерно 7 % предприятий оказались временно неработающими, 4 % предприятий объявили о своем банкротстве, 2 % были полностью ликвидированы [Грушин, 2021, с. 82]. Как следствие – потеря рабочих мест. Статистическое исследование, проведенное Росстатом в 2020 году по вопросу трудоустройства молодежи, показало следующее: «В целом 19,8 % респондентов со средним профессиональным образованием были переведены на удалённую работу; 27,4 % отметили сокращение трудовой нагрузки; а 25,9 % указали на рост нагрузки из-за сокращения штата предприятия. У 19,7 % респондентов заработная плата значительно снизилась; у 23,7 % она сократилась незначительно, с задержками выплаты зарплаты столкнулись 14,2 % респондентов» [Грушин, 2021, с. 82].

Влияние пандемии коронавируса различно в зависимости от сферы рынка труда. К примеру, доходы водителей такси упали более чем в два раза в тот период, когда люди находились на вынужденной самоизоляции и редко покидали дома, и начали восстанавливаться лишь спустя несколько месяцев. В то же время доходы курьеров и сотрудников служб доставки выросли более чем в три раза. Денежные доходы самозанятых, работающих и до этого периода удаленно, практически не изменились в пандемию. В кризис число желающих стать самозанятыми резко увеличилось: рабочие места сокращались, люди могли рассчитывать только на себя, а начать свое дело – нередко единственный способ найти средства для жизни. По мнению социологов РАНХиГС, во время пандемии коронавируса COVID-19 самозанятые оказались одними из самых уязвимых категорий работников: им не могут предоставляться оплачиваемые отпуска, больничные, дополнительные премии и другие социальные гарантии [Измайлова, 2022, с. 67].

Согласно данным ILOSTAT 2019 года, до пандемии коронавирусной инфекции уровень безработицы среди молодежи в мире был примерно в три раза выше, чем среди взрослого населения. До начала кризиса свыше 70 % молодых работников в мире трудились в неформальном секторе, в то время как среди взрослого населения в возрасте 25 лет и старше этот показатель составлял 60 % [Вестник МОТ, 2020].

Согласно опросам службы исследований HeadHunter, проведенным в августе 2020 г., в условиях пандемии молодежь чаще других групп респондентов испытывала беспокойство по поводу трудоустройства (не испытывали страха только 11 % молодежи в возрасте до 25 лет). Молодые соискатели опасались не оправдать ожиданий будущего работодателя, не найти работу с нужным доходом и подходящими условиями (40 и 39 % соответственно). В апреле и мае 2020 года по сравнению с февралем общее число вакансий снизилось на 26 %. Но сокращения вакансий как в предыдущие кризисные годы не произошло, и к июню 2020 года во многих регионах России спрос на работников не только вернулся к прежнему уровню, но и вырос [Клячко, Логинов, Ломтева и др., 2020, с. 73].

Из исследования, проведенного Центром экономики непрерывного образования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации в июле-августе 2020 года, следует, что в ходе первой волны пандемии коронавируса COVID-19 среди опрошенных в среднем 38 % трудоустроенных молодых людей, имеющих высшее образование, были переведены на удаленную работу. Наибольшая доля молодежи, переведенной на удаленную работу, трудилась в сферах организации досуга и культуры, а также образования (80 и 71,4 % соответственно). В большинстве случаев на удаленную работу была переведены также молодые люди, имеющие естественно-научное и гуманитарное образование (75 и 72,7 % соответственно). Среди молодых людей с высшим образованием, переведенных на дистанционную работу, лишь меньшинство трудилось в тот период в области медицины (8,3 %), в полиции и силовых структурах (9,1 %), в строительстве и ремонте (11,9 %), потому что удаленная работа в этих сферах практически не представляется возможной. 32 % опрошенных заявили об увеличении своей рабочей нагрузки в условиях пандемии, в то время как 25 % респондентов – о ее сокращении. Наибольший рост трудовой нагрузки отметили молодые люди, работавшие в следующих отраслях: медицине (83,3 %); образовании (45,7 %), полиции и силовых структурах (45,5 %). Наибольшее падение трудовой нагрузки наблюдалось в сферах культуры и досуга (80 %), психологии, социологии, PR и рекламы (52 %), спорта (41,7 %). Существенный рост заработной платы отметили 3,4 % респондентов (в сфере медицины – 18,8 %), а 10,2 % опрошенных людей зафиксировали небольшой ее рост. На значительное сокращение зарплаты в период пандемии указали 16,4 % респондентов, небольшое ее снижение отметили почти 23 %. Чаще всего сокращали зарплату в сферах спорта (50 %), культуры и досуга (40 %), торговли, общепита, услуг населению (29 %). С задержками зарплаты столкнулись 8,6 % респондентов. Чаще всего отмечали задержки в выплате молодые специалисты с высшим образованием, работавшие в частных организациях (10,4 %) [Клячко, Логинов, Ломтева и др., 2020, с. 73].

Помимо недавней потери рабочих мест и растущей нестабильности занятости молодежи, экономический кризис, связанный с COVID-19, может на некоторое время привести к частичному вытеснению молодых людей с рынка труда. Это может быть связано с быстрым ростом безработицы с сопутствующим усилением конкуренции среди соискателей, а также зависимостью уровня занятости, темпов роста и падения заработных плат во время пандемии со сферой профессиональной деятельности [Клячко, Логинов, Ломтева и др., 2020, с. 73]. Но учитывая, что на данный момент времени волна пандемии коронавируса COVID-19 прошла, последствия будут ощущаться ещё долгие годы, в том числе и на рынке труда.

Заключение

Таким образом, пандемия коронавируса COVID-19 затронула все сферы жизни общества и отрасли производства. Поэтому можно сказать, что поле профессий также испытывает глобальные изменения. В первую очередь это касается специалистов, выполняющих рутинную, стандартизированную работу, а также сфер деятельности, связанных с анализом и сбором данных. Тенденции к стиранию границ стандартной занятости, возникшей с началом пандемии, сохраняются и сейчас, а в обозримом будущем этот процесс ускорится, поставив под сомнение многие привычные и стандартные принципы в сфере социальной политики. Становление постиндустриального общества, технологический и цифровой прогресс, быстрое распространение информационных технологий являются предпосылками для развития небольших гибких производств, специализации, аутстаффинга и аутсорсинга. Следствие этого – возрастание спроса на работников, готовых и способных вести свою деятельность в часто меняющихся условиях.

Учитывая сложную экономическую ситуацию, важной составляющей для обеспечения жизнедеятельности молодежи становится наличие хорошей подготовки и современной профессии, востребованной на рынке труда. Это увеличит возможность свободного выбора профессионального занятия при нестабильной экономической ситуации, что является одним из главных факторов самоопределения личности в современном мире. При решении этой задачи необходимо принять во внимание, что любая профессиональная деятельность предполагает длительное включение в определенную сферу и её изучение.

Для смягчения последствий трансформации рынка труда в период пандемии на государственном уровне необходимо принять ряд конструктивных мер, а молодым людям следует самим подготовиться к новым реалиям и вызовам общества. Следует осознать: уже в настоящее время работникам не нужно будет выполнять однотипные задачи, а потребуются проявление творческого потенциала, умения принимать нестандартные и неординарные решения, управлять проектами, готовность к постоянной адаптации к новым и стремительно меняющимся условиям, развитие надпрофессиональных навыков и системного мышления.

Вышеуказанные процессы затронут, в первую очередь, молодёжь, поэтому сейчас особенно важно заложить основание для их успешной адаптации к предстоящим переменам, которые в будущем приобретут глобальный характер. Таким образом, молодое поколение требует более пристального внимания со стороны государственной политики в области регулирования трудовых отношений и трудового поведения.

Список источников

- Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
- Налоговый кодекс Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032-1.
- Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».
- Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации».

Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)».

Закон Белгородской области от 08.05.2020 № 463 «О введении в действие специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» на территории Белгородской области».

Вестник МОТ: COVID-19 и сфера труда. Четвертый выпуск. 24 с.

Список литературы

- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. 2005. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М., ГУ ВШЭ. 36 с.
- Горбушова К.С. 2014. Фриланс как форма занятости студентов высших учебных заведений. Университетское управление: практика и анализ, 3(91): 74–80.
- Грушин Р.А. 2021. Проблемы трудоустройства и занятости молодежи в условиях пандемии COVID-19. Молодой учёный, 10(325): 82–85.
- Гурова М.И. 2012. Факторы, влияющие на выбор фриланса как формы самозанятости. Теория и практика общественного развития, 7: 57–60.
- Зубок Ю.А., Чупров, В.И. 2019. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи. Вестник Института социологии, 10(4): 166 с.
- Измайлова М.О. 2022. Влияние пандемии коронавируса на поступление налогов от самозанятых граждан в Российской Федерации. Финансовый журнал, 14(2): 55–72.
- Калинина А.В. 2017. Самозанятость как форма предпринимательской деятельности. В кн.: Инновационные процессы в научной среде: сборник статей международной научно-практической конференции. Пермь: 78–81.
- Карпенко Е.З. 2015. Сверхзанятость учащейся молодежи как фактор снижения качества человеческого капитала. Региональные проблемы преобразования экономики, 8: 69–75.
- Клячко Т.Л., Логинов Д.М., Ломтева Е.В. 2020. Трудоустройство и особенности занятости молодежи в период пандемии. Экономическое развитие России. Том 27. № 12: 70–73.
- Коршунов А.В. 2011. Современная российская молодежь на рынке труда в условиях социально-экономической нестабильности и неопределенности. Теория и практика общественного развития, 8: 54–57.
- Красова Е.В. 2012. Иностранная рабочая сила в мировой и региональной экономике: современные аспекты государственного регулирования. Владивосток, Изд-во ВГУЭС, 211 с.
- Красова Е.В. 2017. Основные черты студенческой занятости в регионах России (на примере Владивостока и других городов). Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 3(1): 266–285.
- Кузьмина А.Г. 2017. Возрастающая роль самозанятости в системе современных трудовых траекторий молодежи: фактор обеспечения равновесия или процесс укрупнения теневого рынка труда? В кн.: Развитие общественных наук российскими студентами: сборник научных трудов конференции. Краснодар: 65–69.
- Маслюкова Е.В., Мокроусова Д.И., Покусаенко М.А. 2021. Прекаризация занятости молодежи в контексте последствий пандемии COVID-19. Russian Journal of Economics and Law, 15(3): 440–454.
- Ожиганова Е.М. 2015. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения. *Бизнес-образование в экономике знаний*, 1: 94–97.
- Рощин С.Ю., Рудаков В.Н. 2014. Совмещение учебы и работы студентами российских вузов. Вопросы образования, 2: 152–179.
- Смола Н.В. 2014. Молодёжь как уязвимая группа на рынке труда. Материалы международной научно-практической конференции: 94–98.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. 2015. Трудовые стратегии самозанятых профессионалов (фрилансеров). Мир России, 1: 72–100.
- Харченко В.С. 2013. Совмещение работы и учебы в вузе: новые практики и новые смыслы. Вопросы образования, 3: 92–104.

- Черкасов В.Е., Ваховский Е.В. 2012. Нетрадиционных формы занятости в условиях постиндустриальной экономики. Вестник Поволжской академии государственной службы, 2(31): 205–212.
- Davidson C.N. 2011. *Now You See It: How Technology and Brain Science Will Transform Schools and Businesses for the 21st Century*. New York: Viking. 352 p.
- Davis S.N., Shevchuk A., Strebkov D. 2014. Pathways to Satisfaction with Work – Life Balance: The Case of Russian-Language Internet Freelancers. *Journal of Family and Economic*, 35: 542–556.
- Drozdkova-Zaripova A.R., Kalatskaya N.N., Kostyunina N.Y. 2015. The Research of Educational Motivation of Working and Nonworking Russian Students. *Review of European Studies*, 7(5): 108–117.

References

- Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. 2005. *Precarious Employment and the Russian Labor Market*. M., State University Higher School of Economics. 36 p.
- Gorbushova K.S. 2014. Freelancing as a form of employment for students of higher educational institutions. *University management: practice and analysis*. № 3 (91): 74–80.
- Grushin R.A. 2021. Problems of employment and youth employment in the context of the COVID-19 pandemic. *Young scientist*, 10(325): 82–85.
- Gurova M.I. 2012. Factors influencing the choice of freelancing as a form of self-employment. *Theory and practice of social development*, 7: 57–60.
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I. 2019. Self-regulation of meaningful life values in the cultural space of youth. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 10(4): 166 p.
- Izmailova M.O. 2022. The Impact of the Coronavirus Pandemic on Tax Receipts from SelfEmployed Citizens in the Russian Federation. *Financial Journal*, 14(2): 55–72.
- Kalinina A.V. 2017. Self-employment as a form of entrepreneurial activity. *Innovative processes in the scientific environment: collection of articles of the international scientific and practical conference*. Perm: 78–81.
- Karpenko E.Z. 2015. Overemployment of students as a factor in reducing the quality of human capital. *Regional problems of transformation of the economy*, 8: 69–75.
- Klyachko T.L., Loginov D.M., Lomteva E.V. 2020. Employment and features of youth employment during the pandemic. *Economic development of Russia*, 27(12): 70–73.
- 1Korshunov A.V. 2011. Modern Russian youth in the labor market in conditions of socio-economic instability and uncertainty. *Theory and practice of social development*, 8: 54–57.
- Krasova E.V. 2012. *Foreign labor force in the global and regional economy: modern aspects of state regulation: monograph*. 211 p.
- Krasova E.V. 2017. The main features of student employment in the regions of Russia (on the example of Vladivostok and other cities). *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research*, 3(1): 266–285.
- Kuzmina A.G. 2017. Increasing role of self-employment in the system of modern youth labor trajectories: a factor of ensuring balance or the process of enlargement of the shadow labor market? In: *Development of social sciences by Russian students: a collection of scientific papers of the conference*. Krasnodar: 65–69.
- Maslyukova E.V., Mokrousova D.I., Pokusaenko M A. Precarization of the youth's employment in the context of COVID-19 pandemic consequences. *Russian Journal of Economics and Law*, 15(3): 440–454.
- Ozhiganova E.M. 2015. The theory of generations by N. Howe and W. Strauss. Possibilities of practical application. *Business education in the knowledge economy*, 1: 94–97.
- Roshchin S.Yu., Rudakov V.N. 2014. Combining study and work by students of Russian universities. *Educational*, 2: 152–179.
- Resin N.V. 2014. Youth as a vulnerable group in the labor market. *Materials of the international scientific-practical conference*: 94–98.
- Strebkov D.O., Shevchuk A.V. 2015. Labor strategies of self-employed professionals (freelancers). *World of Russia*, 1: 72–100.
- Kharchenko V.S. 2013. Combining work and study at the university: new practices and new meanings. *Questions of education*, 3: 92–104.

- Cherkasov V.E., Vakhovsky E.V. 2012. Non-traditional forms of employment in a post-industrial economy. *Bulletin of the Volga Academy of Public Administration*, 2(31): 205–212.
- Davidson C.N. 2011. *Now You See It: How Technology and Brain Science Will Transform Schools and Businesses for the 21st Century*. New York: Viking. 352 p.
- Davis S.N., Shevchuk A., Strebkov D. 2014. Pathways to Satisfaction with Work – Life Balance: The Case of Russian-Language Internet Freelancers. *Journal of Family and Economic*, 35: 542–556.
- Drozdikova-Zaripova A.R., Kalatskaya N.N., Kostyunina N.Y. 2015. The Research of Educational Motivation of Working and Nonworking Russian Students. *Review of European Studies*, 7(5): 108–117.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.05.2022
Поступила после рецензирования 26.07.2022
Принята к публикации 14.08.2022

Received May 12, 2022
Revised July 26, 2022
Accepted August 14, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Захаров Виктор Михайлович, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления, профессор, директор института экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Victor M. Zakharov, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service of the Institute of Economics and Management, Professor, Director of the Institute of Economics and Management, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Бовкунова Анна Викторовна, начальник отдела протокола аппарата ректора, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Anna V. Bovkunova, Head of the Protocol Department of the Rector's Office of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 316.74:316.334.55

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-455-466

Сельская религиозность мусульман Среднего Поволжья по данным социологических исследований советского периода

Кильдеев М.В.

ГБУ РЦ «Навигатор»,

Российская Федерация, 420137, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Адоратского, 36

E-mail: makhmud_e@rambler.ru

Аннотация. Религия является одной из основ сельской жизни, важнейшие события в жизни крестьянина (рождения, бракосочетания, похороны) носят религиозный характер. В советский период сельская религиозность рассматривается как пережиточное явление, а в постсоветский период – преимущественно как явление культурно-фольклорного, ритуального характера. На наш взгляд, актуальным является изучение сельской религиозности в качестве функционального явления, которое оказывает влияние не только на обыденную жизнь селян, но и их экономическую, общественно-политическую жизнь. Цель исследования – дать социологическую характеристику состояния сельской мусульманской религиозности в Среднем Поволжье в советский период. Это потребовало привлечения большого объема историко-социологического материала. Исследование позволило выявить ряд условий, способствующих сохранению религиозности в условиях атеистического государства. Проблема устойчивости сельской религиозности является частью более широкой проблемы – задачи сохранения поволжского села как устойчивого этносоциального организма.

Ключевые слова: сельская религиозность, социально-профессиональная структура сельского социума, сельская мусульманская община

Для цитирования: Кильдеев М.В. 2022. Сельская религиозность у мусульман Среднего Поволжья по данным социологических исследований советского периода. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 47(3): 455–466. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-455-466

Rural Religiosity Among the Middle Volga Muslims by the Social Surveys in Soviet Period

Mansour V. Kildeev

“Navigator” Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs

36 Adoratskogo St, Kazan, Republic of Tatarstan 420137, Russia

E-mail: makhmud_e@rambler.ru

Abstract. Religion is one of the foundations of rural life. The most important events in the life of a peasant (births, marriages, funerals) are religious in their nature. In the Soviet period, rural religiosity was considered as a relict phenomenon, and in the post-Soviet period – mainly as a phenomenon of cultural, folklore, ritual character. In our opinion, it is relevant to study rural religiosity as a functional phenomenon that affects not only the everyday life of the villagers, but also their economic, socio-political life. The purpose of the study is to give a sociological description of rural Muslim religiosity in the Middle Volga region during the Soviet period. This requires the involvement of a large amount of historical and sociological material. Due to the study it's become possible to identify a number of conditions favorable to the preservation of religiosity in an atheistic state, including the homogeneity of the socio-professional structure of society, the size of a rural settlement, compact living outside national autonomy as national and religious minority. The problem of sustainability of rural religiosity is part of a broader problem - the task of preserving the Middle Volga village as a sustainable ethno-social organism. High religiosity in places densely populated by the Tatar population had consequences also in such a

modern phenomenon when the most devout Tatar villages in the Soviet years are the most economically developed and demographically stable today.

Key words: rural religiosity in USSR, socio-professional structure of rural society, rural Muslim community

For citation: Kildejev M.V. 2022. Rural Religiosity Among the Middle Volga Muslims by the Social Surveys in Soviet Period. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 455–466 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-455-466

Введение

Традиционное российское село – устойчивый этносоциальный организм, который поддерживал свое существование даже в неблагоприятных климатических условиях и в исторических эпохах и выполняющий важные для общества, государства и народнохозяйственного комплекса функции. До советской коллективизации деревня состояла преимущественно из мелких производителей, объединяемых родственными связями, национальными традициями и общей верой. В XX веке произошло превращение крестьянской массы в рабочих государственных сельхозпредприятий. Передаваемые от поколения к поколению религиозные и культурные традиции, частнособственнические хозяйственные навыки по большей части были утрачены. В настоящее время актуальным для российского крестьяноведения является изучение сохраняющихся в селе религиозных и национальных традиций, которые часто успешно уживаются с активными адаптивными стратегиями сельского населения.

Для характеристики проблемы устойчивости сельской религиозности и ее адаптации к социально-политическим изменениям применены подходы советской социологии религии, подходы западной социологии села и советологии как части западного обществоведения. Теоретико-методологическая база изучения сельской религиозности основана на трудах П.А. Сорокина [Sorokin, Zimmerman, 1929], Ю.А. Левады [1965], Э.Г. Филимонова [1974], А.М. Орлова [1974; 1977], Г.Е. Кудряшова [1974] и др. В рамках различных теоретико-методологических подходов изложены некоторые элементы сельского типа религиозности: приверженность к привычным формам поклонения (П.А. Сорокин), культ святых и религиозно-этические табу (Г.Е. Кудряшов), локальная общинность, личное влияние служителя культа, слепое доверие к догмам, ритуализм (Ю.А. Левада). Некоторые элементы сельской религиозности, приписываемые ей советской атеистической парадигмой, не имеют подтверждения в постсоветской практике. Это касается представлений о «пережиточности» религии и о социальной маргинальности верующих (речь идет о якобы органически присущем им низком образовательном и социально-профессиональном статусе). В отношении сельской религиозности мусульманского (татарского) населения Среднего Поволжья применяются понятия «народный» или «бытовой ислам» [Мухаметшина, 2014], «неофициальный ислам» [Якупов, 2005; Мухаметшин, 2003].

Исходя из состояния изученности проблемы сформулирована цель исследования – дать социологическую характеристику состояния сельской мусульманской религиозности в Среднем Поволжье в советский период. Проблема устойчивости сельской религиозности рассматривается на статистически достаточных выборках или подвыборках татарского населения, которые были получены в 1960-е – 1980-е гг. при социологических исследованиях в сельской местности Среднего Поволжья. Это потребовало привлечения большого объема историко-социологического материала. Основным методом исследования является анализ документальных источников советского периода. В научный оборот введены новые, ранее не публиковавшиеся архивные документы.

Проблема устойчивости сельской религиозности в обществоведческой литературе

Вариации типов и степени религиозности между селом и городом постоянно находились в поле зрения исследователей крестьянства. Известны этнографические исследования в РСФСР в 1920-х годах, которые затрагивали специфику религиозности народов Поволжья, в том числе татарского крестьянства [Ингинова, Лебедев, 1997]. В те же годы в США в качестве отрасли социологического знания возникла социология села, которая акцентировала внимание на изменениях сельского образа жизни и его приспособлении к меняющимся социоэкономическим условиям. В работе «Принципы сельско-городской социологии» П. Сорокин и его соавтор К. Циммерман рассматривали особенности сельской религиозной культуры и ее выражения. На многочисленных исторических примерах они выделяют важные отличия сельского типа религиозности от «городского»: сохранение локальных, «аборигенных», «косных» форм религиозности [Sorokin, Zimmerman, 1929, p. 608], которые образуют контраст с «городской», рационалистической, механистической, монотеистической религиозностью. В сельском населении Сорокин и Циммерман видят однородность и замкнутость, а в городском – его демографическую, социальную и культурную гетерогенность [Ibid].

Параллельно развивалась социология религии, основы которой были заложены трудами Э. Дюркгейма и М. Вебера. Несмотря на изолированное положение советского обществоведения, социология религии в СССР опосредованно освоила многое из методологических основ западноевропейской социологии религии. Особенно заметно влияние методологии, разработанной католическим социологом Г.Ле Бра [Лопаткин, 2010, с. 269]. Примененные им и его последователями подходы, методы и базовые понятия легли в основу советской эмпирической социологии религии в виде широко понимаемой «религиозной ситуации», поведенческих индикаторов религиозности, активного применения опросных методик и картографирования, комплексности исследования.

Применительно к российскому обществу следует отметить такую особенность сельской религиозности, как ее соединенность с традиционным национальным укладом жизни. И в этом, на наш взгляд, заключается высокий адаптивный потенциал сельского социума. На этот аспект сельской религиозности обращали внимание как советские обществоведы: этнографы и религиоведы, которые пытались отделять религиозный компонент от национальных традиций и обычаев в рамках концепции религиозного синкретизма [Кудряшов, 1974], так и западные авторы, для которых религиозная принадлежность служила основным элементом национальной идентичности, а религиозные традиции были неотделимы от национальных [Devlet, 1985; Rorlich, 1986].

Советское атеистическое религиоведение особенно акцентировало иррационалистический элемент сельской религиозности, но уже без характерной для Сорокина идеализации деревни. Подчеркивалось отсутствие связи сельской религиозности с реальными социальными процессами, т.е. пережиточность [Атеизм в СССР, 1986, с. 94–95].

Таким образом, село, в отличие от города, предстает своеобразным «заповедником», где сохраняется религиозность довольно примитивного свойства, с преобладанием магического ритуализма, синкретизма и анимизма. Неслучайно, что подавляющее большинство социологических исследований по вопросам религии и атеизма в СССР было проведено в сельской местности [Филимонов, 1974]. Институт научного атеизма при Академии общественных наук, начавший в 1965 году практику социологического обследования населения страны, в качестве отдельных от всего остального населения объектов особенно выделял такие «уязвимые» категории, как собственно верующие, сельские жители и женщины.

Условия сохранения сельской религиозности в советский период

Социологи, рассматривая сельскую религиозность в разрезе социальной структуры общества, усматривали в ней детерминированность низким социально-профессиональным и образовательным статусом верующих. По данным социолога А.М. Орлова, проводившего в 1971 году исследование в татарском анклав Юго-Востока Горьковской области, религиозные люди составляли 7 % сельской интеллигенции, среди служащих, специалистов и организаторов сельхозпроизводства их было 33 %, среди механизаторов, квалифицированных работников – 36 %, тогда как среди колхозников, занятых на разных работах, верующих было уже 56 %, а среди животноводов – 60 % [Орлов, 1974, с. 93].

Исследование 1974 года в одном из целинных районов БАССР показало, что среди лиц совхозных профессий религиозных людей, считая вместе с колеблющимися, насчитывается среди шоферов – 5–6 %, среди трактористов – 16 %, среди доярок – 23 %, среди чабанов и скотников/телятниц – по 33–34 % [Хамитова, 1975, с. 140].

Таким образом, в трудах советских социологов сельская религиозность представляла как относительно простое явление, которое объясняется социальным отставанием села от города, низким социально-профессиональным и образовательным статусом его жителей.

Несколько иной подход к проблеме устойчивости религиозности наблюдается у зарубежных авторов-советологов. Они рассматривают ее с обратной стороны, акцентируя внимание на недостаточной результативности процессов атеизации и секуляризации. Делая упор на причинах сбоя системы атеистической пропаганды и воспитания, они объясняют их сознательным антагонизмом со стороны населения. Для этих авторов религиозность – неотъемлемая часть национальной идентичности поволжских татар. Сохранение религиозных традиций татар Среднего Поволжья, особенно в условиях иноязычного большинства, является для них заслуживающим внимания феноменом. В таком виде тема религиозной стойкости вызывала интерес у Н. Девлета и А.-А. Рорлих. Если в городах процесс секуляризации шел довольно успешно, о чем говорят цитируемые в работах этих авторов данные социологических исследований, то село оставалось оплотом религиозной веры, жители придерживались мусульманских обрядов [Devlet, 1986, p. 10]. Н. Девлет делает вывод, что ислам был и остается частью национальной идентичности советских мусульман. «Советы преуспели в значительном снижении числа верующих мусульман, но не смогли истребить влияние ислама как важной части их национальной идентичности» [Devlet, 1985, p. 342].

В этой связи обращают на себя внимание довольно низкие показатели атеизации в сельской местности. А.М. Орлов проводил свое социологическое исследование в трех татарских населенных пунктах Горьковской области, типичных с точки зрения социально-экономического и культурно-бытового развития (районный центр, один крупный и один средний по числу жителей населенный пункт). Атеистов среди населения было 7,4 %, а неверующих – 26,6 % [Орлов, 1977, с. 74]. В целинном совхозе в Башкирской АССР среди работников башкир и татар атеистов было всего 7,2 % [Хамитова, 1975, с. 136]. Не лишним будет упомянуть, что атеист, согласно советским методикам, – это не просто нерелигиозный человек. Он способен еще и обосновать свое неверие перед собеседником [Соловьев, 1979, с. 81].

Наиболее секуляризованным слоем сельского населения была интеллигенция: учителя, медработники, культработники. Интеллигенция также выступала основным проводником антирелигиозной политики в сельской местности. Из интеллигенции и служащих формировался актив, на который возлагалось осуществление партийных и государственных антирелигиозных кампаний. Следует обратить внимание на немногочисленность этого слоя сельского общества. По данным исследования 1967 года в ТАССР, 9 % сельчан-татар относились к интеллигенции и еще 4 % – к служащим [Социальное и национальное, 1973, с. 55]. В условиях достаточно однородного по своей структуре сельского социума интеллигентский образ жизни и мышления не привлекал сельские массы.

Успешная пропагандистская работа могла вестись только там, где имелись методические центры по борьбе с мусульманской религией, то есть в татарской и башкирской автономиях. И даже там хронически не хватало пропагандистов, способных вести работу среди мусульман. Вопрос о нехватке в Татарстане лекторов, знающих Коран и способных выступать перед татарской аудиторией, поднимался партийными органами и в 1965 [Степнограмма..., л. 19], и в 1967 [Об итогах..., л. 218], и в 1988 годах [Перестройка и преодоление..., 1988, с. 88].

За пределами ТАССР и БАССР такая работа практически не велась. В Пермской области, где татаро-башкирское население составляет заметное этническое меньшинство, а в 1970 году действовало 74 незарегистрированных мусульманских общества, годом ранее, в 1969 году критике ислама было посвящено менее 1 % атеистических лекций, то есть в два раза меньше, чем критике баптизма [Лошакова, 1992, с. 37]. В Бардымском районе Пермской области татарское и башкирское население составляло 95 %, а лекторов-ислаμισлов в районе были единицы. В Удмуртской АССР из-за отсутствия кадров лекции по мусульманству не читались [Лошакова, 1992, с. 78]. Дело в том, что антирелигиозная пропаганда могла вестись только комплексно, совместно с культурно-просветительской работой на родном языке. Этому явно не способствовало то, что в районах компактного проживания татарского населения в предвоенный и военный период были ликвидированы профессиональные национальные коллективы и учреждения культуры, а впоследствии не восстановлены. В систему торговли российских областей, например, Горьковской, Пензенской или Пермской, практически не поступала не только художественная или научно-просветительская литература, изданная в Казани, но и антирелигиозная. Именно на факты игнорирования вопросов развития национальной культуры и языка указывает А.М. Орлов, когда пишет о том, что в условиях многонациональных регионов в отношении инонациональных меньшинств атеистическое воспитание «должно происходить без ущерба национальным отношениям... Пренебрежение этой особенностью вероисповедания меньшинства создает опасность... ущемления в иных случаях национальных чувств» [Орлов, 1977, с. 10].

Атеистическое воспитание населения стало основным направлением антирелигиозной политики в позднесоветский период, заменив собой прежнюю репрессивную и дискриминационную политику в отношении духовенства и верующих. Для татарского населения целенаправленная антиисламская пропаганда ограничивалась стенами школы, а среди взрослого населения это влияние было номинальным (если не считать материалов в периодической прессе, впрочем, довольно редких). Во многом благодаря этому в татарском селе в советский период не сформировался заметный слой носителей материалистического сознания, полностью свободного от религиозного влияния.

В послереволюционной татарской деревне политическая власть и социалистическое коллективное хозяйство долгое время уживались с традиционным национальным укладом. Во многих татарских селениях ислам сохранял свое влияние на население на протяжении всего периода существования советской власти, о чем свидетельствуют донесения, оставленные уполномоченными Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

В послевоенные десятилетия мусульманские праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам в сельской местности отмечались с размахом, продолжались по 2–3 дня. В Пензенской, Куйбышевской областях дни празднеств в татарских населенных пунктах фактически становились выходными, учреждения под разными предлогами на эти дни закрывались, в колхозах не выдавались наряды [Королев, Королева, 2008, с. 302]. В религиозных праздниках принимали участие не только рядовые колхозники, но также сельская интеллигенция и партийная прослойка. Представители власти в лице председателей колхозов и исполкомов сельских Советов, если и не принимали участие в коллективной молитве сами и не совершали пожертвования, то и не препятствовали собраниям верующих в частных домах и на кладбищах, закрывали глаза на невыход колхозников на работу [Хасянов,

2015, с. 391]. «Хрущевская» антирелигиозная кампания ограничила масштабы празднований, но полностью изжить их не удалось.

В Чувашской АССР верующие в положенные сроки отмечали мусульманские праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам. В дни празднования Курбан-байрам производился массовый забой скота. Праздничные богослужения проводились в частных домах и на мусульманских кладбищах. В сельской местности в месяц Рамазан работники-татары чаще выходили на больничный, ученики школ не пользовались школьным буфетом (по состоянию на 1970 год) [Справка уполномоченного..., Л. 91].

Верующие в селе (как и в городе) выполняли важную интегративную функцию. Именно верующая часть татарского населения активнее всех поддерживала родственные и земляческие связи. Эндогамные установки при вступлении в брак поддерживали в первую очередь верующие, тогда как неверующие относились к этой части семейно-брачной этики безразлично [Орлов, 1974, с. 96]. Как верующие, так и неверующие разделяли мысль о том, что ценности ислама способствуют поддержанию общественного порядка, поощряют крепкую семью, трезвый образ жизни. А. Орлов полагает, что татары как национальное меньшинство обращались к религии, рассматривая ее как средство защиты национальной целостности и форму выражения национального самосознания [Орлов, 1976, с. 143].

В сельской местности продолжала функционировать мусульманская община. Община выделяла помещения для проведения молитвенных собраний, собирала пожертвования на строительство культовых зданий, распорядительствовала на похоронах, в отдельных случаях поднимала перед местной властью вопросы возвращения культовых зданий.

По данным Л. Браславского, в городах и селах Чувашии имелось несколько десятков «параллельных мечетей» [Браславский, 1997, с. 73]. Имеются сведения о незаконно, но открыто действовавших мечетях в деревнях Энгуразово Тамбовской области [Ислам в Центрально-Европейской..., 2009], Кильдураз Буинского района ТАССР [Мөхәммәтжанов]. По словам нашего респондента И.В., родившегося в деревне Чиканас Арского района ТАССР, в 1980-е годы в деревне имелась неофициально действовавшая мечеть¹. Руководивший обрядами житель деревни именовался муллою. Сведения об активности духовенства и о неофициально действовавших мечетях имплицитно содержатся в социологических данных. Так, из трех исследованных А.М. Орловым населенных пунктов в Горьковской области официально мечеть действовала только в одном. Однако при этом в другом населенном пункте 15 % взрослых жителей постоянно слушали пятничные проповеди, а 40 % – слушали проповеди нерегулярно, в основном во время мусульманских праздников [Орлов, 1977, с. 122]. Участие значительной части взрослого населения в пятничных молитвах и в праздничных богослужениях подразумевает наличие более или менее вместительного здания мечети, способного принять столь внушительное собрание, а также действующее на постоянной основе духовенство.

Сельскую религиозность у татар можно описать как связный образ жизни, в котором язык, обычаи и религия взаимно дополняют друг друга. Оседлый образ жизни, национальная замкнутость, вызванная вековым национальным гнетом, закрытая модель идентичности способствовали приверженности татар религиозным традициям. Из-за принудительной атеизации татары оказались вне институциональной религиозной организации. В характере религиозности возобладали архаичные локальные формы. Прояснение специфики сельской религиозности требует обращения к обозначениям «народный», «бытовой» и «неофициальный ислам».

Народная религиозность как глубоко укорененная в народном сознании система жизни человека латентно присутствовала в сельской среде даже в условиях насаждения

¹ Исследование проведено автором в 2020 году в Казани методом телефонного интервью среди татар – жителей внутригородских поселков Ново-Каравасво и Северный. Опрошено 104 человека в возрасте от 54 до 87 лет.

атеистической идеологии. Народная религиозность была организована вокруг обрядовых практик. А.В. Мухаметшина перечисляет элементы народного ислама, присущие Среднему Поволжью: почитание местных святых, культ предков, семейные обряды, локальные дополнения в области обрядовой практики [Мухаметшина, 2014]. Данные «неканонические» элементы мусульманского вероисповедания у татар усилились из-за гонений на официальное духовенство в советские годы.

Советские авторы рассуждали о секуляризации села в терминологии «сближения города и деревни». Считалось, что выравнивание социально-экономического положения колхозников и рабочих и выравнивание уровня образования, наряду с массовым атеизмом, обеспечило бы условия для воспитания «нового человека» и создания социальной общности «советский народ». Для социологической характеристики религиозной ситуации в татарском селе следовало бы обратить внимание на реальные отличия в жизни колхозного крестьянства по сравнению с жизнью в совхозах и городах. Так, невозможно не заметить депривированного положения части советских граждан, особенно в сельской местности, где члены колхозов были юридически ограничены в праве свободного передвижения и выбора места проживания вплоть до 1974 года [Об утверждении..., 1974]. Для сельской местности тех лет характерно отставание социальной сферы, очень актуальна проблема плохих коммуникаций (бездорожье, плохая связь), в целом низкого уровня жизни, правовых и социальных гарантий граждан. Крайне ограниченным было государственное пенсионное обеспечение.

Патриархальный быт, религиозные традиции в колхозной деревне сохранялись во многом по причине экстенсивного характера развития советского сельского хозяйства. На протяжении 1950–1970-х основные капиталовложения в развитие АПК приходились на целинные хозяйства и совхозные агрокомплексы, в то время как значительная часть коллективных хозяйств РСФСР была убыточной, а уровень жизни колхозников – в разы ниже, чем у горожан. Неудивительно, что состояние народного образования и учреждений культуры, которые являлись основным проводником атеистического воспитания в сельской местности, также было довольно плачевным. Основная масса школ в сельской местности была семилетней. Полное среднее образование в СССР до 1956 года было платным [Об отмене..., 1956] и недоступным для большей части сельской молодежи. Влияние общественных организаций на сельскую молодежь прерывалось после завершения школьного обучения (это наблюдение касается татарских сел Пензенской области). Исследования московских этносоциологов в 1967 году показали, что социально-профессиональная структура татарского села ТАССР надолго как бы «застыла» в своем довоенном состоянии. Доля работников квалифицированного труда и интеллигенции росла очень медленно. Подавляющее большинство в сельском населении составляли разнорабочие и неквалифицированные работники – 70 %. По сравнению с довоенным 1939 годом их доля уменьшилась всего на 10 %. С 1939 по 1967 год доля служащих сократилась на 1 пункт, а доля интеллигенции – увеличилась на 4 пункта [Социальное и национальное, 1973, с. 55]. В сельском хозяйстве не происходило ожидаемого на пути строительства коммунистического общества сближения физического и умственного труда и, тем более, ускоренного «сближения города и деревни».

А.М. Орлов установил, что наибольший процент верующих и наименьший процент атеистов наблюдается в среднем по числу жителей населенном пункте, наиболее отдаленном от районного центра, сильно страдавшем от бездорожья. Коллективное хозяйство в этом населенном пункте не имело прочной экономической базы, уровень заработной платы рос низкими темпами и наблюдался интенсивный отток населения [Орлов, 1977, с. 62].

Уполномоченный Совета по делам религий по Пензенской области С. Горбачев на основании собираемых комиссиями исполкомов местных советов сведений составил социологическую классификацию по 15 (из примерно 50) татарских населенных пунктов по

уровню религиозности, по состоянию на середину 1960-х гг., которая во многом не потеряла актуальности по сей день:

1) населенные пункты с повышенной степенью религиозности, чье население характеризовалось стабильно высокой религиозной активностью, доминирующим содержанием мужчин среди верующих и т.д.;

2) группа сел с умеренной степенью религиозности, которую характеризует то, что «молодежь <...> мечетей не посещает, а если и бывают отдельные случаи посещения молодежью мечетей, то они весьма незначительны, не массовы»;

3) села с относительно низкой степенью религиозности. В этих селах наблюдалась более низкая посещаемость мечетей верующими, в основном пожилого и среднего возраста, хождения на кладбища в дни мусульманских праздников не носили массовый характер [Королев, Королева, 2008, с. 300].

В третью группу были включены небольшие по числу жителей населенные пункты. В первую и вторую – сравнительно крупные. В первой группе самое малое по числу жителей поселение по состоянию на 1979 год насчитывало 1 274 человека. Самое крупное – 8 105 человек. Во второй группе величина населенных пунктов варьирует в диапазоне от 1 545 до 2 715 человек. В третьей группе величина колеблется от 304 до 696, то есть это сравнительно малые по меркам области населенные пункты ¹.

Стремление сохранить конфессиональную идентичность как часть этнической идентичности было особенно свойственно татарам, компактно проживавшим в иноэтничном окружении. Весьма показательным то, что верующие в Пензенской области и в соседних областях открыто исполняли свои религиозные обряды, независимо от юридического статуса общины. Безусловно, в ТАССР и БАССР условия были намного суровее. В таких регионах как Пензенская, Горьковская, Ульяновская области и Чувашская АССР, где в советские времена фиксировался повышенный уровень мусульманской религиозности, по отношению к мусульманам действовал более либеральный тип государственно-конфессиональных отношений. В частности, была распространена негласная практика игнорирования местными властями проблемы существования неофициального ислама. Как правило, власти не преследовали верующих за проведение религиозных обрядов. Ответным условием такого «общественного договора» было непринятие верующими действий по официальной регистрации общин. Конвенциональное невмешательство власти в частную жизнь верующих было значительной уступкой со стороны официальной идеологии.

Заключение

При изучении устойчивости религиозности в российском селе практиковались различные подходы. С точки зрения советских социологов, религиоведов и этнографов, сельская религиозность была архаичным, пережиточным явлением, никакой роли в современной общественно-экономической жизни не игравшим. С точки зрения западных авторов, религиозность была естественным явлением, которое поддерживалось и воспроизводилось в новых поколениях благодаря процессам этнической консолидации. Специфика сельской мусульманской религиозности в Среднем Поволжье выражалась в приверженности «народным» формам религиозности, которые не воспринимались отдельно от национальных традиций, в повсеместном существовании нерегистрируемых, но устойчивых религиозных общин.

Социальная среда, благоприятная для сохранения сельской религиозности татарского населения в Среднем Поволжье, складывалась из условий проживания в колхозной деревне, из компактного проживания вне национальной автономии, из более однородной социально-профессиональной структуры сельского населения, из отставания сельской со-

¹ Подсчитано по сведениям о населенных пунктах Пензенской области, размещенным на сайте М.С. Полубоярова www.suslony.ru.

циальной инфраструктуры, из величины населенного пункта. Неравномерное развитие села в социальном и культурном отношении породило своеобразные социальные изоляты, в которых антирелигиозная пропаганда на фоне общей коммунальной неустроенности воспринималась без энтузиазма.

Условиями для сохранения традиционного жизненного уклада и религиозности стали не отдаленность или периферийность, а многолюдность населенных пунктов и положение национального и религиозного меньшинства.

Причины сохранения в советской действительности густонаселенных и набожных татарских населенных пунктов до конца не изучены. Ключ к пониманию, на наш взгляд, лежит в изучении особенностей религиозности, поскольку неформальные экономические и социальные практики строились вокруг национальных и религиозных традиций. Важно, что религиозные ценности, сформированные в традиционном типе общества, отдают предпочтение коллективизму, в противоположность господствующему в современном обществе индивидуализму и потребительскому эгоизму. Высокая религиозность в местах компактного проживания татарского населения имела последствия в таком современном феномене, когда наиболее набожные в советские годы татарские села оказались наиболее экономически развитыми и устойчивыми в демографическом отношении.

Проблема устойчивости сельской религиозности является частью более широкой проблемы – задачи сохранения поволжского села как устойчивого этносоциального организма.

Список источников

- Ислам в Центрально-Европейской части России: энц. словарь. 2009. Т. 4. М. –Н. Новгород, ИД Медина, 403 с.
- Мөхәммәтжанов Ә. Жомга намазында. Безнең гәжит. 8 декабрь 2021 ел. 16 б. «О деятельности мусульманских религиозных объединений на территории Чувашской АССР» (1988 год). Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1857. Оп. 4. № 152. Л. 13-17.
- «Об итогах социологического исследования религиозности населения города и задачах по дальнейшему улучшению атеистической работы». Постановление ГК КПСС г. Казани от 15 мая 1967 г. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). Ф. 26. Оп. 37. № 1089. Л. 217-219.
- Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР. Постановление Совета Министров СССР от 6 июня 1956 г. N 768. Бюллетень текущего законодательства. М.: Прокуратура СССР. 1956. № 6. С. 34.
- Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР. Собрание постановлений Правительства СССР. М.: Юридическая литература, 1974. № 19. С. 387–398.
- Справка уполномоченного Совета по делам религии при СМ СССР по Чувашской АССР И. Михайлова (1970 год). ГИА ЧР. Ф. 1857. Оп. 4. № 22. Л. 91.
- Стенограмма всероссийского совещания по научно-атеистической пропаганде. (г.Казань, 24-26.11.1965). Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 1. № 40.

Список литературы

- Атеизм в СССР: Становление и развитие. 1986. М., Мысль. 235 с.
- Балтанов Р.Г. 1973. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). Казань, Казанский университет. 251 с.
- Браславский Л.Ю. 1997. Ислам в Чувашии. Исторические и культурологические аспекты. Чебоксары, Чувашия. 160 с.
- Ингинова Л.В., Лебедев В.И. 1997. Культура и быт татар Пензенской губернии двадцатых годов XX века. Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т. 3. М.: 87–89.

- Королева Л., Королев А. 2008. Татары-мусульмане Пензенской области: взгляд в советское прошлое (1940-1980-е гг.). Антропологический форум, 9: 299–308.
- Кудряшов Г.Е. 1974. Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретного социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания пережитков чувашей. Чебоксары, Чувашское кн. изд-во, 355 с.
- Левада Ю.А. 1965. Социальная природа религии. М., Наука, 261 с.
- Лопаткин Р.А. 2010. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы. Государство, религия, Церковь в России и за рубежом, 4(28): 266–272.
- Лошакова И.Л. 1992. Динамика изменений духовной ориентации советского общества в период 1961–1985 гг. (По материалам Уральского региона). Пермь, Изд. Пермский ун-т, 188 с.
- Мухаметшин Р. 2003. Татары и ислам в XX веке. Казань, Изд-во Фэн, 303 с.
- Мухаметшина А.В. 2014. Ислам в Среднем Поволжье: общее и особенное. Казань. Татарское книжное издательство, 245 с.
- Орлов А.М. 1974. Опыт исследования процесса секуляризации в татарских селах. Вопросы научного атеизма. Выпуск 16. М., Мысль: 89–102.
- Орлов А.М. 1977. Проблемы атеистического воспитания населения, живущего в инонациональной среде: (Исследования групп татар. населения в Горьк. и Пенз. обл.). Дис. ... канд. филос. наук: (09.00.06). М., 198 с.
- Орлов А. 1976. Преодоление пережитков религии – составная часть борьбы за упрочение социалистического образа жизни. Диалектика национального и интернационального в социалистическом образе жизни. Казань, Казанский ун-т: 143–144.
- Перестройка и преодоление религиозных предрассудков. 1988. Под общ. ред. А.Н. Калаганова. Казань, Татарск. кн. изд-во, 160 с.
- Соловьев В.С. 1979. Атеизм и формирование нового человека. Йошкар-Ола, Маркнигоиздат, 167 с.
- Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. 1973. Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., Наука, 332 с.
- Филимонов Э.Г. 1974. Социологические исследования процесса преодоления религии в сельской местности: итоги, проблемы, перспективы. Вопросы научного атеизма. Выпуск 16. М., Мысль: 71–88.
- Хамитова Р. 1975. Основы дифференцированного подхода в атеистической работе. Атеисты за работой. Уфа, Башкирское кн. изд-во: 133–143.
- Хасянов О.Р. 2015. Религиозная праздничная культура колхозной деревни в послевоенное десятилетие (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей). Научный диалог, 12(48): 386–399.
- Якупов В. 2005. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. Казань, Иман, 144 с.
- Devlet N. 1985. Islam in Tataristan. *Institute of Muslim Minority Affairs*, 2: 336–344.
- Devlet N. 1986. The Present Situation of the Soviet Muslims: the Example of Kazan Tatars. The Sixth International Conference of World Assembly of Muslim Youth (22-27 January 1986): 1–15.
- Rorlich A-A. 1986. The Volga Tatars. A profile in national resilience. Stanford University, 288 p.
- Sorokin P., Zimmerman C.C. 1929. Principles of rural-urban sociology. New York. H. Holt, 652 p.

References

- Ateizm v SSSR: stanovlenie i razvitie [Atheism in the USSR: Formation and development]. 1986. Moscow, Publ. Mysl', 235 p.
- Baltanov R.G. 1973. Sotsiologicheskie problemy v sisteme nauchno-ateisticheskogo vospitaniya. (Problemy konkretno-sotsiologicheskogo analiza religii i ateizma v SSSR) [Sociological problems in the system of scientific and atheistic education.]. Kazan, Publ. Kazanskii un-t, 251 p.
- Braslavskii L.Yu. 1997. Islam v Chuvashii. Istoricheskie i kul'turologicheskie aspekty [Islam in Chuvashia. Historical and cultural aspects]. Cheboksary, Publ. Chuvashiya, 160 p.
- Inginova L.V., Lebedev V.I. 1997. Kul'tura i byt tatar Penzenskoi gubernii dvadtsatykh godov XX veka [Culture and life of the Tatars of the Penza province of the twenties of the XX century]. In: Yazyki, dukhovnaya kul'tura i istoriya tyurkov: traditsii i sovremennost'. Vol. 3. Moscow: 87–89.

- Korolyova L., Korolyov A. 2008. Tatars-musul'mane Penzenskoj oblasti: vzglyad v sovetskoe proshloe (1940–1980-e gg.) [Muslim Tatars of the Penza region: a look into the Soviet past (1940–1980)]. *Antropologicheskij forum*, 9: 299–308.
- Kudryashov G.E. 1974. Dinamika polisinkreticheskoi religioznosti. Opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretnogo sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya perezhitkov chuvashei [Dynamics of polysyncretic religiosity. Experience of historical-ethnographic and specific sociological research of the genesis, evolution and extinction of the remnants of the Chuvash]. Cheboksary, Publ. Chuvashskoe kn. izd-vo, 355 p.
- Levada Yu.A. 1965. Sotsial'naya priroda religii [The Social Nature of Religion]. Moscow, Publ. Nauka, 261 p.
- Lopatkin R.A. 2010. Sotsiologiya religii v Rossii: opyt proshlogo i sovremennye problem [Sociology of Religion in Russia: Past Experience and Contemporary Issues]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 4(28): 266–272.
- Loshakova I.L. 1992. Dinamika izmenenii dukhovnoi orientatsii sovetskogo obshchestva v period 1961–1985 gg. (Po materialam Ural'skogo regiona) [Dynamics of changes in the spiritual orientation of Soviet society in the period 1961–1985. (According to the materials of the Ural region)]. Perm', Publ. Permskii un-t, 188 p.
- Mukhametshin R. 2003. Tatars i islam v XX veke [Tatars and Islam in the 20th century]. Kazan, Publ. Izd-vo Fen, 303 p.
- Mukhametshina A.V. 2014. Islam v Srednem Povolzh'e: obshchee i osobennoe [Islam in the Middle Volga Region: General and Special]. Kazan, Publ. Tatarsk. kn. izd-vo 245 p.
- Orlov A. 1976. Preodolenie perezhitkov religii – sostavnaya chast' bor'by za uprochenie sotsialisticheskogo obraza zhizni. Dialektika natsional'nogo i internatsional'nogo v sotsialisticheskom obraze zhizni [Overcoming the vestiges of religion is an integral part of the struggle to strengthen the socialist way of life]. Kazan, Publ. Kazanskii un-t: 143–144.
- Orlov A.M. 1977. Problemy ateisticheskogo vospitaniya naseleniya, zhivushchego v inonatsional'noi srede: (Issledovaniya grupp tatar. naseleniya v Gor'k. i Penz. obl.) [Problems of atheistic education of the population living in a foreign environment: (Studies of groups of the Tatar population in the Gorky and Penz regions)]. Dis. ... PhD: (09.00.06). Moscow, 198 p.
- Orlov A.M. 1974. Opyt issledovaniya protsessa sekulyarizatsii v tatarskikh selakh [Experience in studying the process of secularization in Tatar villages]. In: *Voprosy nauchnogo ateizma*. Issue 16. Moscow, Publ. Mysl': 89–102.
- Perestroika i preodolenie religioznykh predrassudkov [Perestrojka and overcoming religious prejudices]. 1988. Ed. by A.N. Kalaganov. Kazan, Publ. Tatarsk. kn. izd-vo: 160 p.
- Solov'ev V.S. 1979. Ateizm i formirovanie novogo cheloveka [Atheism and the Formation of the New Man]. Ioshkar-Ola, Publ. Marknigoizdat, 167 p.
- Sotsial'noe i natsional'noe. Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoi ASSR [Social and national. Experience of ethno-sociological research based on the materials of the Tatar ASSR]. 1973. Ed. by Yu.V. Arutyunyan. Moscow, Publ. Nauka, 332 p.
- Filimonov E.G. 1974. Sotsiologicheskie issledovaniya protsessa preodoleniya religii v sel'skoi mestnosti: itogi, problemy, perspektivy [Sociological studies of the process of overcoming religion in rural areas: results, problems, prospects]. In: *Voprosy nauchnogo ateizma*. Vypusk 16. Moscow, Publ. Mysl': 71–88.
- Khamitova R. 1975. Osnovy differentsirovannogo podkhoda v ateisticheskoi rabote [Fundamentals of a differentiated approach in atheistic work]. In: *Ateisty za rabotoi*. Ufa, Publ. Bashk. kn. izd-vo: 133–143.
- Khasyanov O.R. 2015. Religioznaya prazdnichnaya kul'tura kolkhoznoi derevni v poslevoennoe desyatiletie (na materialakh Kuibyshevskoi i Ul'yanovskoi oblastei) [Religious holiday culture of the collective farm village in the post-war decade (on the materials of the Kuibyshev and Ulyanovsk regions)]. *Nauchnyi dialog*, 12(48): 386–399.
- Yakupov V. 2005. Islam v Tatarstane v 1990-e gody [Islam in Tatarstan in the 1990s]. Kazan, Publ. Iman, 144 p.
- Devlet N. 1985. Islam in Tataristan. *Institute of Muslim Minority Affairs*, 2: 336–344.

- Devlet N. 1986. The Present Situation of the Soviet Muslims: the Example of Kazan Tatars. The Sixth International Conference of World Assembly of Muslim Youth (22–27 January 1986): 1–15.
Rorlich A-A. 1986. The Volga Tatars. A profile in national resilience. Publ. Stanford University, 288 p.
Sorokin P., Zimmerman C.C. 1929. Principles of rural-urban sociology. New York. Publ. H. Holt, 652 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.04.2022
Поступила после рецензирования 25.07.2022
Принята к публикации 18.08.2022

Received April 21, 2022
Revised July 25, 2022
Accepted August 18, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кильдеев Мансур Вилевич, кандидат социологических наук, социолог отдела аналитики процессов в молодежной среде, ГБУ РЦ «Навигатор», г. Казань, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mansour V. Kildeev, PHD (sociology), sociologist of the Analytic department, “Navigator” Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs, Kazan, Russia

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 1(0.91)

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-467-473

История одного кольца. Инструментализация насилия и терроризм

Борисовский А.В., Борисов С.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: borisovskiy@mail.ru; borisov_sn@bsu.edu.ru

Аннотация: История кольца Гига служит парадигмальным примером инструментализации насилия в европейской философской традиции. Осмысление насилия в категориях цели и средства раскрывает и проблематизирует понимание насилия как инструмента, поскольку угроза правовому порядку исходит не только от частных целей человека, но и от самого насилия, которое не является «простым» инструментом и потенциально может разорвать связь между целью и средством в формате мифологического или божественного насилия. Поглощение насилием государственного и правового порядка может вести как к прерыванию инструментального насилия, так и к усилению этой инструментализации. В отношении первого можно сделать вывод, что терроризм как феномен связан с миметической «работой» насилия как манифестации, а также как инструмента, реализуемого на периферии сложившихся общественных институций в условиях сбоев государственных структур и кризиса традиционных способов организации жизни.

Ключевые слова: насилие, терроризм, инструмент, власть, государство, миф

Для цитирования: Борисовский А.В., Борисов С.Н. 2022. История одного кольца. Инструментализация насилия и терроризм. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 47(3): 467–473. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-467-473

The History of One Ring. Instrumentalization of Violence and Terrorism

Andrey V. Borisovsky, Sergey N. Borisov

Belgorod National Research University,
85 Victory St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: borisovskiy@mail.ru; borisov_sn@bsu.edu.ru

Abstract: The history of the Gigs ring serves as a paradigm example of the instrumentalization of violence in the European philosophical tradition. Understanding violence in terms of end and means reveals and problematizes the understanding of violence as a tool, since the threat to the legal order comes not only from the private goals of a person, but also from violence itself, which is not a “simple” tool and can potentially break the link between goal and means in mythological or divine violence. Absorption by violence of the state and legal order can lead both to the interruption of instrumental violence and to the strengthening of this instrumentalization. With regard to the first, it can be concluded that terrorism as a phenomenon is associated with the mimetic “work” of violence as a manifestation, as well as a tool implemented on the periphery of established public institutions in the face of failure of state structures and the crisis of traditional ways of organizing life.

Key words: violence, terrorism, tool, power, state, myth

For citation: Borisovsky A.V., Borisov S.N. 2022. The History of One Ring. Instrumentalization of Violence and Terrorism. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 467–473 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-467-473

Введение

Современные конфликты существенно меняют восприятие феномена терроризма, существовавшее еще совсем недавно, в конце XX века. Привычные категории и оценки не соответствуют стремительно меняющейся действительности, что подтверждают события на Ближнем Востоке, в целом ряде стран Африки и в некоторых других регионах мира. Ставшее привычным для описания терроризма противостояние государства и иррегулярных террористических образований снова подвергается сомнению. Сама реальность производит ревизию идей и теорий, инициируя поиск трансисторических и транскультурных универсалий, позволяющих говорить о насилии, радикализме и терроризме в прошлом и настоящем, связать воедино опыт Античности и эпохи Модерна с реалиями XXI века. Проблема инструментализации насилия актуальна в этом контексте и может помочь в создании адекватного дискурса о терроризме, отвечающего современной ситуации и самому динамично изменяющемуся феномену терроризма.

Кольцо Гига и парадигма инструментализации

Среди легенд, упомянутых Платоном в своих диалогах, история о кольце пастуха Гига кажется достаточно периферийной. По крайней мере, она уступает в популярности «Мифу о пещере». Вместе с тем образ кольца, дающего владельцу сверхъестественные способности, наделяющего его властью, достаточно популярен в европейской литературе – от трактата Цицерона «Об обязанностях», цикла произведений Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга» до всем известных произведений Дж. Толкина «Властелин колец». В большинстве этих образов простое действие с кольцом, позволяющее его обладателю исчезнуть, стать невидимым для окружающих, кажется мечтой или проклятием для владельца, а также угрозой для всех остальных. Прежде всего, угрозой, связанной с властью.

И хотя разговор у Платона начинается с обсуждения справедливости, центром истории о кольце можно признать проблему насилия и власти. Дилемма о вынужденном характере справедливости, поднятая Фрасимахом, разворачивается вокруг проблемы наказания и предположения о том, что возможность его избежать, обойти закон раскрывает природу человека и сущностное отсутствие различия между справедливым и несправедливым. История Гига служит иллюстрацией этой идеи, поскольку пастух находит кольцо, поворот которого делает его невидимым, что далее позволяет ему убить царя и занять его место. Отметим еще раз, что свойства кольца позволили безнаказанно убивать и захватить власть.

При этом происхождение кольца остается неясным исходя из текста Платона. Спустившись в некую расселину и заглянув в находящегося там медного коня, пастух «увидел мертвеца, на вид больше человеческого роста. На мертвеце не было ничего, только на руке – золотой перстень» (359 е) [Платон, 1972, с. 119]. Гиг выясняет свойства кольца случайно – сидя на сходке пастухов, он поворачивает кольцо и обнаруживает, что сделался невидимым. Нет упоминания о том, что кольцо принадлежало некоему Богу или являлось его подарком людям, кроме фразы о том, что оно позволяет пастуху «действовать среди людей так, словно он равен Богу» (360 с) [Платон, 1972, с. 119]. То есть кольцо не относится к числу божественных артефактов, а только в силу своих свойств походит на них. Нам кажется это важно, поскольку позволяет отнести кольцо к сфере профанной, человеческой, а значит всему сотворенному человеком и инструментам в том числе, которые позволяют человеку сделать то, что без них он зачастую сделать не может.

История кольца Гига является также историей о зрении и видимости. Поворот кольца делает обладателя невидимым для других людей (у Платона сначала для пастухов, а после – для короля). Захват власти позволяет говорить также о том, что Гиг невидим и для нее, невидим для закона, который он обходит. Сам же он видит все. Это важно, поскольку стандартная диспозиция оказывается перевернута. Именно власть всевидяща и обладает способностью обустроивать проницаемые пространства. Мишель Фуко в своем исследовании пенитенциарных практик в качестве примера берет другую эпоху, но стремление властных практик к паноптичности является сквозным [Фуко, 1999]. И зрение в них как раз является инструментом контроля и подчинения.

В трактате «Об обязанностях» Цицерон также упоминает о кольце Гига и говорит о зрении, но только не внешнем, а внутреннем: «...да будут изгнаны из нашей среды люди, рассуждающие так; ибо все они — преступники и нечестивцы; ведь они рассуждают о том, следовать ли им тому, что, как они видят, прекрасно в нравственном отношении, или же сознательно запятнать себя злодеянием; ведь уже в самом сомнении кроется дурное деяние, хотя они до него и не дошли» [Цицерон, 2020, с. 382]. Цицерон ведет речь о видении нравственного в себе, которое не должно позволять совершать преступления, даже если никто из людей не видит и никто не узнает, что закон был нарушен. Зрение препятствует и предотвращает преступление, также как невидимость влечет за собой насилие. Видеть означает знать что-либо. Для Цицерона знание, равное видению, предотвращает преступление и поддерживает нравственность.

В свою очередь Руссо, кажется, объединяет два смысла зрения в обращении к истории о кольце Гига: «Если б я был невидим и всемогущ, как бог, я был бы благодетелем и добр, как он. Сила и свобода – вот что делает человека прекрасным. Слабость и рабство никогда не создавали никого, кроме злых. Если б я владел кольцом Гигеса, оно сделало бы меня независимым от людей и поставило бы их в зависимость от меня» [Руссо, 1961, с. 626]. С такой не только идеалистической, но также экстраординарной, внешней, можно сказать, «божественной» позиции, обеспеченной способностью видеть, оставаясь при этом невидимым, Руссо пишет о возможности реализации своей природы, которая была бы направлена на достижение всеобщего блага, что возможно благодаря проницаемости его взгляда не только внешнего, но и внутреннего. «Всегда справедливый без предубеждения и добрый без слабости, я в равной мере оградил бы себя и от слепой подозрительности, и от неумолимой ненависти людей; видя их такими, каковы они есть, и без труда читая в их сердцах...» – Руссо полагает найти в людях достаточно хорошего для совершения добра, равно как и силы для того, чтобы удержаться от зла. Иными словами, зрение для него и есть сила, а также знание. Оно проецирует человеческую природу во вне, в том числе через насилие. Продолжив мысленный эксперимент с кольцом, можно предположить, что, попав в руки злого человека, кольцо принесло бы значительные несчастья.

Можно предположить, что само кольцо, подобно любому другому инструменту, нейтрально. Исходный платонов Гиг, используя кольцо, проецирует свою собственную природу, проявляет ее, сам оставаясь сокрытым. Сама этимология слова «инструмент» говорит о простом движении, некотором элементарном действии, вставлении, введении чего-либо. Аналог в русском языке – слово «орудие» изначально имело смысл работы и только позднее орудия как оружия. В общем смысле инструмент есть приспособление для выполнения работы или задачи, и в изложенной истории о кольце Гига само кольцо можно считать инструментом достижения власти, но посредством использования насилия. Насилие как бы вклинивается между человеком с кольцом и властью. Одного поворота кольца, будь оно божественным или волшебным, было бы достаточно. Однако в истории Платона все реалистично. Власть присваивается через убийство и предательство. Связь между кольцом и насилием устанавливается самая непосредственная, ведь именно оно позволяет Гигу творить насилие безнаказанно. Вопрос в том, насколько реален переход от кольца (инструмента) к насилию, можно ли возникшую связь назвать инструментализацией.

Арендт и Беньямин: инструментализация между средством и целью

Ханна Арендт в своей работе «О насилии» уже на первых страницах устанавливает связь между насилием и орудиями, указывая, что насилие «всегда нуждается в орудиях» [Арендт, 2014, с. 8], чем отличается от силы или мощи. Однако подобная связь еще не является основанием для утверждения об инструментализации насилия, да и сама необходимость орудий для насилия является спорной, если под последними не понимать руки человека или голос. Более обоснованным предстает второй тезис Арендт: «Сама сущность насильственного действия управляется категорией «средство – цель», а применительно к человеческим делам основное средство этой категории – это риск, что цель окажется подчинена средствам, которые она оправдывает и которые требуются для ее достижения» [Арендт, 2014, с. 8]. То есть, насилие в этой паре категорий выступает как средство, что и составляет основу инструментализации. Акцент на сложном или даже неустойчивом характере насилия как средства и на связанных с ним целях проговаривается сразу. Он состоит в сложности «надежного предвидения» целей, а также в значительной доле случайности, связанной с реализацией целей насильственным способом [Арендт, 2014, с. 8]. Иными словами, насилие отличается от любой другой человеческой деятельности повышенной степенью риска, непредсказуемостью результата, несмотря на все существующие средства ведения борьбы и существующие методики прогноза. Этот факт не столько затрудняет использование насилия как средства, сколько контроль этого средства.

Имея опыт тоталитарных режимов XX века и мировых войн, Арендт пишет: «Саморазрушительность победы насилия над властью нигде так не очевидна, как в использовании террора для поддержания господства – террора, о зловещих успехах и окончательных поражениях которого мы знаем, наверное, больше, чем какое бы то ни было поколение до нас. Террор – не то же самое, что насилие; это форма правления, возникающая, когда насилие, разрушив всякую власть, не уходит со сцены, но, напротив, сохраняет за собой полный контроль» [Арендт, 2014, с. 65]. В этом случае средство поглощает цель, замещает ее собой. При этом насилие как средство становится самодостаточным, так же как и демонстрирует свою эффективность. В некотором смысле кольцо Гига, создавая беспрецедентные преимущества владельцу, ведет не к тривиальному насилию, а к террору.

Осмысление насилия через категории цели и средства мы находим у В. Беньямина, идеи которого позволяют продолжить мысленный эксперимент Платона о кольце в несколько ином ключе. Беньямин в небольшом тексте «К критике насилия» пишет: «...Насилием в точном смысле этого слова любая действенная причина становится только тогда, когда она затрагивает моральные установления. Сфера этих установлений обозначается понятиями права и справедливости. Что касается первого из них, то ясно, что элементарнейшим условием любого правопорядка является соотношение средства и цели. Далее ясно также, что насилие в первую очередь обнаруживается в сфере средств, а не целей» [Беньямин, 2012, с. 65]. Перевод рассуждений о насилии в плоскость целей, которым оно служит, позволяет говорить о справедливых и несправедливых целях, но не о самом насилии. Насколько оно как средство, как инструмент применимо для решения конкретной цели. Тем более эти размышления интересны в связи с дальнейшей отсылкой к естественному праву и террору времен французской революции. Насилие как естественный феномен дозволено при условии, что этот инструмент решает справедливые цели. На примере, приведенном Беньямином, видно, что сам инструмент, взятый вне целей, имеет значение.

Позитивное право, на котором останавливается Беньямин, решает проблему соотношения средств и целей через критическое осмысление средств, которые могут быть законными и не законными. Первые при совпадении со справедливыми целями делают насилие дозволенным. Это не отменяет инструментального характера насилия, но укореняет конкретные практики насилия в истории, тем самым делая его санкционированным. Причем

сама эта процедура мае непасрэднае адносіненне к суб'ектам права, а значыць к тым, хто можа насіліе ініцыяваць. Бен'ямін адзначае, што максіма еўрапейскага заканадаўства состоіць у тым, што «...усе естэсвенныя цэлі асобных асоб уваходзяць у проціваручэнне з прававымі цэлямі, калі дасягаюцца пры дапамозе ў той ці іншай ступені значальнага насілія» [Бен'ямін, 2012, с. 69]. Інымі словамі, выкарыстанне насілія як інструмента адчуждзена ад чалавека ў карысць дзяржавы, а парушэнне гэтага правіла пагражае самому праваму парадку, паколькі, відавочна, канкрэтны чалавек праследуе естэсвенныя цэлі, а не прававыя.

Аднак пагроза праву ісходзіць не толькі ад естэсвенных ці асобных цэляў чалавека, але і самага насілія, якое не з'яўляецца «простым» інструментам ці сродкам. Насіліе можа «свергнуць правапарадак» [Бен'ямін, 2012, с. 72]. То ёсць пачаткова альбо сутэсна насіліе можа разарваць сувязь паміж цэлю і сродкам. І тут трэба спыніцца і прыпыніць лінію, выстраіваемую Бен'ямінам, паколькі паглычэнне насіліем парадка можа весці як да перапынення інструменталізацыі насілія, так і да ўзмацнення гэтай інструменталізацыі, паглычэнню інструментам гэтай цэлі, якой ён служыў. Б. Бачко ў рабоце «Як выйсці з тэрора?» апісвае тэрор як інструмент палітыкі. Прыведзем цытату, у якой ідзе гаворка аб познім этапе дэмантажу палітыкі тэрора, які, вядома, таксама дзейнічаў тэрорыстычным механізмам: «Як і другія міфы, слух аб Робесп'еры-кароле — гэта выдуманне тэрорыстычнае. Тэрорыстычнае, паколькі яно было сфабрыкавана палітычнай і паліцэйскай машынай Тэрора, але ў тую ж час і таму, што яно было адрасавана сацыяльнай сістэме асоб, сфарміраванай Тэрорам. Пасля даследавання Мішле аб пачатку Рэвалюцыі можна сказаць, што з пачаткам Тэрора стала казаться магчымым не проста ўсё, а ўсё, што ўгодна. У атмасферы, накаленай да мяжы пастаяннымі чысткамі, даносамі ў імя грамадзянскай добродетелі, беспрыкладнай эскаляцыяй абвінавачванняў, беспрыпынным раскрыццём новых заговораў, было адчуццё, што ад падозрэнняў ніхто не абаронены» [Бачко, 2006, с. 44]. Інтэрасна тое, што Бачко выкарыстоўвае выраз «тэрорыстычны механізм» і «паліцэйская машына». Стварэнне атмасферы страху, сістэмы даносаў і абвінавачванняў, паліцэйскага нагляду, заключэння, судовага прысуду і казней — усё гэта адзін механізм тэрора. І калі ён знаходзіўся пад кантролем палітыкі, то выхад з яго з'яўляўся б таксама праблемай палітычнай, рашальнай, адпаведна, сродкамі палітычнымі. Аднак мы дазволім сабе зрабіць здадаванне, што метады выхаду з тэрора не з'яўляліся палітычнымі, па меншай меры, пераважна палітычнымі. Вярнуць насіліе «пад кантроль» палітычнае, авернуць вспяць інструменталізацыю, вышедшую з-пад кантроля, з'яўляецца магчымым тэрорыстычнымі ж сродкамі.

Больш тое, сам падыход да вызначэння тэрора як палітыкі (толькі як палітыкі) з'яўляецца пад пагрозай. П. Гэніфе вызначае тэрор у сувязі з рэвалюцыяй як інструмент рэалізацыі палітычных праектаў: «...Сучаснае ўяўленне аб рэвалюцыі з'явілася ў свет у бурным 1789 г. Яно пабудавана на веры ў рад фактараў: пераважна ўсё, у безмежныя магчымасці чалавечай волі, далей — у сілу розуму і, нарэшце, — у бесканечную падатлівасць рэальнага. Воля, паставленая на службу розуму для пераўтварэння рэальнасці, — гэта сутэсць сучаснай рэвалюцыі, і менавіта таму на яе шляху ляжыць пропасьць, дзе таяцца насіліе і тэрор. Такое саюжанне асноваў на веры ў перакананні дазваляе вынашываць праект пераўтварэння грамадства па пераважна складзенаму плану, ніяк не звязанаму з традыцыяй і гісторыяй. Інакш гаворачы, няма такой утопіі, калі нават экстравагантнай, якая, будучы ўзброена палітычнай воляй, не можа быць прэтэндаваць на змену рэальнага па сваёму асобу і падобнасці. Адпаведна, тэрор з'яўляецца амаль неабходным следствам намаганняў па прывядзенню ў адпаведнасць ідэальнага і рэальнага, паколькі для пераўтварэння гэтага плану неабходна падпарадкаваць сабе рэальнае і зруйнаваць усё тэ перашкоды, якія неабходна з'яўляюцца на шляху ідэальнага» [Гэніфе, 2000, с. 70]. Неперфектнасць рэальнага свету ў сутыкненні з ідэалісты-

ческим проектами раскрывает террор как инструмент преодоления этого несовершенства, однако такого инструмента, который имеет свою собственную логику развития, в том числе угрожающую самой политике.

Другое следствие, проистекающее из разрыва между целью и средством, состоит в выходе за условные пределы инструментальности. Такое насилие Беньямин характеризует как роковое или мифологическое, открывающееся в невозможности универсализации целей и средств. Он пишет: «Что касается человека, то ярость, например, побуждает его к очевиднейшим взрывам насилия, которое относится к поставленной цели не как средство. Такое насилие является не средством, а манифестацией» [Беньямин, 2012, с. 87]. Ярость против расчета и манифестация против инструментализации. Это противостояние двух видов насилия раскрывает причину, по которой кольцо Гига не может иметь божественной природы. Оно – инструмент, который может служить средством для достижения частных целей и даже быть правоподдерживающим (как в случае политики государственного террора), но не правоустанавливающим.

Если говорить о манифестации насилия, то более удачный образ для его репрезентации – это другое кольцо. То, которое создает Альберих в «Золоте Рейна» Рихарда Вагнера. Его действие разрушительно, аффективно, но также способно породить новый порядок и новое право. Сам Беньямин приводит в пример мифологическую историю о Ниобее, отмечая, что «...насилие, обрушивающееся на Ниобею, проистекает из неопределенной, двусмысленной сферы судьбы. Оно само по себе не является разрушительным. Хотя оно и приносит детям Ниобеи кровавую гибель, оно не покушается на жизнь матери, оставляя ее после смерти детей лишь более виновной...» [Беньямин, 2012, с. 88]. В любом случае, ярость, гнев, вина, другая максимально интенсивная эмоция отсылает к потере человеком контроля, можно сказать, к выходу из себя или захваченности чем-то внешним. Такой контекст имеет также этимологические пересечения между мифологическим насилием и террором, так как ужас, *horror*, происходит от латинского глагола *horreo* [Cavarego, 2010, p. 7], что имеет также значение ступора, окаменения, отсылающего к фигуре медузы Горгоны.

Заключение

Инструментализация насилия, осмысливаемая в европейской философии в категориях средства и цели, позволяет сделать вывод о том, что насилие не является «простым» инструментом, поскольку потенциально может разорвать связь между целью и средством в формате мифологического или божественного насилия. Кроме этого, можно предположить, что терроризм связан с «работой» насилия и как манифестации, и как инструмента. Субъекты, «зараженные» первым видом насилия, включаются и используются в рамках второго. Потому часто терроризм имеет место на периферии сложившихся институций, там, где дают собой государственные структуры, традиционные институты организации жизни.

Как нам представляется, указанная двойственность терроризма оказывает влияние или даже запутывает его исследователей. На уровне рефлексии и на уровне использования террора как инструмента политики, его осмысления в этом ключе возникающие противоречия вскрывают двойственную природу терроризма, включающую инструментализацию насилия и насилие как манифестацию сакрального. По нашему мнению, указанная двойственность является определяющей для понимания терроризма как прошлого, так и современности.

Список литературы

- Арендт Х. 2014. О насилии. М., Новое издательство, 148 с.
Бачко Б. 2006. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., BALTRUS, 345 с.

- Беньямин В. 2012. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М., РГГУ, 288 с.
Генифе П. 2000. Французская революция и Террор / Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. М., URSS, 264 с.
Платон. 1972. Соч. в 3-х томах. Т. 3, ч. 2. М., Мысль, 478 с.
Руссо Ж.-Ж. 1961. Избранные сочинения. Т. 3. М., Госполитиздат, 838 с.
Фуко М. 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., «Ad Marginem», 480 с.
Цицерон. 2020. Моральные размышления. О старости, о дружбе, об обязанностях. М., РиполКлассик, 450 с.
Cavarero A. 2010. *Horrorism: Naming Contemporary, Violence* Columbia University Press, 168 p.

References

- Arendt H. 2014. *O nasilii*. [About violence]. М., Novoe izdatel'stvo, 148 p.
Bachko V. 2006. *Kak vyjti iz Terrora? Termidor i revoljucija* [How to get out of Terror? Thermidor and revolution]. М., BALTRUS, 345 p.
Ben'jamin V. 2012. *Uchenie o podobii. Mediajesteticheskie proizvedeniya*. [The doctrine of similarity. Media aesthetic works]. М., RGGU, 288 p.
Genife P. 2000. *Francuzskaja revoljucija i Terror. Francuzskij ezhegodnik 2000: 200 let Francuzskoj revoljucii 1789-1799 gg.: Itogi jubileja*. [The French Revolution and Terror. In: French Yearbook 2000: 200 years of the French Revolution 1789-1799: The results of the anniversary]. М., URSS, 264 p.
Platon. 1972. *Op. in 3 volumes. Vol. 3, part 2*. М., Mysl', 478 p.
Russo Zh.-Zh. 1961. *Izbrannye sochineniya. T. 3*. [Selected works. Vol. 3]. М., Gospolitizdat, 838 p.
Fuko M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my*. [To supervise and punish. The birth of the prison]. М., «Ad Marginem», 480 p.
Ciceron. 2020. *Moral'nye razmyshleniya. O starosti, o druzhbe, ob objazannostjah*. [Moral reflections. About old age, about friendship, about responsibilities]. М., RipolKlassik, 450 p.
Cavarero A. 2010. *Horrorism: Naming Contemporary, Violence* Columbia University Press, 168 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.04.2022
Поступила после рецензирования 14.07.2022
Принята к публикации 30.07.2022

Received April 14, 2022
Revised July 14, 2022
Accepted July 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисовский Андрей Владимирович, соискатель кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Borisovsky, Competitor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Sergey N. Borisov, PhD in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 1.13.130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-474-482

На смену постмодерну: обзор новых концепций состояния культуры и общества

Рецова К.М.

Институт философии и социально-политических наук,
Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, Днепроvский переулок, 116

Аннотация. Вопрос о том, какая социокультурная парадигма пришла на смену постмодерну, сегодня активно исследуется философами и культурологами. В силу того, что работы западных авторов на эту тему мало исследованы и не переведены на русский язык, российская гуманитарная мысль не обогащается новыми трактовками современного состояния культуры, оставаясь в неопределенном отношении к концу постмодерна. Цель исследования – обосновать факт окончания эпохи постмодерна и дополнить языки описания современной эпохи. В ходе работы был проведен анализ новейших концепций, которые описывают условный термин «постпостмодерн». В результате исследования было выявлено, что представленные концепции фокусируются на изменениях, которые произошли с современным обществом за последние 20 лет. Результаты исследования дополняют язык описания новой социокультурной парадигмы для всех, кто занимается исследованиями в области социальной философии, культурологии и социологии.

Ключевые слова: социальная философия, постпостмодерн, метамодерн, метамодернизм, гипермодернизм, трансмодернизм, автомодернизм, диджимодернизм, космодернизм, перформатизм, неомодернизм, ремодернизм, альтермодерн

Для цитирования: Рецова К.М. 2022. На смену постмодерну: обзор новых концепций состояния культуры и общества. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(3): 474–482. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-474-482

In Place of Postmodernity: A Review of New Concepts of the State of Culture and Society

Karina M. Retsova

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences,
116 Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don 344000, Russia

Abstract. The question of what sociocultural paradigm has replaced postmodernism is being actively studied by philosophers and culturologists today. Due to the fact that the works of Western authors on this topic have been little studied and not translated into Russian, Russian humanitarian thought is not enriched with new interpretations of the current state of culture, remaining in an indefinite relationship to the end of postmodernity. The purpose of the study is to substantiate the fact of the end of the postmodern era and supplement the languages of description of the modern era with the help of a review of modern concepts of the state of culture and society. In the course of the work, a collection and analysis of the latest concepts that describe the conditional term "post-postmodern" was carried out. As a result of the study, it was revealed that the presented concepts focus on the changes that have occurred with modern society over the past 20 years. The results of the study complement the language of description of the new socio-cultural paradigm for all those involved in research in the field of social philosophy, cultural studies and sociology.

Keywords: social philosophy, post-postmodernism, metamodern, metamodernism, hypermodernism, transmodernism, automodernism, digimodernism, cosmomodernism, performatism, neomodernism, remodernism, altermodernism

For citation: Retsova K.M. 2022. In Place of Postmodernity: A Review of New Concepts of the State of 474–482 (in Russian).

Введение

Темой данного исследования являются разнообразные концепции, претендующие называться адекватным языками описания современного социокультурного состояния и отражающие его эстетические представления. Их объединяет то, что все они возникли как реакция на воображаемый или реальный конец эпохи постмодерна. Цель исследования – обосновать факт окончания эпохи постмодерна и дополнить языки описания современной эпохи с помощью обзора современных концепций состояния культуры и общества. Абсолютное большинство исследований не переведены на русский язык, однако, по нашему мнению, для тех, кто сегодня занимается исследованиями в области социальной философии, культурологии и социологии, эти работы представляют существенную научную ценность.

Среди доступных публикаций, дающих представление о разнообразных концепциях постпостмодерна на английском языке, можно назвать сборник «Вытеснение постмодерна. Антология сочинений об искусстве и культуре начала 21 века» [2015] (хотя он не претендует на исчерпывающее представление темы; многие концепции в нем не упоминаются). На русском языке существует обширный труд А. Павлова «Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время» [Павлов, 2019] и крайне малое количество статей разных авторов, анализирующих отдельные концепции постпостмодернизма. Отсутствие активного интереса к современным концепциям, представленным в статье, можно объяснить только малым знакомством с ними. Их исключительная ценность, разумеется, не в том, чтобы множить «измы», а в том, что каждая из них отражает действительность через призму своих основных концептов. И знакомство с ними позволяет увидеть ситуацию современности объемно и структурно.

Как уже было сказано, все рассматриваемые теории в качестве своей отправной точки берут конец эпохи постмодернизма. Когда мы имеем дело со столь «скользким» термином, следует в общих чертах пояснить, что именно мы будем под ним подразумевать (потому как понимание его в каждой теории несколько разнится). Постмодернизм мы будем трактовать как определенное социокультурное состояние общества с присущим ему типом языка описания. В статье будут рассмотрены одиннадцать концепций, семь из которых зародились в среде социокультурных исследований (гипермодернизм, метамодернизм, трансмодернизм, автомодернизм, диджимодернизм, космодернизм, пост-постмодернизм), три берут истоки в теории искусства и эстетики (ремодернизм, альтермодернизм, перформатизм) и одна относится к обоим этим группам (неомодернизм). Последовательность рассмотрения соответствует времени появления.

К сожалению, большинство рассмотренных работ западных авторов пока не переведены на русский язык. Особенного внимания заслуживают книги «Время гипермодерна» Ж. Липовецки [Lipovetsky, 2005], «Автомодерн после постмодернизма: автономия и автоматизация в культуре, технологиях и образовании» Р. Сэмюэлс [Samuels, 2009], «Диджимодернизм: как новые технологии разрушают постмодерн и перестраивают нашу культуру» А. Кирби [Kirby, 2009] и «Пост-постмодернизм, или культурная логика современного капитализма» Д. Нилон [Nealon, 2012]. Остается выразить надежду, что хотя бы часть их будет переведена.

Обзор новых концепций состояния культуры и общества

Начнем с термина «гипермодерн». Впервые он был предложен для объяснения современного культурного состояния французским этнографом Марком Оже. В 1992 году он издал книгу «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» [Augé, 1992]. На русском языке работа вышла в 2017 году. Главная характеристика современности, по Оже, это переизбыток: перенасыщение времени событиями, переход пространства из локального в глобальное и избыточное сосредоточение индивида на своем «я». Эти процессы приводят к умножению того, что Оже называет «не-места». Под этим термином он понимает определенные локации, в которых на некоторый отрезок времени фокусируется человек, пребывающий в них с целью дальнейшего перемещения. Через такие места постоянно проходит огромный поток людей. К ним можно отнести, например, вокзалы, торговые центры, федеральные транспортные трассы и т. д. [Оже, 2017, с. 136].

Более широкую известность получило использование термина «гипермодерн» французским философом, писателем и социологом Жилем Липовецки. В соавторстве с философом С. Шарлем в 2004 году он издал работу «Время гипермодерна» [Lipovetsky, 2004], которая через год была переведена на английский язык. Именно из этого издания и была почерпнута информация для нашего анализа. Гиперпотребление и гипермодернистская личность – признаки того, что мы вступили в новую фазу «гипермодернизма». Гиперпотребление поглощает и интегрирует все больше сфер социальной жизни и побуждает людей потреблять для личного удовольствия, а не для повышения своего социального статуса. Гипермодернистский индивид ориентирован на удовольствие и гедонизм, но одновременно с этим полон напряжения и беспокойства, возникающих в жизни, лишенной традиций и определенного будущего. Больше нет систем убеждений, к которым можно обратиться за уверенностью. Субъект стал заменен функциями объекта. Технология сближается с биологией, а информация с материей.

Термин «гипермодернизм» для определения современного состояния так же использовал американский философ Альберт Боргманн в своей книге «Преодолевая постмодернистскую пропасть» [Borgmann, 1992, с. 100, 126].

Следующее определение – перформатизм было впервые использовано исследователем культуры Раулем Эшельманом в 2000 году в эссе на немецком языке. Затем эти идеи получили развитие в работе «Перформатизм, или Конец постмодернизма», которая появилась в 2008 году. В этой работе отмечается, что перформатизм является прежде всего эстетической теорией, хоть и охватывает некоторые социальные аспекты [Eshelman, 2008, с. 32]. Существует интернет-ресурс, созданный Эшельманом, где размещаются результаты его исследований. В статье «Что такое перформатизм?»¹, написанной в 2020 году, он называет перформатизм эпохальной концепцией постпостмодернизма, определяя его как движение, которое замещает иронию постмодерна на уверенность, основанную на художественной ценности и опыте индивидуального восприятия. В отличие от других определений постсовременности, перформатизм концептуально может быть отделен не только от постмодернизма, но и от модернизма, поэтому он не нуждается в префиксах к «модернизму», которые активно используются другими концепциями. Причина, по которой он выбрал перформатизм, заключается в том, что он восходит к латинскому корню и означает «делать вещи через форму». И в виду того, что перформатизм сосредоточен на анализе произведений искусства, литературы, кино, философии и архитектуры с точки зрения того, как они развиваются в своих собственных системах отсчета, понятие формы, через которую они выражают свои смыслы, становится чрезвычайно важным. В этой же статье Эшельман приводит ряд ключевых отличий перформатизма от постмодернизма, которые

¹ Eshelman R. 2020. What Is Performatism? URL: <https://performatism.de/What-is-Performatism> (accessed: 10.01.2022).

тезисно могут быть выражены в следующем: перформатизм заменяет постмодернистскую иронию на эстетически опосредованную веру; отменяет постмодернистский «конец истории» и возрождает непосредственное восприятие настоящего; имеет примат интуиции и мимики над дискурсом; создает искусственные условия, в которых мы можем переживать все виды явлений, которые постмодернисты считают метафизическими иллюзиями, например, любовь, красоту, веру, примирение или превосходство.

Еще одна альтернатива постмодерну – трансмодернизм. Возникновение термина «трансмодернизм» связано с именами двух философов: аргентинского – Энрике Дюсселя и испанского – Розы Марии Родригес Магды. Роза Мария Родригес Магда, философ и писатель, автор многочисленных книг, изданий и статей по современной мысли, феминистской теории, критике и литературному творчеству, начала поднимать тему конца постмодерна в 1998 году в книге «Что после постмодернизма?» [Rodríguez Magda, 1998]. Окончательное осмысление и определение границ термин получил в ее работе «Трансмодернизм» свежие линии теоретизирования и представить новую парадигму настоящего с его острыми проблемами: экзистенциальным кризисом, эмансипацией, пониманием справедливости и разума, с которыми постмодернистская критика уже не справлялась. Таким образом, трансмодернизм представил глобальную модель понимания нашего настоящего, представляя возможности развития на всех уровнях, без ложных эпистемологических закрытий. Надо отметить, что сам подход исследовательницы основан на гегелевской логике и рассматривает модернизм, постмодернизм и трансмодернизм как диалектическую триаду, в которой трансмодернизм отрицает модернизм и постмодернизм, одновременно включая их элементы в себя.

Позже свое развитие этот термин получил в рамках философского движения «Философия освобождения», одной из главных фигур которого является аргентинско-мексиканский философ Энрике Дюссель. В статье «Трансмодерн и межкультурность: интерпретация с точки зрения философии освобождения» [Dussel, 2012] он обращает внимание на постколониальный и периферийный мир, такой как мир Индии, Африки или Латинской Америки, который он называет творческим ядром культурного обновления и ответом на мучительные вызовы начала 21 века. Трансмодернизм стремится оживить и модернизировать традицию, а не уничтожить или заменить ее. В отличие от постмодернизма, он делает акцент на духовности, экологии, альтернативных религиях и трансперсональной психологии. Критикует пессимизм, нигилизм, релятивизм и отказ от любого четко очерченного мировоззрения.

Далее мы переходим к термину, который применялся не только для обозначения эпохи постпостмодерна. Он использовался в религиоведении, искусствоведении и даже в теории шахматной игры. Сам префикс «нео» и его самоочевидное значение провоцировало возникновение этого термина в самых разных областях и с разным содержательным наполнением. Здесь мы сосредоточимся на его понимании как философской позиции относительно современности. Термин связан с работами Виктора Грауэра, в частности с его статьей «Миф о постмодернизме» [Grauer, 1981], где он определяет неомодернизм как возвращение к самым фундаментальным принципам классического модернизма, который он называет типом «А». Он предлагает мыслить в терминах трех «модернизмов», которые обозначает как «А», «В» и «С». «А» – это классический модернизм как путь выражения 20 века и реакция на господствующий романтический идеализм 19 века. Модернизм «В» – продолжение позднего романтизма в модернистском облике; «С» – раскрывающий противоречия классического модернизма.

Так же возрождение ранних принципов модернизма присуще ремодернизму. В 2000 году английский художник, писатель и музыкант Билли Чайлдиш вместе со своим единомышленником Чарльзом Томсоном ввели этот термин в своем «Манифесте ремодер-

низма» [Childish, Thomson, 2000]. Он состоит из 14 пунктов и призывает к периоду новой духовности в искусстве, культуре и обществе, которая призвана заменить постмодернизм. Однако ключевые идеи манифеста касаются именно искусства, поэтому этот термин не претендует на всеохватную концепцию, отражающую современность.

Еще одна альтернативная постмодернизму концепция получила название «автомодернизм». Это определение использовал американский социальный теоретик Роберт Сэмюэлс. Известность получили две его работы – «Автомодерн после постмодернизма: автономия и автоматизация в культуре, технологиях и образовании» [Samuels, 2008] и «Новые медиа, исследования культуры и критическая теория после постмодернизма: автоматодерн от Жижека до Лакло» [Samuels, 2009]. Автор утверждает, мы вступили в новую эру истории культуры, в которой доминирует парадоксальное сочетание социальной автоматизации и индивидуальной автономии. Используя термин «автомодерн» для описания этой новой культурной стадии, он показывает недостатки предыдущих теорий современного общества. Сэмюэлс обращает внимание на то, что постмодернистский дискурс исчерпал свои возможности для анализа явлений, которые сегодня принципиально изменились, – новых медиа и технологий. Мы вступили в период автоматодернизма, и ключом к этой культурной эпохе является сочетание технологической автоматизации и человеческой автономии [Samuels, 2008, с. 219].

О конце постмодернизма в 2006 году в своем эссе «Смерть постмодернизма и за ее пределами» [Kirby, 2006] сказал британский исследователь литературы и культуры Алан Кирби. В нем он утверждает, что постмодернизм мертв и похоронен. На смену ему приходит новая парадигма власти и знаний, сформированная под давлением новых технологий и современных социальных сил. Начиная с конца 1990-х и до начала 2000-х, термины, в соответствии с которыми воспринимаются власть, знание, самость, реальность и время, были изменены внезапно и навсегда; природа автора, читателя и текста, а также отношения между ними с появлением новых технологий кардинально реструктурировались. Современный период он называет «псевдомодернизмом» и среди его ключевых характеристик выделяет физическое вмешательство индивида в культурные продукты, технические средства, с помощью которых человек создает культурный контент и отсутствие культурной памяти [Kirby, 2006].

В своей следующей работе – книге «Диджимодернизм: как новые технологии разрушают постмодерн и перестраивают нашу культуру» [Kirby, 2009] Кирби меняет термин «псевдомодернизм» на «диджимодернизм», еще более подчеркивая доминирующую роль тотальной цифровизации. Автор анализирует Интернет, телевидение, медиа, кино, компьютерные игры, музыку и т.д. через проявление в них нового культурного ландшафта. В 2015 году в сборнике «Планетарный поворот: взаимосвязь и геоэстетика в XXI веке» была опубликована статья Кирби «Возможность кибер-безместности: диджимодернизм на планетарной платформе», где он рассматривает диджимодернистскую тенденцию к делокализации [Kirby, 2015, с. 86].

О новой культуре 21 века и конце постмодернизма говорит так же французский искусствовед и художественный критик Николя Буррио. Он использует термин «альтермодерн», который описывает реакцию на глобализованную культуру с новым духом и энергией. Среди основных понятий альтермодерна – креолизация, мультикультурализм, гетерохрония, гибридизация, гипертекст, виаторизация. Изначально термин «альтермодерн» возник как попытка описания искусства, созданного в современном глобальном контексте, как реакции против стандартизации и коммерциализации. Он же послужил названием выставки The Tate Triennial 2009, куратором которой выступил Буррио. В тексте манифеста альтермодерна автор провозглашает конец постмодернизма: мультикультурализм и дискурс идентичности вытесняются планетарным движением креолизации; культурный релятивизм и деконструкция постмодерна не могут противостоять массовой культуре. Сегодня путешествия, культурные обмены и изучение истории – это не просто мод-

ные темы, а признаки глубокой эволюции нашего видения мира. Вселенная становится территорией, во все измерения которой можно путешествовать как во времени, так и в пространстве [Bourriaud, 2009]. Специфику нашей эпохи и ее проблематику в ключе концепта альтермодернизма Буррио продолжает анализировать в книге «Радиант»

В 2010 году в качестве описания современности возник еще один термин, который в своем эссе «Заметки о метамодернизме»¹ ввели голландский исследователь культуры Робин ван ден Аккер и норвежский исследователь СМИ Тимотеус Вермулен. В нем они определяют метамодерн как новую структуру восприятия, которая гармонично совмещает в себе черты модерна и постмодерна [Vermeulen, van den Akker, 2010]. В этом эссе авторы делают краткий критический обзор предшествующих концепций постпостмодернитской эпохи и обосновывают свою. Среди основных терминов, описывающих метамодерн – осцилляция, атопический метаксис, современная эстетика, неоромантическая чувственность.

С понятием метамодерн связано так же имя английского художника Люка Тернера. В 2011 году он создал «Манифест метамодернизма» [Turner, 2011], где освещает его ключевые особенности и определяет его как подвижное «состояние между иронией и искренностью, наивностью и знанием, релятивизмом и правдой, оптимизмом и сомнением в погоне за множеством разрозненных и неуловимых горизонтов».

В 2017 году ван ден Аккер и Вермулен выпускают книгу «Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма» [Аккер, 2020], в которой исследуется понятие метамодернизма в различных областях искусства и культуры. Отдельные главы посвящены метамодернизму в кино, литературе, телевидении, искусстве и политике. Общая картина представляет метамодернизм не столько как философию, сколько как попытку создать общедоступный дискурс, который может описать и объяснить то, что сегодня происходит вокруг нас.

О возникновении новой культурной парадигмы на фоне ускоряющейся глобализации так же говорит американский исследователь Кристиан Морару и называет эту парадигму космодернизмом. В работе «Космодернизм: американский нарратив, поздняя глобализация и новый культурный образ» [Moraru, 2011] он определяет космодернизм как принципиально важную конструкцию, позволяющую сформулировать репрезентативные изменения последних двух десятилетий. Среди ключевых понятий Морару рассматривает глобализацию, космополитизм, техническую коммуникацию, модернизм, постмодернизм, постколониализм и мультикультурализм. В рецензии на книгу отмечается, что космодернизм находится в месте слияния истории, языка и этики и, по большей части, является этической концепцией [Sussman, 2013].

Термин «космодернизм» в своих исследованиях использовал физик-теоретик Басараб Николеску. В книге «От современности к космодерности: наука, культура и духовность» [Nicolescu, 2014] он рассматривает отношения между мирами современной науки и культуры, акцентирует внимание на угрозе слепой техничности, которая потенциально грозит человечеству самоуничтожением.

Последним концептом, рассмотренным в рамках этой статьи, будет постпостмодернизм. В качестве не просто общего термина, обозначающего время после постмодерна, а как самостоятельное определение он появился в работе американского исследователя культуры Джеффри Нилона «Пост-постмодернизм, или Культурная логика современного капитализма» [Nealon, 2012]. Книга начинается с методологического и исторического введения в тему «пост-постмодернизм», первый раздел посвящен культуре и экономике. Во втором разделе рассматривается вопрос о продвижении теории пост-постмодерна как

¹ Аккер Р., ван ден, Вермулен Т. 2015. Заметки о метамодернизме. Перевод с английского, Есипенко А. (Notes on metamodernism, Journal of AESTHETICS & CULTURE Vol. 2, 2010). URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 27.01.2022).

стиля взаимодействия, в заключении говорится о будущем гуманитарных наук в целом. Среди задач проекта, который автор называет пост-постмодернизмом – создание дискурса, подходящего для описания «новых экономик» и их сложных связей с культурным производством в настоящий момент, когда капитализм, похоже, не исчерпал себя [Nealon, 2012, с. 15]. Пост-постмодернистская мысль должна взять на себя работу по позитивному взгляду на трансформации настоящего, которые могут предложить пути выхода в будущее, и «лабораторией» для этого должны стать гуманитарные науки [Nealon, 2012, с. 194].

Заключение

Рассмотрев основные альтернативные метамодерну концепции новой социокультурной парадигмы в научной литературе и осветив современное состояние вопроса, мы выделили одиннадцать концепций – гипермодерн, перформатизм, трансмодернизм, неомодернизм, ремодернизм, автомодерн, диджимодерн, альтермодерн, метамодерн, космодернизм, пост-постмодернизм.

Мы сделали попытку не только дать достаточно полный обзор современных концепций, но и выделить их наиболее значимые характеристики. Главным критерием их сопоставления стало утверждение их авторов о том, что эпоха постмодерна окончена и на смену ему пришло новое культурное состояние. Итак, обзрев вышеозначенные концепции, мы увидели, что ключевые факторы, положенные в их основание, обосновывают окончание эпохи постмодернизма. Окончание эпохи постмодерна репрезентуется уже самим фактом наличия и появления все новых концепций, описывающих современное социокультурное состояние общества. Запрос на отражение новых феноменов возрастает, а описательные рамки постмодернизма становятся все более тесными и уже не могут служить языком описания современной социокультурной парадигмы.

Ключевыми характеристиками новой эпохи, по мнению авторов рассмотренных в статье трудов, являются креолизация, мультикультурализм, гетерохрония, гибридизация, гипертекст, виаторизация, цифровизация. Формулирование этих репрезентативных изменений последних двух десятилетий наглядно показывает новые пути развития культуры.

Ни одна из представленных концепций не является полностью охватывающей область изменений, которые настигли нас в современную эпоху. Каждая из них предельно фокусируется на своих ключевых темах и имеет безусловную ценность и эвристический потенциал. Наиболее рабочей концепцией на сегодня видится метамодернизм. Это направление активно развивается и охватывает новые аналитические горизонты. Хотя в ближайшее десятилетие можно ожидать возникновения и других альтернатив языка описания постпостмодерна.

References

- Аккер Р., ван ден, 2020. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. Пер. с англ., В.М. Липка. М., РИПОЛ классик, 342 с. (Metamodernism: historicity, affect, and depth after postmodernism. Rowman & Littlefield Publishers Group, Lanham, MD, USA, 260 p.).
- Akker R., van den 2020. Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism. М., РИПОЛ классик, 342. (in Russian). (Metamodernism: historicity, affect, and depth after postmodernism. Rowman & Littlefield Publishers Group, Lanham, MD, USA, 260 p.).
- Оже М. Не-места. 2017. Введение в антропологию гипермодерна. Пер. с франц., Коннов А.Ю. М., Новое литературное обозрение, 136 с. (Non-lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité. Seuil, coll. «La librairie du xxe siècle», 1992? 160 p.).
- Ozhe M. Ne-mesta. 2017. Vvedenie v antropologiju gipermoderna [An Introduction to Hypermodern Anthropology] М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 136 p. (in Russian). (Non-lieux. Introduction à
- Павлов А.В. 2019. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 560 с.

- Pavlov A.V. 2019. Postpostmodernizm: kak social'naja i kul'turnaja teorii objasnajut nashe vremja [Post-Pavlov A.V. 2019. Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм. Знание. Понимание. Умение, 1: 69–82.
- Pavlov A. V. 2019. Images of Modernity in the 21st Century: Supermodernism. Znanie. Ponimanie. Umenie, 1: 69–82. (in Russian).
- Augé M. 1992. Non-Lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité. Paris, Le Seuil, 155 p.
- Borgmann A. 1992. Crossing the postmodern divide. University of Chicago Press, 182 p.
- Bourriaud N. 2009. Altermodern explained: manifesto. URL: <https://www.e-flux.com/announcements/38261/altermodern-manifesto/> (accessed: 25.01.2022).
- Bourriaud N. 2009. The Radicant. Sternberg Press, 192 p.
- Childish B., Thomson C. 2000. Remodernism 'towards a new spirituality in art'. URL: <http://www.stuckism.com/remod.html> (accessed: 19.01.2022).
- Dussel E.D. 2012. Transmodernity and Interculturality: An Interpretation from the Perspective of Philosophy of Liberation. Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World, 1(3). URL: <https://escholarship.org/uc/item/6591j76r> (accessed: 10.01.2022).
- Eshelman R. 2008. Performatism, or the End of Postmodernism. The Davies Group Publishers, 288 p.
- Grauer A. 1981. The Myth of Post-Modernism. URL: <http://doktorgee.worldzonepro.com/Modern.htm> (accessed: 15.01.2022).
- Kirby A. 2006. The Death of Postmodernism And Beyond. Philosophy Now. URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (accessed: 18.01.2022).
- Kirby A. 2009. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N.Y. Continuum, 288 p.
- Kirby A. 2015. The Possibility of Cyber-Placelessness Digimodernism on a Planetary Platform. Elias, Amy J., and Christian Moraru. The Planetary Turn: Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century. Evanston: Northwestern University Press, 272 p.
- Lipovetsky G. 2004. Les temps hypermodernes, éditions Grasset, 196 p.
- Lipovetsky G., Sebastien C. 2005. Hypermodern Times. Cambridge: Polity Press, 150 p.
- Moraru, C. 2011. Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary. Ann Arbor: University of Michigan Press, 440 p.
- Nealon J. 2012. Post-Postmodernism: or, The Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism. Stanford University Press Stanford, California, 241 p.
- Nicolescu B. 2014. From Modernity to Cosmodernity. Science, Culture, and Spirituality. State University of New York Press, 282 p.
- Rodríguez Magda R. M. 1998. Y despues del postmodernismo ¿qué? [What about after postmodernism?], Barcelona, Anthropos, 400 p.-
- Rodríguez Magda R. M. 1989. La sonrisa de Saturno: Hacia una teoría transmoderna [Smile of Saturn. Towards a transmodernist theory], Barcelona, Anthropos, 270 p.
- Rodríguez Magda R. M. 2004. Transmodernidad [Transmodern], Barcelona. Anthropos, 222 p.
- Rudrum D., Stavris N. (eds.) 2015. Supplanting the postmodern. An anthology of writings on the arts and culture of the early 21st century. Bloomsbury academic, 400 p.
- Samuels R. 2008. Auto-Modernity After Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected T. McPherson (ed.). Cambridge, MA: MIT Press.
- Samuels R. 2009. New Media, Cultural Studies, and Critical Theory after Postmodernism: Automodernity from Zizek to Laclau, Palgrave Macmillan, 267 p.
- Sussman H. 2013. Review of Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary, by Christian Moraru. MLN, vol. 128 no. 5. Project Muse. URL: <https://muse.jhu.edu/article/535743> (accessed: 15.01.2022).
- Turner L. 2011. Metamodernist Manifesto. URL: <http://www.metamodernism.org/> (accessed: 23.01.2022).
- Vermeulen T., Akker R., van den 2017. Notes on metamodernism. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/jac.v2i0.5677> (accessed: 23.01.2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 11.02.2022
Поступила после рецензирования 11.05.2022
Принята к публикации 30.07.2022

Received February 11, 2021
Revised May 11, 2021
Accepted July 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рецова Карина Мишаевна, аспирант кафедры «Социальная философия», ЮФУ, Институт философии и социально-политических наук, г. Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karina M. Retsova, Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, Southern Federal University, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Rostov-on-Don, Russia

УДК 167.7

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-483-489

Заботливое и критическое мышление: социально-этическое измерение образовательного проекта

Суханова Н.П.

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56
E-mail: n.p.suhanova@edu.nsuem.ru

Аннотация. Значимость критического мышления в инновационных образовательных проектах предполагает обращение к нахождению средств и способов для развития рассуждающей мыслительной деятельности. Проблема переориентации традиционной информационной образовательной стратегии ставит вопросы осмысления модели «обучения как исследования». Площадкой для внедрения методологических принципов исследовательского образования выступает университетский курс «Логика и критическое мышление». Многослойность процесса мышления подразумевает интегративный характер его когнитивных компонентов и требует изучения феномена критического мышления с учетом обращения к концепту «заботливое мышление». Теоретические основания прагматизма-инструментализма анализируются с целью выявления структуры превращения проблемной ситуации в разрешенную в условиях организации обучения навыкам критического мышления как исследовательскому процессу. Научную новизну представляет понимание «заботы» в рамках изучаемого образовательного проекта с точки зрения прокламирования и внедрения принципов работы учебной группы как сообщества исследователей. Показаны результаты социально-этического характера, полученные в ходе реализации программы курса «Логика и критическое мышление», методологической установкой которого является ориентация на заботливое мышление.

Ключевые слова: критическое мышление, принцип заботы, образование, обучение, сообщество исследователей, логика, методология

Для цитирования: Суханова Н.П. 2022. Заботливое и критическое мышление: социально-этическое измерение образовательного проекта. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(3): 483–489. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-483-489

Caring and Critical Thinking: The Social and Ethical Dimension of an Educational Project

Natalya P. Sukhanova

Novosibirsk State University of Economics and Management
56 Kamenskaya St, Novosibirsk 630099, Russia
E-mail: n.p.suhanova@edu.nsuem.ru

Abstract. The importance of critical thinking in innovative educational projects implies an appeal to finding means and ways to develop reasoning thinking activity. The problem of reorientation of the traditional information educational strategy raises questions of understanding the model of "learning as research". The university course "Logic and Critical Thinking" serves as a platform for the introduction of methodological principles of research education. The multilayered nature of the thinking process implies the integrative nature of its cognitive components and requires the study of the phenomenon of critical thinking, taking into account the appeal to the concept of "caring thinking". The theoretical foundations of pragmatism-instrumentalism are analyzed in order to identify the structure of the transformation of a problematic situation into a resolved one in the conditions of the organization of teaching critical thinking skills as a research process. The scientific novelty is represented by the understanding of "caring" within

the framework of the educational project under study from the point of view of proclaiming and implementing the principles of the work of the study group as a community of researchers. The results of the socio-ethical nature obtained during the implementation of the program of the course "Logic and critical thinking", the methodological setting of which is the orientation to caring thinking, are shown.

Keywords: critical thinking, caring principle, education, training, research community, logic, methodology

For citation: Sukhanova N.P. 2022. Caring and Critical Thinking: The Social and Ethical Dimension of an Educational Project. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 483–489 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-483-489

Введение

Проблема значимости и статуса критического мышления в современной образовательной парадигме остается не разрешенной. На смену традиционной информационной образовательной модели, в основании которой лежит система накопления и трансляции знаний, приходят новые образовательные отношения с принципиально иным форматом доступа информационных источников. Цифровая трансформация образования порождает концепцию обучения как исследования. Формирующаяся сегодня образовательная модель ориентирована на субъекта образования нового типа, здесь акцентируется не количество знаний, а качество рассуждающей мыслительной деятельности и навыки самостоятельного мышления [Шевченко, 2019; Al-Shalabi, 2015].

В отечественной высшей школе курсы, посвященные критическому мышлению, запускаются неоднородно, спецификация курса зависит от методологического инструментария его создателей. Социологи, педагоги, психологи, философы, филологи наполняют программу курса в соответствии со своими предпочтениями, в университетах преподаются дисциплины «Критическое мышление и правила аргументации», «Основы системного мышления», «Технологии развития критического мышления», «Мышление и письмо», «Психология критического мышления», «Критическое и дизайн-мышление» и другие. Полипарадигмальность в понимании критического мышления продиктована незаконченностью поиска в определении данного явления и необходимостью междисциплинарных изысканий для построения цельной картины критического способа мышления. Многослойность и сложность процесса мышления подразумевает интегративный характер его когнитивных, эмоциональных, творческих компонентов и изучение критического мышления с необходимостью предполагает обращение к вопросу заботливого мышления, к принципу заботы.

Проблема заботы и образовательной практики, позиционированной через соотношение заботливого и критического мышления, находит теоретическое обоснование в трудах М. Фуко, В. Боффо, М. Липмана, Дж. Дьюи, Э. Шарп, С.И. Гессена, Г.В. Иванченко, В.М. Розина, Н.С. Юлиной и др. Изучение принципа заботы в развитии умения мыслить критически нуждается в дальнейшем изучении и целью настоящего исследования является выявление механизмов формирования навыков критического и заботливого мышления в рамках реализации образовательного проекта «Логика и критическое мышление».

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является феномен мышления, представляющийся многомерным и комплексным процессом, требующим осмысления в качестве формы практики системы образования.

Предметом анализа выступает критическое и заботливое мышление как компоненты эффективного мышления. Платформой для анализа качеств мышления и способов обучения искусному мышлению являются программные установки университетского курса «Логика и критическое мышление» и опыт внедрения данного курса.

Концепция исследования опирается на теорию мышления как формы практики и

теорию критического мышления как компонента хорошего мышления [Lipman, 2001]. Критическое мышление принято отождествлять с обоснованным рассуждением и теорией аргументации, грамотным оперированием понятиями и планомерным выстраиванием выводов, следованием композиции и структуре. Будучи важнейшим компонентом хорошего мышления, критическое мышление представляет лишь часть картины сознательного опыта. Заботливое мышление фокусируется на значимости оценки, восприятию альтернатив, установлении взаимоотношений, деятельном изменении себя [Фуко, 2007]. Принцип заботы продуцирует становление субъекта образования, возвышение индивида ко всеобщему. Интеграция заботливого и критического мышления в когнитивном процессе существует не в качестве абстрактного тезиса, она есть насущная потребность, осуществимая в образовательной практике [Дьюи, 2002].

Методы и методология исследования базируются на теоретических разработках по проблематике критического и заботливого мышления в отечественных и зарубежных философских трудах. Разноголосие научной литературы в понимании критического способа мышления и принципа заботы диктует необходимость обращения к сравнительному методу, методу рациональной реконструкции, герменевтическому методу. В анализе современной ситуации критического мышления в качестве учебного курса применялись методы включенного наблюдения, обобщения, компаративистский метод.

Обучение как исследование в организации занятия по логике и критическому мышлению

Концепция обучения как исследования выдвигается и получает теоретико-методологические обоснования в прагматическом проекте образования Д. Дьюи. Обучение как исследование противопоставляется традиционному обучению, когда учащиеся получают готовые исследовательские результаты и сам процесс их нахождения остается за гранью рассмотрения. Философия прагматизма-инструментализма Д. Дьюи исходит из опыта как отправной точки. Опыт понимается как ситуация, вынуждающая человека принимать решение, руководствуясь собственными предпочтениями и осуществляя самостоятельный выбор. Опыт есть фундамент, необходимый в ситуации конструируемой и управляемой деятельности, при формулировании и верификации гипотез. Мышление как метод обучения, метод использования ума в ходе процесса по приобретению опыта [Дьюи, 2000, с. 146] предполагает развитие логических и творческих способностей.

Процесс познания является деятельностью в направлении преобразования опыта, предстающего в виде неопределенных ситуаций, требующих быстрых и продуктивных решений. Опыт может представляться как в виде неопределенной ситуации, требующей ответных действий, так и в виде разрешенной ситуации, в случае с которой методом проб и ошибок выстраивается определенный алгоритм преодоления трудностей. Интеллектуальные инструменты призваны помочь в разрешении трудностей, претворить неопределенную ситуацию в определенную или разрешенную, именуемую в прагматической педагогике «проблемной». Механизм превращения проблемной ситуации в разрешенную представляется как «функционирование подлинно научного метода исследования, характерной чертой которого является применение разума, или собственно логического мышления» [Валеева, 2007, с. 52]. Методы обучения как исследования предполагают непрерывную заинтересованную деятельность учащегося с учетом того, что проблемная ситуация становится двигателем мыслительного процесса. В ходе разрешения проблемы учащийся находится в условиях самостоятельного информационного поиска, критического осмысления информации в течение исследовательского процесса. Участником осознается ответственное отношение в случае принимаемых решений.

При возникновении проблемной ситуации человек обращается к множеству крите-

риев, используемых им в качестве средств для наилучшего разрешения проблемы. Критериальность является условием выстраивания хороших суждений. Мы прибегаем в своей языковой практике к огромному количеству критериев, среди которых могут быть законы и формы правильного мышления, инструкции и нормы, определения, идеалы, эмпирические свидетельства, методы, положения, доказательства, факты и т.д. Критическое мышление апеллирует к критериям, что позволяет ему быть системным и структурированным, неуязвимым перед натиском чьей-либо аргументации, готовым к самоанализу. Образование невозможно без критериев, «университет есть, прежде всего, то пространство, в котором культивируется критическое мышление, вскрывающее недостатки наличных институтов и практик» [Прокофьев, 2018, с. 14]. Навыки критического мышления делают убеждения обоснованными и состоятельными, убеждения становятся опорными принципами для интеллектуально ответственного и этического поведения индивида.

Организация учебного занятия по логике и критическому мышлению как исследовательского процесса ориентирована на плодотворное обучение посредством совместной поисковой деятельности, результативной коллективной работы [Карпов, 2020]. Дидактические материалы выстраиваются таким образом, чтобы, оттолкнувшись от текста, учащиеся продумывали собственные объяснения, логически грамотные примеры, соглашались друг с другом или дискутировали. Коллективное исследование проблемной ситуации сопровождается выявлением логических ошибок в высказываниях участников, фиксацией критериев правдоподобного высказывания, корректировкой аргументации и выстраиванием сильной позиции. Поэтапно, от занятия к занятию учащиеся овладевают навыками критического, логичного, аргументированного способа мышления. Их собственным мыслительным достижением становятся представления о языке и мышлении, определении и правильном суждении, истинном выводе и заблуждении.

Преобразование участников проекта в сообщество исследователей предполагает особую структуру проведения занятия, в основании которого – сократический метод, диалог. Педагог здесь не занимает позицию ментора, всезнающего эксперта, он также становится участником диалога и находится в совместном поиске разрешения проблемной ситуации. Деятельность педагога при этом усложняется, нет возможности двигаться по отработанному сценарию, но необходимо умело направлять дискуссию, вовлекать в нее всех участников, поддерживать обсуждение острыми вопросами и избегать недемократических отношений [Рожкова, 2020]. Организация и поддержание сократического диалога на занятии по критическому мышлению способствует развитию когнитивных навыков учащихся, направленных на построение четкой аргументации, логический анализ собственных и чужих рассуждений, незатрудненное ориентирование в потоках информации. Особое значение для формирования критического мышления имеют лингвистические навыки, и в курсе изучается язык как средство познания, схемы понимания и объяснения. Сократический метод способствует оттачиванию умений ясно формулировать свои мысли, выражать их публично, и вместе с этим развивается и умение слышать мысли другого участника с учетом логики их построения, а также квалифицированно проявлять свое отношение по поводу содержательной части сказанного другим.

Заботливое и критическое мышление в сообществе исследователей

Педагогическая задача при выстраивании композиции курса «Логика и критическое мышление» состоит в необходимости структурирования материалов и технологий курса таким образом, чтобы обучить участников мыслить критически и контекстуально, расположить их к креативности в мышлении, сделать осмысленным обращение к критериям. Введение принципа заботы в методологическую структуру курса продиктовано тем, что эффективное мышление предполагает развитие не только критических и логических сторон интеллекта, но и осознание ответственности за происходящее с личностью обучающегося и

его окружением, заботливое мышление, «субъект должен постоянно осуществлять “заботу о себе”, погружаясь в поиск собственной идентичности» [Довгаленко, 2017, с. 242].

В человеческом бытии забота есть фундаментальная составляющая. Забота выступает как культурный феномен, событие мысли, поворотный момент. Без принципа заботы невозможно бытие субъекта в обществе постмодерна, «современный мир проникнут заботой как благом самим по себе» [Положенцев, 2011, с. 47]. Заботиться о себе, значит осознать, что субъект есть хранитель собственного своего бытия. Человек в стремлении наилучшим образом устроить свое бытие реализует все те возможности, которые могут быть предоставлены ему природой и обществом. Для М. Фуко принцип заботы есть определенная установка относительно самого себя и других, относительно окружающей реальности. Заботливое мышление предполагает особенную направленность внимания, необходимо перевести свой взор от внешнего, других на себя самого. Это своего рода способ отслеживания того, о чем и как ты думаешь, но в то же время забота есть и некое действие, производимое субъектом с целью принятия обязанности изменения и преобразования себя, становления себя [Фуко, 2007, с. 23].

Принцип заботы в образовательной практике являет собою конкретную задачу, направленную в первую очередь на преобразование себя. Забота присутствует всегда, она не есть нечто временное и отступающее на второй план, бытие субъекта неотъемлемо от принципа заботы, «забота задает человеческую онтологию» [Суханова, 2021, с. 116]. Игнорировать заботу не представляется возможным, поскольку человеку присуще трансцендирующее существование, осознанное и рефлексивное. Забота о себе не означает элиминации заботы о других [Болотникова, 2015; Дудина, 2019]. В рамках курса «Логика и критическое мышление» тема заботы находит практическое выражение посредством прокламирования и внедрения принципов работы учебной группы как исследовательского сообщества. Участники этого сообщества имеют разные способности, уровень подготовки, собственное понимание текстов. Сократический проблемно-деятельностный метод обучения нацелен на то, чтобы превратить группу участников проекта в нечто цельное, создать особую атмосферу взаимного доверия и понимания друг друга, заботливого отношения к окружающим членам сообщества. Заботливое мышление способствует прогрессивности когнитивных процессов, успешности в решении образовательных задач. В сообществе исследователей свобода выражения собственных идей сопряжена с социально-этическими нормативами организации диалога. Забота по отношению к другим участникам процесса, уважительное отношение к их мыслям и высказываниям, является важным этическим принципом взаимодействия членов сообщества. Принцип заботы связан с устремленностью к ценностям и нравственным императивам. Группа участников, образуя сообщество исследователей, ориентированных на развитие критического и заботливого мышления, являет возможность преобразования субъекта образования в современном обществе.

Заключение

Научная новизна исследования прослеживается в методологических принципах прагматизма-инструментализма, лежащих в основании реализации программы университетского курса «Логика и критическое мышление», что предполагает организацию учебной деятельности как исследовательского поиска, превращение группы участников в сообщество исследователей. Плодотворная работа по обретению навыков критического мышления учащимися неотъемлемо связана с распознаванием и внедрением принципа заботы в качестве показателя эффективного мышления. Практика преподавания курса, опорной методологической установкой которого является ориентация на заботливое мышление, позволяет зафиксировать определенные результаты социально-этического характера. Учащиеся демонстрируют навыки вдумчивого слушания других и уважительного отношения к их идеям. Совместный поиск решения проблемных ситуаций способствует формированию интеллектуальной ответственности участников и рефлексивному отноше-

нию к конструктивным замечаниям в адрес выдвигаемых собственных положений. Проблемно-деятельностный метод проведения занятий наряду с соревновательностью взглядов и мнений ориентирован на проявление толерантности в ситуации несогласия. Участники курса, производя оценочные высказывания, показывают готовность к признанию ошибочности своих суждений и возможности их изменения. Принцип заботы выражается в уважении коллектива, соблюдении участниками этических норм в ходе проведения дискуссии. Отмечается также заботливое отношение учащихся друг к другу в ходе диалога и возникающих спорных ситуаций. Парадигмальные установки программы курса «Логика и критическое мышление» нацелены на этическую и социальную направленность развития навыков критического мышления, централизацию концепта «заботливое мышление» в качестве методологического инструмента исследовательской образовательной стратегии.

Список литературы

- Болотникова Е.Н. 2015. Забота о себе: между эгоизмом и альтруизмом. XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс, 3-6 (28): 15–19.
- Валеева Л.А. 2007. Логический метод обучения Джона Дьюи. Фундаментальные исследования, 6: 50–52.
- Довгаленко Н.В. 2017. Настоятельность будущего: онтологический аспект. Вояджер: мир и человек, 9: 239–243.
- Дудина М.Н. 2019. Образование в условиях неопределенности: проблемы антропологической соразмерности. Философия образования, Т. 19, 2: 20–35.
- Дьюи Д. 2000. Демократия и образование. М., Педагогика-Пресс, 382 с.
- Дьюи Д. 2002. Общество и его проблемы. М., Идея-Пресс, 160 с.
- Карпов А.О. 2020. Знание, способное породить новое знание: ракурс науки и образования. Вопросы философии, 5: 103–115.
- Положенцев А.М. 2011. «Забота о тебе», или место этики в постсоциальном мире. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения, 2: 44–48.
- Прокофьев А.В. 2018. Экономический вызов университету: этическая рефлексия. Ведомости прикладной этики, 51: 9–31.
- Рожкова З.И. 2020. Образование для демократии или демократическое образование? Политика и Общество, 4: 39–49.
- Суханова Н.П. 2021. Трансформация субъекта образования: экспансия концепта заботы о себе. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 59: 112–120.
- Фуко М. 2007. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 677 с.
- Шевченко Н.И. 2019. Критическое мышление студентов как ответ на вызовы современной цивилизации. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки, 4 (32): 59–66.
- Al-Shalabi N. 2015. Critical Thinking Skills: The Recipe for an Overwhelming Success in the 21st Century. International Journal of Humanities and Social Science, Vol. 5, 8: 102–105.
- Lipman M. 2001. Thinking in Education. Cambridge: Cambridge University Press, 316 p.

References

- Bolotnikova E.N. 2015. Zabota o sebe: mezhdu jegoizmom i al'truizmom [Taking care of yourself: between egoism and altruism]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastojashhego pljus*, 3-6 (28): 15–19.
- Valeeva L.A. 2007. Logicheskij metod obuchenija Dzhona D'jui [John Dewey's logical teaching method]. *Fundamental'nye issledovanija*, 6: 50–52.
- Dovgalenko N.V. 2017. Nastojatel'nost' budushhego: ontologicheskij aspekt [The urgency of future: ontological aspect]. *Vojadzher: mir i chelovek*, 9: 239–243.

- Dudina M.N. 2019. Obrazovanie v uslovijah neopredelennosti: problemy antropologicheskoy sorazmernosti [Education under the conditions of uncertainty: the problems of anthropological proportionality]. *Filosofija obrazovaniya*, T. 19, 2: 20–35.
- D'jui D. 2000. Demokratsiya i obrazovanie [Democracy and education]. M., Publ. Pedagogika-Press, 382 p.
- D'jui D. 2002. Obshhestvo i ego problem [The public and its problems]. M., Publ. Ideja-Press, 160 p.
- Karpov A.O. 2020. Znanie, sposobnoe porozhdat' novoe znanie: rakurs nauki i obrazovaniya [Knowledge that can generate new knowledge: from the perspective of science and education]. *Voprosy filosofii*, 5: 103–115.
- Polozhencev A.M. 2011. «Zabota o tebe», ili mesto jetiki v postsocial'nom mire [«Care about you», or place of ethics in the postsocial world]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2: 44–48.
- Prokofiev A.V. 2018. Jekonomicheskij vyzov universitetu: jeticheskaja refleksija [The economic challenge to the university: an ethical reflection]. *Vedomosti prikladnoj jetiki*, 51: 9–31.
- Rozhkova Z.I. 2020. Obrazovanie dlja demokratii ili demokraticeskoe obrazovanie? [Education for democracy or democratic education?]. *Politika i Obshhestvo*, 4: 39–49.
- Sukhanova N.P. 2021. Transformacija sub"ekta obrazovaniya: jekspansija koncepta zaboty o sebe [Transformation of the subject of education: expansion of the concept of self-care]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 59: 112–120.
- Fuko M. 2007. Germenevtika sub"ekta: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu [Hermeneutics of the subject: A course of lectures given at the College de France in the academic year 1981–1982]. SPb., Publ. Nauka, 677 p.
- Shevchenko N.I. 2019. Kriticheskoe myshlenie studentov kak otvet na vyzovy sovremennoj civilizacii [Critical thinking of students as a response to the challenges of modern civilization]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki*, 4 (32): 59–66.
- Al-Shalabi N. 2015. Critical Thinking Skills: The Recipe for an Overwhelming Success in the 21st Century. *International Journal of Humanities and Social Science*, Vol. 5, 8: 102–105.
- Lipman M. 2001. Thinking in Education. Cambridge, Publ. Cambridge University Press, 316 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.09.2021
Поступила после рецензирования 18.12.2021
Принята к публикации 30.07.2022

Received September 14, 2021
Revised December 18, 2021
Accepted July 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханова Наталья Петровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2601-8236>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya P. Sukhanova, PhD in Philosophical sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Humanities, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2601-8236>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 342.565.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-490-497

Эволюция правового регулирования полномочия Конституционного Суда Российской Федерации по проверке нормативных актов в связи с запросами судов

Брежнев О.В.

Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
E-mail: obrezhnev@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа широкого круга источников представлена авторская позиция относительно тенденций, связанных с эволюцией правового регулирования полномочия Конституционного Суда РФ по проверке нормативных актов в связи с запросами судов. Автором выстраивается логическая цепь рассуждений, включающая в себя характеристику произошедших изменений регламентации исследуемого института, определение соответствующих позитивных и негативных следствий таких изменений на основе диалектической методологии. Сделаны выводы о последовательной реализации законодателем подхода к запросу суда в Конституционный Суд РФ как к инструменту обеспечения конституционного воздействия на судебное правоприменение. Одновременно обоснована точка зрения о том, что федеральный законодатель возлагает на рассматриваемый институт задачу по преодолению потенциальных коллизий между национальным и международным правосудием при интерпретации и защите основных прав и свобод человека.

Ключевые слова: конституция, запрос, законодательство, правосудие, контроль, права, суд, защита

Благодарности: статья подготовлена в рамках НИР по государственному заданию на 2022 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-20200033).

Для цитирования: Брежнев О.В. 2022. Эволюция правового регулирования полномочия Конституционного Суда Российской Федерации по проверке нормативных актов в связи с запросами судов. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(3): 490–497. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-490-497

The Evolution of Legal Regulation of the Power of the Constitutional Court of the Russian Federation to Verify Normative Acts in Connection with the Requests of the Courts

Oleg V. Brezhnev

Southwestern State University, 94 50 let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russia
E-mail: obrezhnev@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of a wide range of sources, the article presents the author's position regarding the trends associated with the evolution of legal regulation of the power of the

Constitutional Court of the Russian Federation to verify normative acts in connection with the requests of the courts. The author builds a logical chain of reasoning, which includes a description of the changes that have occurred in the regulation of the institution under study, the definition of the corresponding positive and negative consequences of such changes based on dialectical methodology. Conclusions are drawn about the consistent implementation by the legislator of the approach to the request of the court to the Constitutional Court of the Russian Federation as a tool for ensuring constitutional impact on judicial law enforcement. At the same time, the point of view is substantiated that the federal legislator entrusts the institution under consideration with the task of overcoming potential conflicts between national and international justice in the interpretation and protection of fundamental human rights and freedoms.

Keywords: constitution, request, legislation, justice, control, rights, court, protection

Acknowledgements: the article was prepared within the framework of research on the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (No. 0851-20200033).

For citation: Brezhnev O.V. 2022. The Evolution of Legal Regulation of the Power of the Constitutional Court of the Russian Federation to Verify Normative Acts in Connection with the Requests of the Courts. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 490–497 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-490-497

Введение

Конституция РФ 1993 года (ч. 4 ст. 125) предусмотрела специальное полномочие Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) по проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в связи с запросами судов. Процессуальный порядок реализации этого полномочия был установлен гл. XIII Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ о КС РФ) [Велиева, Пресняков, 2020].

С одной стороны, было введено еще одно (наряду с рассмотрением жалоб на нарушения конституционных прав и свобод граждан) полномочие КС РФ, связанное с конкретным нормоконтролем, что обусловлено стремлением законодателя усилить воздействие конституционных норм в их интерпретации КС РФ на судебное правоприменение [Вилова, 2020]. С другой стороны, осуществление этого полномочия способствовало в известной мере «приобщению» судов общей юрисдикции и арбитражных судов к механизму судебного конституционного контроля, ориентировало их на необходимость оценки конституционности подлежащих применению при рассмотрении конкретных дел нормативных положений [Магомедова, 2020].

В дальнейшем правовое регулирование данного полномочия КС РФ неоднократно изменялось под влиянием не только решений федерального законодателя (определенную роль в этом отношении сыграл и Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также принятый в его развитие Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»), но и правовые позиции самого КС РФ, интерпретирующие соответствующие конституционные и законодательные положения [Небратенко, 2020].

Рассмотрим основные направления эволюции законодательного регулирования этого полномочия.

Модификация условий допустимости запроса суда

В соответствии с ч. 2 ст. 36 ФКЗ о КС РФ основанием к рассмотрению дела, связанного с конституционным нормоконтролем, является «обнаружившаяся неопределенность»

в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ оспариваемый нормативный правовой акт. Но что означает это законодательное требование применительно к запросам судов в КС РФ? Предполагает ли оно, что суд общей юрисдикции обращается в КС РФ во всех случаях, когда придет к выводу о том, что подлежащий применению акт противоречит Конституции РФ, если этот акт может быть проверен в порядке конституционного судопроизводства? Императивный характер нормы ст. 101 ФКЗ о КС РФ о правомочии суда на подобное обращение в КС РФ свидетельствует в пользу именно такого толкования данного условия допустимости.

Однако Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) изначально сформулировал по этому вопросу иную позицию. В Постановлении Пленума ВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (п. 2 и 3 в первоначальной редакции) указывалось, что в тех случаях, когда суд приходит к выводу о несоответствии Конституции РФ подлежащего применению положения закона, он непосредственно применяет Конституцию РФ, а в КС РФ обращается лишь тогда, когда такое несоответствие не является очевидным, т. е. имеет место «неопределенность» в части конституционности нормы. В пользу подобного подхода, казалось бы, свидетельствует и ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», устанавливающая, что при расхождении подлежащего применению судом нормативного положения с нормами, обладающими большей юридической силой, в т. ч. Конституцией РФ, подлежат применению те положения, которые имеют большую юридическую силу.

Но КС РФ в Постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ совершенно иным образом интерпретировал данное условие допустимости запроса суда. Он указал, что в аспекте взаимодействия судов различной юрисдикции реализация соответствующего полномочия КС РФ, направленного на исключение из правовой системы неконституционных законодательных положений, является результатом осуществления двух обязанностей: обязанности суда общей или арбитражной юрисдикции поставить перед КС РФ вопрос о проверке конституционности примененных или подлежащих применению норм и обязанности КС РФ рассмотреть этот вопрос.

Таким образом, суд, придя к выводу о том, что подлежащий применению закон противоречит Конституции РФ, **обязан**, приостановив производство по делу, обратиться в КС РФ с запросом о его проверке с тем, чтобы неконституционный акт был дисквалифицирован в установленном порядке. Просто отказать в применении такого акта он не вправе, поскольку, во-первых, согласно ч. 1 ст. 120 Конституции РФ судьи подчинены не только Конституции РФ, но и федеральному закону. Во-вторых, такой отказ не может рассматриваться как эффективное средство судебного контроля, поскольку формально он не влияет на юридическую силу неконституционной нормы: иные суды вправе ее применять. В-третьих, подобный подход умалял бы и принцип равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ), который предполагает единообразие в реализации судами конституционных норм. Достичь этого без обращения в КС РФ в данной ситуации невозможно.

Впоследствии, 16 апреля 2013 г., ВС РФ внес необходимые изменения в Постановление Пленума от 31 октября 1995 г. № 8, учтя правовые позиции КС РФ в отношении основания обращения суда общей юрисдикции в судебный орган конституционного контроля.

Федеральный конституционный закон от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» изменил процессуальное условие допустимости запроса суда общей или арбитражной юрисдикции в КС РФ: если ранее в запросе можно было оспаривать закон, примененный или подлежащий применению в конкретном деле, то теперь только «подле-

жащий применению в конкретном деле». Формально это означало, что отныне суд может обратиться в КС РФ только до применения им оспариваемого законодательного положения. В связи с этим возник следующий вопрос: вправе ли в таком случае обращаться в КС РФ суды, выполняющие функции так называемых «проверочных» инстанций – апелляционной, кассационной, надзорной? Казалось бы, ФКЗ о КС РФ (ст. 101) допускает обращение в КС РФ суда «при рассмотрении дела в любой инстанции». Но суды апелляционной, кассационной, надзорной инстанций, строго говоря, осуществляют контроль за законностью и обоснованностью судебных актов, которые *уже применили* закон. Однако практика КС РФ сразу пошла по пути признания допустимым обращений судов «проверочных» инстанций в КС РФ. Впоследствии Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ предусмотрел новую редакцию нормы ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, более четко урегулировав процессуальное условие обращения суда с запросом в КС РФ (п. «б») [Чепунов, Болдырева, 2021].

Специальное регулирование обращения суда с запросом в КС РФ в связи с решением межгосударственного органа

В 2000-х гг. появились первые противоречия между правовыми позициями Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) и КС РФ. Большой общественный резонанс вызвало дело «Константин Маркин против России». В Постановлении от 7 октября 2010 г. ЕСПЧ признал не соответствующим Конвенции о защите прав человека и основных свобод отказ российского законодателя предоставить военнослужащему-мужчине отпуск по уходу за ребенком на тех же основаниях, что и женщине. Ранее КС РФ в Определении от 15 января 2009 г. № 187-О-О сформулировал позицию о том, что соответствующее законодательное регулирование не нарушает конституционные права и свободы заявителя. Следствием данных противоречий явился запрос в КС РФ в 2013 году Ленинградского окружного военного суда, рассматривавшего в кассационном порядке гражданское дело К.А. Маркина, в котором был поставлен вопрос о порядке разрешения противоречий между правовыми позициями ЕСПЧ и КС РФ и необходимости пересмотра судебных постановлений российских судов по данному делу в связи с решением ЕСПЧ.

КС РФ в Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П по делу о проверке конституционности положений ст. 11 и п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ в связи с запросом Ленинградского окружного военного суда сформулировал следующие правовые позиции.

Во-первых, если суд общей юрисдикции придет к выводу о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ без признания несоответствующими Конституции РФ нормативных положений, относительно которых ранее КС РФ констатировал отсутствие нарушения конституционных прав заявителя в конкретном деле, суд вправе приостановить производство и обратиться в КС РФ с запросом о проверке конституционности соответствующих законоположений.

Во-вторых, если же КС РФ, рассмотрев данное обращение, придет к выводу о том, что эти законоположения не противоречат Конституции РФ, то он, имея в виду, что суд общей юрисдикции по действовавшему в то время гражданскому процессуальному законодательству был не вправе отказаться от пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в связи с принятием ЕСПЧ постановления по жалобе заявителя, должен определить в рамках своей компетенции возможные конституционные способы реализации постановления ЕСПЧ.

Федеральный конституционный закон от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» дополнил ст. 101 ФКЗ о КС РФ специальной нормой (ч. 2) о праве суда при пересмотре дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в РФ прав и свобод человека

при применении закона либо отдельных его положений, на обращение в КС РФ с запросом о проверке конституционности этого закона, если он приходит к выводу о том, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения соответствия его положений Конституции РФ.

Следует отметить, что федеральный законодатель интерпретировал правовые позиции КС РФ, сформулированные в Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П, расширительным образом.

Во-первых, он допустил возможность обращения в КС РФ по вопросу, связанному с решением любого межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, в то время как постановление КС РФ касалось исполнения только решений ЕСПЧ.

Во-вторых, Постановление КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П, строго говоря, касается лишь тех случаев, когда КС РФ своим определением констатирует, что оспариваемая норма не нарушает конституционные права и свободы заявителя, а затем ЕСПЧ признает эту же норму нарушающей положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что создает неопределенность в дальнейшем судебном правоприменении. Основание же обращения с запросом в КС РФ, как оно было сформулировано в ч. 2 ст. 101 ФКЗ о КС РФ, носило значительно более широкий характер: оно касалось всех случаев, когда суд приходит к выводу о том, что вопрос о возможности применения нормы закона, получившей негативную оценку в решении межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, может быть решен только после подтверждения ее соответствия Конституции РФ, т. е. обращение не обязательно должно быть связано с ранее имевшей место проверкой нормы КС РФ [Брежнев, 2014].

Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ еще более расширил норму ч. 2 ст. 101 ФКЗ о КС РФ: она теперь касается любого межгосударственного органа, а не только специализирующегося в сфере защиты прав и свобод человека, в решении которого «констатируется нарушение в Российской Федерации обязательств, обеспечение исполнения которых относится к компетенции этого межгосударственного органа» [Винокуров, 2020].

Справедливости ради отметим, что в конечном итоге соответствующее специальное правомочие судов по обращению с запросом в КС РФ так и осталось пока невостребованным на практике, и с учетом выхода России из Совета Европы эта ситуация вряд ли претерпит в обозримой перспективе какие-либо изменения.

Расширение предмета запроса суда

Ранее допускалось обращение суда в КС РФ с запросом о проверке конституционности исключительно закона, подлежащего применению в конкретном деле. Иными словами, в запросе могла оспариваться конституционность норм только федерального конституционного закона, федерального закона, конституции (устава) и закона субъекта РФ.

Однако КС РФ сформулировал несколько правовых позиций, расширяющих предмет конституционной жалобы. Он признавал допустимыми жалобы в отношении тех формально подзаконных нормативных правовых актов, которые по юридической силе тождественны закону (указа Президента РФ, восполняющего пробелы в законодательном регулировании, постановления Государственной Думы об объявлении амнистии, постановления Правительства РФ, находящегося в системном единстве с соответствующими нормами федерального закона, при условии, что в данном федеральном законе непосредственно предусмотрены полномочия Правительства РФ по изданию нормативных правовых актов по вопросам, не получившим содержательной регламентации в федеральном законе). Тем самым в силу единства в то время конституционного регулирования предмета конституционной жалобы и запроса суда (ч. 4 ст. 125 Конституции РФ) были несколько расширены и возможности судов по оспариванию в КС РФ нормативных правовых актов [Брежнев, 2021].

Конституционные изменения 2020 года признают возможность обращения суда в КС РФ с запросом не только в отношении законов, но и нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, а также подзаконных нормативных актов законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ с оговоркой о том, что эти акты (как и оспариваемые законы субъектов РФ) должны быть изданы по предметам ведения РФ или совместного ведения РФ и субъектов РФ [Татаринев, 2021].

Данная новелла, с одной стороны, расширяет предмет конкретного конституционного нормоконтроля, но с другой – усиливает «конкуренцию» конституционной и административной судебных юрисдикций, ибо подзаконные нормативные акты высших органов власти могут являться предметом оспаривания и в судах общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства [Ермаков, 2020].

Отметим, что ВС РФ, являясь высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам (ст. 126 Конституции РФ), наделен дополнительными полномочиями по обращению с запросом в КС РФ, которыми не обладают иные суды.

Во-первых, он вправе обращаться в КС РФ в порядке абстрактного нормоконтроля в отношении проверки конституционности весьма широкого круга нормативных правовых актов и договоров (ч. 2 ст. 125 Конституции РФ). Это полномочие реализуется Пленумом ВС РФ (п. 3 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»).

Во-вторых, Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ предоставил ВС РФ правомочия обращаться в КС РФ с запросом еще по трем категориям дел: о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ; о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на РФ, в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка РФ; о проверке конституционности вопроса, выносимого на референдум РФ, в связи с рассмотрением административного дела об оспаривании постановления Центральной избирательной комиссии РФ, которым утверждено заключение о несоответствии этого вопроса (вопросов) референдума требованиям законодательства РФ.

Заключение

Оценивая эволюцию правового регулирования полномочия КС РФ по проверке нормативных актов в связи с запросами судов, необходимо отметить следующие тенденции, характерные для развития законодательства в данной области:

– во-первых, посредством данного института усилились возможности воздействия конституционного правосудия на судебное правоприменение. Это обусловлено как расширением круга оспариваемых актов, так и уточнением условий допустимости обращения суда общей и арбитражной юрисдикции в КС РФ;

– во-вторых, законодатель рассматривает институт судебного запроса в КС РФ в качестве инструмента преодоления потенциальных коллизий между национальным и международным правосудием при интерпретации и защите основных прав и свобод человека.

Список литературы

Брежнев О.В. 2014. Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: новеллы 2014 г. и проблемы их реализации. Право и политика, 9: 1405–1414.

- Брежнев О.В. 2021. Новое правовое регулирование института конституционной жалобы в Российской Федерации: тенденции и проблемы. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 46(2): 336–342. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-2-336-342
- Велиева Д.С., Пресняков М.В. 2021. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 г.: «Кто будет сторожить сторожей». *Конституционное и муниципальное право*, 1: 12–22.
- Вилова М.Г. 2020. Конституционное право на судебную защиту и некоторые принципы права: актуальные подходы к их соотношению. *Государственная власть и местное самоуправление*, 7: 3–7.
- Винокуров В.А. 2020. Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации: правовые пробелы и новые задачи. *Конституционное и муниципальное право*, 6: 24–29.
- Ермаков Э.Ю. 2020. Юридические последствия судебного нормоконтроля требуют дальнейшего совершенствования. *Российский судья*, 7: 30–35.
- Магомедова П.Р. 2020. Запрос суда в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности закона. *Закон и право*, 6: 42–45.
- Небрatenко О.О. 2020. Правовая доктрина в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. *Российский судья*, 11: 27–31.
- Татаринov С.А. 2021. О конституционных новеллах регулирования статуса Конституционного Суда Российской Федерации. *Государственная власть и местное самоуправление*, 1: 39–44.
- Чепунов О.И., Болдырева Е.В. 2021. К вопросу о конституционно-правовом совершенствовании публичной власти. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 1: 170–178. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-170-178

References

- Brezhnev O.V. 2014. Zakon «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii»: novelty 2014 g. i problemy ih realizacii [The Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation": novelties of 2014 and problems of their implementation]. *Pravo i politika*, 9: 1405–1414.
- Brezhnev O.V. 2021. New legal regulation of the institution of constitutional complaint in the Russian Federation: trends and problems. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 46(2): 336–342 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-2-336-342
- Velieva D.S., Presnyakov M.V. 2021. Reforma Konstitucionnogo Suda RF 2020 g.: «kto budet storozhit storozhej» [Reform of the Constitutional Court of the Russian Federation 2020: "Who will guard the watchmen"]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 1: 12–22.
- Vilova M.G. 2020. Konstitucionnoe pravo na sudebnuyu zashchitu i nekotorye principy prava: aktual'nye podhody k ih sootnosheniyu [Constitutional right to judicial protection and some principles of law: current approaches to their correlation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 7: 3–7.
- Vinokurov V.A. 2020. Deyatel'nost' Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: pravovye probely i novye zadachi [Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation: legal gaps and new challenges]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 6: 24–29.
- Ermakov E.YU. 2020. YUridicheskie posledstviya sudebnogo normokontrolya trebuyut dal'nejshego sovershenstvovaniya [The legal consequences of judicial regulatory control require further improvement]. *Rossijskij sud'ya*, 7: 30–35.
- Magomedova P.R. 2020. Zapros suda v Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii o proverke konstitucionnosti zakona [The court's request to the Constitutional Court of the Russian Federation to verify the constitutionality of the law]. *Zakon i pravo*, 6: 42–45.
- Nebratenko O.O. 2020. Pravovaya doktrina v deyatel'nosti Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [Legal doctrine in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Rossijskij sud'ya*, 11: 27–31.
- Tatarinov S.A. 2021. O konstitucionnyh novellah regulirovaniya statusa Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [On constitutional novelties regulating the status of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 1: 39–44.
- Chepunov O.I., Boldyreva E.V. 2021. On the issue of constitutional and legal improvement of public power. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 46 (1): 170–178 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-170-178

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 24.01.2022
Поступила после рецензирования 18.02.2022
Принята к публикации 01.03.2022

Received January 24, 2022
Revised February 18, 2022
Accepted March 1, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брежнев Олег Викторович, профессор кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства, Юго-Западный государственный университет, доктор юридических наук, профессор, г. Курск, Россия

 [ORCID 0000-0002-1897-1441](https://orcid.org/0000-0002-1897-1441)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Brezhnev, Professor of the Department of Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Legal Proceedings of the Southwestern State University, Doctor of Law, Professor, Kursk, Russia

 [ORCID 0000-0002-1897-1441](https://orcid.org/0000-0002-1897-1441)

УДК 342.51; 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-498-507

Рассуждения на тему лишения наград государства и отмены решения о награждении

Винокуров В.А.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
Россия, Санкт-Петербург, Московский пр., 149
E-mail: tigr@igps.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению стадий российского наградного процесса, касающихся лишения наград государства (государственных наград и наград государственных органов), а также отмены решения о награждении в случае установления недостоверности сведений, содержащихся в документах, внесенных для представления лица к награждению. Вопросы использования в наградном законодательстве понятий «отмена решения о награждении» и «лишение награды» рассмотрены через призму норм Конституции Российской Федерации, а также применительно к требованиям Положения о государственных наградах Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года № 1099, и некоторых актов Правительства Российской Федерации. Обозначены проблемы использования данных понятий в наградном законодательстве субъектов Российской Федерации. Презюмирована невозможность лишения награды государства, которой человек был удостоен на законных основаниях, независимо от каких-либо иных дальнейших жизненных ситуаций. При этом поставлена проблема сохранения за лицом, совершившим тяжкое или особо тяжкое преступление, высшего звания государства. В заключении сформулированы предложения по устранению обнаруженных недостатков, которые позволят сохранить авторитет наград государства на высоком уровне.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, государственные награды Российской Федерации, награды субъектов Российской Федерации, заслуга, подвиг, лишение награды, отмена решения о награждении, премии Правительства Российской Федерации

Для цитирования: Винокуров В.А. 2022. Рассуждения на тему лишения наград государства и отмены решения о награждении. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(3): 498–507.
НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(3): 498–507.
DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-498-507

Arguments on the Topic of Deprivation of State Awards and Cancellation of the Award Decision

Vladimir A. Vinokurov

Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
149 Moskovsky Ave, Saint-Petersburg, Russia
E-mail: tigr@igps.ru

Annotation. The article is devoted to the understanding of the stages of the Russian award process concerning the deprivation of state awards (state awards and awards of state bodies), as well as the cancellation of the award decision in case of establishing the unreliability of the information contained in the documents submitted to represent the person for the award. The issues of the use in the award legislation of the concepts of "cancellation of the award decision" and "deprivation of the award" are considered through the prism of the norms of the Constitution of the Russian Federation, as well as with regard to the requirements of the Regulations on State Awards of the Russian Federation approved by

Decree of the President of the Russian Federation dated September 7, 2010 No. 1099, and some acts of the Government of the Russian Federation. The problems of using these concepts in the award legislation of the subjects of the Russian Federation are outlined. In conclusion, proposals are formulated to eliminate the detected shortcomings, which will preserve the authority of the awards of the state at a high level.

Key words: The Constitution of the Russian Federation, state awards of the Russian Federation, awards of the subjects of the Russian Federation, merit, feat, deprivation of awards, cancellation of the award decision, awards of the Government of the Russian Federation

For citation: Vinokurov V.A. 2022. Arguments on the Topic of Deprivation of State Awards and Cancellation of the Award Decision. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 498–507 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-498-507

Введение

Конституция Российской Федерации (далее также – Основной Закон государства, Основной Закон страны) предусматривает наличие в нашей стране государственных наград Российской Федерации, которые находятся в ведении Российской Федерации (п. «с» ст. 71)¹. Награждение указанными государственными наградами осуществляет Президент Российской Федерации (п «б» ст. 89).

Формулировка «государственные награды Российской Федерации» не совсем точна, на что автор уже обращал внимание в своих работах [Винокуров, 2014, с. 15–16]. Неудачность данной формулировки объясняется тем, что из ее буквального толкования, учитывая некоторые другие нормы Основного Закона государства, сложно однозначно понять, относятся ли к вопросам Российской Федерации только государственные награды Российской Федерации или Российская Федерация вправе регулировать не только федеральные государственные награды, но и государственные награды субъектов Российской Федерации. К сомнениям в безусловной верности изложенной конституционной нормы подтолкнули некоторые положения Конституции Российской Федерации. С одной стороны, это территория Российской Федерации, которая «включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними» (ч. 1 ст. 67), и это федеральные государственные стандарты, устанавливаемые Российской Федерацией (1, ч. 5 ст. 43), а с другой стороны, в числе предметов ведения исключительно Российской Федерации находится федеральная государственная собственность, федеральная государственная служба (1, п. «д» и п. «т» ст. 71), а также государственные награды Российской Федерации (1, п. «с» ст. 71).

Практика пошла по пути, который предполагает, что государственные награды Российской Федерации – это только федеральные государственные награды, то есть субъекты Российской Федерации самостоятельно решают вопросы собственных государственных наград, используя соответствующую конституционную норму (1, ст. 73).

По итогам исследования государственных наград в стране в целом автором предлагалось заменить в пункте «с» ст. 71 Конституции Российской Федерации словосочетание «государственные награды и почетные звания Российской Федерации» более точной формулировкой: «федеральные государственные награды», в том числе с учетом того, что почетные звания Российской Федерации – не отдельные награды государства, а вид федеральных государственных наград [Винокуров, 2008, с. 39].

Отсутствие федерального закона, регулирующего правовые отношения в части государственных наград Российской Федерации, который должен быть принят, как это преду-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). 2020, 4 июля. № 0001202007040001.

смотрено ч. 1 ст. 76 Конституции Российской Федерации, привело к существенному и не всегда оправданному, на взгляд автора, росту числа государственных наград в стране. Так, по состоянию на 1 июля 2022 г. в Российской Федерации насчитывается 110 видов федеральных государственных наград (без учета степеней), в том числе: два высших звания; восемнадцать орденов; один знак отличия ордена; девятнадцать медалей; один почетный знак; три знака отличия; шестьдесят шесть почетных званий (п. 2) ¹.

На подходе еще одна государственная награда Российской Федерации – звание «Мать-героиня». Глава государства на встрече с семьями, награжденными орденом «Родительская слава», состоявшейся 1 июня 2022 г., пообещал «вернуть, как это было ещё в советские времена, почетное звание “Мать-героиня”» ². Следует отметить, что в Советском Союзе почетное звание «Мать-героиня» было учреждено в 1944 г. ³ В утвержденном в 1979 г. Общем положении об орденах, медалях и почетных званиях СССР это звание было размещено в статье, посвященной высшим степеням отличия Советского Союза ⁴. В указанное выше Положение изменение в статусе награды было внесено в 1980 году: звание «Мать-героиня» стало именоваться высшей степенью отличия – званием «Мать-героиня».

Самостоятельный, но часто плохо структурированный и слабо объяснимый с правовой точки зрения процесс учреждения государственных наград субъектами Российской Федерации привел к тому, что число таких наград по состоянию к середине 2022 года превысило 1 900 наименований. По состоянию на 1 января 2014 г. насчитывалось 1 672 наименования государственных наград субъектов Российской Федерации [Винокуров, 2014, с. 320].

Следует обратить внимание на то, что автором анализировались государственные награды или награды субъектов Российской Федерации, учрежденные (установленные) законами соответствующих субъектов Российской Федерации. В различных субъектах России число государственных наград неодинаково и в зависимости от исторических и национальных традиций, других особенностей варьируется от 1 (в Карачаево-Черкесской Республике ⁵) до 56 (в Республике Башкортостан ⁶ и в Республике Татарстан ⁷).

В результате столь значительного числа государственных наград в стране увеличилось количество лиц, бесосновательно получивших награды, то есть награжденных за за-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

² Встреча с семьями, награжденными орденом «Родительская слава» // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // <http://kremlin.ru/events/president/news/68548> (дата обращения 27.06.2022).

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.06.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

⁴ Указ Президиума Верховного совета СССР от 03.07.1979 «Об утверждении Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 28. Ст. 479.

⁵ Закон Карачаево-Черкесской Республики «О знаке отличия Карачаево-Черкесской Республики “Образцовая семья”» (принят Народным Собранием (Парламентом) Карачаево-Черкесской Республики 21.02.2020, подписан Главой Карачаево-Черкесской Республики 28.02.2020 № 10-РЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). 2020. 3 марта. № 0900202003030002

⁶ Закон Республики Башкортостан «О государственных наградах и почетных званиях Республики Башкортостан» (принят Государственным Собранием – Курултайем – Республики Башкортостан 22.12.2005, подписан Президентом Республики Башкортостан 30.12.2005 № 271-з) // Республика Башкортостан. 2006. 6 января.

⁷ Закон Республики Татарстан «О государственных наградах Республики Татарстан» (принят Государственным Советом Республики Татарстан 15.09.2011, подписан Президентом Республики Татарстан 10.10.2011 № 74-ЗРТ) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2011. № 10. Ст. 1216.

слуги, которых фактически не было, за подвиги и достижения, которые не совершались, а лишь «правильно» оформлялись.

Основная часть

В Положении о государственных наградах Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099, существует норма, позволяющая восстанавливать справедливость в решении наградных вопросов на федеральном уровне. Пункт 10 указанного Положения предусматривает, что в случае установления недостоверности сведений, содержащихся в документах, внесенных для представления лица к награждению государственной наградой, Президент Российской Федерации издает указ об отмене своего указа о награждении данного лица государственной наградой или о внесении соответствующего изменения в указ главы государства.

Отдельной нормой упомянутого выше Положения о государственных наградах Российской Федерации предусмотрена возможность лишения награжденного государственной награды, но лишь вступившим в законную силу приговором суда при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (п. 9). Данное положение корреспондируется с требованиями Уголовного кодекса Российской Федерации, в котором предусмотрено, что «при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления с учетом личности виновного суд может лишить его... государственных наград». (ст. 48) ¹.

Автор обращал внимание на то, что лишение государственных наград не должно осуществляться судом, поскольку суд определяет виновность или невиновность человека и не исследует вопрос о наличии или отсутствии заслуг, за которые он был удостоен государственной награды [Винокуров, 2012, с. 37], а тем более суд не вправе, да и не может ни физически, ни юридически вычеркнуть тот подвиг или те заслуги перед государством и обществом, за которые человек был справедливо удостоен государственной награды.

По нашему мнению, взвешенными и более справедливыми в данном вопросе являлись нормы советского законодательства, по которым решение о лишении государственной награды в случае осуждения лица за тяжкое преступление принималось по представлению суда наградившим органом, то есть Президиумом Верховного Совета СССР или Президиумом Верховного Совета РСФСР ². Справедливости ради следует отметить, что лишение государственных наград СССР и РСФСР могло быть осуществлено указанными органами и по другим основаниям, в частности, в связи с совершением лицом проступка, порочащего его как награжденного, или в случае лишения награжденного гражданства СССР.

Аналогичным способом осуществлялось лишение орденов в монархический период. Так, в Своде законов Российской империи было предусмотрено, что «в случаях проступков, долгу и чести противных, или уголовного преступления, кавалеры исключаются из ордена... но не иначе как по суду и с Высочайшего соизволения» (ст. 201) ³.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации (принят Государственной Думой 24.05.1996, одобрен Советом Федерации 05.06.1996, подписан Президентом Российской Федерации 13.06.1996 № 63-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Ст. 40 Указа Президиума Верховного совета СССР от 03.07.1979 «Об утверждении Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 28. Ст. 479; Ст. 33 Положения о государственных наградах РСФСР, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27.01.1983 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 5. Ст. 164.

³ Свод законов Российской империи. Том первый. Книга восьмая «Учреждение Орденов и других знаков отличия». Раздел второй «Статуты орденов и орденских знаков отличия». Отделе-

Обратимся к терминам. В толковых словарях русского языка слово «лишить» означает отнять что-то у кого-то, а слово «отменить» – объявить недействительным, упраздняемым или подлежащим неисполнению [Лопашенко, 2021, с. 338, 487].

В Конституции Российской Федерации наряду с основополагающей нормой, по которой «основные права и свободы человека неотчуждаемы» (ч. 2 ст. 17), термин «лишение» при закреплении основных прав и свобод человека и гражданина используется в следующем контексте:

– лишены избирательных прав граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда (1, ч. 3 ст. 32);

– предусмотрена возможность по решению суда лишить человека и гражданина права на свое имущество и права на жилище (1, ч. 3 ст. 35; ч. 1 ст. 40);

– установлен запрет на лишение человека и гражданина права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (1, ч. 1 ст. 47).

Кроме того, основами конституционного строя закреплён запрет на лишение гражданина Российской Федерации своего гражданства или права изменить его (1, ч. 3 ст. 6).

Термин «отмена» в части прав и свобод человека и гражданина используется в тексте Основного Закона государства для установления нормы, по которой в Российской Федерации «не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (1, ч. 2 ст. 55).

В российском законодательстве понятие «лишение права» рассматривается, в первую очередь, как вид наказания: уголовного (например, лишение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) (ст. 44) или административного (лишение специального права, предоставленного физическому лицу) (ст. 3.2)¹. Но и в этих, казалось бы, однозначно сформулированных нормах ученые выделяют различные проблемы [Лопашенко, 2021; Бриллиантов, 2017; Исаева, 2007; Якимов, 2015; Максимов, 2005; Кузнецов и Макарейко, 2005].

Данное понятие существует и в нормах гражданского права, поэтому также активно исследуется. Так, С.Ю. Филиппова, рассматривая вопросы лишения права, делает общий вывод, по которому под «лишением права предлагается понимать исключение существования правовой возможности приобретения любого указанного или определенного субъективного права субъектом, либо реализации имеющегося у него субъективного права на определенный срок или бессрочно вследствие определенного социально не одобряемого поведения этого лица, специально не направленного на прекращение его права» [Филиппова, 2013, с. 141–142]. Данный вывод при сегодняшнем правовом регулировании обосновывает наличие в российском наградном законодательстве возможности лишения государственной награды (лишения права на государственную награду) в данном случае именно как реакцию государства на противоправное поведение в случае совершения уголовного преступления.

Однако остается открытым вопрос: можно ли уничтожить заслугу человека перед государством и обществом, в числе которой – и подвиг, являющийся высшим выражением заслуги? Ответ очевиден: определенно нет. Современное наградное законодательство Российской Федерации позволяет не удалять государственной награды, несмотря на наличие заслуги, поскольку формулировки, за которые можно наградить, не отличаются четкостью, и многое зависит от субъективного мнения лица, подготавливающего наград-

ние третья «О случаях возвращения орденских знаков в Капитул и лишения орденов». СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (принят Государственной Думой 20.12.2001, одобрен Советом Федерации 26.12.2001, подписан Президентом Российской Федерации 30.12.2001 № 195-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

ные документы. Но если заслуга существует, оценена всеми лицами, на которые главой государства возложена такая обязанность, и решение о награждении человека награждающим субъектом принято, то лишить награды невозможно.

Несомненно, необходимо отменять решения о награждении в связи с неправомерным получением награды, то есть тогда, когда заслуга фактически отсутствовала, подвиг был совершен другим лицом или это был не подвиг, документы содержат недостоверную информацию и т. п. Поэтому, учитывая различные правовые смысловые значения понятий «отмена» и «лишение» в Положении о государственных наградах Российской Федерации предусмотрено как лишение государственных наград (при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления), так и отмена решения о награждении государственными наградами в случае фактического отсутствия заслуг.

В то же время в законах только двадцати девяти субъектов Российской Федерации предусмотрена возможность отменить решение о награждении государственной наградой в случаях выяснения недостоверности документов, на основании которых было осуществлено награждение, или, как указано в Законе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О наградах и почетных званиях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», «в случаях выявления фактов подачи заведомо ложных сведений о награжденном, удостоенном почетного звания, фальсификации наградных документов»¹. Причем в Законе Республики Мордовия «О государственных наградах Республики Мордовия» вопрос отмены указа о награждении по указанным основаниям включен в статью, предусматривающую порядок лишения государственных наград Республики Мордовия²; Закон Удмуртской Республики «О государственных наградах Удмуртской Республики и почетных званиях Удмуртской Республики» предусматривает возможность отмены указа только о присвоении почетного звания, в отношении иных государственных наград данная процедура не предусмотрена³; Закон Кировской области «О почетных знаках Кировской области» содержит путаницу в терминологии, поскольку предусматривает возможность «*лишения* почетного знака... в случае установления недостоверности сведений, содержащихся в документах, внесенных для представления лица к награждению почетным знаком, Губернатором области, который издает указ об *отмене* указа... о награждении почетными знаками в отношении названного лица...» (курсив мой – В.В.)⁴. В законодательстве иных субъектов Российской Федерации предусмотрена лишь процедура лишения государственных наград (наград) субъектов России, как правило, за совершение умышленных преступлений.

Изложенные выше рассуждения в отношении государственных наград Российской Федерации и субъектов России в полной мере следует экстраполировать на награды иных государственных органов, в частности, на правительственные награды, в число которых входят и премии Правительства Российской Федерации. Следует отметить, что, рассмат-

¹ Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О наградах и почетных званиях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 26.11.2015, подписан Губернатором Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 27.11.2015 № 125-оз) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2015. № 11 (ч. II, т. 1). Ст. 1276.

² Закон Республики Мордовия «О государственных наградах Республики Мордовия» (принят Государственным Собранием Республики Мордовия 04.09.2014, подписан Главой Республики Мордовия 10.09.2014 № 61-З) // Известия Мордовии. 2014, 12 сентября.

³ Закон Удмуртской Республики «О государственных наградах Удмуртской Республики и почетных званиях Удмуртской Республики» (принят Государственным Советом Удмуртской Республики 17.04.2001, подписан Президентом Удмуртской Республики 03.05.2001 № 22-РЗ) // Известия Удмуртской Республики. 2001. 4 мая.

⁴ Закон Кировской области «О почетных знаках Кировской области» (принят Законодательным Собранием Кировской области 27.09.2007, подписан Губернатором Кировской области 08.10.2007 № 170-ЗО) // Вятский край. 2007, 17 октября.

ривая наградную систему в стране, автор предложил именовать федеральные государственные награды, награды субъектов Российской Федерации, а также награды, учреждаемые государственными органами, наградами государства [Винокуров, 2008, с. 18 и др.].

Положением о премии Правительства Российской Федерации в области культуры, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 1 февраля 2022 г. № 79, предусмотрено, что присуждение премии осуществляется на основании предложений Межведомственного совета по присуждению премии Правительства Российской Федерации в области культуры ¹. Положение о проведении конкурса на соискание премии Правительства Российской Федерации в области культуры, утвержденное, как это предусмотрено названным выше правительственным постановлением, Министерством культуры Российской Федерации, содержит достаточно сложную процедуру проведения конкурса, включающую, кроме высоких требований к выдвигаемым работам, три этапа: первый – отбор работ соискателей соответствующим департаментом Минкультуры России; второй – проведение независимой оценки работ соискателей премии экспертами; третий – рассмотрение Межведомственным советом работ соискателей премии, отобранных экспертами, и принятие решения по номинантам конкурса на соискание премии. И лишь после завершения указанных действий принимается акт Правительства Российской Федерации о присуждении премии в области культуры ².

Установленные горнила конкурса, на всех этапах которого были признаны достижения лиц, поименованных в конечном итоге в правительственном акте, то есть подтвержден их значительный вклад в развитие российской культуры, логичным результатом которого является постановление о присуждении премии, не позволяют усомниться в непредвзятости принимаемых, в том числе коллегиально, решений. Поэтому внесенное в пункт 10 Положение о премии Правительства Российской Федерации в области культуры дополнение, позволяющее изменить уже принятое решение о присуждении премии «до вручения диплома лауреата премии, почетного знака лауреата премии и удостоверения к нему» ³, противоречит самой сути и основным требованиям данного Положения и проводимого в соответствии с ним конкурса. Как видим, вместо апробированных в наградном праве понятных терминов появилось словосочетание «изменить решение», смысл которого с точки зрения права не раскрыт (является ли это лишением награды или отменой решения о награждении). Но, несмотря на явное нарушение права человека на награду за подтвержденные в установленном порядке заслуги перед государством и обществом, Правительство Российской Федерации воспользовалось новой нормой, что не могло не сказаться на имидже правительственной премии ⁴.

Учитывая высказанный С.Ю. Филипповой вывод, по которому «лишение права представляет собой реакцию на противоправное или иное социально неодобряемое поведение» [Филиппова, 2013, с. 142], полагаем, что для наградного права как института конституционного права России данный подход возможен, но при подготовке и согласовании наградных документов, то есть до принятия решения о награждении. В данном случае при осуществлении лицом, представляемым к награде, противоправного или иного социально неодобряемого поведения право на награду не будет ему предоставлено. После принятия

¹ Положение о премии Правительства Российской Федерации в области культуры, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 01.02.2022 № 79 // СЗ РФ. 2022. № 6. Ст. 888.

² Положение о проведении конкурса на соискание премии Правительства Российской Федерации в области культуры, утвержденное приказом Министерства культуры Российской Федерации от 30.03.2022 № 460 // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). 2022. 24 июня. № 0001202206240021.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 16.05.2022 № 884 «О внесении изменения в Положение о премии Правительства Российской Федерации в области культуры» // СЗ РФ. 2022. № 21. Ст. 3460.

⁴ См.: распоряжения Правительства Российской Федерации от 16.05.2022 № 1187-р. СЗ РФ. 2022. № 21. Ст. 3504; от 17.12.2021 № 3671-р. СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. II). Ст. 9249.

решения, юридически подтвердившего наличие заслуг, основания для лишения награды, на наш взгляд, отсутствуют, особенно если исходить из того, что никто не вправе и не может отменить заслугу человека, вычеркнув из жизни государства и общества его подвиг. Таким образом, лишение награды государства должно стать юридически невозможным, а решение о лишении награды – юридически ничтожным.

Несомненно, с точки зрения морали, остается открытым вопрос, может ли Герой Российской Федерации или Герой Труда Российской Федерации, то есть лицо, которое весьма явственно отождествляется с наградившим его государством, носить это высокое звание, совершив после награждения преступление? Ведь геройский подвиг этого человека (боевой, трудовой) никто не может отменить. Определить соотношение морали и права в подобных случаях весьма сложно. Поэтому решение о лишении высших званий Российской Федерации должно осуществляться исключительно тем должностным лицом, которое принимало решение о их присвоении, то есть Президентом Российской Федерации. Основанием для лишения указанных званий, на наш взгляд, должно быть заключение Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам. При этом указанная Комиссия вправе принять решение о нецелесообразности лишения конкретного лица высшего звания.

Заключение

Высказанные автором в ранее опубликованных работах суждения и проведенное исследование позволяют предложить следующее:

1) исключить такой вид дополнительного уголовного наказания, как лишение государственных наград (включая лишение почетного звания), для чего следует внести соответствующие изменения в статьи 44, 45, 48 и 71 Уголовного кодекса Российской Федерации;

2) изложить п. 9 Положения о государственных наградах Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации», в следующей редакции:

«9. Награжденный не может быть лишен государственной награды, за исключением звания Героя Российской Федерации, звания Героя Труда Российской Федерации.

Решение о лишении звания Героя Российской Федерации, Героя Труда Российской Федерации принимается Президентом Российской Федерации на основании заключения Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам, которая рассматривает соответствующее представление суда при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления»;

3) сократить количество федеральных государственных наград, наград федеральных государственных органов, а также государственных наград (наград) субъектов Российской Федерации;

4) предусмотреть в положениях о наградах возможность отмены решений о награждении в случаях установления недостоверности сведений, содержащихся в документах, внесенных для представления лица к награждению;

5) установить запрет на лишение наград государства, полученных на законных основаниях за подтвержденные в установленном порядке заслуги (включая подвиг);

6) сохранить аналогично предложению, сформулированному в пункте 2 предложений, как исключение из общего правила возможность лишения высшей государственной награды (награды) субъекта Российской Федерации за совершение умышленного преступления.

Реализация сформулированных предложений позволит не только облегчить громоздкую систему наград государства и в результате сократить число лиц, незаконно получающих награды, но и исключить юридическую несправедливость, когда человек, получивший заслуженную награду, по сути незаконно лишается права оставаться ее кавалером.

Список литературы

- Бриллиантов А.В. 2017. О назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Уголовное право, 2: 21–25.
- Винокуров В.А. 2014. Государственное наградное право. М., Издательство Московского университета, 608 с.
- Винокуров В.А. 2008. Награды государства как атрибут российской государственности. М.: Издательство Московского университета, 624 с.
- Винокуров В.А. 2012. Комментарий к Положению о государственных наградах Российской Федерации 2010 года. СПб., Экслибрис-Норд, 413 с.
- Исаева В.Ю. 2007. Организационно-правовые формы легального лишения права человека на жизнь. Современное право, 2: 19–25.
- Кузнецов А.П., Макарейко Н.В. 2005. Соотношение дисквалификации и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Юрист, 2: 39–44.
- Лопашенко Н.А. 2021. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему). Закон, 12: 33–48.
- Максимов И.В. 2005. Лишение специального права, предоставленного физическому лицу, как мера административного наказания. Административное право и процесс, 3: 19–23.
- Якимов А.Ю. 2015. Установление и применение административного наказания в виде лишения специального права (разновидности данного наказания и их особенности). Административное право и процесс, 6: 32–40.
- Филиппова С.Ю. 2013. Лишение права как частноправовой феномен: природа, основания, функции. Правоведение, 5: 124–142.

References

- Brilliantov A.V. 2017. O naznachenii nakazaniia v vide lisheniia prava zanimat opredelennye doljnosti ili zanimatsia opredelennoi deiatelnosti [On the imposition of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities]. *Ugolovnoe pravo*, 2: 21–25.
- Vinokurov V.A. 2014. Gosudarstvennoe nagradnoe pravo [State Award Law]. M., Publ. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 608 p.
- Vinokurov V.A. 2008. Nagrady gosudarstva kak atribut rossijskoj gosudar-stvennosti [Awards of the state as an attribute of Russian statehood]. M., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 624 p.
- Vinokurov V.A. 2012. Kommentarij k Polozheniyu o gosudarstvennyh nagradah Rossijskoj Federacii 2010 goda [Commentary to the Regulations on State Awards of the Russian Federation in 2010]. SPb., Publ. Ekslibris-Nord, 413 p.
- Isaeva V.Iu. 2007. Organizacionno-pravovye formy legalnogo lisheniia prava cheloveka na jizn [Organizational and legal forms of legal deprivation of a person's right to life]. *Sovremennoe pravo*, 2: 19–25.
- Kuznecov A.P., Makareiko N.V. 2005. Sootnoshenie diskvalifikacii i lisheniia prava zanimat opredelennye doljnosti ili zanimatsia opredelennoi deiatelnosti [The ratio of disqualification and loss of the right to hold certain positions or engage in certain activities]. *Jurist*, 2: 39–44.
- Lopashenko N.A. 2021. Ob ugovnom nakazanii v Rossii: zametki na polyah Ugo-lovnogo kodeksa (ot nastoyashchego k budushchemu) [About criminal punishment in Russia: notes on the margins of the Criminal Code (from the present to the future)]. *Zakon*, 12: 33–48.
- Maksimov I.V. 2005. Lishenie specialnogo prava, predostavlennogo fizicheskomu licu, kak mera administrativnogo nakazaniia [Deprivation of a special right granted to an individual as a measure of administrative punishment]. *Administrativnoe pravo i process*, 3: 19–23.
- YAkimov A.YU. 2015. Ustanovlenie i primenenie administrativnogo nakazaniya v vide lisheniya special'nogo prava (raznovidnosti dannogo nakazaniya i ih osobennosti) [Establishment and application of administrative punishment in the form of deprivation of a special right (varieties of this punishment and their features)]. *Administrativnoe pravo i process*, 6: 32–40.
- Filippova S.YU. 2013. Lishenie prava kak chastnopravovoj fenomen: priroda, osnovaniya, funkcii [Deprivation of the right as a private law phenomenon: nature, grounds, functions]. *Pravovedenie*, 5: 124–142.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.04.2022

Received April 18, 2021

Поступила после рецензирования 15.05.2022

Revised May 15, 2022

Принята к публикации 01.06.2022

Accepted June 1, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Винокуров Владимир Анатольевич, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0002-3010](https://orcid.org/0000-0003-0002-3010)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Vinokurov, professor of the department of theory and history of state and law, Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia honored lawyer of the Russian Federation, St-Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0003-0002-3010](https://orcid.org/0000-0003-0002-3010)

ДК 342.723

DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-508-515

Конституционный опыт формализации брака европейских и американских государств

Дегтярев С.Н.

Кубанский государственный университет,
Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: gppmp@law.kubsu.ru

Аннотация. Актуальность тематики опосредована важностью института брака в гуманитарных науках и в юриспруденции в частности. Так, в конституционно-отраслевой науке институт брака не выступал самостоятельным предметом исследования. В прикладном аспекте актуальность подтверждается изменениями высокого конституционного уровня, когда Базовый закон России в 2020 году был дополнен п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 о защите института брака как союза мужчины и женщины. В совокупности аргументы подтолкнули автора к сравнительно-правовому исследованию, результаты которого позволили предложить набор критериев для анализа зарубежных конституций на предмет закрепления в них различных аспектов брака.

Ключевые слова: брак, семья, субъективное право, специальный статус, полномочия, обеспечение, мужчина и женщина, государство

Для цитирования: Дегтярев С.Н. 2022. Конституционный опыт формализации брака европейских и американских государств. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 47(3): 508–515. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-508-515

Constitutional Experience of the Formalization of Marriage in European and American States

Sergey N. Degtyarev

Kuban State University,
149 Stavropol St, Krasnodar 350040, Russian Federation
E-mail: gppmp@law.kubsu.ru

Abstract. The relevance of the topic is mediated by the importance of the institution of marriage in the humanities and law, in particular. Thus, in the constitutional branch of science, the institution of marriage did not act as an independent subject of research. In the applied aspect, the relevance is confirmed by changes at a high constitutional level, when the Basic Law of Russia in 2020 was supplemented by paragraph "j.1" of Part 1 of Article 72 on the protection of the institution of marriage as a union of a man and a woman. Taken together, the arguments pushed the author to a comparative legal study, the results of which made it possible to propose a set of criteria for analyzing foreign constitutions for fixing various aspects of marriage in them. The catalog of the main criteria by the author includes the following provisions formalizing marriage in the context of subjective law, definitions and blank norms; protection / protection of marriage; procedural aspects of marriage; marriage in the security context of other statuses; marriage in the context of the powers of the state and its bodies.

Keywords: marriage, family, subjective right, special status, powers, provision, man and woman, state

For citation: Degtyarev S.N. 2022. Constitutional Experience of the Formalization of Marriage in European and American States. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 47(3): 508–515 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-508-515

Введение

Институт брака является актуальной темой в отраслях публичного [Дерендяева, 2022; Куткин, 2017, Куткин, 2017; Ли, 2022] и частного права [Мэггс, 2022; Очеретько, 2020]. Статистические материалы любого хронологического периода также свидетельствуют о необходимости постоянного внимания ученых и практиков к совершенствованию этого важнейшего социального [Афанасик, 2018; Обносков, Седых, 2020] и юридического института [Кулиев, 2022; Полякова, 2020; Токоева, 2022].

По данным Росстата, «в 2021 г. в нашей стране было заключено 923 553 браков (6,3 на 1000 человек населения). Это почти на 152 тысячи больше, чем в 2020 г.»¹. Возможно, причиной роста количества браков стало снятие ряда ограничений, которые действовали в 2020 году в связи с эпидемией нового коронавируса. Однако в пандемийном 2020 году не только менялась статистика в заявленной сфере, но также произошли серьезные конституционные корректировки в аспекте дополнения п. «ж. 1» ч. 1 ст. 72 об отнесении защиты института брака к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Кроме того, новая норма представляет собой дефиницию однозначного толкования брака как союза мужчины и женщины². Таким образом, на высоком конституционном уровне обозначен подход не только к формализации самого института, но и к его защите усилиями Российской Федерации и ее субъектов.

В данной связи интересен конституционный опыт европейских и американских государств, имеющих более солидный по сравнению с Россией конституционный задел.

Подходы европейских и американских государств к формализации брака

Итак, нормы о браке стандартно размещены в главах, посвященных основным правам (личности и публичным свободам) бельгийцев, люксембуржцев (Германия, Швейцария, Андорра, Бельгия, Люксембург), индейцев, костариканцев, мексиканских граждан (Бразилия, Коста-Рика, Мексика), национальности, гражданству (Доминикана), гражданским правам, правам и гарантиям, иностранцам (Нигаракуа), правам гражданства и политическим правам (Швейцария), личным и социальным правам (Греция), социальным и семейным правам / социальным правам / социальным и экономическим правам / и гарантиям (Венесуэла, Коста-Рика, Перу), правам и обязанностям граждан (Испания), правам, свободам и гарантиям / принципам, правам и гарантиям (Португалия, Аргентина), этико-социальным отношениям (Италия), семье / детству, юношеству и лицам пожилого возраста, (Ирландия, Гватемала, Бразилия), исполнительной власти / королю и королевской фамилии / короне (Австрия, Испания, Нидерланды, Норвегия), распределению законодательной власти (Канада), судебной власти (Бразилия), избирательной системе (Перу), провинциям, муниципалитетам, органам водного контроля и другим государственным органам (Нидерланды), автономным сообществам (Испания), руководящим принципам социальной и экономической политики (Испания).

Отметим, что в проанализированных конституциях термин или упоминание брака отсутствуют в Исландии, Лихтенштейне, Монако, Финляндии и Франции.

Все иные конституционные нормы, сопряженные с институтом брака, предлагаем систематизировать по следующей группам.

¹ Статистика разводов и браков в России 2021–2022: таблицы по годам и регионам // <https://top-ru/places/149-braki-razvody.html>? (дата обращения 11.05.2022).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

1. Установления, формализующие брак:

а) в контексте субъективного права. Данная норма выглядит следующим образом: «Мужчина и женщина имеют право вступать в брак на основе полного юридического равноправия» (ч. 2 ст. 32 Конституции Испании).

Более абстрактна по субъектам реализации субъективного права и критериям равноправия ч. 1 ст. 36 Конституции Португалии: «Все пользуются правом создавать семью и вступать в брак на условиях полного равенства».

Без определенной конкретизации, но в гарантирующем ключе право на брак упомянуто в ст. 14 Конституции Швейцарии («Право на брак и семью гарантируется»).

Примечательно, что среди американских конституций выявлен единичный случай заявленной легализации и в адресации иностранным гражданам: «Иностранцы обладают на территории Республики всеми правами аргентинских граждан и могут... заключать браки в соответствии с законом» (ст. 20 Конституции Аргентины);

б) в дефинитивном аспекте обнаружена формула брака в ст. 29 Конституции Италии: «Брак поκειται на моральном и юридическом равенстве супругов в пределах, установленных законом для обеспечения единства семьи».

В ст. 77 Конституции Венесуэлы отмечено, что институт брака мужчины и женщины основывается на свободном согласии и абсолютном равенстве прав и обязанностей супругов. Таким образом, дана конкретизация субъектов, вступающих в брак, и дополнение признаком свободного согласия.

В сопряжении с семьей дано определение брака в ст. 52 Конституции Коста-Рики: брак является необходимой основой семьи и поκειται на равенстве прав супругов.

Самой лаконичной нормой выступила ст. 130 Конституции Мексики – брак является гражданским договором.

В части введения терминов, дифференцирующих брак, отметим ст. 21 Конституции Бельгии: «Гражданский брак всегда должен предшествовать церковному, за исключением случаев, установленных при необходимости законом». Аналогичная норма зафиксирована ст. 21 Конституции Люксембурга. Таким образом, конституционно легализовано две разновидности брака – гражданский и церковный. Следуя норме ст. 77 Конституции Венесуэлы тоже можно ранжировать брачные отношения: фактический союз мужчины и женщины, соответствующий требованиям, установленным законодательством, влечет те же юридические права и последствия, что и брак.

Самыми детальными дефинитивными установлениями о браке, его разновидностях являются положения Конституции Бразилии (ст. 226). В ней отмечено, что «брак является гражданским; его заключение бесплатно (параграф 1); религиозный брак порождает последствия гражданского характера в соответствии с предписаниями закона (параграф 2)»¹.

в) в виде бланкетной нормы, отсылающей к специальному законодательному регулированию. В качестве примера уместно привести ч. 1 ст. 13 Конституции Андорры: «Закон определяет правила, касающиеся брака и гражданского состояния лиц». Более детализированы конституционные установления Испании и Португалии соответственно:

– закон устанавливает формы брака, брачный возраст, правоспособность, необходимую для его заключения, права и обязанности супругов, причины и последствия расторжения брака (ч. 2 ст. 32);

– закон регулирует необходимые условия и заключения брака и последствия вступления в него, а также условия и последствия его расторжения в результате смерти или развода, независимо от формы совершения церемонии (ч. 2. ст. 36).

¹ <https://worldconstitutions.ru/?p=563> (дата обращения 11.05.2022).

Менее распространены такие нормы в американских конституциях. Лишь в ст. 4 Конституции Перу отмечено, что форма брака, основания для его расторжения регулируются законом.

2. Установления, формализующие защиту/охрану брака. Здесь стандартная норма имеет такой вид: «Брак и семья находятся под особой охраной государства» (ч. 1 ст. 6 Конституции Германии). Как видим, субъектом такой защиты выступает государство.

Среди американских конституций ст. 77 Конституции Венесуэлы закрепила положение, что институт брака мужчины и женщины находится под защитой государства.

Под охраной государства в Греции находятся брак, материнство и детство (ч. 1 ст. 21 Конституции). Идентичная норма ст. 76 Конституции Никарагуа.

В ч. 3.1. ст. 41 Конституции Ирландии сказано, что государство берет на себя обязательство с особой тщательностью охранять институт брака, на котором основана семья, и защищать его от нападков.

С точки зрения обеспечительной роли закона сформулирован параграф 3 ст. 226 Конституции Бразилии: «Закон должен облегчать переход стабильного союза между мужчиной и женщиной в качестве семейной ячейки в состояние брака».

Не только государство и закон выступают гарантами брака. Согласно ст. 4 Конституции Перу общество и государство защищают семью и поддерживают брак, которые признаны естественными и основными институтами общества.

3. Установления, формализующие процессуальные аспекты брака. Здесь уместна норма ч. 1 ст. 13 Конституции Андорры: «Гражданские последствия церковного брака признаются Государством». В аналогичном контексте, но применительно к семье, основанной на браке, сформулирована норма ст. 29 Конституции Италии («Республика признает права семьи как естественного союза, основанного на браке»).

В ст. 49 Конституции Гватемалы указаны, субъекты, санкционирующие брак, – мэры, советники, нотариусы и религиозные служители, уполномоченные административным органом.

Последствия процессуального заключения брака перечислены в ст. 5 Конституции Перу: «Стабильный союз между мужчиной и женщиной, свободный от препятствий к заключению брака, ведущий к юридическому признанию семьи, влечет за собой общее имущество, подлежащее супружескому имущественному регулированию в случае необходимости»¹.

Процессуальные нормы о вступлении в брак и о расторжении брака выявлены в ст. 41 Конституции Ирландии:

– назначенный законом суд может даровать расторжение брака, но только если на день возбуждения процедуры расторжения брака супруги жили отдельно друг от друга в течение в общей сложности по крайней мере пяти предшествующих лет (ч. 2);

– лицо, брак которого был расторгнут по гражданскому закону любого другого государства, но которое состоит в правомерном браке в соответствии с законом, действующим в настоящее время в пределах юрисдикции Правительства и Парламента, созданных этой Конституцией, не вправе вступить в правомерный брак в соответствии с этой юрисдикцией при жизни другого участника такого расторгнутого брака (ч. 3).

В параграфе 6 ст. 226 Конституции Бразилии также представлены процессуальные аспекты расторжения гражданского брака путем развода после правового разделения более одного года в случаях, предусмотренных законом, или вследствие удостоверенного фактического разделения более двух лет.

4. Установления, формализующие брак в обеспечительном контексте иных статусов. Здесь самая показательная норма европейских конституций о том, что внебрачным детям обеспечиваются в законодательном порядке такие же условия их физического и умствен-

¹ <http://constitutions.ru/?p=8121> (дата обращения 11.05.2022).

ного развития и их положения в обществе, как и детям, родившимся в браке (ч. 5 ст. 6 Конституции Германии). Идентичен смысл ст. 12 Конституции Сан-Марино: «Закон гарантирует детям, рожденным вне брака, духовную, правовую и социальную защиту, обеспечивая их таким же содержанием, что и законных детей»; ст. 30 Конституции Италии: «Закон обеспечивает детям, рожденным вне брака, всю защиту юридического и нравственного характера, совместимую с правами членов законной семьи». В ней же отмечено, что родители обязаны и вправе содержать, обучать и воспитывать детей, даже если они рождены вне брака.

Более конкретна такая обязанность в ч. 3 ст. 39 Конституции Испании: «Родители должны оказывать всяческую помощь своим детям, независимо от того, рождены они в браке или вне брака, в течение их несовершеннолетия и в других случаях, установленных законом».

Данные установления характерны и для американских конституций: ст. 227 Конституции Бразилии, ст. 53 Конституции Коста-Рики, ст. 80 Конституции Никарагуа.

Любопытно, что несправедливое оставление внебрачных детей является основанием для ограничения действия гражданских прав по Конституции Мексики (п. 8 ст. 34).

Самой лаконичной из обнаруженных явилась ч. 4 ст. 36 Конституции Португалии: «Внебрачные дети не могут подвергаться какой-либо дискриминации».

В американских конституциях многочисленны нормы, связывающие брак с гражданством государства. Так, согласно ч. 4 ст. 8 Конституции Доминиканской Республики доминиканка, вступившая в брак с иностранцем, может приобрести гражданство своего мужа.

В данном контексте ст. 14 Конституции Коста-Рики указано: «Натурализованными костариканцами являются... женщина иностранка, которая, вступив в брак с костариканцем, утратила свое гражданство или заявила о своем желании стать костариканкой».

Детализированы соответствующие установления ст. 19 Конституции Никарагуа, согласно которой гражданами по натурализации являются:

«– иностранцы, вступившие в брак с никарагуанцами и получающие после пятилетнего пребывания в стране свидетельство о натурализации, при предварительном отказе от своего прежнего гражданства (п. 2);

– иностранка, вступившая в брак с никарагуанцем, если она проживает в стране и заявит о своем желании приобрести гражданство Никарагуа (п. 3)»¹.

По конституционным установлениям брак опосредует гражданские права. К примеру, согласно ст. 34 Конституции Мексики, «гражданскими правами в Республике пользуются мужчины и женщины, которые, будучи мексиканцами, удовлетворяют, кроме того, следующим условиям... достигли восемнадцатилетнего возраста и состоят в браке или – двадцати одного года, если не состоят в браке».

В содержательном приращении изложена ст. 31 Конституции Никарагуа: «Гражданскими правами пользуются никарагуанцы обоего пола, старше двадцати одного года, имеющие более восемнадцати лет и умеющие читать и писать или состоящие в браке, а также лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, но могущие представить академический диплом».

Уточним, что брак может не только обеспечивать различные статусы, но и выступать основанием для их приобретения. К примеру, согласно ст. 239 Конституции Бразилии, «имущество, аккумулируемое в соответствии с Программой социальной интеграции и Программой об образовании наследственного имущества для служащих органов публичной власти, продолжает сохраняться, и критерии его изъятия при обстоятельствах,

¹ http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/nicarag/nicara-r.htm#2 (дата обращения 11.05.2022).

указанных специальными законами, остаются прежними, за исключением изъятия по мотивам заключения брака»¹.

В Конституции Никарагуа размещена серия статей, которые фиксируют брак в качестве основания, ограничивающего изъятие имущества за преступления политического характера, когда иностранец (иностранка) состоит в браке с лицом, имеющим никарагуанское гражданство (ст. 25): «Если гражданин неприятельского государства состоит в браке с гражданами Никарагуа или имеет детей никарагуанцев, то не менее пятидесяти процентов конфискованного имущества должно быть использовано в интересах супруга (супруги) и детей»² (ст. 72, 73).

5. Установления о браке в контексте полномочий государства и его органов. Так, в ч. 1 ст. 149 Конституции Испании сказано, что государство обладает исключительной компетенцией во всех случаях, касающихся правил применения и обеспечения эффективности юридических норм, юридико-гражданских отношений, вытекающих из брачных отношений.

В ч. 1 ст. 38 Конституции Швейцарии отмечено, что «союз регулирует приобретение и утрату прав гражданства в силу происхождения, заключения брака и усыновления»³.

Согласно ст. 130 Конституции Мексики, «брак и все другие акты гражданского состояния, касающиеся отдельных лиц, относятся к исключительной компетенции гражданских властей в порядке и формах, установленных законами, и имеют силу и действие, признаваемые за ними этими законами»⁴. Однако данная норма может быть отнесена и к выделенной нами бланкетной разновидности.

В ч. 2 ст. 65 Конституции Австрии легализовано полномочие Президента признавать внебрачных детей по ходатайству их родителей детьми, рожденными в браке.

В ч. 5 ст. 129 Конституции Нидерландов речь идет о том, что акт парламента может устанавливать случаи несовместимости депутатских мандатов по причине родственных или брачных уз.

В Конституционных актах Канады брак и развод отнесены к ведению Парламента (п. 91), а бракосочетание в провинции – к области исключительного законодательства провинций (ст. 92).

Согласно ст. 183 Конституции Перу, «Национальный Отдел Регистрации Актов Гражданского Состояния находится во главе регистрации... браков, разводов... Он выдает соответствующие свидетельства...».

В конституциях государств с монархической формой правления выявлены с ней связанные специфические нормы о браке. К примеру, в п. 5 Закона о престолонаследии Дании, входящем в Конституцию, сказано, что только дети, рожденные в законном браке, имеют право наследовать престол.

В этом же Законе есть предписания о согласии на вступление в брак для Короля. Так, Король не имеет права вступать в брак без согласия Риксдага.

Если лицо, имеющее право наследовать престол, вступает в брак без согласия Короля, данного в Государственном совете, оно утрачивает право наследования престола, так же как его дети и их потомки.

В аналогичном смысловом ключе ч. 4 ст. 47 Конституции Испании, «если лица, имеющие право на наследование трона, вступают в брак, несмотря на запрет Короля и Генеральных кортесов, то они лишаются, как и их потомки, права наследования Короны».

¹ <http://krugosvet.ru/node/41662?page=0%2C34> (дата обращения 11.05.2022).

² http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/nicarag/nicara-r.htm#2 (дата обращения 11.05.2022).

³ http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm (дата обращения 11.05.2022).

⁴ <https://worldconstitutions.ru/?p=51> (дата обращения 11.05.2022).

Подробным образом соответствующая процедура легализована в ст. 28 Конституции Нидерландов:

«– Король считается отрекшимся от престола, если он вступает в брак, не утвержденный Актом парламента (ч. 1);

– любое лицо, включенное в линию преемственности наследования, если оно вступает в такой же брак, исключается из числа наследников вместе с детьми и иными нисходящими потомками (ч. 2);

– решение о принятии Акта об одобрении брака принимают обе палаты Генеральных штатов (парламента) на совместном заседании (ч. 3)»¹.

В § 6 Конституции Норвегии также отмечено, что престол наследуется по прямой линии детьми, родившимися в законном браке от Королевы или Короля, или тем, кто сам имеет право наследования.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, посвященного зарубежному конституционному опыту формализации брака, представим основные выводы.

Полагаем достаточными и оптимальными предложенные нами критерии для анализа зарубежных конституций по поводу закрепления в них различных аспектов брака. В числе основных критериев следующие установления, формализующие брак в контексте субъективного права, дефиниции и бланкетной нормы; защиту/охрану брака; процессуальные аспекты брака; брак в обеспечительном контексте иных статусов; брак в контексте полномочий государства и его органов.

Как показали результаты осуществленного анализа, все-таки этот перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен иными критериями, опосредованными различными причинами, к примеру, формой правления.

Считаем необходимым высказать собственную позицию по поводу, полагаем, досадного упущения в формализации рассматриваемого института в конституциях Исландии, Лихтейнштейна, Монако, Финляндии и Франции.

Список литературы

- Афанасик Д.А. 2018. Сопоставительный анализ содержания концептов «брак / matrimonio»: экспериментальное исследование. *Этнопсихоллингвистика*, 1: 92–111.
- Дерендяева С.Д. 2022. Фиктивный брак в зарубежном законодательстве. *Теория права и межгосударственных отношений*, 1-9(21): 36–43.
- Кулиев Д.Т. 2022. Брак в контексте института личного статуса в исламском праве. *Законодательство*, 1: 68–77.
- Куткин В.С. 2017. Брак церковный и брак гражданский: понятие, содержание, взаимосвязь. Пробелы в российском законодательстве, 1: 109–112.
- Ли Ч. 2022. Всеобщий и ранний брак: брачные представления и поведение русских крестьян XVIII-XIX вв. *Вопросы истории*, 6-1: 34–48.
- Мэггс П.Б. 2022. Трансформация права: онлайн-брак и нотариальное удостоверение без границ. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*, 1(89): 39–43.
- Обносков В.Н., Седых Е.А. 2020. «Гражданский брак» как проблема современной российской семьи. *Наука и Образование*, 3(4): 357.
- Полякова Ю.А. 2020. Семья и брак как Общеправовая конструкция. *Человек. Социум. Общество*, 8: 46–57.
- Токоева А.Т. 2022. Брак как основной институт государства. *Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики*, 1: 123–126.

¹ <http://www.psu.by/images/stories/uf/personal/vegera/constitutions.rar> (дата обращения 11.05.2022).

References

- Afanasik D.A. 2018. Sopostavitel'nyj analiz sodержaniya konceptov «brak / matrimonio»: eksperimental'noe issledovanie [Comparative analysis of the content of the concepts "marriage / matrimonio": an experimental study]. *Etnopsiholingvistika*, 1: 92–111. (In Russian)
- Derendyaeva S.D. 2022. Fiktivnyj brak v zarubezhnom zakonodatel'stve [Fictitious marriage in foreign legislation]. *Teoriya prava i mezghosudarstvennyh otnoshenij*, 1-9(21): 36–43. (In Russian)
- Kuliev D.T. 2022. Brak v kontekste instituta lichnogo statusa v islamskom prave [Marriage in the context of the institution of personal status in Islamic law]. *Zakonodatel'stvo*, 1: 68–77. (In Russian)
- Kutkin V.S. 2017. Brak cerkovnyj i brak grazhdanskij: ponyatie, sodержanie, vzaimosvyaz' [Church marriage and civil marriage: concept, content, relationship]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 1: 109–112. (In Russian)
- Li CH. 2022. Vseobshchij i rannij brak: brachnye predstavleniya i povedenie russkih krest'yan XVIII-XIX vv. [Universal and early marriage: marital ideas and behavior of Russian peasants of the XVIII-XIX centuries]. *Voprosy istorii*, 6-1: 34–48.
- Meggs P.B. 2022. Transformaciya prava: onlajn-brak i notarial'noe udostoverenie bez granic [Transformation of law: online marriage and notarization without borders]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA)*, 1 (89): 39–43.
- Obnosov V.N., Sedyh E.A. 2020. "Grazhdanskij brak" kak problema sovremennoj rossijskoj sem'i ["Civil marriage" as a problem of the modern Russian family]. *Nauka i Obrazovanie*, 3(4): 357.
- Polyakova YU.A. 2020. Sem'ya i brak kak Obshchepравovaya konstrukciya [Family and marriage as a general legal structure]. *Chelovek. Socium. Obshchestvo*, 8: 46–57. (In Russian)
- Tokoeva A.T. 2022. Brak kak osnovnoj institut gosudarstva [Marriage as the main institution of the state]. *Izvestiya Nacional'noj Akademii nauk Kyrgyzskoj Respubliki*, 1: 123–126. (In Russian)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.04.2022

Поступила после рецензирования 15.05.2022

Принята к публикации 01.06.2022

Received April 18, 2021

Revised May 15, 2022

Accepted June 1, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дегтярев Сергей Николаевич, преподаватель кафедры гражданского процесса и международного права юридического факультета, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Degtyarev Sergey Nikolaevich, Lecturer of the Department of Civil Procedure and International Law, Faculty of Law, Kuban State University, Krasnodar, Russia

УДК 342.5; 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-516-524

Правозащитное взаимодействие полиции и общественных организаций в России

¹Новикова А.Е. , ²Соболева М.М.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

² Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: Afeena@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена существующим в России несоответствием заявленной общности гуманитарно-аксиологических ориентиров, законодательно установленной согласованности принципов деятельности полиции и гражданского общества в сфере защиты прав человека реальному характеру их взаимодействия. Даже при наличии тенденции к некоторому улучшению оценки населением работы полиции востребованы ресурсы совершенствования деятельности полиции вообще, а в сфере защиты прав человека – особенно. Одним из них полагаем более ёмкое применение принципа использования достижений юридической науки (ст. 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции») в реализации правозащитной функции, в том числе касающейся взаимодействия с гражданским обществом. В этой связи авторами раскрыт правозащитный аспект взаимодействия полиции и общественных организаций как наиболее распространенных субъектов гражданского общества; представлен ряд предложений, совершенствующих данное направление деятельности.

Ключевые слова: полиция, гражданское общество, общественная организация, взаимодействие, партнерство, права личности

Для цитирования: Новикова А.Е., Соболева М.М. 2022. Правозащитное взаимодействие полиции и общественных организаций в России. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 47(3): 516–524. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-516-524

Human Rights Cooperation Between the Police and Public Organizations in Russia

¹ Alevtina E. Novikova , ² Maria M. Soboleva

¹ Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
1 Pilot Pilyutova St, St. Petersburg 198206, Russia
E-mail: Afeena@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the contradiction existing in Russia between the declared commonality of humanitarian and axiological guidelines, the legislatively established consistency of the principles of the police and civil society in the field of human rights protection and the effectiveness of their such interaction that does not meet expectations. Even if there is a trend of some improvement in the public's assessment of the work of the police, the search for resources to improve the work of the police in general, and especially in the field of human rights protection, is in demand. One of them is a more comprehensive application of the principle of using the achievements of legal science (Article 11 of the Federal Law of February 7, 2011 "About the Police") in the implementation of human

rights functions, including those related to interaction with civil society. In this regard, within the framework of this work, the authors have revealed the human rights aspect of the interaction between the police and public organizations as the most common subjects of civil society; a number of proposals are presented to improve this area of activity.

Keywords: police, civil society, public organization, interaction, partnership, individual rights

For citation: Novikova A.E., Soboleva M.M. 2022. Human Rights Cooperation Between the Police and Public Organizations in Russia. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 516–524 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-516-524

Введение

Защита прав и свобод человека и гражданина императивно вменена государству (ст. 2 Конституции Российской Федерации)¹, органам и должностным лицам его представляющим. В числе таких органов – полиция с соответствующим законодательно закрепленным функционалом. Однако, несмотря на наличие сложившихся правозащитных структур, сфера субъективных прав личности ставит новые задачи не только перед государством, но и перед обществом с целью укрепления правозащитного пространства.

Полагаем, именно объединение функционально-ценностного предназначения статусов полиции и гражданского общества на основе научных положений конституционно-правовой теории и легализованных правозащитных принципов позволит сформировать ундамент их продуктивного взаимодействия в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. Проблемы заявленного взаимодействия, помимо прочего, опосредованы различными интересами, которые коррелируются в рамках совместной защиты субъективных прав и свобод.

Реализация личностных интересов осуществляется благодаря законодательному закреплению субъективных прав и свобод. В настоящее время, исходя из конституционной нормы ст. 18, жизненно важные интересы личности, выражаемые в возможности осуществлять свои конституционные права и свободы, поставлены на первое место, и только после них идут общественные и государственные. Именно такая последовательность интересов – от личных к государственным – определяет значение каждой отдельной личности в механизме правового регулирования.

Понятие «государственный интерес» напрямую зависит от исторической ситуации, в которой оно зарождается, развивается и приобретает разные формы и черты, свойственные конкретному хронологическому промежутку. «Его теоретическое осмысление стало возможным лишь в тот период, когда противоречия индивидуального и коллективного оказались в особенно острой фазе конфликта. Эволюция развития, интерпретации данного понятия всегда связываются с генезисом и развитием самого государства, с попыткой осмысления его природы и сущности, действия его механизмов, определением и оценкой существующих государственных образований и реалий их деятельности. Тенденция к противоборству личностных и общественных интересов, их соотношение и вопрос приоритета не являются качественно новыми; отражение идеи главенствующего и довлеющего над личностью государства, его надстроично-управленческое отношение к отдельному субъекту не впервые противопоставляется приоритетному положению человека. Как правовая категория "государственный интерес" отмечается последовательностью развития, длительным формированием своей сущности, определяемой набором исторических факторов, исходя из которых можно выделить следующие этапы: от главенствующей роли

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

государства в жизни общества до конституционного утверждения личностных интересов как векторных в деятельности любого государства» [Соболева, 2021, с. 78].

Зачастую соотношение интересов личности и государства, индивидуального и коллективного основывается на несоответствии теоретических установок реальным условиям, в которых они должны работать. Такие условия могут отсутствовать вовсе или находиться в зачаточном состоянии. Несоответствие базиса надстройке и надстройки базису ведет к неизбежным противоречиям, столкновениям интересов, особенно в условиях политики «двойных стандартов», при которой желаемое выдается за действительное, а реальная государственная власть направлена лишь на личное обогащение тех, кто ее осуществляет. Это один из аспектов государственного интереса, который «соответствует тому фактическому положению, при котором государство, прикрываясь маской всеобщего, навязывает обществу особенный, частный эгоистический интерес, интерес господствующих классов, движимых сохранять и усиливать государство как орудие своей власти над обществом» [Добрынин, 2006, с. 65].

Государственный интерес должен быть неразрывно связан с интересом личности, являясь целым по отношению к нему, и одна из главных задач в области защиты прав и свобод человека – это соблюдение баланса между публичными и частными интересами, недопущение вышеобозначенного смещения «центра тяжести» посредством силовых методов законодательной деятельности, ограничивающей права граждан. Изложенный тезис актуален и для выстраивания правозащитного взаимодействия полиции с гражданским обществом.

Теоретико-прикладные аспекты взаимодействия полиции и гражданского общества

Во взаимодействии полиции с коллективными институтами гражданского общества обоснованно считаем базовой ст. 10 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹. Она в самом общем виде определила, что полиция при выполнении возложенных на нее обязанностей может использовать возможности общественных объединений и организаций в порядке, установленном законодательством России. При этом она должна оказывать поддержку развитию гражданских инициатив в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения правопорядка [Киричёк, 2014].

Применяя дифференцированный подход к взаимодействию полиции и гражданского общества необходимо учитывать следующие обстоятельства:

«– полиция осуществляет взаимодействие с самыми различными общественными организациями и объединениями, имеющими различный правовой статус, выполняющими неоднородные задачи в присущих им специфических формах, отличающихся друг от друга по своему организационному построению. Это оказывает определяющее влияние на характер и содержание их взаимодействия с правоохранительными органами;

– организация взаимодействия полиции и гражданского общества осуществляется на разных уровнях и, что особенно важно, в различных условиях;

– взаимодействие осуществляется по различным направлениям, каждое из которых имеет свои задачи и свою специфику» [Гуров, 2009, с. 128].

По справедливому мнению Е.А. Зимина, «общее направление и конкретное содержание деятельности полиции в значительной степени определяет уровень фактической реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в государстве и, следовательно, имеет отчетливо выраженное конституционно-правовое значение» [Зимин, 2011, с. 68].

Обращаясь к механизму взаимодействия государства и гражданского общества в целом, а также применительно к полиции и общественным организациям, можно говорить

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2021. № 52 (часть I). Ст. 8983.

о трех вариантах: сотрудничестве, отсутствии сотрудничества (игнорирование) и конфронтации. При этом сотрудничество может быть как партнерским, так и построенным на доминировании, вплоть до полного подчинения одной из сторон. Ясно, что в реальных условиях такой доминирующей стороной может быть только государство. Применительно к современной ситуации распространены варианты отсутствия сотрудничества (игнорирования) и конфронтации. Это негативно влияет на развитие взаимодействия полиции и гражданского общества.

Рассмотрим эти варианты подробнее, выделяя конкретные модели [Факторы развития гражданского общества..., 2008, с. 212].

А. Партнерское взаимодействие: модель поддержки, партнерская модель и модель архитектора.

Б. Взаимодействие, основанное на доминировании власти: патерналистская модель, модель приводных ремней.

В. Отсутствие взаимодействия (игнорирование): модель игнорирования (государство не замечает большинства НКО, не мешает, но и не помогает их деятельности), модель архитектора.

Учитывая современные законодательные установления, а также доктринальные позиции, мы солидарны с мнением Ю.Е. Аврутина, согласно которому конституционализация правового регулирования деятельности российской полиции на концептуальном уровне отражена в стремлении законодателя закрепить партнерскую модель взаимоотношений российской полиции и общества, ориентированную на сотрудничество полиции с институтами гражданского общества и гражданами в процессе противодействия преступности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [Аврутин, 2012, с. 3-10]. Подчеркнем, что в силу статусных особенностей заявленных субъектов, конечно, они не являются партнерами. Данное подтверждают и положения самого федерального закона о полиции. Вместе с тем партнерской моделью в данном случае целесообразно рассматривать взаимоотношения, складывающиеся в большинстве своем на диспозитивной основе.

Следует признать неоспоримые плюсы механизма социального партнерства полиции и гражданского общества в деле защиты прав и свобод. Связанно это, на наш взгляд, с таким необходимым для полиции фактором, как учет интересов широких слоев населения.

Важнейшим элементом системы социального партнерства является механизм партнерских отношений, основу которого составляют способы, процедуры, формы, методы взаимодействия, система контроля выполнения принятых договоров, соглашений. Механизм социального партнерства складывается в условиях неразвитости элементов гражданского общества [Михеев, 2001]. Поэтому особую актуальность имеет направленность механизма системы социального партнерства на достижение социального согласия, консенсуса в обществе.

Партнерская модель взаимодействия рекомендована Комитетом министров Совета Европы государствам-членам (Рекомендация СМ / Рес (2007) 14 о правовом статусе неправительственных организаций в Европе (принята Комитетом министров 10 октября 2007 г. на 1006-м заседании постоянных представителей министров) [Вандышева, 2010]. Нормы, позволяющие реализовать партнерскую модель, имеются и в действующем российском законодательстве. Так, в ст. 17 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» изначально содержалось положение о том, что вопросы, затрагивающие интересы общественных объединений в предусмотренных законом случаях, решаются органами государственной власти и органами местного самоуправления с участием соответствующих общественных объединений или по согласованию с ними ¹.

¹ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930; 2021. № 1 (часть I). Ст. 20.

В зависимости от обстоятельств возможны различные виды взаимодействия полиции с правозащитными объединениями:

- сотрудничество (содействуют друг другу в решении общих задач, стоящих в области защиты прав и свобод граждан);
- противоборство (расходятся в понимании методов и способов обеспечения защищенности граждан);
- одностороннее воздействие («один из участников уклоняется от взаимодействия, а другой – способствует достижению целей первого или совместных целей»);
- однонаправленное взаимодействие (один из партнеров препятствует достижению целей другого, а второй – уклоняется от взаимодействия с первым);
- контрастное взаимодействие (один из участников старается содействовать другому, а второй – прибегает к стратегии активного противодействия первому);
- компромиссное взаимодействие (проявляют отдельные элементы как содействия, так и противодействия);
- обоюдное уклонение от взаимодействия» [Герасименко, 2008].

«Таким образом, стратегические подходы по вопросам правозащитного взаимодействия полиции с правозащитными организациями могут варьироваться от конфронтации до сотрудничества.

Наиболее приемлемым из них, по понятным причинам, является сотрудничество в форме партнерства, позволяющее добиться реального, максимально возможного результата. И на это должны быть направлены усилия представителей взаимодействующих сторон, реально заинтересованных в достижении положительных для общества изменений. Здесь необходимо учесть, что партнерство – нечто большее, чем просто объединение усилий в действиях по достижению социально значимых целей. При партнерских отношениях важно осознание каждой из сторон ответственности за качество этих отношений. Партнерство также невозможно без разработки функционирующего механизма поиска взаимоприемлемых решений. При этом партнерские отношения не исключают, а наоборот предполагают взаимный контроль за реализацией поставленных целей, достижение согласованных позиций по направлениям и методам его осуществления» [Соболева, 2021, с. 93].

Основой такого партнерства выступают:

- заинтересованность каждой из взаимодействующих сторон в поиске путей снижения остроты имеющихся проблем;
- объединение усилий и возможностей каждой из сторон в преодолении имеющихся проблем, разрешение которых по отдельности или неэффективно или невозможно;
- конструктивное сотрудничество между сторонами в урегулировании спорных вопросов;
- стремление к поиску реальных вариантов выхода из проблемных ситуаций, а не имитация такого поиска;
- децентрализация принятия решений в области имеющихся проблем, введение практики взаимных консультаций, отсутствие «вертикальных отношений» между взаимодействующими сторонами;
- правовая обоснованность объединения усилий, предоставляющая выгодные каждой стороне и обществу в целом условия взаимодействия;
- наличие объективной заинтересованности каждой из сторон в становлении и расширении взаимодействия¹.

¹ Актуальные проблемы взаимодействия ОВД с общественными организациями (аналитические материалы и предложения) // Отчёт о НИР. Академия управления МВД России. М., 2008. С. 14.

В развитие приведенных теоретических и правовых положений считаем возможным создание объединения некоммерческих организаций, работающих с МВД России. Данное объединение может взаимодействовать с руководством МВД России, его территориальных органов. Руководитель МВД России может войти в Совет при Министерстве. О деятельности соответствующих некоммерческих организаций рекомендовано информировать подразделения Министерства. Через Департамент государственной службы и кадров России возможно проведение совместных образовательных, исследовательских проектов, распространение положительного опыта, повышение квалификации совместные тренинги и т.п.

Некоммерческие организации могут предоставлять консультации, защиту, заниматься аналитической работой, формулировать предложения по совершенствованию механизма защиты личных прав и свобод. Необходимо составление справочников с контактными данными некоммерческих организаций, взаимодействующими с МВД России и осуществляющими контроль за его деятельностью на федеральном, региональном и местном уровнях.

Данные о таких организациях следует размещать на сайтах МВД России, его территориальных подразделений, а также муниципальных образований.

С учетом значимости проблемы правозащитного взаимодействия полиции и правозащитных объединений, представляется необходимым:

«– приступить к разработке стратегии социального обслуживания населения полицией и концепции взаимодействия полиции с правозащитными организациями с привлечением квалифицированных специалистов правозащитных и других общественных организаций;

– при разработке новых концептуальных документов, связанных с оптимизацией системы МВД России, включать в их содержание положения о налаживании правозащитного взаимодействия с общественными организациями и объединениями как стратегически значимом направлении деятельности;

– провести ревизию действующих подзаконных актов и ведомственных документов в области взаимоотношений с правозащитными объединениями на предмет их соответствия современным реалиям;

– активнее использовать интеллектуальный и профессиональный потенциал правозащитного движения в разработке нормативной правовой базы, связанной с организацией взаимодействия, а также для экспертной оценки ведомственных нормативно-правовых актов, в части, касающейся защиты прав и свобод граждан;

– обеспечить участие представителей правозащитных движений в подготовке методических материалов (пособий, наставлений, памяток) о порядке соблюдения и обеспечения сотрудниками полиции прав и свобод граждан;

– использовать имеющиеся возможности для обеспечения правозащитников объективной информацией о работе полиции;

– нацелить работу на использование интеллектуального, профессионального и политического потенциала правозащитного движения для привлечения внимания общества к состоянию органов внутренних дел и необходимости кардинального изменения условий их деятельности в целях повышения уровня защищенности прав и свобод граждан;

– проработать вопрос о возможных формах контроля со стороны правозащитных организаций деятельности территориальных органов полиции;

– повсеместно использовать практику совместных рейдов инспекций по личному составу органов внутренних дел и правозащитников по территориальным отделам полиции в целях проверки соблюдения прав человека в деятельности сотрудников полиции;

- проводить встречи руководителей органов внутренних дел с представителями правозащитных движений для обсуждений отчетов о проведенных проверках;
- обеспечить сотрудничество правозащитников с подразделениями собственной безопасности органов внутренних дел;
- создать условия для формирования системы гражданского образования в учебных центрах органов внутренних дел, расширить практику преподавания в образовательных учреждениях МВД России дисциплин, направленных на формирование толерантного сознания, веротерпимости и обучение межкультурному диалогу;
- активнее привлекать представителей правозащитных организаций к занятиям, проводимым в рамках служебной подготовки в территориальных органах внутренних дел;
- использовать возможности правозащитников при организации и проведении общественных компаний по участию населения в обеспечении безопасности и правопорядка, поощрении свидетелей преступлений, обеспечении безопасности жертв насилия и т.п.;
- понимая необходимость учета существующих рыночных отношений, разработать механизм материальной поддержки приоритетных направлений взаимодействия с правозащитными организациями, в том числе с привлечением внебюджетных средств» [Соболева, 2021, с. 94].

Заключение

Подводя итоги и акцентируя внимание на прикладных предложениях, полагаем, что именно их реализация позволит:

- совершенствовать правовую основу правозащитных отношений полиции и гражданского общества;
- повысить эффективность деятельности полиции за счет использования экспертных ресурсов некоммерческого сектора;
- улучшить качество принимаемых нормативных актов;
- точнее определять приоритетные направления деятельности в рассматриваемой области;
- обеспечить открытость принятия решений и высокую степень их общественной поддержки;
- использовать наиболее эффективные механизмы для решения конкретных проблем по отдельным направлениям правозащитного взаимодействия;
- распространить эффективные формы и методы совместной работы.

Список литературы

- Аврутин Ю.Е. 2012. Конституционализация правового регулирования деятельности российской полиции: аксиологические и формально-юридические аспекты. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции (22 марта 2012 г.): в 2-х ч. СПб, Ч. 2: 3–10.
- Вандышева Е.А. 2010. Партнерство и поддержка: к вопросу о перспективах правового регулирования взаимодействия государственных органов с некоммерческими организациями в Санкт-Петербурге. Материалы конференции «Законодательство и гражданское общество: проблемы и перспективы». 7 декабря 2010 года, Санкт-Петербург. СПб, 153 с.
- Герасименко А.Н. 2008. Информационное обеспечение взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране правопорядка (организационные и правовые вопросы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 26 с.

- Гуров Д.В. 2009. Дифференцированный подход в педагогическом взаимодействии правоохранительных структур с гражданским обществом. Вестник Ставропольского государственного университета, 62: 127–134.
- Добрынин Е.Ю. 2006. Соотношение интересов государства, общества и личности и процессе реализации социальной функции государства. Вестник Южно-Уральского государственного университета, 13: 64–66.
- Зимин Е.А. 2011. Понятие, структура и назначение конституционно-правового механизма обеспечения прав человека в сфере деятельности полиции. Проблемы права, 4: 68–71.
- Киричек Е.В. 2014. Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: понятие, цели, принципы, типы и формы. Lex Russica, 9: 1093–1103.
- Михеев В.А. Основы социального партнерства: теория и политика. М., Экзамен, 2001. С. 41–42.
- Соболева М.М. 2021. Правозащитное взаимодействие в России полиции и гражданского общества: конституционно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 168 ч.
- Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. 2008. Под ред. Л.И. Якобсона. М., Вершина, 296 ч.

References

- Avrutin YU.E. 2012. Konstitucionalizaciya pravovogo regulirovaniya deyatelnosti rossijskoj policii: aksiologicheskie i formal'no-yuridicheskie aspekty [Constitutionalization of the legal regulation of the Russian police: axiological and formal legal aspects]. Actual problems of administrative and administrative procedural law: materials of the annual All-Russian Scientific and Practical conference (March 22, 2012): in 2 hours. SPb, CH. 2: 3–10.
- Vandyshva E.A. 2010. Partnerstvo i podderzhka: k voprosu o perspektivah pravovogo regulirovaniya vzaimodejstviya gosudarstvennyh organov s nekommercheskimi organizatsiyami v Sankt-Peterburge [Partnership and support: on the prospects of legal regulation of interaction between government agencies and non-profit organizations in St. Petersburg]. Materials of the conference "Legislation and Civil Society: problems and prospects". December 7, 2010, St. Petersburg. SPb, 153 p.
- Gerasimenko A.N. 2008. Informacionnoe obespechenie vzaimodejstviya organov vnutrennih del s obshchestvennymi ob"edineniyami po ohrane pravoporyadka (organizacionnye i pravovye voprosy) [Information support of interaction of internal affairs bodies with public associations for the protection of law and order (organizational and legal issues)]: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 26 p.
- Gurov D.V. 2009. Differencirovannyj podhod v pedagogicheskom vzaimodejstvii pravooxranitel'nyh struktur s grazhdanskim obshchestvom [Differentiated approach in pedagogical interaction of law enforcement agencies with civil society]. Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 62: 127–134.
- Dobrynin E.YU. 2006. Sootnoshenie interesov gosudarstva, obshchestva i lichnosti i processe realizacii social'noj funkcii gosudarstva [The correlation of the interests of the state, society and the individual and the process of implementing the social function of the state]. Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 13: 64–66.
- Zimin E.A. 2011. Ponyatie, struktura i naznachenie konstitucionno-pravovogo mekhanizma obespecheniya prav cheloveka v sfere deyatelnosti policii [The concept, structure and purpose of the constitutional and legal mechanism for ensuring human rights in the field of police activity]. Problemy prava, 4: 68–71.
- Kirichyok E.V. 2014. Vzaimodejstvie policii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii: ponyatie, celi, principy, tipy i formy [Interaction of the police and civil society institutions in the Russian Federation: concept, goals, principles, types and forms]. Lex Russica, 9: 1093–1103.
- Miheev V.A. 2001. Osnovy social'nogo partnerstva: teoriya i politika [Fundamentals of social partnership: theory and politics]. M., Publ. Ekzamen, 41 p.
- Soboleva M.M. 2021. Pravozashchitnoe vzaimodejstvie v Rossii policii i grazhdanskogo obshchestva: konstitucionno-pravovoe issledovanie [Human rights interaction between the police and Civil Society in Russia: Constitutional and Legal Research]: Dis. ... kand. jurid. nauk. Belgorod, 168 p.
- Faktory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodejstviya s gosudarstvom [Factors of civil society development and mechanisms of its interaction with the state]. 2008. Pod red. L.I. YAkobsona. M., Publ. Verшина, 296 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.01.2022
Поступила после рецензирования 15.02.2022
Принята к публикации 28.02.2022

Received January 10, 2022
Revised February 15, 2022
Accepted February 28, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Алевтина Евгеньевна, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, доцент, г. Белгород, Россия

 [ORCID 0000-0001-7001-4908](https://orcid.org/0000-0001-7001-4908)

Соболева Мария Михайловна, заместитель начальника кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alevtina E. Novikova, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of the Belgorod National Research University Doctor of Law, Associate Professor, Belgorod, Russia

 [ORCID 0000-0001-7001-4908](https://orcid.org/0000-0001-7001-4908)

Maria M. Soboleva, Deputy Head of the Department of Police Organization of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, St. Petersburg, Russia

УДК 94(47).041

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-525-538

Судебник Ивана III – памятник права централизованного русского государства?

Пенская Т.М. , Пенской А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Одобренный в 1497 г. Иваном III и Боярской думой свод права, известный как Судебник, по традиции считается сводом права единого Русского государства, то есть действующим на всей его территории. Эта точка зрения, неоднократно повторенная во множестве научных исследований и растиражированная в учебниках, стала аксиомой, которая не обсуждается и не подвергается сомнению в силу своей кажущейся очевидности. Однако в последние десятилетия углубленное изучение реалий формирования централизованного Русского государства и особенностей функционирования его властных механизмов поставили под вопрос эту, казалось бы, незыблемую точку зрения. Несколько лет назад российский историк В.А. Кучкин опубликовал небольшое исследование, в котором высказал предположение, что Судебник 1497 г. вовсе не носил общерусский характер, но действовал только на территории великокняжеского «домена». Авторы статьи, взяв за основу выдвинутый историком тезис, подошли к проблеме с иной точки зрения, подведя под идею В.А. Кучкина другую систему доказательств и показав, что на практике Судебник имел весьма ограниченное хождение и в лучшем случае может считаться лишь первым шагом на пути формирования системы действительно общерусского права.

Ключевые слова раннее Новое время, централизованное государство, право, Российское государство, Иван III, Судебник

Для цитирования: Пенская Т.М., Пенской А.В. 2022. Судебник Ивана III – памятник права централизованного Русского государства? NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(3): 525–538. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-525-538

The Judicial Book of Ivan III – a Monument of the Law of the Centralised Russian State?

Tatyana M. Penskaya , Alexander V. Penskoy

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. In 1497 Ivan III and the Boyar Duma approved a code of law. It went down in history as the Sudebnik of 1497. By tradition, it is considered the first code of law of the Russian centralized state, and acted throughout its territory. This point of view has been repeatedly repeated in many scientific studies and replicated in textbooks. Over time, it has become an axiom that is not discussed or questioned due to its apparent obviousness. However, in recent decades, an in-depth study of the realities of the formation of a centralized Russian state and the peculiarities of the functioning of its power mechanisms have called into question this seemingly unshakable point of view. A few years ago, the Russian historian V.A. Kuchkin published a small study. In it, he made an interesting suggestion. According to the researcher, the Sudebnik of 1497 was not at all of an all-Russian character and acted only on the territory of the grand ducal "domain". The authors of the article, taking as a basis the thesis put forward by the historian, approached the problem from a different point of view. They summed up the idea of

V.A. Kuchkin another system of evidence. The article shows that in practice the Sudebnik had a very limited circulation and, at best, can be considered only the first step towards the formation of a system of truly all-Russian law.

Keywords early Modern, centralized state, law, Russian state, Ivan III, Sudebnik

For citation: Penskaya T.M., Penskoy A.V. 2022. The Judicial Book of Ivan III – a Monument of the Law of the Centralised Russian State? NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 525–538 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-525-538

Введение

В этом году исполняется 525 лет с того дня, когда Иван III и его думные бояре одобрили текст Судебника 1497 года «Того же лета (имеется в виду 7056 год от Сотворения мира – *Авт.*) князь велики Иван Васильевич придоумал з бояры и оуложил соуд соудити и бояром, околничим, а оу боярина бытии диакоу, а соудити по Соудебнику по великого князя», – так записал для потомков известие об этом событии неизвестный составитель хроники, которую ее первооткрыватель А.Н. Насонов назвал Троицким летописцем [Насонов, 1970, с. 384]. Для современников этот памятник русского права остался, судя по всему, практически неизвестным – о нем практически не писали летописцы, сам Судебник сохранился в единственной рукописи, которая к тому же датируется 1-й пол. 40-х гг. XVI в. [Клосс, Назаров, 2000, 67]. Для сравнения, «Русская Правда» в разных ее редакциях-изводах сохранилась примерно в сотне списков, а Судебник Ивана IV – в 40 [Казаков, 2000, с.140]. Не нашел, похоже, широкого применения Судебник и в повседневной практике московского судопроизводства. Так, согласно подсчетам А.А. Калашниковой, с момента принятия Судебника и до появления следующего, «царского» Судебника 1550 года, сохранилось 163 судебных акта, и нормы Судебника 1497 года упоминаются лишь в 30 из них – то есть менее чем в 20 % [Калашникова, 2016, 288].

Но если судебник Ивана III и был обделен вниманием современников, то этого никак не скажешь о потомках. С того самого момента, как князь М.М. Щербатов упомянул об этом памятнике русского права (узнав о нем из Типографской летописи), а К.Ф. Калайдович и П.М. Строев опубликовали сам текст этого юридического памятника (в 2019 году исполнилось 200 лет этому событию), Судебник стал объектом пристального внимания российских и советских историков и правоведов. Характеризуя начальный этап изучения Судебника в русской исторической и правовой науке, Ю.Г. Алексеев отмечал, что на складывание этой традиции серьезное влияние оказала характерная черта развития исторической науки в имперской России – ее разделение на собственно «историю» (которая, по словам историка, читалась на историко-филологических факультетах и главным объектом своего изучения имела историю политическую, отражая «ту или иную концепцию общего хода русского исторического процесса») и «историю права» (эта последняя концентрировалась на исследовании памятников русского права «и – по тогдашней терминологии – «юридического быта» Древней Руси»). «Такое разделение сферы научных интересов определило и характерные особенности изучения Судебника», а именно в контексте истории русского права и политической истории, параллельно и практически независимо друг от друга – констатировал ученый свои наблюдения [Алексеев, 2019, с. 339]. И эта традиция сохраняется, по существу, и по сей день.

Впрочем, анализ обширнейшей историографии Судебника, российской и зарубежной, как заслуживающий специального исследования в силу ограниченного объема статьи не является предметом нашего пристального внимания. К тому же наличие относительно свежих обзоров литературы по проблеме (к которым мы и отсылаем желающих поближе ознакомиться с этим вопросом [см., например: Алексеев, 2019; Скрипилев, 2000]) позволяет нам сразу перейти к делу, а именно – ответить на вопрос, являлся ли Судебник Ива-

на III первым сводом права централизованного Русского государства, как принято считать согласно устоявшейся в отечественной историографии традиции, или же, как полагает В.А. Кучкин, его юрисдикция распространялась только на территорию великокняжеского «домена».

Современная историография о централизованном государстве и его особенностях

В отечественной историографии прочно утвердилось мнение о том, что принятие Судебника 1497 года самым теснейшим образом связано с формированием институтов Русского централизованного государства и, как следствие, его принятие означало замену в Российском централизованном государстве Русской Правды (в ее пространной редакции) в качестве основного источника светского писаного права новым правовым кодексом, сборником великорусского права, права централизованного государства [Скрипилев, 2000]. Однако эта увязка предполагает уяснение природы и сущности этого централизованного государства, особенностей его формирования, становления последующего развития его основных институтов, к которым, несомненно, относится и правовая система. В этой связи нельзя не поставить вопрос: как можно определить сущность централизованного государства, время сложения которого приходится на «долгий XVI век»? Чем оно отличается от пресловутых средневековых «сословно-представительных» монархий, рыхлых и неконсолидированных (хотя бы внешне)? Принято считать, что «образование централизованного государства включало в себя два взаимосвязанных процесса: **формирование единой государственной территории за счет объединения русских земель** и установление **реальной власти** единого монарха над всей этой территорией (выделено нами – *Авт.*)...» [Российское законодательство X–XX веков, 1984, с. 8].

Итак, основными признаками централизованного государства по традиции можно считать формирование единой государственной территории (хотя это быть может отнесено и к средневековым государствам) через объединение земель (тоже, впрочем, достаточно спорное утверждение) и установление реальной власти монарха над этой территорией, и новое законодательство (в нашем случае Судебник) должно было этому процессу в немалой степени поспособствовать. Здесь впору вспомнить слова американского русиста Н. Коллманн, которая писала, подводя промежуточные итоги изучения истории государства и права раннего Нового времени, что процессы их формирования включали в себя, помимо прочего, и наращивание соответствующей властной «мускулатуры». Последняя, отмечал историк, включала в себя, помимо всего прочего, еще и новое законодательство [Kollmann, 2012]. Однако она отмечала также, резюмируя результаты исследований последних десятилетий в этом направлении, что преувеличивать силу и влияние верховной власти в раннемодерных государствах отнюдь не стоит. «Раннемодерные государства превращались в современные благодаря органичному сочетанию таких свойств, – продолжала она, – которые в социальной теории часто рассматриваются как полярные категории: централизация/децентрализация, персонализм/публичность, власть закона / власть обычая» [Kollmann, 2012, с. 2, 3].

К схожим выводам пришел и отечественный историк К.В. Петров, который, характеризуя особенности функционирования верховной власти в Русском государстве в эпоху Ивана III, отмечал, что, во-первых, раннемодерное государство было существенно слабее, нежели современные государства, обладая значительно менее развитыми возможностями оказывать влияние/воздействие/давление на общество, а во-вторых, Российской государство в этом отношении было слабее, нежели его европейские современники в силу ограниченности своих финансовых и, следовательно, административных возможностей. Поэтому, продолжал он, «государство, будучи не в состоянии своими силами обеспечить соблюдение правопорядка на территории страны, для решения указанной задачи привлекало само общество в форме губных и земских органов в XVI в.», и вообще, возможности рос-

сийского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе» [Петров, 2008, с. 375, 376].

Однако, привлекая к управлению государством «землю», верховная власть тем самым вынуждена была, с одной стороны, делиться с нею своими властными прерогативами (обстоятельство, на которое указывала, к примеру, К. Барки, характеризуя отношения между султанской властью и местными сообществами и «корпорациями» [Barkey, 2008]), а с другой стороны, соглашаться с тем, что «земля» может иметь свое мнение. И это мнение, которое может отличаться от точки зрения верховной власти, не может не быть принято в расчет, если она, верховная власть, желает сохранить лояльность со стороны своих как будто подданных. В известном смысле можно вести речь о своего рода неписаной «конституции», лежавшей в основе любой раннемодерной государственности. Суть ее кратко, но емко описала уже упоминавшаяся нами выше Н. Коллманн в следующих словах: «Во всех подобных государствах (имеются в виду государства раннего Нового времени. – *Авт.*) легитимность основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, **согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе**» (выделено нами. – *Авт.*) [Kollmann, 2012, с. 416], одним словом, действовать в интересах «общего блага» [Кром, 2006, с. 292].

Мы не случайно выделили в этой цитате именно эту фразу – она имеет для нашего небольшого исследования большое значение. Не подлежит сомнению, что московское общество времен Ивана III (да и его преемников тоже) было обществом аграрным, обществом «первой волны» (Э. Тоффлер), тяготевшим к сохранению и воспроизводству, желательно в неизменном виде, «старинны»: «Все новое добро есть, но ветхое всего лучше есть и сильнее» [Розанов, 1904, с. 34]. Именно перемену в старых обычаях ставил в вину Василию III И.Н. Берсень-Беклемишев, казненный в 1525 году за «супротивные речи» – по его мнению, «которая земля переставляет обычаи свои, и та земля не долго стоит» [Следственное дело Максима Грека, 1838, с. 11].

Можно ли, в таком случае, отнести раннемодерное московское общество к «холодным» (по классификации К. Леви-Стросса) обществам? Представляется, что вполне. Следовательно, к московскому обществу конца XV в. можно отнести и следующие слова исследователя: «Холодные» общества (называемые нами по этой причине первобытными), желают его (неизбежный процесс изменений внутри и снаружи, связанный с переменами и изменениями привычного образа жизни. – *Авт.*) игнорировать и **пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими «первичными» относительно своего развития** (выделено нами. – *Авт.*)...» [Леви-Стросс, 2008, с. 439]. Может ли верховная власть в условиях, когда ее действия во многом зависят от того, как они будут восприняты «землей», игнорировать такую позицию своего младшего «партнера»? Представляется, что нет. Следовательно, в своих действиях власть будет волей-неволей ориентироваться на «старину» – как это сделал Иван III, обосновывая свои права на Новгород («Мы владем вами (новгородцами. – *Авт.*) и жалуем вас и бороним отвселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрити начнете...» [Московский летописный свод..., 2004, с. 285]) или же «маскируя» «новины» под «старину» – подобно Ивану IV и его боярам, принявшим, «исправля по старине», новый, Царский, Судебник в 1550 года [Стоглав, 2015, с. 53].

Не стоит забывать также и отмеченную еще в конце XIX в. двойственную природу русского права, в котором, как писал русский правовед А.Н. Филиппов, сосуществовали право «коронное», великокняжеское, писаное, и право обычное [Филиппов, 1886, с. 58], неписаное и некодифицированное, но, поскольку именно оно было освящено традицией, «старинной», то оно и первенствовало над писанным. И верховная власть принимала такое

положение дел как должное. «Московские государи еще не осознают, что их воля может творить право, – отмечал М.А. Дьяконов, – в их глазах всякое право должно иметь санкцию старины» [Дьяконов, 2005, с. 159]. Да и сами московские государи, взращенные в «холодной» консервативной среде, не приветствовавшей «новины», не были, очевидно, предрасположены к переменам, тем более если последние должны были носить радикальный характер. Исправить, точнее, восстановить порушенную в период всяких неустойчивостей «старину» – это да, к этому они были готовы, тем более что и само общество ожидало от них именно этого, но вот вводить нечто, что не имело аналогов прежде – к этому они не были готовы и это они делать не собирались.

К двойственной природе русского раннемодерного права самое что ни на есть непосредственное отношение имеет любопытная концепция, выдвинутая британскими историками Г. Кенигсбергером и Дж. Эллиотом [Elliott, 1992; Koenigsberger, 1978]. Суть ее заключается в том, что, по их мнению, европейские государства, монархии раннего Нового времени представляли собой composite states. Главная и, пожалуй, едва ли не самая характерная черта таких монархий заключалась в том, что, новые «централизованные» монархии на деле представляли собой «лоскутные» государства, в которых прежние местные элиты сохраняли немалую часть своих властных полномочий и «свобод», но верховная власть «надстраивала» над традиционными административными, Судебными и иными подобного рода структурами свои [Elliott, 1992, с. 57]. И коронное право в таком случае выступало «надстройкой» над прежним правовым обычаем, на основании которого вершилось и вершилось прежде правосудие в той или иной земле.

Итак, руководствуясь изложенными выше соображениями, мы и попробуем проанализировать ситуацию, которая сложилась вокруг Судебника 1497 г. и определиться с его местом в системе русского права в конце XV – нач. XVI вв.

Судебник 1497 года – свод права великокняжеского домена?

Некоторое время назад В.А. Кучкин в небольшой статье «Заметки о Судебнике 1497 г. Ивана III» подверг критике ряд устоявшихся мнений относительно этого правового акта и его места в системе права молодого Русского государства. «Судебник 1497 г. Ивана III был предназначен не только не для всех слоев населения Русского государства конца XV в., – отмечал он, – **он был рассчитан для использования лишь в тех местах этого государства, где были домениальные владения Ивана III** (выделено нами. – *Авт.*)...» [Кучкин, 2020, с. 169. Ср.: Бенцианов, 1998, с. 6–20]. Таким образом, исследователь подверг сомнению один из наиболее распространенных тезисов относительно природы Судебника Ивана III, а именно его оценку как первого свода права централизованного Русского государства.

В этой статье исследователь развил идеи, которые контурно были обрисованы им еще в 2000 году, когда увидел свет сборник, посвященный 500-летию принятия Судебника Ивана III. В статье «Судебник 1497 г. и договорные грамоты московских князей» историк отмечал, что в этом правовом акте было зафиксировано расширение, по сравнению с прежними временами, судебных прерогатив московского великого князя «и, как следствие этого, централизация суда». Однако вместе с тем, продолжал дальше В.А. Кучкин, «было бы ошибкой думать, что великий князь московский в конце XV в. стал не только верховным, но и единственным носителем высших судебных полномочий в Русском государстве», поскольку в самом тексте этого правового акта было указано на равенство судебных полномочий великого князя и его детей, а из 30-й статьи Судебника следовало, что судебная власть великого князя не распространяется на владения удельных князей [Кучкин, 2000, с. 128].

Это наблюдение историка заслуживает, на наш взгляд, того, чтобы обратить на него более пристальное внимание. Действительно, если внимательно и непредвзято вчитаться в

тексты межкняжеских докончаний, то перед нами предстает картина юридической чересполосицы, характерной для Русского государства того времени, причем корни этой чересполосицы уходят в далекое прошлое. Еще в 1367 году великий князь Дмитрий Иванович, договариваясь со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем, в докончании прописывал: «А что мя благословил отец мой, князь велики Иван, оуделом дяди моего, князя великого Семеновым, того ти не искати, тебе знати свою очина, а мне знати свою очина». И дальше этот тезис детализировался – князья четко и недвусмысленно разграничивали сферы своих полномочий и свои права суверенных государей в своих уделах по принципу *rex est imperator in regno suo*. Так, Дмитрий и Владимир договаривались о том, что в своих уделах они обладают верховной судебной и фискальной властью: «В твои ми оудел данщиков своих и приставов не всылати. Тако же и тебе в мои оудел данщиков своих, ни приставов не всылати, ни во все мое великое княжение» Кроме того, они обязывались не выдавать жалованных грамот за пределами своего удела: «А в твои ми уделе грамот жаловальных не давати. Тако же и тебе в мои оудел и во все мое великое княженье не давати своих грамот» [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 20, 21].

В договоре были и другие статьи, развивавшие и дополнявшие эти положения. Нетрудно заметить, что все они так или иначе, но подчеркивали независимый статус князя-вотчинника и его исключительное право вершить суд и расправу, собирать налоги и осуществлять прочие виды административной деятельности на территории своего «домена». Эта традиция, основы которой были заложены, вне всякого сомнения, намного раньше (достаточно обратить внимание на сохранившиеся договоры между Великим Новгородом и тверскими князьями 2-й пол. XIII в., в которых сдержатся отдельные положения, повторяющиеся в межкняжеских соглашениях, – например, о неприобретении земель и невыдаче грамот [см., например: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949, с. 12, 12]), сохраняется и дальше, воспроизводясь во все новых и новых межкняжеских докончаниях. Положение о невмешательстве в дела партнера по договору повторяется, к примеру, в соглашении 1389 года между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, и в договоре 1390 года между Василием Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем, и в докончании 1401/1402 гг. Василия Дмитриевича со своими братьями Андреем и Петром, и в ряде 1428 года Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича и др. аналогичных актах [Духовные и договорные грамоты..., 1950]. Стоит обратить внимание на то, что в этих соглашениях появляется новая формулировка, которая заменяет собой предыдущие, но вместе с тем она подчеркивает суверенность князя в делах внутри своего «домена» – договаривающиеся стороны взаимно обязываются «блюсти, а не обидети, ни вступатися» во внутренние дела друг друга [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 64, 70].

«Блюсти, а не обидети, ни вступатися» – эта новая трактовка сущности отношений между великими и удельными князьями в неизменном виде будет встречаться в межкняжеских докончаниях XV–XVI вв. Она присутствует, к примеру, в докончании 1434 года Василия Васильевича с можайским князем Иваном Андреевичем и белозерским князем Михаилом Андреевичем, и в договоре 1447 года Василия Васильевича с серпуховским князем Василием Ярославичем, великого князя Ивана Васильевича со все тем же Михаилом Андреевичем, заключенным в 1462/1464 гг. [Духовные и договорные грамоты..., 1950]. Аналогичным образом договариваются, к примеру, и братья Иван Васильевич и Андрей Васильевичи около 1472 года – в их докончании точно также оговаривается норма, согласно которой «в тот мой оудел... не вступатися под мною, и твоему сыну... ваши детем под моими детми, и блюсти, а не обидети», причем дополнительно в договор вводилась старая статья относительно того, чтобы в чужом уделе «ни приставов в мою отчину, ни грамот жалованных не давати, ни зеель вам не купити, ни закладней не держати» [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 216].

Норма эта продолжает действовать и дальше – даже после знаменитого мятежа 1489 г. Бориса и Андрея Васильевичей против старшего брата Ивана Васильевича, вы-

званного прямым нарушением этой нормы она все равно сохраняется в межкняжеских соглашениях. Так, в 1481 году Иван III заключает со своим братом Андреем, участником той самой фронды 1480 года, новый договор. И что же мы видим в нем? – а снова князья договариваются и обещают друг другу отчины, которыми они владеют, «не вступатися» и их, отчины, «блюсти» и «не обидети». Аналогичным образом был составлен и ряд между Иваном и Борисом [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 252, 269].

Подчеркнем – это соглашения внутри московского княжеского дома, а не договоры между великим, к примеру, князем московским и великим князем тверским или рязанским, в которых такая норма также имеется (достаточно взглянуть на текст соглашения между Дмитрием Ивановичем и рязанским князем Олегом Ивановичем или, к примеру, между Иваном III и тверским великим князем Михаилом Борисовичем [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 296]), где она воспринимается как должное. Эта правовая норма была частью правовой культуры и настолько глубоко «прошита» в сознании князей, что, к примеру, когда Иван III составлял свое завещание и подробнейшим образом расписывал, какие уделы он оставляет своим сыновьям, то и здесь он не преминул указать, что младшие братья в удел старшего, будущего Василия III, «не вступаются ни во что, а ведают то по тому, как им в сей духовной грамоте писано», равно как и Василию Иван предписывал «не вступатися» в их уделы [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 359, 360, 361]. Стоит ли после этого удивляться тому, что в 1531 г., договариваясь с братом Юрием, удельным князем Дмитровским, Василий III потребовал от него обещания, что тот не будет ни под каким видом «вступатися» в то, что завещал Василию его отец, великий князь Иван, и что он с Божьей помощью приобретет, «блюсти, и не обидети, ни вступатися ни во что», сел «в наших государьствех, в великих княжствъх во всех, не держати, не купити, ни закладней не держати». Равным образом и Василий обещал Юрию, что и он, в свою очередь, обязуется делать то же самое по отношению к братнему уделу [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 416, 417]. И даже Иван Грозный в своей духовной грамоте, датированной 1572 годом, не отступился от этого правила, – своим детям, Ивану и Федору, он наказывал: «И были есте, дети мои, Иван и Федор, в любви по сему моему наказу, заодин, неразделно, **раздельны бы есте были вотчинами и казнами** (выделено нами. – *Авт.*), а сердцем бы есте и любовью были неразделны» и уделов бы друг на друге не «подъскивали» [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 428, 432].

Таким образом, можно уверенно сделать вывод, что межкняжеские отношения издавна, по меньшей мере с XIII в. (когда подобного рода нормы впервые фиксируются в документах), строились на принципах взаимного признания полного суверенитета во внутренних делах, прежде всего в вопросах судопроизводства и фискальных. И неважно, шла ли речь о соглашениях между князьями разных домов (московского и тверского, московского и рязанского, тверского и Великого Новгорода и пр.) или же внутри одного дома (например, меж князьями дома Ивана Калиты) – и в том, и в другом случае князья взаимно обязывались «блюсти, и не обидети, ни вступатися ни во что некоторым образом» во внутренние дела партнера по соглашению. И эта внутренняя независимость естественным образом ставила препону на пути формирования единого юридического поля по всей территории Русского государства. Трудно не согласиться с мнением М.М. Бенцианова, который отмечал, что «получая уделы, они (удельные князья. – *Авт.*) стремились воплотить в жизнь примерно те же самые политические идеи, которые в это время ставились в основу государственных реформ уже на более высоком уровне», так как, воспитанные при московском дворе, они впитали в себя существовавшие там политические традиции [Бенцианов, 2008, с. 505]. Но вот можно ли назвать эти традиции «централизаторскими»? На наш взгляд, нет, и то же завещание Ивана III это наглядно демонстрирует. Иван, как и его отец прежде и его преемники после, мыслили вполне традиционно, в рамках «старины», а она четко и недвусмысленно предписывала князю действовать так, чтобы «старина», «пошлина», не только не была нарушена, но, напротив, воспроизводилась снова и снова в неиз-

менном виде, а если и была нарушена, то непременно должна была быть восстановлена. В следовании «старине», как уже было отмечено выше, общество, «земля», видела один из важнейших залогов легитимности высшей власти. Да и как мог нарушить ее князь, пусть даже и великий, воспитанный в традиционном духе и почтении к традиции?

Принимая во внимание все вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что братьям Ивана III не было никакой нужды прибегать к помощи Судебника 1497 года для того, чтобы вершить судопроизводство в своих уделах. Они вполне могли делать это в рамках «старины» (кстати, есть все основания полагать, что значительная, если не подавляющая часть Судебника 1497 года была ничем иным, как фиксацией на пергамене устоявшихся норм обычного права) или, в конце концов, никто и ничто не мешало им, «сдумавше» вместе со своими боярами, учинить подобного рода судебник и для своих владений.

Однако только ли в уделах не мог по определению работать Судебник 1497 года? Нам представляется, что на этот вопрос может быть лишь один ответ – не только! Рассуждая о праве и правовой системе Русского государства раннего Нового времени, по умолчанию исследователи, как правило, выносят за скобки юридический статус церковных земель – митрополичих, монастырских (в особенности) и иных. Между тем стоит заметить, что еще со времен ордынского владычества церковные земли и обитавшие на них люди находились на особом правовом положении. Правовой статус церковных земель и людей, обитавших на них, хорошо виден, к примеру, из грамоты, что была послана митрополитом Московским и всея Руси Феодосием в Новгород в 1463 году. В ней владыка писал, что «по преданию святых апостол и святых отец уставу, еже то уставили пределы церквам, епископьям, да еже что потягло к которой епископьи манастыреве и игумени, и церньци, и попы, и диаконы, и всяк церковный человек, **те все под областью и в послушании святителю, и никто же да не смеет, ни един христианин, ни мал, ни велик, вступатися в та дела** (выделено нами. – *Авт.*)...» под угрозой отлучения от церкви. Кроме того, продолжал митрополит, «села и земли, и воды, и пошлыны церковныи, и в то посадники и тысяцкие, и бояре Великого Новагорода не вступаются ни о чем» [Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. 2008, с. 227].

Таким образом, церковные земли и их обитатели – неважно, были ли они мирянами или же клириками – оказывались за пределами юрисдикции великого князя (или князя удельного), и судопроизводство здесь вершилось согласно нормам канонического и, очевидно, обычного права (кстати, здесь стоит вспомнить выдвинутую русскими юристами 2-й половины XIX в. и поддержанную В.О. Ключевским гипотезу о церковном происхождении «Русской Правды», которая, по их мнению, выступала в роли *jus subsidiarium* для епископов и игуменов, которые вершили суд и расправу в церковных владениях [Пенская, 2020]).

Однако, на наш взгляд, не только и не столько удельные и церковные земли так или иначе оказывались за пределами великокняжеской юрисдикции и, следовательно, нормы Судебника 1497 года там не работали. Обычной в те времена была выдача жалованных, то есть иммунитетных, и кормленых грамот разным лицам. Формуляр же этих грамот был составлен таким образом, что из него можно вывести положение, что, за исключением особо тяжких преступлений, великокняжеская юрисдикция на эти земли также не распространялась. К примеру, в жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича архимандриту Спасо-Евфимьева монастыря Герману, выданной в 1538 году, специально оговаривалось, что «нашы наместницы суздальские и волостели и их тиуни тех же людей (монастырских. – *Авт.*) не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным... а ведает и судит тех своих людей архимандрит з братиею сами во всем, или кому прикажут...». Это же положение содержится и в такой же жалованной грамоте, выданной архимандриту того же монастыря в 1547 году, и в другой, датированной 1551 годом, и в грамоте 1576 года [Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1998,]. В том, что эта норма соблюдалась и до Ивана IV, и после него, можно убедиться, обратившись, напри-

мер, к жалованным грамотам Василия III и Михаила Федоровича и даже более ранних времен – середины XV в. [Голубцов, Назаров, 1970; Кистерев, 2000; Прокопенко, 1997].

Аналогичным образом Иван Васильевич в 1550 году жаловал князя И.Ф. Мстиславского в его вотчинных землях правом «ведать и судить» тамошних людей самому или кому прикажет «во всяких делах, и в татьбе, и в душегубстве, и в розбое с поличным», воспрещая одновременно царским наместникам, волостелям и их тиунам вмешиваться в судопроизводство вотчинника [Зимин, 1966, с. 353].

Точно также, посылая кормленщика в ту или иную землю, великий князь выдавал ему грамоту, в которой прописывалось положение, согласно которому «детям боярским и слугам и всем людям той волости» наказывалось кормленщика «читать и слушаться», а тот, в свою очередь, обязан был их «ведать» и «ходить» у них «по старой пошине, как было прежде сего» [Акты служилых землевладельцев, 1997, с. 40]. И это положение повторяется раз за разом в кормленных грамотах Ивана III. Василия III и Ивана IV [Акты служилых землевладельцев, 1997]. Примечательно, что, наделяя кормленщика правом «ведать» волостными или городскими людьми, великий князь ограничивал это его право «старинной». На практике же это означало, что, не располагая развитым административным аппаратом и соответствующими инструментами принуждения (вспомним приведенную нами раньше характеристику, данную К.В. Петровым, Русского государства как институционально слабого), кормленщик, верша суд и расправу, неизбежно должен был искать сотрудничества со стороны «лутчих» людей той волости или города, куда он был послан. Больше того, верховная власть прямо ему это предписывала – так, в Белозерской уставной грамоте по этому поводу прямо и недвусмысленно говорилось: «А наместником нашим и их тиуном **без сотцково и без добрых людей и не судити суд** (выделено нами. – *Авт.*)...» [Белозерская уставная грамота, 1985, с. 195].

Любопытный факт – завоевав Полоцк зимой 1563 года, Иван Грозный, отъезжая из своей «отчины», наказывал оставленным наместничать в городе воеводам «управу давать» полочанам всякого чина, от шляхтичей и бояр до земских людей, «розпрося про здешние всякие обиходы, как у них в обычи ведутца, да с их обычая и судити и управы им в городе давати». Больше того, Иван наказывал воеводам «выбрать головы добрые из дворян, кому мочно верити, да приказати им судити в судебно во всяких делах и управа им чинити безволокитно... а записывати у них дьяком земским, выбрав из земских людей из полочан человека два, а в суде быти с ними бурмистром (полоцким же – *Авт.*)...» [Баранов, 2004, 145]. Нетрудно заметить, что в этих пассажах из царского наказа полоцким воеводам присутствуют прямые аналоги с соответствующими положениями Белозерской уставной грамоты, что свидетельствует о чрезвычайной устойчивости «старины» и «пошлины» в судебной практике Русского государства Раннего Нового времени.

В самом деле – местные правовые обычаи складывались веками, а кормленщики – люди временные, они приходят и уходят, откуда же им знать о местной «старине»? Между тем, как уже отмечалось выше, лояльность местных элит (и населения само собой) во многом определялась готовностью верховной власти (и ее представителей на местах) блюсти эту «старину», тем более в таком болезненном вопросе, как судопроизводство. И в таком случае традиция, обычай (и основанные на них правовые нормы) неизбежно будут доминировать над нормами коронного права. И совсем не случайно Судебник 1497 года был посвящен разрешению в первую очередь вопросов, связанных с порядком судопроизводства (как отмечал К.В. Петров, «во-первых, порядок осуществления правосудия, во-вторых, порядок и размеры взимания судебных и иных пошлин, в-третьих, предотвращение злоупотреблений со стороны должностных лиц» [Петров, 2016, с. 295]) – остальные проблемы разрешались на местах в рамках «старины», посредством применения устоявшихся норм обычного права.

Заключение

Еще в 1994 году А.А. Смирнов писал, что в России «военная централизация была достигнута раньше, чем политическая или экономическая, – уже при Иване III» [Смирнов, 1994, с. 35]. Этот парадоксальный (на первый взгляд) тезис не был, насколько можно судить по публикациям последних лет, сколько-нибудь основательно развит и разработан отечественными (и тем более зарубежными) историками, хотя сама мысль о том, что процессы пресловутой «централизации» в разных сферах жизни русского государства и общества на заре Нового времени развивались с разной скоростью, представляется весьма интересной и перспективной с точки зрения получения нового исторического знания. И если приложить эту идею к развитию русского права в это время, то при пристальном и, что самое главное, непредвзятом, отвлеченном от господствующих в историографии прежних воззрений взгляде нетрудно заметить, что в этой области государственного строительства процессы централизации существенно запаздывали по сравнению с той же военной или политической его составляющей (впрочем, здесь темпы собирания власти в руках государя всея Руси различались не слишком сильно и шли чуть ли не параллельно друг другу).

Это запаздывание, на наш взгляд, было обусловлено в первую очередь объективными материальными условиями, в которых формировалось единое Русское государство. Россия того времени – бедная (на фоне своих европейских современников) страна, с многочисленным рассеянным по большой площади населением, аграрной в своей основе экономикой, неразвитой инфраструктурой, немногочисленными городами, традиционными формами общественного сознания и прочим. Испытывая острую нехватку ресурсов (любых – от материальных и финансовых до людских), но сталкиваясь вместе с тем с растущими вызовами во внешней и внутренней политике, верховная власть была вынуждена решать их в условиях жесткого цейтнота. Привлечение к управлению государством (которое, к тому же, буквально при жизни одного поколения приобрело грандиозные размеры) «земли» и ее «лутчих людей» в этих условиях становилось практически неизбежным – только опираясь на их поддержку и лояльность, власть могла исполнять свои функции. Однако, как отмечал Н.Н. Покровский, это неизбежно означало, что эти первичные социальные общности («города», «миры» и пр.) получали серьезные политические права и играли значимую роль в жизни государства [Алексеев, 1991, с. 6]. Принимая же во внимание «земский» настрой на сохранение и воспроизводство «старины» в ее неизменном виде, стоит ли удивляться медленным темпам политического развития и изменений в правовой сфере Российского государства раннего Нового времени?

Судебник Ивана III, записанный в 1497 году, по определению не мог стать первым общерусским судебником уже в силу того, что не только удельные и церковные земли традиционно выводились из-под великокняжеской юрисдикции, но еще и земли, на которые их владелец или пользователь получил жалованную грамоту с правом осуществления суда над их обитателями. Но даже и в самом великокняжеском домене все было не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Наместник, обладавший правом вершить суд и расправу, с одной стороны, не мог не считаться с мнением местных «лутчих людей», местной элиты, для которых обычай, «старина» были «священной коровой». Нарушать же их наместнику было и не с руки и дорого могло обойтись впоследствии – у «земских» никто не отбирал право бить челом государю на допущенные наместником при исполнении им своих обязанностей злоупотребления, а нарушение «пошлины» легко могло подпасть под эту статью. С другой стороны, судя по всему, далеко не каждый наместник располагал рукописью текста Судебника с тем, чтобы ориентироваться на его нормы при отправлении правосудия. Наконец, в не получившем «римской прививки» (В.М. Живов) московском обществе раннего Нового времени практика обращения в «коронный» суд с его крючкотворством, волокитой и мздоимством приживалась с большим трудом, и на местах

тяжущиеся стремились решать спорные вопросы традиционным, неформальным путем, в рамках «старинны». И в таком случае Судебник снова становился не нужен.

По всему выходит, что Судебник Ивана III как памятник раннемодерной русской юридической (если ее можно так назвать) «литературы», скорее можно полагать своего рода упражнением в законотворчестве, нежели реально действующим, пусть и в довольно узком спектре, сводом права. Однако этот первый опыт составления законодательного свода был вместе с тем самым первым шагом на долгом пути, который в конечном итоге, спустя полтора столетия привел к созданию действительно общерусского свода права – Соборного Уложения 1649 года.

Список источников

- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. 1997. Т. I. М., Археографический центр, 432 с.
- Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. 1998. М.: Памятники исторической мысли, 639 с.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1949. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 407 с.
- Белозерская уставная грамота. 1984. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., Юридическая литература: 191–200.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 586 с.
- Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. 2004. Т. XXV. М., Языки славянской культуры, 488 с.
- Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. 2008. М., Языки славянских культур, 552 с.
- Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. 1984. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 520 с.
- Стоглав: Текст. Словоуказатель. 2015. М., СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 320 с.

Список литературы

- Алексеев Ю.Г. 1991. Государь всяя Руси. Новосибирск, Наука, 240 с.
- Алексеев Ю.Г. 2019. Судебник Ивана III. Традиция и реформы. СПб., Дмитрий Буланин, 2001. 446 с.
- Алексеев Ю.Г. 2019. Государство и право эпохи формирования Российского государства (XIV–XV вв.). СПб., Изд-во Олега Абышко: 312–711.
- Баранов К.В. 2004. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. Русский дипломатарий. Вып. 10. М., Древлекхранилище: 119–154.
- Бенцианов М.М. 2008. На удельной службе: служилые люди князя Ю.И. Дмитровского. В кн.: Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, НПМП "Волот": 505–521.
- Бенцианов М.М. 1998. Судебник 1497 года и складывание территории Русского государства. Проблемы истории России. Вып. 2. Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург, НПМП «Волот»: 6–20.
- Голубцов И.А., Назаров В.Д. 1970. Акты XV – начала XVI века. Советские архивы, 5: 80–89
- Зимин А.А. 1966. Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. В кн.: Археографический ежегодник. М., 342–353.
- Казаков Р.Б. 2000. Судебник 1497 г. Вопросы истории, 3: 139–145.
- Калашникова А.А. 2016. К вопросу о применении норм Судебника Ивана III. В кн.: Грани русского Средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., Древлекхранилище: 286–293.
- Кистерев С.Н. 2000. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – начала XVII века. В кн.: Русский дипломатарий. Вып. 6. Памятники исторической мысли: 91–123.
- Клосс Б.М., Назаров В.Д. 2000. Судебник 1497 г.: рукопись и текст. Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., «Парад»: 53–75.

- Кром М.М. 2005. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии. Одиссей: Человек в истории. Том 2005: 283–303
- Леви Стросс К. 2008. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., Академический проект, 501 с.
- Насонов А.Н. 1970. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., Наука, 555 с.
- Пенская Т.М. 2020. Русская Правда – памятник церковного права? Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 6(4): 61–76. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-8.
- Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.»). В кн.: Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб., Альянс-Архео: 365–382.
- Петров К.В. 2016. Судебный процесс после принятия Судебника 1497 г. В кн.: Грани русского Средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., Древлехранилище: 294–307.
- Прокопенко А.М. 1997. Новые документы по истории землевладения Николо-Угрешского монастыря. В кн.: Русский дипломатарий. Вып. 2. М. Археографический центр: 55–68.
- Розанов С.П. 1904. Материалы по истории русских Пчел. Общество любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLIV. М., Тип.-я И.Н Скорородова, 128 с.
- Скрипилев Е.А. 2000. Историография Судебника 1497 г. в литературе XIX–XX вв. В кн.: Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI – XIX вв. М., Парад: 53–75.
- Следственное дело Максима Грека. 1838. Сборник князя Оболенского. Вып. 3. М., 4–15.
- Смирнов А.А. 1994. Государство сражающейся нации. Родина, 9: 34–38.
- Филиппов А.Н. 1886. Народное обычное право как исторический материал. Русская мысль, 7-9(XIII): 56–71.
- Barkey K. 2008. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, Cambridge University Press, 342 p.
- Elliott, J.H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. Past & Present. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe: 48–71.
- Koenigsberger, H.G. 1978. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society. Vol. 5. 2: 191–217.*
- Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press. 504 p.

References

- Alekseev Yu.G 1991. Gosudar` vseya Rusi [Sovereign of All Russia]. Novosibirsk, Publ. Nauka: 240 p.
- Alekseev Yu.G. 2019. Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reformy` [Judicial Code of Ivan III. Tradition and reform]. Novosibirsk, Publ. Nauka, 240 p.
- Alekseev YU.G. 2019. Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reformy [The trial of Ivan III. Tradition and reforms]. SPb., Publ. Dmitriy Bulanin, 2001. 446 p.
- Alekseev Yu.G. 2019. Gosudarstvo i pravo e`poxi formirovaniya Rossijskogo gosudarstva (XIV–XV vv.) [State and law of the era of the formation of the Russian state (XIV–XV centuries.)]. SPb., Publ. Izd-vo Olega Aby`shko: 334–379.
- Baranov K.V. 2004. Zapisnaya kniga Polockogo pohoda 1562/63 goda [Notebook of the Polotsk campaign of 1562/63] in Russkij diplomatarij [Russian diplomatarium]. Issue 10. М., Publ. Drevlekhranilishche: 119–154.
- Bencianov M.M. 2008. Na udel'noj sluzhbe: sluzhilye lyudi knyazya Yu.I. Dmitrovskogo [In specific service: service people of Prince Yu.I. Dmitrovsky]. In: Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya [Russia and the world: a panorama of historical development]. Ekaterinburg, Publ. NPMP "Volot": 505–521.
- Bencianov M.M. 1998. Sudebnik 1497 goda i skladyvanie territorii Russkogo gosudarstva [Sudebnik of 1497 and the folding of the territory of the Russian state]. Problemy istorii Rossii. Vyp. 2. Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva XV–XX vv. [Problems of the history of Russia. Issue. 2. Experience of state building XV– XX centuries]. Ekaterinburg, Publ. NPMP "Volot": 6–20.

- Golubcov I.A., Nazarov V.D. 1970. Akty XV – nachala XVI veka [Acts of the 15th – early 16th centuries] *Sovetskie arhivy*, 5: 80–89.
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. 1949 [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. M.-L., Publ. Izd-vo AN SSSR, 407 p.
- Zimin A.A. 1966. Novye dokumenty po istorii mestnogo upravleniya v Rossii pervoj poloviny XVI v. [New documents on the history of local government in Russia in the first half of the 16th century]. In: *Arheograficheskij ezhegodnik* [Archaeographic Yearbook] M., Publ. Nauka: 342–353.
- Kazakov R.B. 2000. Sudebnik 1497 g. [The Code of laws 1497]. *Voprosy istorii*, 3: 139–145.
- Kalashnikova A.A. 2016. K voprosu o primenenii norm Sudebnika Ivana III [On the application of the norms of the Judicial Code of Ivan III]. In: *Grani russkogo Srednevekov`ya. Sbornik statej k 90-letiyu Yuriya Georgievicha Alekseeva* [Facets of the Russian Middle Ages. Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of Yuri Georgievich Alekseev]. M., Publ. Drevlexranilishhe: 286–293. (In Russian)
- Kisterev S.N. 2000. Vladimirskij Rozhdestvenskij monastyr' v dokumentah XVI – nachala XVII veka [Vladimir Christmas Monastery in documents of the 16th – early 17th century]. In: *Russkij diplomatarij* [Russian diplomatarj]. Issue 6. M., *Pamyatniki istoricheskoy mysli* [Monuments of historical thought]: 91–123.
- Kloss B.M., Nazarov V.D. 2000. Sudebnik 1497 g.: rukopis` i tekst [The Code of Law 1497: the Manuscript and text]. *Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossijskogo i zarubezhnogo prava XI – XIX vv.* [Sudebnik 1497: manuscript and text. Sudebnik of 1497 in the context of the history of Russian and foreign law of the 11th–19th centuries] M., Publ. Parad: 53–75.
- Krom M.M. 2006. K ponimaniyu moskovskoj «politiki» XVI v.: diskurs i praktika rossijskoj pozdnesrednevekovoj monarhii [Towards an understanding of the Moscow “politics” of the 16th century: the discourse and practice of the Russian late medieval monarchy]. In: *Odissej: Chelovek v istorii* [Odysseus: a man in history]. M., Publ. Nauka: 283–303.
- Levi Stross K. 2008. *Nepriruchennaya my`sli`* [La Pensée sauvage]. K. Levi-Stross. *Totemizm segodnya. Nepriruchennaya my`sli`* [Le Totemisme aujourd'hui. La Pensée sauvage]. M., Publ. Akademicheskij proekt: 143–501.
- Nasonov A.N. 1969. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya* [The history of Russian chronicles of the XI – beginning of the XVIII century. Essays and Studies]. M., Publ. Nauka, 554 p. (In Russian)
- Penskaya T.M. 2020. *Russkaya Pravda – pamyatnik cerkovnogo prava?* [s Russian Pravda a monument of church law?] *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6(4): 61–76. (In Russian) DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-8.
- Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat'i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny` XVI v.») [Did Sudebnik in 1497 have the meaning of law in its modern sense? (Concerning the article by S. N. Kisterev “The Grand Duke's Judicial Code of 1497 and Judicial Practice of the First Half of the 16th Century.”)]. In: *Ocherki feodal`noj Rossii* [Essays on feudal Russia]. Issue 12. M.-SPb., Publ. Al`yans-Arxeo: 365–382.
- Petrov K.V. 2016. Sudebny`j process posle prinyatiya Sudebnika 1497 g. [The trial after the adoption of the Judicial Code of 1497]. In: *Grani russkogo Srednevekov`ya. Sbornik statej k 90-letiyu Yuriya Georgievicha Alekseeva* [Facets of the Russian Middle Ages. Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of Yuri Georgievich Alekseev]. M., Publ. Drevlexranilishhe: 294–307.
- Prokopenko A.M. 1997. *Novye dokumenty po istorii zemlevladieniya Nikolo-Ugreshskogo monastyrya* [New Documents on the History of Land Ownership at the Nikolo-Ugresh Monastery]. In: *Russkij diplomatarij* [Russian diplomatarj]. Issue 2. M., Publ. Arheograficheskij centr: 55–68. (In Russian)
- Rozanov S.P. 1904. *Materialy po istorii russkih Pchel* [Materials on the history of Russian Bees]. *Obshchestvo lyubitelej drevnej pis'mennosti. Pamyatniki drevnej pis'mennosti i iskusstva* [Society of lovers of ancient writing. Monuments of ancient writing and art]. Vyp. CLIV. M., Publ. Tip.-ya I.N Skorohodova, 128 p.
- Skripilev E.A. 2000. *Istoriografiya Sudebnika 1497 g. v literature XIX – XX vv.* [Historiography of the Sudebnik of 1497 in the literature of the 19th–20th centuries]. In: *Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossijskogo i zarubezhnogo prava XI–XIX vv.* [Sudebnik of 1497 in the context of the history of Russian and foreign law of the 11th–19th centuries] M., Publ. Parad: 53–75.

- Sledstvennoe delo Maksima Greka 1838. [Investigation case of Maxim Grek] in Sbornik knyazya Obolenskogo [Collection of Prince Obolensky]. Vyp. 3. M.: 4–15.
- Smirnov A.A. 1994. Gosudarstvo srazhayushchejsya naciі [The State of the Fighting Nation]. *Rodina*, 9: 34–38.
- Filippov A.N. 1886. Narodnoe oby`chnoe pravo kak istoricheskij material [Common usual law as historical material]. *Russkaya my`sľ*, 7-9(XIII): 56–71. (In Russian)
- Barkey K. 2008. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, Cambridge University Press: 342 p.
- Elliott J.H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe*: 48–71.
- Koenigsberger, H.G. 1978. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society. Vol. 5*: 191–217.
- Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press: 504 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.12.2021
Поступила после рецензирования 15.01.2022
Принята к публикации 01.02.2022

Received December 12, 2021
Revised January 15, 2022
Accepted February 1, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID 0000-0001-6548-0226](https://orcid.org/0000-0001-6548-0226)

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID 0000-0001-6548-0226](https://orcid.org/0000-0001-6548-0226)

Пенской Александр Витальевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)

Alexander V. Penskoj, post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)

УДК 342.56

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-539-547

Гарантии функционирования конституционно-правового института судебного контроля в России

Петербургский А.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 625753@bsu.edu.ru

Аннотация. Судебный контроль выступает самостоятельной функцией органов правосудия и направлен на защиту прав и свобод личности, обеспечение режима законности и поддержание правопорядка в государстве. Реализация данной разновидности контроля зависит от качества не только регулятивных норм, но и гарантирующих. В этой связи обоснованно внимание к различным ракурсам судебного контроля в юридической науке. Вместе с тем гарантирующий аспект комплексного института судебного контроля не выступал объектом самостоятельного научного исследования. Автором представлено восполняющее пробел исследование дефиниции и видового ряда гарантий конституционно-правового института судебного контроля. Работа направлена на ранжирование заявленных гарантий, их характеристику на основе анализа конституционно-отраслевых теоретических и прикладных источников. Рассмотрены проблемы гарантирования судебного контроля и даны комментарии по поводу их возможных решений.

Ключевые слова: судебный контроль, юридические гарантии, научная теория, статус судьи, материальные гарантии, процессуальные гарантии, объект судебного контроля

Для цитирования: Петербургский А.П. 2022. Гарантии функционирования конституционно-правового института судебного контроля в России. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(3): 539–547. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-539-547

Guarantees of the Functioning of the Constitutional and Legal Institute of Judicial Control in Russia

Andrey P. Peterburgsky

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: 625753@bsu.edu.ru

Abstract. Judicial control acts as an independent function of the judicial authorities and is aimed at protecting the rights and freedoms of the individual, ensuring the rule of law and maintaining law and order in the state. The implementation of this type of control depends on the quality of not only regulatory norms, but also guarantees. In this regard, attention to various perspectives of judicial control in legal science is justified. At the same time, the guaranteeing aspect of the complex institute of judicial control was not the object of independent scientific research. The author presents a gap-filling study of the definition and specific range of guarantees of the constitutional and legal institution of judicial control. The work is aimed at ranking the declared guarantees, their characteristics based on the analysis of constitutional-branch theoretical and applied sources. The problems of guaranteeing judicial control are considered and comments on their possible solutions are given.

Keywords: judicial control, legal guarantees, scientific theory, judge status, material guarantees, procedural guarantees, the object of judicial control

For citation: Peterburgsky A.P. 2022. Guarantees of the Functioning of the Constitutional and Legal Institute of Judicial Control in Russia. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 539–547 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-539-547

Введение

Институционализация судебного контроля обеспечивает «соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, интересы общества и государства, поддержание на должном уровне режима законности и правопорядка» [Умарова, 2018, с. 3]. В юридической науке признаки традиционной приобретает позиция, согласно которой суд как орган государственной власти выполняет не только функцию правосудия, но также самостоятельную функцию судебного контроля [Давыдова, 2007]. Разделяя подобное мнение, мы настаиваем и на самостоятельности заявленной контрольной функции суда, и на автономности конституционно-правового института судебного контроля. Под последним предлагаем понимать совокупность систематизированных научных знаний, а также конституционно-правовых норм, легализующих специальную процессуальную деятельность суда по проверке соответствия нормативных правовых актов деятельности субъектов различной правовой природы Конституции Российской Федерации, законам и подзаконным актам.

В юриспруденции вопросы судебного контроля рассматриваются в различных ракурсах: в отраслевом преломлении [Брежнев, 2019; Бурмагин, 2020; Овчинников, 2019]; в сопоставлении со средством правовой защиты [Грачева, 2020, с. 58-77]; в качестве атрибута современных цифровых трансформаций [Хуснутдинов, 2019]. Вместе с тем вопросы гарантирующего аспекта функционирования конституционно-правового института судебного контроля ранее не выступали объектом научного исследования. В рамках данной работы автором с учетом важности реализации судебного контроля предпринята попытка представить видовой ряд гарантий комплексного правового института судебного контроля.

Дефинитивный аспект гарантий

Для установления содержания заявленных разновидностей гарантий обратимся к интерпретации гарантий в юриспруденции. Несмотря на множественность дефиниций, объяснимы в фокусе научного внимания юридические (правовые) гарантии, отождествляемые со средствами правового обеспечения [Малахов, Лановая, 2018]. Однозначно «гарантия выступает как специальное средство, существенно увеличивающее возможность наступления желаемого результата»¹.

На наш взгляд, в обеспечительном контексте не нужно ограничиваться только юридическими гарантирующими средствами, поскольку важны политические, социальные и экономические условия [Болдырев, 2010]. Наше мнение опирается на классику юридической науки, например, Л.Д. Воеводин выделял различные виды гарантий (социально-экономические, политические, духовно-психологические (нравственные), организационно-технические)²; А.А. Подупейко и М.Г. Головач подразделяют гарантии на политические, социально-экономические, социально-психологические, духовные и нравственные, юридические (нормативные и институциональные) [Подупейко, Головач, 2009]; профессор Л.П. Рассказов делит гарантии на общие (материальные, политические, духовные)

¹ Протасов В.Н. 2010. Лекции по общей теории права и теории государства. М., Издат. дом «Горосдец»: 394.

² Воеводин Л.Д. 1997. Юридический статус личности в России. М., Изд-во МГУ, Издат. группа ИН-ФРА-М – НОРМА, 298 с.

и юридические (система правовых средств и способов охраны и защиты прав человека и гражданина)¹.

Применительно к рассматриваемому нами институту важны научные условия и средства, способствующие систематизации знаний о конституционно-правовом институте судебного контроля. В этом случае гарантии функционирования конституционно-правового института судебного контроля – это совокупность общих условий (включая научные) и специальных средств юридической техники, которые обеспечивают фактическую реализацию процессуальной деятельности суда по проверке соответствия нормативных правовых актов, деятельности субъектов различной правовой природы Конституции Российской Федерации, законам и подзаконным актам. В отношении данных гарантий объективен тезис о том, что они «в основном имеют государственный характер независимо от их конкретного содержания» [Францифорова, 2008, с. 29–31].

Что касается видового многообразия гарантий функционирования конституционно-правового института судебного контроля, то, не отрицая общий вариативный ряд, акцентируем внимание на их теоретико-научном и специально-юридическом видах. При этом последние считаем целесообразно разделить на организационно-функциональные, аксиологические, процессуальные, специально-профессиональные и материальные гарантии.

Видовой аспект гарантий

По поводу первой – теоретико-научной – разновидности, уточним, что, рассматривая конституционно-правовой институт судебного контроля в качестве упорядоченной системы теоретических знаний, считаем в полной мере применимыми к нему правила, принципы и методы научных исследований, в том числе специальных юридических. Их использование способствует получению объективных и репрезентативных научных результатов.

«Развитие науки идет от сбора фактов, их изучения, систематизации, обобщения и раскрытия отдельных закономерностей к логически стройной системе научных знаний, которая позволяет объяснить уже известные факты и предсказать новые»². Полагаем, систематизированной формой знаний конституционно-правового института судебного контроля в перспективе может стать научная теория как «высшая форма организации теоретического знания, представляющая собой совокупность объединенных в единую систему основных элементов теории (подтвержденных гипотез, понятий, суждений). Критерием истинности теории является ее практическое подтверждение»³.

Первая разновидность применяемых в исследовании методов представлена общенаучными: анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и моделирование, абстрагирование и конкретизация [Пономарев, 2014, с. 24]. Мы также разделяем позицию необходимости применения базовых принципов научного познания, в числе которых: верификация, наблюдаемость, соответствие, системность, симметрия⁴. Среди основных методов научного познания, входящих в методологию современной юридической науки, важна роль принципов «объективности, всесторонности, историзма, конкретности, плюрализма» [Селютина, 2022]⁵.

В современных условиях «юридическая наука должна опираться на ряд важных принципов познания, среди которых можно выделить следующие: междисциплинарный характер исследований, основанный на понимании сложных взаимосвязей между различными сферами научного знания о праве; понимание того, что личность исследователя-

¹ Рассказов Л.П. 2013. Теория государства и права. М., РИОР: ИНФРА-М, 473 с.

² Пономарев А.Б., Пиккулева Э.А. 2014. Методология научных исследований. Пермь., Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та: 23.

³ https://sdo.mgpu.ru/pluginfile.php?file=/49935/mod_page/content/10/ (дата обращения 11.05.2022).

⁴ Селютина Е.Н. Холодов В.А. 2022. История и методология юридической науки. М., Юрайт, 224 с.

⁵ Там же.

правоведа неотделима от исследуемых процессов, происходящих в правовой сфере, и получаемых научных результатов; осознание аксиологического значения получаемого нового теоретико-правового знания; отрицание жесткого детерминизма в трактовке правовых явлений; трактовка права как открытой динамической системы, активно взаимодействующей с окружающей социальной средой; признание многомерности и сконструированного характера правовой реальности и т.д.» [Пашенцев, 2020, с. 5].

Таким образом, приведенный блок теоретико-научных гарантий в заявленном нами конституционно-правовом институте судебного контроля обеспечивает формирование соответствующих упорядоченных знаний. В свою очередь они являются составной частью конституционно-отраслевой теории судебной власти, расширяя ее содержание.

Далее наметим абрисы специально-юридической разновидности гарантий, в частности организационно-функциональной. Исходя из специфики рассматриваемого вида контроля, организационно-функциональные гарантии коррелируются с деятельностью судов. В эту специальную деятельность включены различные суды. К примеру, на легальном уровне Конституционный Суд Российской Федерации назван «высшим судебным органом конституционного контроля, осуществляющим судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации (ст. 1)»¹. О включенности иных судов в реализацию контрольной функции позволяет судить многообразие объектов судебного контроля, которые реализуются судами общей юрисдикции. К примеру, самым распространенным объектом судебного контроля являются действия (их обжалование), что подтверждается рядом норм действующего российского законодательства.

Как правило, в статье с наименованием «Судебный контроль» легализовано право обжаловать в суд в порядке, установленном законодательством Российской Федерации:

– решения и действия органов и должностных лиц, проводящих государственную дактилоскопическую регистрацию, нарушающие права и свободы человека и гражданина (ст. 18)²;

– решения, действия (бездействие) администрации и сотрудников места отбывания административного ареста, нарушающие права и свободы человека и гражданина (ст. 22)³;

– действия (решения) должностных лиц государственных органов и учреждений, проводящих государственную геномную регистрацию, нарушающие права и свободы человека и гражданина (ст. 19)⁴. Уточним, что в Федеральном законе от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» вместо глагола «обжаловать» использован глагол «оспорить», что не меняет сути нормы;

– отказ в совершении нотариального действия или неправильное совершение нотариального действия (ст. 33)⁵;

– действия (бездействие) сотрудника полиции, нарушающие права и законные интересы гражданина, государственного и муниципального органа, общественного объеди-

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 09.11.2020) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

² Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (ред. от 13.07.2020) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3806.

³ Федеральный закон от 26.04.2013 № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» (ред. от 01.10.2019) // СЗ РФ. 2013. № 17. Ст. 2034.

⁴ Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (с изм. от 17.12.2009) // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5740.

⁵ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 30.12.2020) // Российская газета. 1993, 13 марта.

нения, религиозной и иной организации (ст. 53)¹. В отличие от представленных выше норм ст. 53 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» поименована как «Обжалование действий (бездействия) сотрудника полиции». Хотя в данном же федеральном законе обособлена ст. 51 «Судебный контроль и надзор», согласно которой судебный контроль и надзор за деятельностью полиции осуществляются в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами.

Аксиологические гарантии мы связываем с принципами, лежащими в основе судебного контроля. Такая идентификация принципов аргументирована их юридической природой, отраженной в теоретической дефиниции, которую мы всецело разделяем. «Принципами в науке конституционного права являются идеи, имеющие фундаментальное или важное значение для развертывания конституционно-правового знания, в основу которых кладется та или иная мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительно положение, являющееся плодом научной мысли» [Богданова, 2011, с. 166]. При этом «сформулированная, выведенная из объективной реальности идея-принцип является движущей силой, импульсом правового развития, будучи закрепленной, становится фактором правового развития» [Конституционные основы правосудия в СССР, 1981].

Уточним, что в конституционно-правовой науке в дефинитивном ключе наиболее приближено к нашей теме определение принципов механизма судебного контроля, которые понимают как «исходные определяющие идеи, базовые положения, установления, создающие определенные условия и порядок контрольной деятельности судов (судей) всех уровней с использованием ими правовых средств в целях обеспечения законности и правопорядка, соблюдения прав и законных интересов граждан, общества и государства» [Умарова, 2018, с. 101].

Как рассуждает М.А. Умарова, «поскольку, по нашему мнению, судебный контроль является составляющей правосудия, то, конечно же, его базовые положения (принципы) в полной мере распространяемы и на принципы механизма судебного контроля; они во многом идентичны» [Умарова, 2018, с. 101]. Мы не можем разделить в полной мере приведенное мнение, скорее, «не все присущие правосудию принципы реализуются при судебном контроле: например, нет гласности, открытости, а также состязательности» [Казакова, 2019, с. 29-32]. Однако данный вопрос является дискуссионным и требует отдельного научного внимания.

Процессуальные гарантии как прикладную обеспечительную часть мы связываем с наличием идентичной разновидности правовых норм. Как было продемонстрировано на примере объекта судебного контроля, такие нормы формализованы в законах или же в кодифицированных актах. То есть формализованная основа в России наличествует.

В отношении специально-профессиональных гарантий, которые мы связываем со специальным статусом судьи, а также требованиями, предъявляемыми к лицу на должность судьи, важно отметить, что практически во всех странах судья осуществляет правосудие на профессиональной основе в форме замещения государственной должности судьи. Россия не является исключением и, полагаем, именно специально-профессиональный аспект гарантирует качество судебного-контрольной деятельности.

По поводу конкретного проявления данной разновидности гарантий заметим, что «требования к уровню профессиональных знаний, подтвержденных сдачей квалификационного экзамена на должность судьи, и наличие опыта работы по определенным видам деятельности являются основными при определении качества профессиональной подготовленности претендентов к судейской деятельности» [Саломаткин, Ястребова, 2016, с. 90].

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

В проблемном контексте отметим, что в настоящее время российское «законодательство не раскрывает понятие "кандидат на должность судьи"... По этой причине современный организационно-правовой механизм отбора кандидатов в судьи, а затем и наделения их судейскими полномочиями несовершенно» [Саломаткин, Ястребова, 2016, с. 90].

В качестве решения заявленной проблемы предлагают формализацию статуса кандидата в судьи на законодательном уровне, а также следующее определение кандидата на должность судьи: «гражданин, сдавший все необходимые документы и написавший заявление о допуске его к сдаче квалификационного экзамена. Лишь с момента признания соответствующей экзаменационной комиссией по приему квалификационного экзамена на должность судьи гражданина кандидатом в судьи можно с его согласия в отношении его документов начинать проводить соответствующую проверку» [Саломаткин, Ястребова, 2016, с. 90]. На наш взгляд, это один из аргументированных подходов к решению проблемы, но не единственно верный, требующий дальнейшей проработки.

В качестве примера – к кандидатам на должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации предъявляются нестандартные повышенные требования. «Помимо того, что ему, как и другим судьям, необходимо быть гражданином Российской Федерации, иметь высшее юридическое образование, ему обязательно должно быть не менее 40 лет, он должен иметь безупречную репутацию, стаж работы по юридической профессии не менее 15 лет, и, более того, необходимо обладать признанной высокой квалификацией в области права» [Орлова, 2014, с. 15].

Полагаем, подчеркивает профессионализм законодательная возможность реализовать права и обязанности в связи со статусом судьи, а также запрет заниматься частной практикой, предпринимательской и иной оплачиваемой деятельностью, кроме научной, преподавательской и иной творческой деятельности.

К числу специально-профессиональных гарантий относим установления о необходимости повышения квалификации и профессиональной подготовке судей. Так, согласно ст. 20.1 Закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» судья, впервые назначенный на должность судьи, проходит обучение по программе профессиональной переподготовки¹. По результатам прохождения профессиональной переподготовки судье федерального суда, впервые назначенному на должность судьи, присваивается квалификационный класс (ч. 1).

Судья также обязан повышать квалификацию (ч. 2) «по мере необходимости, но не реже одного раза в три года с сохранением на этот период ежемесячного денежного вознаграждения, ежеквартального денежного поощрения и других выплат, предусмотренных соответствующими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в образовательных организациях высшего образования и организациях дополнительного профессионального образования, осуществляющих дополнительное профессиональное образование судей, в том числе в форме стажировки в суде»².

Что касается материальных гарантий, то они сводятся, согласно ст. 124 Конституции Российской Федерации, к финансированию судов из федерального бюджета в целях обеспечения возможности полного и независимого осуществления правосудия³. Полагаем, контрольная деятельность суда непосредственно связана с его независимостью, обеспечиваемой, в том числе, материальными ресурсами.

¹ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 16.04.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

Финансирование судов осуществляется на основе ежегодно утверждаемого законом федерального бюджета, проект которого готовится Правительством Российской Федерации и утверждается законодательной властью¹ [Бархатова, 2020]. Согласно Федеральному закону от 10 февраля 1999 г. № 30-ФЗ «О финансировании судов Российской Федерации» в федеральном бюджете ежегодно предусматривается выделение средств отдельными строками на обеспечение деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции, арбитражных судов и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (ч. 2 ст.)².

Заключение

Подводя итоги, отметим комплексный характер конституционно-правового института судебного контроля, выраженный в сочетании теоретических знаний и правовых норм. Данная комплексность определяет и вариативный ряд, гарантирующий этот конституционно-правовой институт. В данной связи нами были предложены и охарактеризованы теоретико-научные и специально-юридические (организационно-функциональные, аксиологические, процессуальные, специально-профессиональные и материальные) виды гарантий конституционно-правового института судебного контроля.

Подчеркнём, что представленные авторские рассуждения являются предложением дальнейшей научной дискуссии с целью содержательного приращения знаний к конституционно-правовому институту судебного контроля.

Список литературы

- Богданова Н.А. Богданова Н.А. 2001. Система науки конституционного права. М., Юрист, 254 с.
- Болдырев С.Н. 2010. Гарантии как технико-юридические средства обеспечения прав и свобод личности. Общество и право, 5: 18–21.
- Брежнев О.В. 2019. Обязательный судебный конституционный контроль в России: проблемы теории и практики. Актуальные проблемы российского права, 3: 67–74.
- Бурмагин С.В. 2020. Метаморфозы состязательности уголовных производств по делам судебного контроля. Lex russica, 2: 44–62.
- Грачева С.А. 2020. Судебный контроль: средство правовой защиты или правообразования? (К вопросу о конституционных признаках оптимальной модели). Журнал российского права, 11: 58–77.
- Давыдова И.А. 2007. Соотношение судебного контроля и иных функций судебной власти. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление, 6: 33–35.
- Казакова А.В. 2019. Судебный контроль за исполнением приговоров иностранных судов в российском праве. Администратор суда, 3: 29–32.
- Ларин А.М., Мельников А.А., Петрухин И.Л., Савицкий В.М., Строгович М.С., Цинцадзе Р.В., Чангули Г.И., Чистяков Н.Ф. Конституционные основы правосудия в СССР. 1981. Под ред. В.М. Савицкого. М., Наука, 360 с.
- Малахов В.П., Лановая Г.М. 2018. Конституционно-правовые гарантии: сущность и роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Государственная власть и местное самоуправление, 2: 7–12. DOI: 10.18572/1813-1247-2018-2-7-12
- Овчинников Ю.Г. 2019. Эффективность судебного контроля за следственными действиями, ограничивающими конституционные права граждан: теоретический и практический взгляд на проблему. Российский судья, 5: 13–17.
- Орлова К.А. 2014. Особенности правового статуса судьи Конституционного Суда Российской Федерации. Мировой судья, 1: 15–19.

¹ Бархатова Е.Ю. 2020. Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция (постатейный). М.: Проспект, 256 с.

² СЗ РФ. 1999. № 7. Ст. 877.

- Пашенцев Д.А. 2020. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности. Журнал российского права, 8: 5–13. DOI: 10.12737/jrl.2020.090
- Подупейко А.А., Головач М.Г. 2009. Государственно-правовой механизм обеспечения прав и свобод человека в Республике Беларусь. В кн.: Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения: сборник научных трудов. Под ред. А.Ф. Вишневого. Минск: 201–202.
- Саломаткин А.С., Ястребова А.И. 2016. Правовой статус кандидата на должность судьи и его квалификация. Современное право, 2: 90–94.
- Умарова М.А. 2018. Механизм судебного контроля: общетеоретическое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 204 с.
- Францифорова С.Ю. 2008. Юридические гарантии прав личности. Адвокатская практика, 3: 29–31.
- Хуснутдинов Ф.Г. 2019. Судебный конституционный контроль в условиях цифровизации экономики. Российский судья, 8: 36–39.

References

- Bogdanova N.A. Bogdanova N.A. 2001. Sistema nauki konstitucionnogo prava [The system of the science of constitutional law]. M., Publ. YUrist, 254 p. (In Russian)
- Boldyrev S.N. 2010. Garantii kak tekhniko-yuridicheskie sredstva obespecheniya prav i svobod lichnosti [Guarantees as technical and legal means of ensuring the rights and freedoms of the individual]. *Obshchestvo i pravo*, 5: 18–21. (In Russian)
- Brezhnev O.V. 2019. Obyazatel'nyj sudebnyj konstitucionnyj kontrol' v Rossii: problemy teorii i praktiki [Mandatory judicial constitutional control in Russia: problems of theory and practice]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 3: 67–74.
- Burmagin S.V. 2020. Metamorfozy sostyazatel'nosti ugolovnyh proizvodstv po delam sudebnogo kontrolya [Metamorphoses of the adversarial nature of criminal proceedings in cases of judicial control]. *Lex russica*, 2: 44–62.
- Gracheva S.A. 2020. Sudebnyj kontrol': sredstvo pravovoj zashchity ili pravoobrazovaniya? (K voprosu o konstitucionnyh priznakah optimal'noj modeli) [Judicial control: a means of legal protection or legal education? (On the question of the constitutional features of the optimal model)]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 11: 58–77.
- Davydova I.A. 2007. Sootnoshenie sudebnogo kontrolya i inyh funkcij sudebnoj vlasti [Correlation of judicial control and other functions of the judiciary]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 6: 33–35. (In Russian)
- Kazakova A.V. 2019. Judicial control over the execution of sentences passed by foreign courts in the russian law. *Administrator suda*, 3: 29–32. (In Russian)
- Larin A.M., Mel'nikov A.A., Petruhin I.L., Savickij V.M., Strogovich M.S., Cincadze R.V., CHanguli G.I., CHistyakov N.F. 1981. Konstitucionnye osnovy pravosudiya v SSSR [Constitutional foundations of justice in the USSR]. Ed. V. M. Savickogo. M., Publ. Nauka, 360 p. (In Russian)
- Malakhov V.P., Lanovaya G.M. 2018. Constitutional and legal guarantees: essence and role in securing human and civil rights and freedoms. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2: 7–12. (In Russian) DOI: 10.18572/1813-1247-2018-2-7-12
- Ovchinnikov YU.G. 2019. Effektivnost' sudebnogo kontrolya za sledstvennymi dejstviyami, ogranichivayushchimi konstitucionnye prava grazhdan: teoreticheskij i prakticheskij vzglyad na problem [The effectiveness of judicial control over investigative actions that restrict the constitutional rights of citizens: a theoretical and practical view of the problem]. *Rossijskij sud'ya*, 5: 13–17.
- Orlova K.A. 2014. Features legal status of judges of constitutional court of the russian federation. *Mirovoj sud'ya*, 1: 15–19. (In Russian)
- Pashentsev D.A. 2020. Modernizing legal research methodology in conditions of the formation of a new scientific rationality]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 8: 5–13. (In Russian) DOI: 10.12737/jrl.2020.090
- Podupejko A.A., Golovach M.G. 2009. Gosudarstvenno-pravovoj mekhanizm obespecheniya prav i svobod cheloveka v Respublike Belarus' [The state-legal mechanism for ensuring human rights and freedoms in the Republic of Belarus]. In: The Universal Declaration of Human Rights 60 years:

- genesis, evolution and problems of modern reading: a collection of scientific papers. Ed. A.F. Vishnevskogo [i dr.]. Minsk: 201–202. (In Russian)
- Salomatkin A.S., Yastrebova A.I. 2016. Legal status of judicial candidate and its qualification. *Sovremennoe pravo*, 2: 90–94.
- Umarova M.A. 2018. Mekhanizm sudebnogo kontrolya: obshcheteoreticheskoe issledovanie [The mechanism of judicial control: general theoretical research]: Dis. ... kand. yurid. nauk. Kursk, 204 p.
- Franciforova S.YU. 2008. YUridicheskie garantii prav lichnosti [Legal guarantees of individual rights]. *Advokatskaya praktika*, 3: 29–31.
- Husnutdinov F.G. 2019. Sudebnyj konstitucionnyj kontrol' v usloviyah cifrovizacii ekonomiki [Judicial constitutional control in the context of digitalization of the economy]. *Rossijskij sud'ya*, 8: 36–39.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.05.2022

Поступила после рецензирования 20.06.2022

Принята к публикации 28.06.2022

Received May 20, 2022

Revised June 20, 2022

Accepted June 28, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петербургский Андрей Павлович, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey P. Peterburgsky, Post-graduate Student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 340

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-548-560

Правовое регулирование противохолерных мероприятий в Российской империи во второй четверти XIX века

Петрищева Н.С.

Юго-Западный государственный университет
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
E-mail: petrishceva_nc@mail.ru

Аннотация. Угроза пандемии стала новым глобальным вызовом на современном этапе. Формулирование адекватных ответов на этот вызов требует вовлечения дополнительных ресурсов и создания эффективных национальных механизмов, в том числе в области правового регулирования. Несмотря на положительные тенденции в борьбе с пандемией COVID-19 в Российской Федерации, ее последствия оказывают негативное влияние на все сферы жизнедеятельности общества и государства. Исследование исторического опыта противостояния пандемиям позволяет выявить основные проблемы правового регулирования и государственного управления в условиях широкого распространения инфекционных заболеваний. Автором на основе анализа нормативных правовых актов, издаваемых правительством в целях предупреждения распространения эпидемической болезни холеры, исследуется проблема правового регулирования и практики применения карантинных ограничений в Российской империи во второй четверти XIX века. Результаты исследования позволили выявить противоречия, негативные и положительные эффекты сложившейся в этот период системы государственных противоэпидемических мероприятий. Учет выявленных тенденций позволит скорректировать антикризисные меры по противодействию пандемии в практической деятельности и нормативном регулировании органами государственной власти всех уровней на современном этапе.

Ключевые слова: эпидемии, холера, карантин, противоэпидемические мероприятия, повальная болезнь, прилипчивая болезнь, медицинский совет

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851 – 20200033).

Для цитирования: Петрищева Н.С. 2022. Правовое регулирование противохолерных мероприятий в Российской империи во второй четверти XIX века. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 47(3): 548–560. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-548-560

Legal Regulation of Anti-cholera Measures in the Russian Empire in the Second Quarter of the 19th Century

N.S. Petrishcheva

South-West State University
94 50 let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russia,
E-mail: patrusheva_nc@mail.ru

Annotation. The threat of a pandemic has become a new global challenge at the present stage. Formulating adequate responses to this challenge requires the involvement of additional resources and the creation of effective national mechanisms, including in the field of legal regulation. Despite the positive trends in the fight against the COVID-19 pandemic in the Russian Federation, its consequences have a negative

impact on all spheres of society and the state. The study of the historical experience of confronting pandemics makes it possible to identify the main problems of legal regulation and public administration in the context of a wide spread of infectious diseases. This article, based on the analysis of regulatory legal acts issued by the government in order to prevent the spread of the epidemic disease of cholera, examines the problem of legal regulation and the practice of applying quarantine restrictions in the Russian Empire in the second quarter of the 19th century. The results of the study made it possible to identify contradictions, negative and positive effects of the system of state anti-epidemic measures that developed during this period. Taking into account the identified trends will make it possible to adjust anti-crisis measures to counter the pandemic in practice and regulatory regulation by public authorities at all levels at the present stage.

Key words: epidemics, cholera, quarantine, anti-epidemic measures, epidemic disease, sticky disease, medical advice

Acknowledgements: the work was carried out within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (No. 0851 – 20200033).

For citation: Petrishcheva N.S. 2022. Legal Regulation of Anti-cholera Measures in the Russian Empire in the Second Quarter of the 19th Century. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 548–560 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-548-560

Введение

Пандемия COVID-19 повлекла за собой кардинальные изменения в законодательстве. Государственной думой РФ оперативно были внесены поправки в законы, вышли Указы президента РФ и Постановления правительства РФ, направленные на охрану жизни и здоровья граждан, защиту организаций и индивидуальных предпринимателей, социальную поддержку отдельных категорий населения и наиболее пострадавших отраслей экономики и т.п. Таким образом, COVID-19 активизировал сферу нормотворчества в области противоэпидемических мероприятий. Значительная часть законодательных новелл была направлена на нивелирование социальных и экономических последствий пандемии. Несмотря на все предпринятые регулятивные процедуры, позволившие избежать острого кризиса, в обществе продолжают дискуссии об эффективности ограничительных мер, установленных как на федеральном, так и региональном уровне. В этой связи особую актуальность приобретает исследование исторического опыта правового регулирования общественных отношений в условиях борьбы с различными эпидемиями с учетом взаимодействия центральных и региональных органов власти. Это позволит обосновать необходимость трансформации механизма взаимодействия общества и государства в условиях пандемии.

В настоящее время исследования по данной проблематике преимущественно сводились к изучению нормативного регулирования здравоохранения или затрагивали отдельные аспекты проведения санитарно-эпидемиологических и карантинных мероприятий [Печникова 2016; Золотухина 2016; Воронина 2012; Пронина 2022; Смирнова, Ерегина 2021; Егорышева 2022; Пронина и др. 2020].

Целью настоящего исследования является выявление общих тенденций правового регулирования карантинных мероприятий в условиях борьбы с эпидемией холеры в Российской империи во второй четверти XIX века.

Противоэпидемические и карантинные мероприятия в условиях борьбы с эпидемией холеры во второй четверти XIX века

В XIX веке в Российской империи свирепствовали многочисленные инфекционные болезни: сыпной тиф, чума, оспа, дизентерия, холера, перемежная лихорадка, трахома. Широкое распространение эпидемий в указанный период было обусловлено стремитель-

ным развитием торговых отношений между государствами, улучшением транспортной инфраструктуры и колониальными войнами за рынки сбыта и источники сырья. В 1820-е гг. Россия впервые столкнулась с холерой (*Cholera morbus*) и оказалась совершенно не готова к встрече с новой повальной болезнью. Апробированные на чуме противоэпидемические мероприятия не работали, холера свободно проходила через карантинные пункты, заражая огромные территории.

В 1823 году на территорию Астраханской губернии впервые проникла холера. Встреча с новым заболеванием поставила правительство и медицинское сообщество в весьма затруднительное положение. Прежде всего, отсутствовало единое представление о степени контагиозности и летальности новой инфекции. Медицинский совет при Министерстве Внутренних Дел (далее МВД) и ведущие доктора однозначного ответа не давали, поэтому никаких специальных противоэпидемических мероприятий в первый «холерный год» не проводилось.

В 1829 году холера вновь пересекла российские границы, в 1830 году была «заражена» уже 31 губерния, а в 1831 году – 48 [Васильев, Сегал, 2020]. Страх и всеобщая паника среди населения порождали множественные домыслы и толкали правительство на введение строжайших карантинных ограничений, зачастую еще больше обостряющих социальный протест в обществе.

В работе С.Я. Гессена [1932] «Холерные бунты» приведен отрывок из дневника дерптского студента Вульфа, отражающий распространенные представления населения о холере: «...Никакие меры предосторожности не в силах, кажется, остановить распространение сего бедствия: от пределов Сибири она продвигается к Западу, и едва ли не дойдет она до сердца Европы. Она мне кажется губительнее чумы, которая по крайней мере весьма редко прокрадывается через карантинные...».

В 1829 году одной из первых с новой «заразительной гостьей» столкнулась Оренбургская губерния. 4 октября 1829 г. там был создан врачебный совет для выработки плана общих противоэпидемических мероприятий. В их числе значились как традиционные меры: оцепление зараженных мест, разобщение больных и здоровых, санитарная обработка почтовой корреспонденции, карантинные правила ведения торговли со сроком наблюдения для людей и товаров не менее 42 дней, так и весьма «оригинальные»: населению рекомендовалось употреблять здоровую и питательную пищу, теплее обуваться и одеваться, принимать теплую ванну с ароматными травами. Подобные меры было сложно осуществить, поскольку они не соответствовали условиям быта многочисленных кочевых народов, переселенцев, горнорабочих Оренбургского края. Против введения ограничительных мер тотчас выступили представители купечества, ссылаясь на заключение заседания Секретного Комитета от 21 июля 1829 г., признавшего холеру «неприлипчивой» болезнью. В этой связи 8 октября 1829 г. прошло повторное заседание врачебного совета Оренбурга. Ведущие медики не отрицали низкую эффективность карантинных мер в борьбе с холерой, однако не рискнули взять на себя ответственность и нарушить предписания МВД. Поэтому заставы было решено сохранить, но срок наблюдения сократили до 7 дней [Попов, 1910, с. 67].

В итоге отсутствие точных медицинских знаний о способах профилактики, заражения и лечения холеры, с одной стороны, и опасения еще больших пагубных последствий, с другой, заставляли местные органы власти излишне осторожничать. Кроме того, колебания, исходившие от высших правительственных структур и лично от императора Николая I, находившие прямое отражение в правотворчестве, вынуждали то вводить, то ослаблять карантинные режимы на местах.

В августе 1830 года МВД выступило с инициативой создания Центральной комиссии по борьбе с «заразительной болезнью». В результате было опубликовано положение Комитета Министров «О мерах, предполагаемых к пресечению эпидемической болезни».

Холеры, и об учреждении для сего Центральной Комиссии». В документе приводились некоторые статистические данные об общей заболеваемости и смертности от холеры. В частности, в Астрахани в течение десяти дней заболело 1 229 человек, из которых 433 умерли, в Бакинской и Кубинской провинциях, Талышинском ханстве, Дербенте, Шехинской провинции и Елисаветопольском уезде заразилось 4 557 человек, умерло 1 653 [ПСЗРИ, 1830, с. 819]. Как видим из этих данных, процент смертности достаточно высок.

В упомянутом Положении холера трактовалась как опасная эпидемическая болезнь, стремительно распространяющаяся по воздуху, но в отличие от чумы отрицалась ее передача посредством прикосновения к больным или их вещам. Предпринимаемые меры для охранения народного здоровья сводились к инструктированию местных гражданских и полицейских чинов действовать в соответствии с наставлениями Медицинского Совета, в «зараженные» местности направлялись необходимые медикаменты и командировались врачи. На Центральную Комиссию, при которой создавался медицинский совет и факультет медиков, возлагалась подготовка и реализация общего плана противоэпидемических мероприятий, организация адресной помощи пострадавшим местностям и исследование свойств холеры. В штат указанных учреждений включались лучшие профессора и адъютанты медицинских отделений, корпусные и дивизионные доктора, штаб-лекари, члены врачебных управ, вольнопрактикующие медики, ординаторы, хирурги, фельдшеры, аптекари. Основной задачей Центральной Комиссии объявлялся поиск причин заражения холерой, изучение ее свойств, создание и совершенствование средств к предупреждению и излечению. Местом пребывания был выбран сначала г. Саратов, потом г. Казань, начальником назначен министр внутренних дел граф А.А. Закревский [ПСЗРИ, 1830, с. 819].

Дальнейшие законодательные решения содержались в Сенатском Указе от 12 сентября 1830 г. «О принятии карантинных мер против болезни холеры» [ПСЗРИ, 1830, с. 28]. Указ содержал личное повеление императора: «Я уже прежде заметил, что вовсе не принимать карантинных мер Я не могу согласиться: ибо нет никакого сомнения, что болезнь сообщается через зараженный воздух, поэтому пропуск больных людей или имеющих в себе зародыш болезни опасен не через прикосновение к нему, а через дыхание при разговорах. Сему есть вчера после обеда полученный новый опыт. Стало оцеплять зараженные места или прекращать с ними сообщение необходимо, но без окурка и тому подобного» [ПСЗРИ, 1830, с. 28]. На основе вышеизложенного и мер, рекомендованных Медицинским Советом МВД, Комитет Министров постановил: заставы сохранить, для потенциально инфицированных лиц срок обсервации установить не менее четырнадцати дней, для всех прочих – пять дней, на курьеров и корреспонденцию распространить те же правила, что и против чумы, в места «сомнительные» посылать вместо курьеров эстафеты, карантинные ограничения вводить только в тех местностях, где холера действительно подтверждена, дальнейшее усиление или ослабление карантинных предосторожностей передать на усмотрение Центральной Комиссии [ПСЗРИ, 1830, с. 28].

Далее последовало более детальное разъяснение о работе почтовой службы в зараженных холерой местностях. В объявленном Сенату Указе управляющего МВД «Об осторожности против холеры, в отношении почтальонов и корреспонденции» предписывалось по всем большим дорогам, которые ведут в столицу из «зараженных мест», менять почтальонов на кордонах, все пакеты, отправляемые из Ярославля, Костромы и Нижнего Новгорода, прокалывать и обязательно окуривать [ПСЗРИ, 1830, с. 50].

Существенные коррективы холера внесла в работу судебных органов. 23 сентября Комитет Министров опубликовал Положение «О продолжении апелляционных сроков Грузии по случаю отрывшейся там болезни холеры». В документе подчеркивалось, что в связи с прекращением деятельности экспедиции суда и расправы и Тифлисского уездного суда не всегда могут быть соблюдены тяжущимися сторонами установленные процессуальные сроки (явка к рукоприкладству, явка к выслушиванию решений и подача апелляционных ис-

ков). В связи с этим до полного прекращения холеры и открытия присутственных мест нарушение сроков не учитывалось [ПСЗРИ, 1830, с. 58]. В октябре 1830 г. правила, установленные для судебных органов Грузии, распространялись на все губернии, где закрывались присутственные места по случаю распространения холеры [ПСЗРИ, 1830, с. 174].

Распространение холерной инфекции вынудило правительство приостановить рекрутские наборы в неблагополучных губерниях. Об этом свидетельствуют указы Правительствующему Сенату от 24 сентября 1830 г. «О приостановлении, впредь до особого предписания, рекрутского набора по губерниям: Пензенской, Симбирской и Нижегородской, по случаю появления эпидемической болезни холеры в сих губерниях» [ПСЗРИ, 1830, с. 70] и от 10 октября 1830 г. «О приостановлении, впредь до особого предписания, рекрутского набора по губерниям Костромской, Курской, Слободско-Украинской по случаю появления эпидемической болезни холеры в сих губерниях» [ПСЗРИ, 1830, с. 126].

Безусловно, учреждение карантинных застав, реорганизация работы почтовой службы, командирование почтовых служащих на кордоны влекли за собой существенные издержки для казны и требовали дополнительных финансовых затрат. По предложению начальника Почтового департамента в ноябре 1830 г. Комитет Министров подготовил Положение «О назначении кормовых денег почтовым чиновникам и служителям, находящимся при кордонах и карантинных заставах» [ПСЗРИ, 1830, с. 250]. Чиновникам, отправленным на заставы в Московской и Санкт-Петербургской губерниях, устанавливалось ежедневное жалование в размере 1 руб. 50 коп., канцелярским служащим – 50 коп., командированным чиновникам и канцеляристам по другим губерниям – 1 руб. 40 коп. и 40 коп. соответственно.

Одновременно в высших правительственных кругах не прекращались дискуссии о «прилипчивости» холеры. При этом наряду с известными противоэпидемическими мероприятиями, апробированными на чуме и прочих инфекционных заболеваниях, изобретались новые, зачастую нецелесообразные и абсолютно бесполезные. К примеру, в декабре 1830 г. остро встал вопрос о возможности заражения холерой посредством вещей. Пока медицинское сообщество размышляло о «живучести» холеры на предметах и товарах, в Комитет Министров поступило предложение министра внутренних дел графа А.А. Закревского. Он настаивал на необходимости тщательного очищения «зараженных товаров» утверждая, что «...холера болезнь заразительная и прилипчивая, распространяющаяся скорее чумы и часто возвращающаяся. Занемогшие ею люди дыханием своим, выходящими из тела их болезнетворными испарениями и потом... заражают некоторое пространство воздуха, особенно свое платье, вещи, на коих лежат, и даже те, с коими имеют частное и близкое соприкосновение. Таким образом, посредством людей, товаров и вещей, принявших в себя заразу, при способствующих тому обстоятельствах, холера заносится и завозится из зараженных мест в благополучные. Вкравшись в вещи и товары, зараза может долгое время скрываться, особенно же если они закупорены или уложены в тюки, ящики и проч. Но по распаковании оных наружу язва как бы возрастает и в первые дни своего появления в свежих местах оказывает величайшую жестокость и смертность...» [ПСЗРИ, 1830, с. 395].

Министр обращал внимание на то, что не все товары и вещи в одинаковой степени могут представлять угрозу. На этом основании он предлагал разделить их на разряды, установив для каждого соответствующие способы очищения. С этой целью в городах, где были умершие от холеры, и там, куда были привезены товары из «заражённых» мест, следовало организовать Комиссии для очистки всех вещей. Разделение товаров на разряды представлялось следующим образом: к первому относились розничные товары из лавок, магазинов, домов, где свирепствовали холера, товары, завезенные из неблагополучных мест и изготовленные на фабриках в разгар эпидемии. Такие товары надлежало распаковать, развешивать или расставлять и окуривать. Во второй разряд попали товары, нахо-

дившиеся во время холеры в плотных тюках и кипах в отдаленных от жилья местах (погребях, запертых палатках, магазинах). Они подвергались только наружной обработке. Третий разряд составили товары из мест, где холера прекратилась, при условии, что они не раскрывались и имели двойную упаковку. В таком случае они не подвергались обработке, достаточно было уничтожить их оболочку. Четвертый разряд – товары и вещи в меньшей степени восприимчивые заразу (жемчуг, янтарь, кораллы, бусы, стеклянная и металлическая посуда, чай, сухие фрукты и пр.). Для них способ очищения предполагал омовение водой (если возможно) и проветривание в течении двух недель. Для окуливания товаров предлагалось использовать химические составы: поваренную соль с селитрой и серной кислотой или купоросным маслом, серу и толченую селитру, черный марганец и серную кислоту, а также рекомендовалось проветривание не менее 14 дней, а для отдельных товаров – 21 день. Очищение надлежало проводить под строгим надзором Комиссии и руководством медиков.

Абсолютно справедливыми представляются заключения Комитета Министров, отклонившего предложения графа А.А. Закревского. Во-первых, для практической реализации обозначенных требований всю страну следовало запереть на карантин. Во-вторых, для повсеместной организации комиссий по очищению товаров не хватило бы ни чиновников, ни медиков. В-третьих, не представлялось возможным разделить товары по месту и времени их привоза или по степени раскладки их в пути, следовательно, в большинстве случаев заключения носили бы формальный характер. Хозяева вещей, опасаясь убытков и порчи своих товаров, естественно, использовали все возможные средства для уклонения от процедуры очищения. Более того, проведение в жизнь этих мероприятий грозило большими финансовыми потерями для купечества, остановкой внутренних промыслов и массовыми злоупотреблениями. Поэтому в Положении Комитета министров от 9 декабря 1730 г. «Об учиненном министром внутренних дел распоряжении к очищению вещей и товаров, находящихся в пораженных холерою местах и привезенных туда из зараженных мест» власти ограничились введением обязательного карантинного очищения только для тех домов, в которых были инфицированные или умершие от холеры [ПСЗРИ, 1830, с. 395].

В тот же день 9 декабря 1830 г. было опубликовано Положение Комитета министров «О мерах к предохранению от холеры в будущем году». В данном документе по большей части Комитет согласился с предложениями инициативного графа А.А. Закревского. Министр, основываясь на наблюдении, что холерой чаще заболевают люди, по образу занятий подверженные частым простудам (рыбопромышленники на Каспийских водах и вообще все судорабочие), предлагал во всех губерниях и уездах, где свирепствовала холера, вакансии губернских и уездных врачей закрыть не позднее марта текущего года, недостаток медицинских кадров восполнить путем привлечения к этой работе выпускников медицинских университетов и вольнопрактикующих докторов, назначив им жалование до 1200 руб. в год.

Отметим, что в обычных условиях жалование уездного доктора составляло до 500 руб. в год. Более того, медикам в холерной зоне полагались разовые подъемные доплаты: лекарям по 300 руб., штаб-лекарям, докторам и прочим, имеющим штаб-офицерские чины, по 500 руб. Комитет министров посчитал жалование недостаточным для вольнопрактикующих врачей, составлявших элиту медицинского сообщества. Поскольку они чаще всего являлись иностранцами и зарабатывали гораздо больше, занимаясь свободной практикой, оказание на них давления со стороны правительства могло вынудить многих покинуть Россию, что грозило необратимыми последствиями [ПСЗРИ, 1830, с. 479].

Единообразные размеры стимулирующих выплат и доплат медицинским работникам были установлены Положением Комитета Министров «О назначении содержания медицинским и фармацевтическим чиновникам, командируемым для прекращения холеры и других заразительных и повальных болезней», принятым 28 июля 1831 г. (табл. 1.) [ПСЗРИ, 1830, с. 701].

Таблица 1
 Table 1

Размеры жалования медицинским и фармацевтическим чиновникам,
 командируемым для прекращения холеры и других заразительных и повальных болезней
 The salaries of medical and pharmaceutical officials sent to stop cholera
 and others are contagious

Медицинские и фармацевтические чины	Размер жалования			
	в год	на содержание в день		на подъем
	руб.	руб.	коп.	руб.
Состоящие в обер-офицерских классах (служащие / не служащие)	700	3		300
Состоящие в штаб-офицерских классах, имеющие чины статских советников и выше (служащие / не служащие)	1200	7		1000
Состоящие в штаб-офицерских классах, имеющие прочие штаб-офицерские чины, а также: доктора, штаб-лекари, и медико- хирурги (служащие / не служащие)	700	5		500
Студенты медицинских факультетов	450	2		200
Лекарские ученики	150		50	150
Фельдшеры	120		50	120
Фармацевты, а именно: аптекари, провизоры и гезели (служащие / не служащие)	450	3		300
Ученики аптекарские	150		50	150
Лазаретные служители			50	

Данные, приведенные в таблицы, наглядно демонстрируют, что «холерное жалование» существенно превышало среднестатистические доходы медицинского персонала. Очевидно, что правительство финансовыми выгодами стремилось решить проблему дефицита медицинских кадров и привлечь к работе в зараженных местностях прежде всего вольнопрактикующих докторов.

Такие же цели преследовал министр А.А. Закревский, предложивший в Положении «О мерах к предохранению от холеры в будущем году» сформировать временный факультет медиков для направления их в «холерные зоны» (табл. 2.). [ПСЗРИ, 1830, с. 479].

Как видим, намеченное количество медицинских работников ничтожно мало, что вполне объяснимо. По данным изданного в 1830 году Российского медицинского списка, общее число медицинских чиновников, имеющих полное право на производство врачебной практики, составляло всего 4 396 человек [Российский медицинский список, 1830]. Если сопоставить эти цифры с численностью населения, а в 1830 году в России проживало 56 127 200 млн человек [Статистический ежегодник России 1916 г. Вып. 1. Пг., 1918, с. 85], то на 10 тыс. человек приходилось не более 13 квалифицированных докторов. Поэтому проблема недостатка медицинских кадров на местах была одной из самых болезненных.

Таблица 2
Table 2Планируемые штаты медицинских работников временного факультета
для направления в зараженные местности
Planned staffing of temporary faculty medical workers for referral to infected areas

Наименование города	Медики	Гезели (помощники аптекаря или врача)	Фельдшеры
Астрахань	4	1	4
Оренбург	3	–	3
Саратов	10	2	10
Новочеркасск	3	–	3
Самара	2	–	2
Нижний Новгород	10	2	10
Рыбинск	2	–	3
Итого	34	5	35

Подтверждением тому служат сведения, приведенные А.В. Поповым в работе «Холера 1829–1833 годов в Оренбургском крае». В августе 1830 г. губернатор Оренбургской губернии Сухтелен обращался с просьбой прислать врачей и фельдшеров, снабдив их медицинскими инструментами, к попечителю Казанского учебного округа, Московскому генерал-губернатору кн. Голицыну и в Министерство внутренних дел. Неутешительный ответ был получен от Казанского губернатора: «...Из восьми врачей гражданского ведомства служат всего два, из остальных один послан в Саратов, один по нетрезвому образу жизни никуда командирован быть не может, один тоже по престарелости лет; холера уже близко в Симбирской губернии, в Казанской губернии – двенадцать городов и в Нижнем скоро ярмарка – ему самому не справиться с эпидемией» [Попов, 1910, с. 216–217].

Острая нехватка врачей вынудила правительство пересмотреть положение о привлечении вольнопрактикующих докторов к работе в зараженных губерниях. Уже в марте 1831 года последовал именной указ МВД «Об употреблении вольнопрактикующих и оставших врачей по обязанностям службы». В этом акте, со ссылкой на указ от 29 сентября 1811 г., санкционировалось в случаях недостатка врачей для общей государственной пользы привлечение в «холерных губерниях» вольнопрактикующих медиков в силу того, что благосостоянием и выгодами своими они, прежде всего, обязаны Правительству России, позволившему заниматься врачебной практикой [ПСЗРИ, 1830, с. 239].

В то же время вопрос распространения холеры посредством вещей получил дальнейшее законодательное регулирование. 16 декабря 1830 г. на очередном заседании Комитета министров был заслушан рапорт Московского военного генерал-губернатора с приложением акта, составленного особо созванными лицами для обсуждения предмета об очищении в Москве товаров. Акт содержал заключения, основанные, по мнению Московского губернатора, на неоспоримых доказательствах, что холера не имеет заразительности, свойственной чуме, и не сообщается посредством вещей и товаров. В результате Комитет выпустил новое Положение «О заключении составленного в Москве особого Комитета, по предмету очищения там товаров» [ПСЗРИ, 1830, с. 505]. Положение полностью отменяло окуривание товаров в местностях, где прежде была холера. Констатировалось, что правила Карантинного устава, установленные в отношении чумы, против холеры

не работают. В связи с этим Медицинскому Совету поручалось выработать действительные противохолерные мероприятия, основанные не на догадках, а на точных опытах.

Местные органы власти в ожидании холеры приступили к организации превентивных мероприятий, в том числе предусматривающих обязательно окуривание как людей, так и товаров. В Орловской губернии в 1830 году был образован губернский комитет под председательством губернатора А.В. Кочубея, в который, в числе прочих, вошли градский голова Плотников и полицмейстер Глушаковский. За городом по трактам Курскому и Кромскому и за Черкасской слободой учреждались кордоны для окуривания приезжающих и приходящих из мест, где была холера. Сначала окуривание проводили на открытом воздухе, позже построили балаганы, под которые можно было подвозить телегу и свободно входить человеку. Мещанам поручалось из своей среды назначить по три смотрителя за больными в каждую часть города и шесть на заставы. В случае появления холеры предполагалось открытие трех временных больниц с коечным фондом по 10 кроватей каждая. Срок обсервации составлял не менее 14 дней. На организацию всех запланированных мероприятий требовались немалые денежные средства, поэтому всем городским думам и ратушам было объявлено о сборе средств путем добровольных пожертвований. Отозвался, видимо, только один Елецкий купец Алексей Степанович Кожухов. Он передал в ведение уездного комитета каменный двухэтажный дом с баней и прочими принадлежностями для помещения больных и пятьсот рублей капитала. Для очищения товаров в Орле в конце декабря была создана особая комиссия, состоящая из полицмейстера, градского головы, двух бургомистров и четырех добросовестных благонамеренных купцов по выбору из лучших граждан [Труды Орловской ученой Архивной комиссии, 1891, с. 38].

В г. Херсоне перекрывались все въезды и выезды с выдерживанием 14-дневного карантина и окуриванием вещей. Запрещались всякого рода сборища, особенно в питейных домах. Вольный базар переносился за пределы города, кроме того, для социального дистанцирования покупателей и купцов натягивались канаты, из досок устанавливались перегородки и передаточные (извлечение из предписания, данного 23 Октября 1830 года исправляющим должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Красовского Херсонскому Комитету, учрежденному для холеры морбусь).

В Оренбургской губернии, имеющей опыт борьбы с холерой, в пораженных уездах и соседних с ними учреждались комитеты по холере. Уезды разделялись на кварталы во главе со смотрителем из числа заслуживающих доверия местных дворян или отставных чиновников. Однако на практике в состав комитетов вошли далеко не благонадежные служащие. Земская полиция, исправники, дворянские и сельские заседатели всеми способами уклонялись от исполнения обязанностей. Обыденным явлением являлось взяточничество: «...Один брал гусями и деньгами, другой – продовольствием, третий – водкой. Многие получали выговоры, отстранялись от должности, попадали под суд. Под конец губернатор Сухотелень устал бороться с этим злом и только отмечал на полях – еще одна мерзость» [Попов, 1910, с. 229].

Действительно, несмотря на все строжайшие предупреждения и санкции вплоть до смертной казни, нарушения прохода через заставы, взяточничество и произвол чиновников приобретали угрожающие масштабы. 10 марта 1830 г. в заседании Сената была заслушана записка Владимирского гражданского губернатора о несогласии его с решением Уголовной палаты о крестьянах помещицы Валуевой: Семене Александрове, Никите Тиханове и Григории Глеbove, судимых за участие с рядовым Меркуловым в пропуске восьми человек плотников без выдерживания, по случаю болезни холеры, четырнадцати дневного очищения и получении за это четырёх рублей серебром. Из материалов уголовного дела следовало: Меркулов, получив денежное вознаграждение, пропустил плотников через заставу, а крестьянам за молчание передал два рубля, убедив их что об этом нарушении никто не узнает. Правительствующий Сенат постановил: главный виновник преступ-

ления – Меркулов подлежит военному суду. Крестьяне: Семен Александров, Никита Тиханов, Григорий Глебов, проходящие по делу как соучастники, руководствуясь ст. 202 Наказа Екатерины II, учитывая их невежество (поскольку не ведали важности своего преступления и положенных Карантинным Уставом наказаний) должны быть наказаны по месту жительства, при общем собрании крестьян через полицейских служителей 25 ударами плетью, после возвращены в свою вотчину и впредь лишены права занимать общественные должности. Решение Сената надлежало довести до сведения всех Губернских Правлений, Правительств и Войска Донского [ПСЗРИ, 1830, с. 223].

Таким образом, в большинстве своем на местах противозидемические мероприятия сводились к учреждению карантинных застав, определению различных сроков обсервации, дезинфекции людей и товаров, открытию дополнительных холерных лечебниц, увеличению коечного фонда, своевременному выявлению и изоляции инфицированных и заболевших лиц.

В то же время попытки местных органов власти ослабить ограничительные мероприятия наталкивались на строгие запреты сверху. В письме Управляющего Главным Штабом его Императорского Величества к генерал-губернатору Новороссийскому и Бессарабскому от 21 декабря 1830 г. за № 1995 значилось, что снятие с г. Николаева наружного оцепления вследствие признания открывшейся там болезни неэпидемической доктором Мартеня опрометчиво и преждевременно. Государь Император полагал, что мнение одного медика, сколько бы он не был искусен и опытен, ни в коем случае не может служить основанием для ослабления карантинного режима, зараза имеет губительные последствия, поэтому оцепление должно быть немедленно восстановлено [Труды Рязанской ученой архивной комиссии, 1904, с. 287].

В 1831 г. холера продолжала свое победное шествие по губерниям Российской империи, в связи с чем Сенатскими указами переносились сроки выборов в дворянские собрания, временно была приостановлена продажа заложенных в Приказах общественного призрения имений [ПСЗРИ, 1830, с. 36]. Для заёмщиков устанавливался льготный период для уплаты просроченных платежей с процентами до 7 января 1832 г. [ПСЗРИ, 1830, с. 48]. В губерниях Астраханской, Саратовской, Оренбургской и Кавказской области, в городах: Москве, Самаре, Казане, Лаишево, Пензе, Мокшанске, Нижнем Новгороде, Горбатове, Белгороде, Старом Осколе, Харькове, Изюме, Кременчуге, Богуславе, Каменец-Подольском, Виннице, Ростове, Николаеве, Севастополе, Новочеркасске и ряде уездов, наиболее пострадавших от холеры, податное население, умершее от холеры, исключалось из переписи и оклада с 1 января 1831 г., снимались надбавочные платы за записи в торговые гильдии, списывались все недоимки казенных податей за вторую половину 1830 года и пени за неплатежи казенных податей за вторую половину 1830 года и первую половину 1831 года [ПСЗРИ, 1830, с. 272].

Как видим, правительство последовательно вводило государственные меры поддержки для отдельных категорий населения, более всего пострадавших от холерной эпидемии. Вместе с тем повсеместная организация карантинных мероприятий, обрушивавшаяся тяжким бременем на податное сословие, всеобщий хаос и отсутствие какого-либо контроля, лихоимство и взяточничество, царившие на заставах, слухи о незаразительности холеры или, напротив, целенаправленном отравлении населения, вызывали массовое недовольство, вылившееся в ряде губерний в народные бунты и волнения. Социальная напряженность в обществе достигла предела. Страдающий от непосильного крепостного гнета простой люд поднялся на борьбу с царившим произволом и беззаконием, холера стала всего лишь предлогом для всколыхнувшего страну народного протеста. Спасти ситуацию могла только истинная вера и подлинное преклонение русского народа перед Отцом – Самодержцем, чем непременно воспользовались власти.

В августе 1831 г. был опубликован Манифест «О смятении, бывшем в некоторых губерниях и Санкт-Петербурге по случаю разнёсшихся слухов о мнимых причинах смертности при появлении эпидемической болезни холеры» [ПСЗРИ, 1830, с. 741]. Император призывал поданных к смирению и повиновению властям, подчеркивая, что единственным результативным способом борьбы с распространением прилипчивых и повальных болезней являются карантин. Противодействуя введению ограничительных мер, народ обрекает себя на еще большие бедствия, разорения и погибель. «Беспорядки, возникшие в городах Старой Руси и военных поселениях, вызванные слухами о якобы мнимой болезни, несвойственны доброму и православному русскому народу», – говорилось в официальном обращении Государя к народу. Так, усмиренная Императором страна в очередной раз доверилась правительству и принялась покорно исполнять предписанные меры для укрощения Cholera morbus.

Заключение

Появление в пределах Российской империи во второй четверти XIX века новой эпидемической болезни обнажило целый комплекс социальных и экономических проблем. Прежде всего это низкий уровень научных медицинских знаний, острый дефицит квалифицированных медицинских кадров, недостаток и примитивность элементарных медицинских инструментов и препаратов. Наставления Медицинского Совета МВД для предохранения и лечения холеры представляются не иначе как панацеей для подавления панических настроений в обществе и не содержат в себе никаких действительных лечебных протоколов. Более того, противодействие низов введению ограничительных мер свидетельствует о нарастании кризиса доверия власти.

Не обладая достоверными сведениями о способах передачи инфекции, правительство было вынуждено прибегнуть к традиционной организации карантинных застав. Однако без должного контроля и надзора застава, на которых толпились сотни людей и обозов, превратилась в рассадники заразы, что обернулось повальными инфекционными вспышками. После затухания эпидемии в суды поступило множество заявлений о нарушениях постановлений по предупреждению распространения повальных и прилипчивых болезней.

Трансформация карантинного законодательства в этот период сводилась к правовому регулированию вопросов введения общих ограничительных мероприятий, некоторых «антивирусных» мер государственной поддержки населения (кредитные каникулы, списание недоимок по налогам, временная отмена вступительных взносов в купеческие корпорации и пр.) и санитарной дезинфекции товаров оптовой и розничной торговли.

Исследование комплекса мер организационно-правового характера, установленного правительством в рамках противодействия распространению холеры в Российской империи во второй четверти XIX в., позволило выявить несоответствие правоприменительной практики принимаемым нормативным актам. Причинами этого несоответствия являлась невозможность и нецелесообразность соблюдения правовых норм, регулирующих ограничительные меры, их избыточность и необоснованность как с медицинской точки зрения, так и с точки зрения реальных возможностей и ресурсов органов исполнительной власти на местах. Помимо указанных тенденций, можно говорить также и о низком уровне исполнительской дисциплины региональных властей. Одной из причин слабой эффективности принимаемых мер также являлась несогласованность в вопросах нормативного регулирования между центральной и региональными властями. Положительные результаты отдельных карантинных мер зачастую нивелировались отсутствием четкого механизма реализации принимаемых нормативно-правовых актов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для успешной борьбы с пандемией и ее последствиями, оказывающими влияние на все сферы жизнедеятельности общества и

государства, необходимо обеспечить высокий уровень эффективности правового регулирования, создание механизма взаимодействия всех ветвей и уровней власти, высокую результативность в работе органов исполнительной власти.

Список источников

- Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг. 1830. Под редакцией М.М. Сперанского. СПб., Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. количество страниц.
- Труды Орловской ученой Архивной комиссии 1891 год. 1891. Выпуск первый. Орел. Типография С.А. Зайцевой. 48 с.
- Труды Рязанской ученой Архивной комиссии за 1904 год. Под ред. С.Д. Яхонтова 1904. Т. 18. Выпуск 3. Рязань. Типография Губернского правления, 245–292 с.
- Российский медицинский список: списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек. Петроград: Упр. гл. врачебного инспектора М-ва внутренних дел, 1809–1916. на 1830 год, 296 с.
- Статистический ежегодник России 1916 г. (Год тринадцатый) Вып. 1. 1918. Москва. Типография Моск. Сов. Раб. Солд. и Кр...деп. Петровка 26, 121 с.

Список литературы

- Печникова О. Г. 2016. Государственно-правовое регулирование охраны «народного здоровья» в России XVI – начала XIX в. М., Юрлитинформ, 493 с.
- Васильев К.Г., Сегал А.Е. 2020. История эпидемий в России: от чумы до коронавируса. М., Родина, 558 с.
- Золотухина П.С. 2016. Правовой статус карантинной стражи в Российской империи в начале XIX века. Таврический научный обозреватель, 4(9): 83–87.
- Воронина Е. О. 2012. Создание и развитие государственной карантинной службы в Российской Империи в начале XIX в. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки», 25(64): 216–224.
- Пронина Е.Н. 2022. Противодействие государственно-правовым мерам по борьбе с «повальными» болезнями в XIX: причины и последствия. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2: 114–116.
- Смирнова Е.М., Ерегина Н.Т. 2021. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX веков). Новый исторический вестник, 2 (68): 33–48.
- Егорышева И.В. Государственная политика в связи с первыми эпидемиями холеры в России (1823, 1829–1831). Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко, 1-2: 160–165.
- Пронина Е.Н., Силантьева В.А., Щерова Н.С. 2020. Нормативно-правовые акты о противоэпидемиологических мероприятиях на рубеже XIX–XX веков и их критика в профессиональном сообществе (историко-правовой аспект). Образование и право. 8: 401–405
- Гессен С.Я. 1932. Холерные бунты (1830–1832 гг.) М., Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 65 с.
- Попов А.В. 1910. Холера 1829–33 годов в Оренбургском крае. Оренбург. Из-во Электро-паровая типо-лит. т-ва «Каримов, Хусайнов и К°», 361 с.

References

- Pechnikova O. G. 2016. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie okhrany «narod-nogo zdraviya» v Rossii XVI – nachala XIX v. [State-legal regulation of the protection of "people's health" in Russia in the 16th – early 19th centuries] М., Publ. Yurlitinform, 493 p.
- Vasil'yev K.G., Segal A.Ye. 2020. Istoriya epidemiy v Rossii: ot chumy do koro-navirusa. [History of epidemics in Russia: from plague to coronavirus]. М., Publ. Rodina, 558 p.

- Zolotukhina P.S. 2016. Pravovoy status karantinnoy strazhi v Rossiyskoy im-perii v nachale XIX veka. [Legal status of quarantine guards in the Russian Empire at the beginning of the 19th century]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'*, 4(9): 83–87.
- Voronina Ye. O. 2012. Sozdaniye i razvitiye gosudarstvennoy karantinnoy sluzh-by v Rossiyskoy Imperii v nachale XIX v. [Creation and development of the state quarantine service in the Russian Empire at the beginning of the 19th century.] *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series "Legal sciences"*, 25(64): 216–224.
- Pronina Ye.N. 2022. Protivodeystviye gosudarstvenno-pravovym meram po bor'-be s «povall'nymi» boleznyami v XIX: prichiny i posledstviya. [Opposition to state-legal measures to combat "common" diseases in the XIX: causes and consequences]. *Vestnik Nizhegorodsko-go universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2 : 114–116.
- Smirnova Ye.M., Yeregina N.T. 2021. «Karantiny chut' ne vzbuntovali 16 guberniy»: vlast', vrachi i obshchestvennost' Rossii v bor'be s epidemiyami kholery (XIX – nachalo XX vekov). [“Quarantines almost rebelled in 16 provinces”: authorities, doctors and the public of Russia in the fight against cholera epidemics (XIX – early XX centuries)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2(68): 33–48.
- Yegorysheva I.V. Gosudarstvennaya politika v svyazi s pervymi epidemiyami kholery v Rossii (1823, 1829–1831). [State policy in connection with the first epidemics of cholera in Russia (1823, 1829–1831)]. *Byulleten' natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*, 1-2: 160–165.
- Pronina Ye.N., Silant'yeva V.A., Shcherova N.S. 2020. Normativno-pravovyye akty o protivoepidemiologicheskikh meropriyatiyakh na rubezhe XIX–XX vekov i ikh kritika v professional'nom soobshchestve (istoriko-pravovoy aspekt). [Regulatory legal acts on anti-epidemic measures at the turn of the 19th–20th centuries and their criticism in the professional community (historical and legal aspect).] *Obrazovaniye i pravo*, 8: 401–405.
- Gessen S.YA. 1932. Kholernyye bunty (1830–1832 gg.) [Cholera riots (1830–1832)] M., Publ. Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssl'no-poselentsev, 65 p.
- Popov A.V. 1910. Kholera 1829–33 godov v Orenburgskom kraye. [Cholera 1829–33 in the Orenburg region.]. Orenburg? Publ. Iz-vo Elektro-parovaya tipo-lit. t-va «Karimov, Khusainov i K°», 361 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.12.2021

Поступила после рецензирования 13.01.2022

Принята к публикации 09.02.2022

Received December 11, 2021

Revised January 13, 2021

Accepted February 9, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петрищева Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Россия

 [ORCID 0000-0002-5336-9253](https://orcid.org/0000-0002-5336-9253)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia S. Petrishcheva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, head of the Department of Theory and History of State and Law, South-West State University, Kursk, Russia

 [ORCID 0000-0002-5336-9253](https://orcid.org/0000-0002-5336-9253)

УДК 342.56

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-561-569

Принципы судебной власти в Конституции непризнанного государства Турецкой Республики Северного Кипра

Тресков А.П.

Ростовский государственный университет путей сообщения
344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2
E-mail: altreskov@yandex.ru

Аннотация: Непризнанные и частично признанные государства в современном мире зачастую сильно зависят от экономической, политической и военной поддержки тех стран, с учетом интересов которых их самостоятельность стала возможной. Поддержка Турцией непризнанной Республики Северного Кипра оказывается, не только в экономической, политической и военной сфере, но и при юридическом оформлении правоотношений территории Северного Кипра, базовым документом которых является конституция. На основе анализа конституции Северного Кипра формализованы следующие принципы судебной власти: взаимности исполнения судебных решений; рассмотрения дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом; недопустимости создания чрезвычайных судов; мотивированности судебного решения; запросной оценки конституционности законов и некоторые другие. Указанные принципы поделены на соответствующие категории: принципов функционально-целевой устойчивости; институционально-кадровой эффективности; процессуально-адаптивной обеспеченности; субъектно-статусной конфиденции; конституционно-судебного происхождения.

Ключевые слова: принципы, судебная власть, Северный Кипр, непризнанное государство, Турецкая Республика Северного Кипра, Конституционный суд, конституционализм, конституционные принципы

Для цитирования: Тресков А.П. 2022. Принципы судебной власти в Конституции непризнанного государства Турецкой Республики Северного Кипра. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(3): 561–569. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-561-569

The Principles of the Judiciary in the Constitution of Unrecognized State of the Turkish Republic of Northern Cyprus

Alexey P. Treskov

Rostov State Transport University
2 square of the Rostov Shooting Regiment of the National Militia,
Rostov-on-don 344038, Russia
E-mail: altreskov@yandex.ru

Abstract: Unrecognized and partially recognized states in the modern world depends highly on the economic, political and military support of those countries, whose interests made their independence possible. Turkey's support of the unrecognized Republic of Northern Cyprus is certainly not only in the economic, political and military spheres, but also in the legal arrangements within the conditioned territory, the basic document of which is the constitution. In the process of preparing any type of legal act limiting the supreme power, the enshrining in it of the constitutional principles of the judicial power acquires a special meaning. Based on the analysis of the constitution of Northern Cyprus the following principles of judiciary are formalized: the principle of reciprocity of execution of judgments; the principle

of consideration of a case in the court and by the judge to whose jurisdiction it is referred by law; the principle of non-admission of extraordinary courts; the principle of motivation of the court decision; the principle of inquiry assessment of the constitutionality of laws and some others.

Key words: principles, judiciary, unrecognized state, Turkish Republic of Northern Cyprus, Northern Cyprus, court, Constitutional Court, constitutionalism, constitutional principles

For citation: Treskov A.P. 2022. The Principles of the Judiciary in the Constitution of Unrecognized State of the Turkish Republic of Northern Cyprus. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 561–569 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-561-569

Введение

Для обогащения разработанной конституционно-правовой теории принципов судебной власти [Тресков, 2022] представляется необходимым дополнить ее анализом зарубежного опыта конституционной формализации принципов судебной власти [Тресков, 2018; Тресков, 2019] непризнанных государств и территорий с неопределенным статусом.

Как отмечает профессор М.В. Мархгейм, «смысловые нагрузки и ценностные грани конституционных принципов представляются практически неисчерпаемыми. В числе таких смыслов и граней – интегральность конституционных принципов, щедро распространяющая свой потенциал на современное общество и государство» [Мархгейм, 2018, с. 49]. Непризнанные и частично признанные государства в современном мире зачастую сильно зависят от экономической, политической и военной поддержки тех стран, с учетом интересов которых их самостоятельность стала возможной. Турецкая Республика Северного Кипра не является исключением. Турция размещает на Северном Кипре контингент своих войск. Из Турции на Северный Кипр под водой на глубине двести восемьдесят метров проложен водопровод, протяженностью восемьдесят километров, по которому на остров поступает пресная вода. Четверть расходов бюджета Северного Кипра покрывается за счет помощи Турции¹. При чем Турция оказывает поддержку не только в экономической, политической и военной сферах, но и при юридическом оформлении правоотношений на территории Северного Кипра, базовым документом которых является конституция.

Как отмечает турецкий исследователь профессор Эрдал Гюрай, «непризнание со стороны мирового сообщества существенно препятствует интеграции Северного Кипра в мировую экономику» [Güryay, 2011, p. 80]. Этот остров находится на перекрестке трех континентов и, как подчеркивал бывший министр иностранных дел Республики Кипр И. Касулидис, благодаря такому уникальному географическому положению всегда процветал и был лакомым кусочком для многих завоевателей (микенских греков, финикийцев, ассирийцев, египтян, римлян, византийцев, венецианцев, французов, турок и англичан) [Касулидис, 2001, с. 59].

История проблемы

Как известно, вопрос, связанный со статусом Северного Кипра, является релевантным для международного сообщества с 1963 года. Великобритания, колонизировав Кипр в 1878 году, даровала ему независимость в 1960 году, оставив, однако, на острове две военные базы, занимающие 3 % от общей площади Кипра. Новая Конституция Кипра в дальнейшем провозгласила существование греческой и турецкой общин, однако декларирование определенной квоты каждому этносу естественно вызвало недовольство обеих. Обозначенный этнический конфликт постепенно нарастал, и в 1964 году с целью урегулирования ситуации на территории Кипра был размещен миротворческий контингент ООН.

¹ См.: Turkish Republic of Northern Cyprus State Planning Organization. Statistical Yearbook 2015. January 2017.

Как отмечает И.А. Антонова, любое де-факто государство (состоявшееся, но испытывающее проблемы с признанием со стороны членов ООН государство), как правило, является побочным продуктом конфликтного противостояния суверенного государства, с одной стороны, и какой-либо группы, борющейся за свой независимый статус, – с другой, поэтому процесс их изучения неразрывно связан с понятием конфликта [Антонова, 2014, с. 126].

15 июля 1974 года на острове произошел военный переворот, в ходе которого был свергнут первый президент Республики Кипр архиепископ Макариос III. В результате власть перешла к греческому нелегальному формированию «ЕОКА-В», ставившему целью соединение Кипра и Греции. Одновременно с этим власти Турции, видя в происходящих событиях угрозу своим политическим интересам, направили на остров военный контингент, который занял почти 40 % от его территории. Таким образом, с 1974 года и по сегодняшний день Кипр разделен на две части – южную – Республику Кипр и северную – Турецкую Республику Северного Кипра. На границе между южной и северной частями проходит так называемая «зеленая линия» – 180-километровая демаркационная линия – буферная зона Вооруженных сил ООН, призванных поддерживать мир на Кипре.

В международном смысле описание военного присутствия Турции есть в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 1996 года (жалоба № 15318/89) Лоизиду против Турции (Loizidou v. Turkey, 18.12.1996 (merits), § 16–17)¹. Как указывает А.И. Ковлер, в деле ничего не сказано о причинах конфликта или о фактах, предшествовавших июлю 1974 года, даже с учетом того, что стороны представили обширные досье.

В своем особом мнении по делу Лоизиду немецкий судья Р. Бернхардт (впоследствии Председатель Суда) видел истоки конфликта в «государственном перевороте 1974 г., совершенном греческими киприотами», с целью последующего присоединения острова к Греции (enosis) и упоминал также договор о гарантиях между Турцией, Великобританией и Грецией, предусматривавший возможность военной интервенции в случае угрозы независимости Кипра.

Судья Петтити в своем особом мнении возвращается к роли ООН: «Объединенные Нации не квалифицировали в качестве агрессии турецкое вмешательство... Суд не исследовал вопроса законности международного вмешательства, которое привело к разделению острова на две зоны». Он заключает: «Современное политическое развитие подтверждает, что проблема Кипра жестоким образом превосходит ситуацию простого противостояния» [Ковлер, 2019, с. 173].

Анализ и формализация принципов

5 мая 1985 года на референдуме была принята Конституция непризнанного государства Турецкой Республики Северного Кипра. Из всех государств в мире на сегодняшний день оно признано только самой Турцией.

В процессе подготовки любого типа нормативно-правового акта, ограничивающего верховную власть, особый смысл приобретает закрепление в нем конституционных принципов судебной власти. Конституция Турецкой Республики Северного Кипра состоит из преамбулы, 163 статей, объединенных 8 частями.

Положения о судоустройстве встречаются уже в 1 части – «Общие положения». Статья 6 Конституции декларирует, что «судебная власть осуществляется от имени народа Турецкой Республики Северного Кипра независимыми судами»¹.

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 1996 г. (жалоба № 15318/89) Лоизиду против Турции (Loizidou v. Turkey https://european-court.ru/uploads/ECHR_Loizidou_v_Turkey_18_12_1996.pdf (дата обращения 03.07.2022)).

Статья 16 предусматривает возможность выдачи граждан Турецкой Республики Северного Кипра при наличии у них одновременно гражданства иного государства за правонарушения, совершенные по законам другой страны, представителем которой они являются, при условии, что между Турецкой Республикой Северного Кипра и этой страной есть соглашение о выдаче и взаимном исполнении судебных решений. Таким образом, мы можем формализовать «принцип взаимности исполнения судебных решений».

Эта же статья закрепляет, что лицо, лишенное свободы по причине его ареста или задержания, имеет право возбудить судебное разбирательство, с тем чтобы законность его задержания могла быть подтверждена в судебном порядке. Если его содержание под стражей будет признано незаконным, лицо подлежит освобождению судом. В этой связи можно констатировать «принцип осуществления правосудия только судом».

Наименование статьи 17 Конституции полностью посвящено «правам, относящимся к судебному разбирательству», в частности, установлено, что «никому не может быть отказано в доступе к суду, назначенному ему настоящей Конституцией. Учреждение судебных комитетов или специальных судов под любым названием запрещено»². В данном контексте мы можем формализовать право на доступ к правосудию или «принцип доступности правосудия», а также усматривается и базовое правило о подсудности – «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Здесь же и «принцип недопустимости создания чрезвычайных судов».

Из пункта 2 статьи 17 Конституции следует сразу целый набор принципов: «Каждый человек при определении своих гражданских прав и обязанностей или при предъявлении ему любого уголовного обвинения, имеет право на справедливое и публичное судебное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона. Решение должно быть мотивировано и оглашено на открытом заседании»³.

Таким образом, из данного положения можно формализовать: принцип справедливости судебного разбирательства; принцип публичности судебного разбирательства; принцип разумного срока судопроизводства; принцип независимости или принцип беспристрастности суда; принцип мотивированности судебного решения; принцип гласности судебных решений; принцип открытости судебных заседаний.

Пункт 4 статьи 17 также содержит перечень процессуальных прав лица в судебном заседании: быть уведомленным о причинах, по которым он обязан явиться в суд; представлять свое дело в суде и иметь достаточно времени, необходимого для его подготовки; представлять или обеспечивать представление своих доказательств и требовать, чтобы свидетели были непосредственно допрошены в соответствии с законом; пользоваться услугами адвоката; пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает или не говорит на языке, используемом в суде и другие. Из последнего можно формализовать принцип использования родного языка.

Таким образом, в этой части можно констатировать, что Конституция Турецкой Республики Северного Кипра содержит некоторые элементы процессуального законодательства, обычно присущего более узкоспециализированным кодифицированным источникам.

¹ Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022).

² Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022).

³ Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022).

Статья 23 посвящена свободе совести и вероисповедания. Данной теме уделяется немало значения в силу известной религиозности народов, проживающих на этой территории. Однако в русле темы нашей статьи интересен пункт 5, суть которого заключается в недопустимости эксплуатации или злоупотребления религией или религиозной принадлежностью, религиозными чувствами или вещами, считающимися священными в религии. И далее декларируется, что «...в случае нарушения этого запрета... применяются положения соответствующего закона, а политические партии закрываются навсегда Верховным судом, заседающим в качестве Конституционного суда»¹. В данном смысле фактически констатируется существование ранее не упоминавшихся судебных инстанции – Верховного и Конституционного судов, а также мы можем свидетельствовать часть их полномочий и возможность исполнения функций Конституционного суда Верховным судом.

Такое же учреждение встречается и в пункте 4 статьи 71, регулирующей принципы, которым должны соответствовать политические партии: «Финансовый контроль политических партий осуществляется Верховным судом, заседающим в качестве Конституционного суда»². Такая формулировка встречается по тексту неоднократно и в других частях Конституции. Соответственно, на первый взгляд можно сделать вывод об отсутствии самостоятельной единицы Конституционного суда в структуре судебной власти Северного Кипра и выполнении его функций Верховным судом, однако немного позднее в документе все же встречается искомый Конституционный суд.

Конституцией Северного Кипра сделана ставка не на организационное, а на «властное» наименование части 5 Конституции «Судебная власть» и всецело ей посвящена. Статья 136 имеет название «Независимость судов» и декларирует базовые принципы судопроизводства: «Судьи независимы в своих обязанностях и судят в соответствии с Конституцией, законами, правовыми принципами и мнением, продиктованным их совестью»³ – то есть «принцип независимости судей», «принцип законности».

Статья 137 имеет наименование «Гарантия несменяемости судей» и фактически декларирует принцип несменяемости судей: «судьи не могут быть уволены; они не могут выйти на пенсию до достижения возраста, установленного Конституцией, помимо их воли, и они не могут быть лишены приобретенного права даже в случае упразднения суда или должности»⁴.

Статья 138 Конституции имеет интересное название – «Профессия судьи», однако фактически закрепляет предельный возраст пребывания в должности судьи, указывает на необходимость исполнения судьями исключительно своих официальных обязанностей и недопустимость выполнения иной работы, а норма о требованиях к квалификации, назначению, о правах и обязанностях, заработной плате и надбавках, продвижения судей по службе, возбуждении в отношении них дисциплинарного производства и наложения дисциплинарных взысканий имеет бланкетный характер, отсылая к некоему закону в соответствии с принципом независимости судов.

Следующая статья 139 фактически дублирует закрепленные в пункте 2 статьи 17 принципы: «слушания должны быть публичными, а решения должны быть мотивированы»⁵.

¹ Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022).

² Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022).

³ Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022).

⁴ Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022).

⁵ Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022).

Конституцией Турецкой Республики Северного Кипра учрежден Верховный судебный совет как один из органов судебной власти, что закрепляется в статье 141. В частности, Верховный судебный совет состоит из Председателя и судьи Верховного суда; один член назначается Президентом Республики; один – назначается Ассамблеей Республики; Генерального прокурора Республики; один член избирается Коллегией адвокатов.

Верховный судебный совет занимается общей организацией функционирования и упорядочением работы судебной системы, следит за регулярным исполнением обязанностей судьями и государственными служащими; представляет в конце финансового года отчет Президенту Республики о состоянии судебных дел. Также в полномочия Совета входит и дисциплинарный надзор за деятельностью судей.

Глава 2 Конституции Турецкой Республики Северного Кипра посвящена Верховному суду и его полномочиям. Так, Верховный суд состоит из председателя и семи судей. Он выполняет также функции Конституционного суда, Государственного Совета (Yüce Divan¹), апелляционного суда и Высшего административного суда.

Несмотря на фактическое замещение по тексту документа полномочий Конституционного суда Верховным судом, Конституция содержит Главу 3, статья 144 которой прямо регламентирует полномочия и обязанности Конституционного суда. Вместе с тем полномочия Верховного суда и Конституционного переплетаются в основном законе. Так, Верховный суд обладает исключительной юрисдикцией выносить окончательное решение по всем вопросам, предусмотренным положениями Конституции, законами и Регламентом суда. Конституционный суд, заседающий в качестве Государственного совета (Yüce Divan), в рамках действующего законодательства имеет право судить Президента Республики, Премьер-министра и министров за любое правонарушение, совершенное ими. Решения Совета Государственного совета являются окончательными.

Статья 145 наделяет так называемый Конституционный суд полномочием разрешать возникающие споры между органами власти: «Конституционный Суд обладает компетенцией выносить окончательное решение по обращению, поданному в связи с любым вопросом, касающимся любого конфликта или спора о власти или компетенции, возникающего между государственными органами.

При таком обращении Конституционный Суд может объявить закон, решение или акт, являющийся предметом обращения недействительным либо с момента возникновения конфликта или оспаривания, либо *ab initio*² и не имеющим юридической силы полностью или частично на том основании, что «такой закон, решение или действие были приняты или приняты или совершены в отсутствие полномочий или компетенции»³. Таким образом, речь идет фактически о примирительных процедурах по аналогии со статьей 85 Конституции Российской Федерации, предусматривающей возможность Президенту Российской Федерации использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти. В случае же с Конституцией Турецкой Республики Северного Кипра таким полномочием обладает не только Президент Республики, но и Собрание Республики или же любой другой орган государства, если он вовлечен в такой конфликт или спор власти. По сути данная возможность сводится к обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов власти, аналог которой предусмотрен и частью 2 статьи Конституции Российской Федерации. Это позволяет сделать вывод

¹ Термин «диван» имеет восточную этимологию. Так, в Турции диван – то же, что и высокая Порта, тайный совет султана, состоящий под председательством великого визиря, из Шейх-уль-Ислама, министров и председателя государственного совета. Диванами стали называть и другие собрания сановников или чиновников по административным и судебным делам. См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. Том ХА (20). С. 570.

² «От начала» – лат. – прим. авт.

³ Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022).

о наличии в Конституции Турецкой Республики Северного Кипра признаков «принципа взаимодействия», который мы и предлагаем формализовать в рамках данной работы.

В конституционно-правовой науке, как отмечает профессор М.В. Мархгейм, «конституционный принцип взаимодействия может не только напрямую закрепляться и формулироваться, но и выводиться из смысла конституционного текста. Более того, применительно к конкретным органам власти само взаимодействие предполагает опору на определенные принципы, которые не должны нарушаться субъектами такого рода публичных взаимоотношений» [Мархгейм, 2018, с. 50].

Статья 146 Конституции также предусматривает возможность признания неконституционными законов Конституционным Судом: «Президент Республики может в любое время до обнародования любого закона или любого конкретного его положения или любого решения Совета Республики направить его в Конституционный суд для получения заключения о том, противоречит ли такой закон или его положение или решение положениям Конституции»¹. То есть в данном случае мы можем формализовать принцип запросной оценки конституционности законов.

Конституцией Северного Кипра в статье 147 предусматривается возможность обращения с так называемым «иском об аннулировании» в Конституционный Суд в отношении закона, приказа или правила в течение 90 дней со дня опубликования акта в официальном вестнике. Таким правом обладают Президент Республики, политические партии, представленные в Совете Республики, политические группы и не менее девяти депутатов или иные объединения, учреждения или профсоюзы по вопросам их ведения.

В структуре судебной власти, согласно Конституции Северного Кипра, упоминаются также следующие звенья судебной системы:

- нижестоящие суды и специализированные суды, предусмотренные законом, без их конкретизации (статья 155 Главы 8);
- военная судебная власть, включающая военные суды и дисциплинарные суды (в том числе военный апелляционный суд) (статьи 155, 157 Главы 8).

В частности, статья 157 о военных апелляционных судах прямо указывает на соответствующие судебные принципы: «Учреждение, функции, порядок рассмотрения дел, дисциплинарные и кадровые вопросы его членов регулируются законом в соответствии с принципами независимости судов, гарантиями несменяемости судей и требованиями службы в Вооруженных силах»².

Наличие деления на нижестоящие и вышестоящие судебные инстанции, в том числе наличие апелляционных судов, говорит о возможности формализации принципа обжалования процессуальных действий и решений.

Заключение

Анализ положений Конституции непризнанного государства Турецкой Республики Северного Кипра позволяет формализовать следующие принципы судебной власти, которые с учетом предложенного нами ранее подхода [Тресков, 2022. с. 17] категоризируем следующим образом:

- категория принципов функционально-целевой устойчивости: принцип взаимодействия; принцип законности; принцип справедливости судебного разбирательства;
- категория принципов институционально-кадровой эффективности: принцип недопустимости создания чрезвычайных судов; принцип осуществления правосудия только

¹ Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022).

² Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf> (дата обращения 03.07.2022)

судом; принцип независимости судей; принцип несменяемости судей; принцип беспристрастности суда;

– категория принципов процессуально-адаптивной обеспеченности: принцип открытости судебных заседаний; принцип публичности судебного разбирательства; принцип разумного срока судопроизводства; принцип гласности судебных решений;

– категория принципов субъектно-статусной конфиденции: принцип рассмотрения дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом; принцип использования родного языка; принцип обжалования процессуальных действий и решений; принцип доступности правосудия;

– категория принципов конституционно-судебного происхождения: принцип запросной оценки конституционности законов; принцип мотивированности судебного решения; принцип справедливости судебного разбирательства; принцип взаимности исполнения судебных решений.

Список источников

- Конституция Турецкой Республики Северного Кипра. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti Anayasası; <http://khk.kamunet.net/docs/Anayasa.pdf>. (дата обращения 03.07.2022)
- Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 1996 г. (жалоба № 15318/89) Лоизиду против Турции (Loizidou v. Turkey https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Loizidou_v_Turkey_18_12_1996.pdf). (дата обращения 03.07.2022)
- Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. Том ХА (20).
- Turkish Republic of Northern Cyprus State Planning Organization. Statistical Yearbook 2015. January 2017.

Список литературы

- Антонова И.А. 2014. Этноисторические, международно-правовые и внешние факторы провозглашения независимости республики Косово и Турецкой Республики Северного Кипра: общее и особенное. Клио, 5(89): 126–132.
- Касулидис И. 2001. Кипр на перекрестке трех континентов. Международная жизнь, 11: 59–64.
- Ковлер А.И. 2019. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: монография. М., ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 304 с.
- Мархгейм М.В. 2018. Взаимодействие как конституционный принцип. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 1(92): 50–53.
- Мархгейм М.В. 2018. Конституционные принципы как интегральный фактор современного российского общества и государства. В кн.: Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». Белгород: 49–51.
- Тресков А.П. 2022. Конституционно-правовая теория принципов судебной власти России: диссертация ... доктора юридических наук. Белгород, 423 с.
- Тресков А.П. 2019. Принципы судебной власти в правозащитных сопряжениях: опыт конституций стран Восточной Европы. Пробелы в российском законодательстве, 2: 32–34.
- Тресков А.П. 2018. Принципы судебной власти. Опыт нестандартной конституционной легализации в странах СНГ. Закон и право, 10: 56–60.
- Güryay E. 2011. The Economy of the Turkish Republic of Northern Cyprus / Isolated Part of Cyprus. Ed. by S. Tkachenko & M. Özsağlam. St.-Petersburg.

References

- Antonova I.A. 2014. Etnoistoricheskie, mezhdunarodno-pravovye i vneshnie faktory provozglasheniya nezavisimosti respubliki Kosovo i Tureckoj Respubliki Severnogo Kipra: obshchee i osobennoe [Ethnohistorical, foreign-law, and external factors of declaration of independency of the republic

- of kosovo and turkish republic of northern cyprus: general and specific factors]. *Klio*, 5 (89): 126–132.
- Kasulidis I. 2001. Kipr na perekrestke trekh kontinentov [Cyprus is at the crossroads of three continents]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 11: 59–64.
- Kovler A.I. 2019. Evropejskaya konvenciya v mezhdunarodnoj sisteme zashchity prav cheloveka [The European Convention in the international system of human rights protection]: monografiya. M., Publ. IZiSP, Norma, INFRA-M, 304 p.
- Marhgejm M.V. 2018. Vzaimodejstvie kak konstitucionnyj princip [Interaction as a constitutional principle. Science and Education]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 1(92): 50–53.
- Marhgejm M.V. 2018. Konstitucionnye principy kak integral'nyj faktor sovremennogo rossijskogo obshchestva i gosudarstva [Constitutional principles as an integral factor of modern Russian society and state]. In: Jurisprudence as an integrative phenomenon of modern Russian society and state. Materials of the International scientific and Practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Law Institute of the National Research University "BelSU". Belgorod: 49–51.
- Treskov A.P. 2022. Konstitucionno-pravovaya teoriya principov sudebnoj vlasti Rossii: dissertaciya... doktora yuridicheskikh nauk [Constitutional and legal theory of the principles of judicial power in Russia: dissertation ... Doctor of Law]. Belgorod, 423 p.
- Treskov A.P. 2019. Principy sudebnoj vlasti v pravozashchitnyh sopryazheniyah: opyt konstitucij stran Vostochnoj Evropy [Principles of judicial power in human rights relations: the experience of Constitutions of Eastern European countries]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 2: 32–34.
- Treskov A.P. 2018. Principy sudebnoj vlasti. Opyt nestandartnoj konstitucionnoj legalizacii v stranah SNG [Principles of judicial power. the experience of non-standard constitutional legalization in the CIS countries]. *Zakon i pravo*, 10: 56–60.
- Güray E. 2011. The Economy of the Turkish Republic of Northern Cyprus. Isolated Part of Cyprus. Ed. by S. Tkachenko & M. Özsağlam. St.-Petersburg.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.09.2021

Поступила после рецензирования 18.12.2021

Принята к публикации 09.02.2022

Received September 18, 2021

Revised December 18, 2021

Accepted February 9, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тресков Алексей Павлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения; федеральный судья в отставке, г. Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey P. Treskov, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov State University of Railway Transport, Retired Federal Judge, Rostov-on-Don, Russia

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 316.477

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-570-583

Социологический потенциал теоретической модели обращения в православие святителя Феофана (Говорова)

Уфимцева Е.И.

Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, 120, корпус 7.
E-mail: ufim75@mail.ru

Аннотация. На современном этапе активизации религиозной жизни в её индивидуальных и социальных проявлениях особую значимость представляет изучение проблемы религиозного обращения. Несмотря на наличие публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют исследования отечественного наследия в области социологического изучения процесса обращения россиян в православие. Цель данного исследования – выявить и описать социологический потенциал концептуальной модели обращения в православие Феофана (Говорова). В результате были выявлены и описаны её содержательные и структурные компоненты: смысловые значения понятия «обращения», основные требования к условиям обращения, структурные элементы процесса обращения, типологические особенности, социальные факторы и результаты обращения. Были выявлены некоторые противоречия рассматриваемой концептуальной модели обращения и предложена её эмпирическая верификация в рамках социологических исследований обращения в православие современных россиян. Автором впервые предложена социологическая концептуализация воззрений Феофана (Говорова) на основные параметры процесса обращения в православие.

Ключевые слова: обращение в православие, социология конверсии, религиозная конверсия, формирование православной идентичности, религиозная социализация

Для цитирования: Уфимцева Е.И. 2021. Социологический потенциал теоретической модели обращения в православие святителя Феофана (Говорова). НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 47(3): 570–583. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-570-583

The Sociological Potential of the Theoretical Model of Conversion to Orthodoxy of St. Theophan (Govorov)

Ekaterina I. Ufimceva

Saratov State University,

Bild, VII, 120 Bolshaya Kazachia St, Saratov 410012, Russia

E-mail: ufim75@mail.ru

Abstract. At the present stage of the activation of religious life in its individual and social manifestations, the study of the problem of religious conversion is of particular importance. Despite the availability of publications on this issue, there are practically no studies of the national heritage in the field of sociological study of the process of conversion of Russians to Orthodoxy. The purpose of this theoretical

study is to identify and describe the sociological potential of the conceptual model of conversion to Orthodoxy by Theophan (Govorov). The work for the first time offers a sociological conceptualization of the views of Feofan (Govorov) on the main parameters of the process of conversion to Orthodoxy: the sociological meanings and meanings of the conversion process developed by the thinker are described; a meaningful characteristic of the social structure of conversion allocated by him is presented; the social practices, social factors and social features of conversion described by him are classified in the context of socialization and resocialization models of conversion. Some contradictions of the considered conceptual model of conversion are also revealed, its theoretical and methodological possibilities in application to sociological research are indicated, and its empirical verification within the framework of sociological studies of conversion to Orthodoxy of modern Russians is also proposed.

Keywords: sociology of conversion, religious conversion, formation of Orthodox identity, religious socialization

For citation: Ufimceva E.I. 2021. The Sociological Potential of the Theoretical Model of Conversion to Orthodoxy of St. Theophan (Govorov). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 570–583 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-570-583

Введение

Проблема религиозного обращения определяется современным научным сообществом как одна из актуальных и значимых проблем религиозной сферы. За рубежом устойчивый интерес к этому феномену обусловлен противоречивыми макросоциальными процессами нарастающей секуляризации и дехристианизации европейской ментальности, с одной стороны, и усилением социальной активности новых религиозных движений, расширением исламского присутствия в европейских странах, с другой стороны. Европейских и американских исследователей феномен обращения интересует преимущественно в аспекте перехода из одной религиозной организации в другую, смены религиозной принадлежности. Научный интерес к феномену обращения со стороны российских исследователей обусловлен процессом масштабной ревитализации религии в России 1980–1990 гг. В поле внимания российских учёных не только обращение в нетрадиционные религиозные организации, но и возрождение религиозной активности представителей традиционных для российского исторического контекста религий – православия, ислама и буддизма. Как после семидесятилетнего советского периода целенаправленной секуляризации населения и на фоне современных европейских секуляризационных процессов происходит процесс обращения россиян к религии, как они становятся членами религиозных организаций, сообществ и групп, какими мотивами они руководствуются при выборе религиозной принадлежности, какие факторы определяют их религиозный выбор – эти и другие вопросы волнуют современных российских исследователей религиозного обращения.

Одним из объектов научного интереса российских социологов является обращение современных россиян в православие, в Русскую Православную Церковь. Русская Православная Церковь по-прежнему является самой большой религиозной организацией в России. Однако, несмотря на то, что православные верующие составляют религиозное большинство современного российского общества, исследований, посвящённых изучению обращения россиян в православие крайне мало. Особенно остро, с нашей точки зрения, стоит вопрос о недостаточной разработанности в российском научном дискурсе имеющегося отечественного теоретического наследия в области изучения феномена обращения в православие.

На современном этапе изучение религиозного обращения в России носит междисциплинарный характер. Философское и философско-историческое осмысление содержательных и структурных аспектов обращения находит свое воплощение в работах К.М. Ан-

тонова [2003]. Психологическое направление исследований представлено работами Л.А. Ардашевой [2013], И.С. Булановой [2013], Т.А. Фолиевой [2015]. Наиболее активно проблема обращения исследуется в социологическом аспекте. Теоретическое осмысление сигнификационных границ самого понятия обращения и его научных эквивалентов можно найти в работах А.А. Бурнашёвой [2016], А.А. Игнатьева [2017], М.Ю. Смирнова [2011]. Описание методологических подходов к изучению обращения встречается в работах Г.В. Еремичевой [2005], Л.П. Ипатовой [2006], В.Б. Исаевой [2014], А.И. Любимовой [2009], С.В. Рязановой [2018], С.В. Трофимова [2014]. Структура обращения, этапы, стадии этого процесса рассматриваются в работах Л.П. Ипатовой, А.И. Любимовой, Г.А. Сабировой [2004], О.В. Тупахиной [2014]. Характеристика мотивов обращения представлена в исследованиях Г.В. Еремичевой, Т.В. Дорофеевой [2017], Я.Б. Моравицкого [2005], В.Б. Исаевой, Л.П. Ипатовой. Факторы обращения находятся в фокусе исследовательского внимания А.С. Астаховой [2011], Г.А. Сабировой, С. В. Рязановой, А.И. Любимовой, Я.Б. Моравицкого, Л.П. Ипатовой, В.Б. Исаевой, В.Б. Яшина [2019].

Большая часть современных российских социологических исследований процесса обращения осуществляется на эмпирическом материале обращения в новые религиозные движения: Свидетели Иеговы (Т.А. Фолиева), Международное общество сознания Кришны (А.С. Астахова, А.И. Любимова, Т.В. Дорофеева, Т.С. Пронина [2015]), Церковь Христа (А.С. Астахова, Г.В. Еремичева) и другие (О.И. Сгибнева [2017]). Изучению обращения в католицизм посвящено социологическое исследование Я.Б. Моравицкого. Предметом изучения в работах В.Б. Исаевой является обращение в буддизм. Г.А. Сабирова посвятила свои работы описанию современной практики обращения в ислам. Социологические исследования обращения в православие пока малочисленны и представлены работами Л.П. Ипатовой, С.В. Рязановой, О.В. Тупахиной. Диссертационное исследование Л.П. Ипатовой является первым и пока единственным в ряду российских диссертационных социологических исследований, посвящённых изучению процесса обращения в православии современных россиян.

Следует заметить, что теоретико-методологическим основанием социологического анализа феномена обращения в целом и изучения обращения в православии в частности является зарубежная теория конверсии (обращения), разрабатываемая в контексте позитивистской, интерпретативной и интегративной социологических парадигм [Уфимцева, 2020]. Подчеркнем тот факт, что зарубежная теория обращения разрабатывалась на эмпирическом материале, характеризующем обращение в различные протестантские деноминации и новые религиозные движения, что не могло не отразиться на её содержании. Вместе с тем в российском научном дискурсе XIX – первой половины XX вв. представлены работы по проблеме религиозного обращения, учитывающие православное содержание этого феномена. Значимые для социологического изучения процесса обращения в православии содержатся в трудах таких российских религиозных мыслителей XIX – начала XX в., как Иннокентий (Смирнов), Феофан (Говоров), М. А. Олесницкий, С. С. Глаголев, Г. И. Шиманский, Н.Н. Афанасьев. К сожалению, теоретико-методологический потенциал этих работ в аспекте социологического изучения феномена обращения в православии не изучен и не освящён.

В связи с вышесказанным нам представляется необходимым раскрыть в данной статье основное содержание теоретической концепции обращения в православии Феофана (Говорова) (религиозного мыслителя, православного богослова, епископа Русской Православной Церкви XIX века), в работах которого данный феномен разработан наиболее полно.

Содержание и структура обращения в православие

Описывая феномен обращения в православие, Феофан (Говорова) использует в своих работах термин «обращение», который трактуется как первая степень (стадия, этап) «нравственно-христианской жизни» в направлении формирования христианской идентичности. Главным критерием «христианской жизни», по мнению автора, является не формальная, но необходимая принадлежность к Православной Церкви и православная самоидентификация, а усердное желание поступать и жить в соответствии с христианскими заповедями [Святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский, 2005, с. 9–12]. «Христианская жизнь» человека проходит три стадии: «обращение», «очищение или самоисправление», «освящение». «Обращение» представляет собой начальную стадию «христианской жизни» человека, на которой человек свободно и сознательно совершает нравственно-религиозный выбор пребывать в «деятельном общении с Богом» (Иисусом Христом) и обретает «ревность о христианском богоугождении».

Таким образом, предложенное в рассматриваемой работе понятие обращения, включает следующие содержательные моменты:

- как начальный этап формирования православной идентичности;
- как социальное действие, то есть последовательность добровольных осознанных целенаправленных нравственно-волевых актов личности, выражающих выбор личностью православного метонарратива как единственно возможного и желаемого для себя;
- как процесс интериоризации алгоритма солидаризации личности с духовно-нравственным опытом (практикой) Богообщения в Православной Церкви.

Описывая процесс обращения, Феофан (Говоров) предлагает выделять в его структуре несколько обязательных элементов или последовательных нравственно-волевых актов личности (этапов, стадий процесса обращения): 1) поиск или желание поиска со стороны человека веры, истины, Бога, Божественной благодати; 2) участие в таинствах крещения или покаяния; 3) принятие свободного и осознанного выбора жить в соответствии с христианскими духовно-нравственными требованиями; 4) проявление свободного и осознанного решения жить в соответствии с христианскими духовно-нравственными требованиями в повседневных практиках.

По утверждению Феофана (Говорова), обращение в православие начинается с поиска или желания со стороны человека «Божественной благодати». Однако этот поиск (желание) возникают не сами по себе, но под влиянием неких внешних и внутренних факторов, которые будут рассмотрены ниже. За этапом поиска Бога, по Феофану (Говорову), следует либо участие индивида в православном таинстве крещения, либо участие в православном таинстве покаяния (исповеди). Феофан (Говоров) указывает, что таинство крещения есть первое таинство, через которое человек прежде всего обретает членство в Церкви и имя христианина (в том числе личное христианское имя). Без участия в таинстве крещения невозможно наименоваться христианином. Участие в таинстве крещения обеспечивает также доступ к участию в других таинствах Православной Церкви. Однако помимо внешних, формальных возможностей, которые предоставляет участие в таинстве крещения, оно ещё имеет внутреннее, мистическое содержание и значение для духовного состояния личности. Таинство покаяния, как указывает Феофан (Говоров), имеет двоякое значение. Для тех, кто сохранил благодать крещения, оно «возочищает и возогревает» действующую в них благодать. Для тех, кто отпал от веры и Церкви своей безнравственной жизнью на более или менее значительный срок, а затем вновь обратился к Богу, в таинстве покаяния благодать подаётся заново. За участием в таинствах крещения и покаяния, по Феофану (Говорову), в качестве обязательного этапа обращения должно последовать свободное и сознательное решение человека жить в соответствии с христианскими ценностями и нормами. Только при наличии сознательного и добровольного решения человека жить по-христиански, подчёркивает Феофан (Говоров), возможно духовно-нравственное становле-

ние христианина вообще. Если человек был крещён в младенческом возрасте и участвовал в таинствах исповеди и причастия по послушанию родителям, то, достигнув сознательного возраста, он должен совершить внутренний акт свободного волеизъявления строить свою жизнь в соответствии с христианским вероучением. Феофан (Говоров) отмечает, что формальная принадлежность к Церкви, членство в религиозной общине, христианская самоидентификация, по мнению мыслителя, не являются основополагающими признаками обращения православного христианина. Таковыми признаками являются внутренняя решимость жить по-христиански и её фактические проявления. Таким образом, по мнению мыслителя, базовыми условиями обращения в православие являются: добровольное осознанное желание личности строить своё поведение и образ жизни в соответствии с христианскими заповедями и добровольное осознанное участие в обрядовой (литурической) жизни Православной Церкви. За принятием сознательного решения жить по-христиански и осознания себя христианином, как указывает Феофан (Говоров), индивидом обретается «ревность по христианской жизни».

Нам представляется принципиально важным, что в качестве обязательных структурных компонентов обращения Феофан (Говоров) включает два православных таинства – крещение и покаяние (исповедь). Тем самым подмечается, во-первых, что без участия в этих таинствах обращение в православие состояться не может. Во-вторых, указывается, что обращение в православие может начаться в любом возрасте: как в младенческом, так и во взрослом, в зависимости от того, когда индивид участвовал в таинстве крещения. Соответственно, в ареал случаев обращения в православие будут входить как случаи обращения в младенческом возрасте, так и случаи обращения в более и менее взрослом возрасте, включающие участие индивида в православном таинстве крещения. В-третьих, указание на то, что обязательным структурным элементом обращения в православие является участие индивида в таинстве покаяния позволяет включить в область случаев обращения не только те случаи, когда свободному желанию индивида жить в соответствии с христианскими духовно-нравственными требованиями послужило таинство крещения, но и случаи, когда этим стимулом стало участие в таинстве покаяния. Указанные Феофаном (Говоровым) условия обращения в православие, с нашей точки зрения, можно рассматривать как критерии обращения в православие и как возможные критерии отбора респондентов для социологического исследования современной российской практики обращения в православие.

Феофан (Говоров) отмечает, что, несмотря на безусловность указанных им четырёх этапов обращения в православие, выявленная им структура будет иметь свои особенности в зависимости от формы обращения: обращение с детства через таинство крещения, обращение в зрелом возрасте через таинство крещения, обращение в зрелом возрасте через таинство покаяния. В связи с этим Феофан (Говоров) предлагает различать две разновидности обращения: обращение через участие в религиозном обряде крещения (назовем его социализационной моделью обращения) и обращение через участие в религиозном обряде покаяния (обозначим его как ресоциализационную модель).

Социализационная модель обращения в православие

Социализационная модель описывает опыт обращения тех людей, кто стал православным христианином, приняв таинство крещения в Русской Православной Церкви в младенческом или детском возрасте. В рамках этой модели обращение строится и развивается как процесс социализации в православной культуре, то есть как процесс усвоения и опривычивания православных религиозно-нравственных убеждений, норм поведения, образа жизни.

Так мы видим, что в социализационной модели обращения первостепенное значение принадлежит социальным институтам (семье, образовательным учреждениям) и социаль-

ным агентам (родителям, восприимникам, учителям, наставникам) религиозно-нравственной социализации. На первых этапах обращения и до достижения ребёнком сознательного возраста родители, воспитатели, учителя берут на себя функции мотивации, управления и контроля религиозно-нравственной жизнью ребёнка. Правильно построенное с детства воспитание – основное условие последующего в сознательном возрасте добровольного выбора человеком христианского образа жизни: «Воспитание из всех святых дел самое святое» [Святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский, 2005, 97]. Автор указывает на первостепенную значимость правильного христианского воспитания со стороны родителей: «Домашнее воспитание есть корень и основание всему последующему» [Святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский, 2005, с. 96]. Он формулирует базовые принципы, по которым должно строиться православное воспитание крещёного ребёнка в семье, в том числе с целью успешного завершения его обращения. Идейную основу домашнего православного воспитания должно составлять «богоугождение и спасение души». Именно эта идея должна ставиться во главу угла всех усилий со стороны родителей и воспитателей. В качестве главных инструментов домашнего православного воспитания называются: участие ребёнка в обрядовой (литуургической) жизни Церкви и, прежде всего, в таинстве причащения, его участие во всех иных формах церковной жизни (бытовой, общинной, социальной и других), а также личный пример религиозно-нравственной жизни родителей. Именно обретение «церковности» должно стать основным вектором семейного воспитания крещённого в православии ребёнка: «Церковь, церковность и Святые Тайны – как скиния для детей, под кою они должны быть неисходно» [Святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский, 2005, с. 40]. Автор обращает внимание, что христианское воспитание должно строиться родителями внимательно, старательно, последовательно, вестись непрерывно, учитывать индивидуальные особенности воспитуемого. В качестве второго важнейшего элемента системы православного религиозно-нравственного воспитания крещённого в православии ребёнка, необходимого для успешного им завершения процесса обращения, отмечается воспитание в образовательных учреждениях, построенное в соответствии с христианскими ценностями и идеалами. Противоречащее христианским ценностям и идеалам воспитание в образовательных учреждениях, как утверждает автор, может разрушить плоды христианского воспитания в семье. Третьим условием правильного воспитания в православной вере крещёного младенца является организация должным образом государственной системы воспитания учителей, преподавателей, духовных наставников. Оно должно быть построено таким образом, чтобы воспитатели, сами пройдя все стадии «нравственно-христианской жизни», впоследствии могли соответствующим образом направлять воспитуемых. Как указывает автор, «это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых» [Святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский, 2005, с. 97].

Таким образом, согласно мнению святителя Феофана (Говорова), поведение и деятельность родителей, воспитателей, преподавателей, духовных наставников по мотивации, управлению и контролю за религиозно-нравственной жизнью ребёнка должны строиться в соответствии с христианскими ценностями и идеалами, находиться друг с другом в отношениях соответствия, дополняемости и взаимного обогащения. На последующих этапах обращения («сознательный выбор» и «проявление решения жить по-христиански») инициатива в этом процессе переходит в функции повзрослевшей личности, и уже от её нравственно-религиозного выбора и поступков будет зависеть успешность (завершённость) или неуспешность (незавершённость) процесса обращения.

Ресоциализационная модель обращения в православие

Ресоциализационная модель обращения в православие (обращение в православие через покаяние), предложенная автором, описывает опыт обращения пяти категорий людей:

– тех, кто в зрелом возрасте добровольно и осознано признал единственность и истинность православного вероучения, принял православное крещение с целью стать полноправным членом Церкви, отрицая до этого момента возможность существования Бога, то есть, имея атеистическое мировоззрение;

– тех, кто в зрелом возрасте добровольно и осознано признал единственность и истинность православного вероучения, принял православное крещение с целью стать полноправным членом Церкви, имея до этого момента иное религиозное мировоззрение;

– тех, кто был крещён в православии с детства, не получил достаточного православного религиозно-нравственного воспитания в семье и (или) образовательных учреждениях, в определённый период жизни утратил веру в истинность православного вероучения или принял иное вероучение, но впоследствии через таинство покаяния признал единственность и истинность православного вероучения, вернулся к нравственно-христианскому образу жизни в Церкви;

– тех, кто был крещён в православии с детства, не получил достаточного православного религиозно-нравственного воспитания в семье и (или) образовательных учреждениях, только отчасти сохранил в той или иной степени полноты и целостности убеждение в истинности православного вероучения, по тем или иным причинам не стал придерживаться в своём поведении и образе жизни нравственных православных ценностей, идеалов и норм поведения, но впоследствии через таинство покаяния вернулся к нравственно-христианскому образу жизни в Церкви;

– тех, кто был крещён в православии с детства, получил достаточное православное религиозно-нравственное воспитание в семье и (или) образовательных учреждениях, сохранил приверженность христианским убеждениям и нравственным ценностям, идеалам и в определённый период жизни выбрал образ жизни христианских подвижников.

Указанные мыслителем категории обращённых во взрослом возрасте представляют собой очередной ориентир в вопросе формирования выборки для эмпирических исследований современной практики обращения в православие, и, что важно, расширить типологию обращённых.

В соответствии со спецификой указанных Феофаном (Говоровым) категорий обращённых в православие можно констатировать, что в рамках модели обращения в православие через покаяние процесс обращения строится и развивается как процесс православной горизонтальной (от атеизма к православию, от иного религиозного мировоззрения к православию) или вертикальной ресоциализации (от «нравственной развращённости» к христианской нравственности, от умеренной православной религиозности к «подвижнической» православной религиозности), то есть как процесс трансформации или реконструкции опривыченных в процессе социализации религиозно-нравственных убеждений, норм поведения, образа жизни.

Процесс обращения в православие во всех указанных случаях – это обращение взрослого человека, который прошёл все этапы социализации, усвоил те или иные социокультурные ценности, идеалы, нормы поведения, обрёл в обществе определённый социальный статус. В процессе обращения личности всё содержание её социальной идентичности, весь её социальный капитал будет самой личностью инвентаризирован и значительно трансформирован и реконструирован.

В структуре обращения православного христианина через покаяние святитель Феофан (Говоров) дополнительно выделяет такие духовно-нравственные акты личности, как: 1) «возбуждение от греховного сна» («духовное пробуждение»); 2) «восход до решимости оставить грех и посвятить себя богоугождению»; 3) «облечение силою свыше в Таинствах покаяния и Причащения».

Началом обращения в православие через покаяние автор полагает появление в сознании личности духовного импульса к религиозно-нравственному самоизменению – «духовного пробуждения». По его мнению, источником этого импульса на практике

выступаюць або пережыванне асобнасцю містычнага вопыта (чэрэз «чрэзвычайныя дзействы Божэсцвеннай благодаті»), або настойчыво ўзнікаючая ў сазнанні асобы мысль аб неабходнасці рэлігійна-нравсцвеннага самоізмнення (чэрэз «обыкноўнены парадак ўздзеяння Божэсцвеннай благодаті» [Святіцель Феофан (Говорав), Затворнік Вышенскі, 2005, с. 123–124].

Рассуджаючы аб выпадках пачатку абрашчэння ў праваслаўе («духавнога пробуджэння») пасредствам пережывання містычнага вопыта, аўтар ажыццяўляе класіфікацыю такіх выпадкаў:

– выпадкі відавочнага прысутства Іісуса Хрыста ў бодрсцвенным стане ці ў сне; відавочнага яўлення Прэсвятой Богародіцы, аўгелав, святых ў бодрсцвенным стане ці ў сне; відавочных абразаў раі, адовых мук, відэнне пасмертнай ўчасты душы; дзействаў невідзімой свэрхэсцвеннага сілы (савершэнне чуда); дзействаў невідзімой свэрхэсцвеннага сілы ў моцях, іконах, вешах святых і т.д.;

– выпадкі пережывання асобнасцю сацыяльна-псіхалагічнага дэпрывацыі; постигшай болезні; ўтраты знешняга прывлекатэльнасці; палеры аўтарытэтнага сацыяльнага статусу, сацыяльнага бесчэсця; палеры фінансавога благополучія; ўтраты сваіх інтэлектуальных прэімушчстваў; разрушэння значімых сацыяльных сувязей, палеры і смерці блізкіх людзей; палеры жыцэннага камфорта; неперадолімых трудных жыцэнных абстаўтэстваў;

– выпадкі псіхалагічнага абесцэнівання значімысці повседнеўнасці («суэтнага міра») чэрэз созерцаанне красоты прыроды ці красоты царкоўнага культуры (царкоўнага музыкі, царкоўнага архітэктурнага, палесцення храма);

– выпадкі знаамаства с прымерам хрысціанскага паведэння і хрысціанскага абраза жыцця, адлічымі ад паведэння і жыцця, прынятымі ў ааществе, с прымерамі людзей, глыбока веруіащих і жывуіащих духавнога жыццём;

– выпадкі знаамаства с прымерамі трагічнага жыцця і судыбы людзей, выбравшых ў якасцтве ценностных оріентацій матэрыяльныя ценнасці – ўласть, багатства, славу, удавольствія;

– выпадкі неудавольстворэннасці і разачаравання лічымі дасціжэннямі і ўспехамі, аснову котрых саставлялі матэрыяльныя ценнасці і ідеалы – ўласть, багатства, слава, удавольствіе;

– выпадкі містычнага пережывання ўпліяння «сатаны» і «бесав» [Святіцель Феофан (Говорав), Затворнік Вышенскі, 2005, с. 128–146].

Глыным інструментам «духавнога пробуджэння» асобы ў ўспавях ўзнікаючай ў ёй сазнанні мыслі аб неабходнасці рэлігійна-нравсцвеннага самоізмнення яўляецца не пережыванне таго ці інага містычнага вопыта, а практыкі рэлігійна-нравсцвеннага самовоспітання і самоперевоспітання: «Сам войдзі ў сяба, і сам сяба лмай, поражаі, вразумляі; сам с сабою веді дало перад ліцам Бога; сам сяба ўговарывая і ўбеджаі» [Святіцель Феофан (Говорав), Затворнік Вышенскі, 2005, с. 182]. Эті практыкі рэлігійна-нравсцвеннага самовоспітання і самоперевоспітання аўтар падраздэляе на чатыры групы, котрыя, с нашай тааці зрэння, мажа назваць: «практыкі теласнага аскетыкі», «практыкі духавнога сасредоточенія», «практыкі духавнога рассуджэння», «практыкі царкоўнага благочэсця» [Святіцель Феофан (Говорав), Затворнік Вышенскі, 2005, с. 164–190].

Первая група практык – «практыкі теласнага аскетыкі» – должны быць наравлены на ізмненне фізічнага самачувствія праваслаўнага хрысціаніна, пасредствам дасціжэння неааорой аскетычнасці ў удавольстворэнні сваіх теласных палребнасцей: сакрашчэння ўрэмні сна, ўмэншэння меры обычнага прыёма піцці, ўвэлічэння фізічнага наўрузкі. Данныя практыкі неабходныя, па замечанію аўтара, тама, что оны чэрэз ўспавленне строгасці ў удавольстворэнні теласных палребнасцей палвозяют «духу възобладатъ над плотью».

Вторая группа практык – «практыкі духавнога сасредоточенія» – должна быць наравлена на абретенне праваслаўным хрысціаніна «духавнога сасредоточеннасці».

Она должна включать необходимые меры по преодолению «многозаботливости» – минимизации участия в повседневных видах деятельности как на уровне сознания, так и на уровне поведения с целью сосредоточить сознание на себе, на своём душевном состоянии.

Третья группа практик религиозно-нравственного воспитания и самовоспитания – «практики духовного рассуждения» – по святителю Феофану (Говорову), должны помочь личности, с одной стороны, избавиться от представлений и чувств, мешающих обращению человека к Богу, а с другой стороны, обрести представления и чувства, способствующие обращению человека к Богу. Можно сказать, что, имея психо-коррекционное содержание, данные практики представляют собой психотерапевтическую методику религиозно-нравственной самотрансформации.

«Практики церковного благочестия» включают: 1) молитву, 2) посещения храма, участие в богослужении; 3) чтение духовной литературы (православного содержания); 4) собеседование с людьми, являющимися пример истиной православной веры и благочестия; 5) дела милосердия.

Второй акт обращения через покаяния – «восход до обета посвятить себя к Богу» – это компонент (этап) обращения, который, как указывает автор, в силу его эмоциональной болезненности проходят не все обращаемые, оставив процесс обращения незавершённым. Этот акт включает духовные практики «движения к себе» (обретение решимости отказаться от сложившегося образа жизни) и практики «движения от себя к Богу»: а) «сознание своих грехов», б) «раскаяние в них», в) «обещание Богу больше не грешить». Посредством указанных практик обращаемый осуществляет религиозно-нравственную инвентаризацию собственной идентичности, в результате чего он обнаруживает множество несправедливости, нечестности, безнравственных поступков, дел, желаний, чувств, душевных расположений в своей прошедшей жизни. Осознав степень собственной нравственной порочности, обращаемый переживает внутреннее самообличение и самоосуждение, ощущая весь комплекс соответствующих чувств стыда, досады, боли и ужаса. За этими переживаниями следует фаза раскаяния и желания измениться.

С мыслями и чувствами раскаяния и желания измениться обращаемый вступает в предпоследний этап обращения через покаяние – этап участия в таинствах покаяния и причащения, на котором он публично (перед Богом и людьми) признаёт собственную религиозно-нравственную неисправность, даёт обещание исправиться и возвращается в Церковь. Как утверждает автор, для того, чтобы акт обращения был завершён, человек должен не только мысленно и в чувствах захотеть посвятить свою жизнь Богу, но в обязательном порядке приступить к таинству покаяния, а затем и к таинству причащения. Через участие в этих таинствах он восстанавливает своих реальное духовное членство в Церкви. Затем следует финальная стадия обращения через покаяние – обретение «ревности по Богу».

Таким образом, в ресоциализационной модели обращения в православие первостепенная значимость принадлежит самой личности, а также практикам религиозно-нравственного самовоспитания и самоперевоспитания. Рассматривая факторы обращения, автор указывает, что для успешного обращения людей в зрелом возрасте особую значимость приобретает характер христианской проповеди, а также религиозность и нравственность самого проповедника. Общим фактором успешности обращения как для обращаемых с детства, так и для обращаемых в зрелом возрасте является сохранение священноначалием из поколения в поколение в должном, неповреждённом состоянии духовных ресурсов Православной Церкви: церковных таинств, богослужения, церковного чина, церковного пения, церковной проповеди, духовной литературы, иконописи, живописи на духовные темы, церковного быта и практик церковного общения. При этом, как считает автор, социализационная модель обращения (обращение в православие через таинство крещения) обладает рядом преимуществ, главным из которых является религиозно-нравственная устойчивость обращённой личности на протяжении всего периода «христианской жизни». Вместе с тем наиболее распространённой для российского общества

XIX в. – общества с преобладающей в составе категории людей православного вероисповедования – являлась ресоциализационная модель обращения.

Заметим, что данное святителем Феофаном (Говоровым) описание последовательности религиозно-нравственных актов личности как процесса обращения в православие через покаяние, безусловно, может быть применимо в отношении только двух из пяти категорий людей, отнесённых святителем к данной модели обращения: тех, кто был крещён в православии с детства, в определённый период жизни утратил православную веру или не стал придерживаться в своём поведении и образе жизни нравственных православных ценностей, идеалов и норм поведения, но впоследствии через таинство покаяния признал единственность и истинность православного вероучения, вернулся к нравственно-христианскому образу жизни в Церкви. Очевидно, что в отношении трёх других категорий обращающихся через покаяние – пришедших в православие из атеистического или иного вероучительного мировоззрения, а также решивших посвятить свою жизнь православному подвижничеству образу жизни, – рассмотренная выше последовательность религиозно-нравственных актов личности будет иметь свои характерологические особенности. Данные особенности автором не указываются, что может послужить основанием для дальнейшего исследовательского поиска. Более того, с нашей точки зрения, и другие, представленные святителем Феофаном (Говоровым) в его концепции случаи и модели обращения, могут быть эмпирически верифицированы в рамках социологических исследований обращения в православие современных россиян.

Заключение

Итак, осуществлённый нами анализ концептуальной модели обращения в православия, разработанной Феофаном (Говоровым), с целью выявления её теоретико-методологического потенциала для социологического изучения современной практики обращения в православие позволил установить следующее:

1. Интерпретация мыслителем обращения как социального действия значительно расширяет рамки понимания этого феномена, так как, во-первых, позволяет рассматривать этот процесс не просто как комплекс социально-психологических и духовно-нравственных изменений личности, детерминированный теми или другими факторами, но как комплекс последовательных волевых актов личности, превращающий обращённого из объекта обращения в субъекта обращения. Во-вторых, чрезвычайно важным, с нашей точки зрения, аспектом значения обращения как социального действия является безусловное принятие социальности этого феномена. В контексте безусловной социальности обращение в православие предстаёт не как субъективный процесс обретения православной религиозности, а как объективный процесс обретения человеком православной религии во всём институциональном её значении.

2. Понимание Феофаном (Говоровым) обращения в православие как социального действия проявляется в структуризации этого процесса: в качестве элементарного компонента обращения он выделяет последовательно реализуемые субъектом обращения социальные практики: практики поиска или желания Бога («практики телесной аскетики», «практики духовного сосредоточения», «практики духовного рассуждения», «практики церковного благочестия»); практики крещения и покаяния; практики принятия и осуществления свободного и сознательного решения человека жить в соответствии с христианскими ценностями и нормами; практики как социально-психологические последствия принятого решения.

3. На эффективность обращения (успешность), по Феофану (Говорову), влияют факторы обращения. Описанные мыслителем факторы обращения можно классифицировать как: социальные, психологические, мистические, социализационные (просветительские). Эти факторы могут найти свою верификацию в контексте эмпирических социоло-

гических исследований. Нам представляется особенно интересным выявить, характерны ли случаи «мистического» обращения для современной социальной практики.

4. Особенно важным в контексте социологического изучения обращения в православии нам представляется теоретическое положение Феофана (Говорова) о самостоятельной роли социализационных факторов обращения, среди которых он указывает как на микросоциальные факторы, так и на макросоциальные факторы. Не умоляя мистическое содержание процесса обращения, он не только отмечает безусловную значимость социального контекста в этом процессе, но и называет социальных субъектов, чья социальная активность в значительной степени предопределяет успешность обращения: православную семью, православные образовательные учреждения, государственную систему подготовки образовательных кадров и институт Русской Православной Церкви в целом.

5. Указанные Феофаном (Говоровым) условия обращения в православии (участие в православных таинствах крещения и покаяния; свободное и осознанное желание индивидуума жить в соответствии с христианскими духовно-нравственными требованиями), можно рассматривать как базовые критерии обращения в православии и как возможные критерии отбора респондентов для социологического исследования современной российской практики обращения в православии.

6. Выявленные и описанные Феофаном (Говоровым) категории обращаемых можно взять за основу формирования типологической выборки случаев обращения в православии современных россиян при проведении эмпирического исследования.

7. Социализационная и ресоциализационная модели обращения, охарактеризованные Феофаном (Говоровым), могут стать отдельным предметом сравнительного анализа в рамках социологического эмпирического исследования особенностей обращения в православии современных россиян.

Научная новизна нашей работы заключается в социологической концептуализации его воззрений на основные параметры процесса обращения в православии: в описании разработанных мыслителем социологических смыслов и значений процесса обращения; в разработке содержательной характеристики выделяемой им социальной структурой обращения; в классификации описанных им социальных практик, социальных факторов и социальных особенностей обращения в контексте социализационной и ресоциализационной моделей обращения; в указании теоретико-методологического потенциала концептуальной модели обращения в православии Феофана (Говорова) для эмпирического социологического изучения практики обращения в православии современных россиян.

Список источников

- Игнатъев А.А. 2017. Конверсия религиозная. В кн.: Энциклопедический словарь социологии религии. Под ред. М.Ю. Смирнова. СПб., Платновской философское общество, 136–138.
Святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский 2005. Путь ко спасению. М., «Дарь», 554 с.
Смирнов М.Ю. 2011. Социология религии: словарь. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, 412 с.

Список литературы

- Антонов К.М. 2003. Феномен религиозного обращения и его значение в истории русской мысли. В кн.: История мысли. Русская мыслительная традиция. М., Вузовская книга: 4–21.
Ардашева Л.А. 2013. Основные парадигмы в изучении религиозного обращения. Религиоведение, 2: 150–161.
Астахова А.С. 2011. Новые религиозные движения в трансформирующемся российском обществе: социальные процессы интеграции и изоляции: автореферат диссертация кандидата социологических наук 22.00.04. Казань, 26 с.
Буланова И.С. 2013. Смысловое содержание религиозной конверсии. Религиоведение, 4: 132–138.
Бурнашёва А.А. 2016. Современные отечественные исследования религиозного обращения. Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия», 3: 109–120.

- Дорофеева Т.В. 2007. Мотивы обращения в кришнаизм в условиях России. Гуманитарные и социальные науки, 2: 28–40.
- Еремичева Г.В. 2005. Религиозный поиск и новые религиозные организации (на примере Церкви Христа в Санкт-Петербурге). Журнал социологии и социальной антропологии, 3: 174–192.
- Ипатов Л.П. 2006. Типы религиозного обращения в православие женщин в современной России: диссертация кандидата социологических наук 22.00.06. М., 178 с.
- Исаева В.Б. 2014. Социальный механизм религиозной конверсии: на примере петербургской буддийской мирской общины Карма Кагью: диссертация кандидата социологических наук 22.00.06. СПб., 241 с.
- Любимова А.И. 2009. Теории религиозной конверсии и новые религиозные движения в России. Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 10(1): 70–74.
- Мораицкий Я.Б. 2005. Католическая община Петербурга: явление конверсии и трансформация властных отношений. Журнал социологии и социальной антропологии, VIII(4): 102–119.
- Пронина Т.С. 2015. Влияние процессов религиозного обращения и формирования преемственности на религиозную идентификацию последователей. Вестник ТГУ, 9(149): 211–219.
- Рязанова С.В. 2018. Выбор православия в условиях мировоззренческого плюрализма (Пермский край). Вестник ПСТГУ. Серия I «Богословие. Философия. Религиоведение», 76: 130–144.
- Сабирова Г.А. 2004. Как стать и остаться мусульманкой: опыт разных поколений. В кн.: Устная история и биография: женский взгляд. М., Невский Простор: 191–220.
- Сгибнева О.И. 2017. Религиозные конверсии в современной России. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. «Философия», 16(1): 80–85.
- Тупахина О.В. 2014. Особенности религиозной биографии современных православных христиан (на основе анализа нарративов). В кн.: Социологические аспекты трансформации российского общества: материалы региональной молодежной научной конференции. Санкт-Петербург, 20–21 июня 2013 г. СПб., Нестор-История: 85–97.
- Трофимов С.В. 2014. Индивидуализм и типы религиозных верующих в ранней теории Д. Эрвье-Леже. Вестник Московского университета. Серия 18 «Социология и политология», 4: 204–218.
- Уфимцева Е.И. 2020. Современные объяснительные модели религиозной конверсии: ограничения и эвристические возможности. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология», 20(4): 426–437. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-426-437/>
- Фолиева Т.А. 2015. Рациональный/интеллектуальный тип религиозного обращения. В кн.: Психология религии: между теорией и эмпирикой. М., Издательство ПСТГУ: 121–136.
- Яшин В.Б. 2019. Выбор веры в XXI веке: факторы религиозной конверсии жителей Омской области в оценках верующего населения и экспертного сообщества региона. Казанский социально-гуманитарный вестник, 1 (36): 65–70.

References

- Antonov K.M. 2003. Fenomen religioznogo obrashcheniya i ego znachenie v istorii russkoj mysli [The phenomenon of Religious Conversion and its significance in the History of Russian Thought]. In: Istoriya mysli. Russkaya myslitel'naya tradiciya. M., Publ. Vusovskaja kniga: 4–21. (in Russian)
- Ardasheva L.A. 2013. Osnovnye paradigmy v izuchenii religioznogo obrashcheniya. [The main paradigms in the study of religious conversion]. *Religious studies*, 2: 150–161.
- Astahova A.S. 2011. Novye religioznye dvizheniya v transformiruyushchemsya rossijskom obshchestve: social'nye processy integracii i izolyacii: avtoreferat disertacii kandidata sociologicheskikh nauk 22.00.04 [New Religious Movements in the Transforming Russian Society: Social processes of integration and isolation: abstract of the dissertation of the Candidate of biological Sciences 22.00.06]. Kazan, 26 p.
- Bulanova I.S. 2013. Smyslovoe sodержание religioznoj konversii. [The semantic content of religious conversion]. *Religious studies*, 4: 132–138.
- Burnashyova A.A. 2016. Sovremennye otechestvennye issledovaniya religioznogo obrashcheniya [Modern domestic studies of religious conversion]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 7 Philosophy*. 3: 109–120.

- Dorofeeva T.V. 2007. Motivy obrashcheniya v krishnaizm v usloviyah Rossii [Motives of conversion to Hare Krishna in the conditions of Russia] *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2: 28–40.
- Eremicheva G.V. 2005. Religioznyj poisk i novye religioznye organizacii (na primere Cerkvi Hrista v Sankt-Peterburge) [Religious search and new religious organizations (on the example of the Church of Christ in St. Petersburg)]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 3: 174–192.
- Ipatova L.P. 2006. Tipy religioznogo obrashcheniya v pravoslavie zhenshchin v sovremennoj Rossii: dissertaciya kandidata sociologicheskikh nauk 22.00.06 [Types of religious conversion of women to Orthodoxy in modern Russia: dissertation of the Candidate of sociological Sciences 22.00.06]. M., 178 p.
- Isaeva V.B. 2014. Social'nyj mekhanizm religioznoj konversii: na primere peterburgskoj buddijskoj mirskoj obshchiny Karma Kag'yu: dissertaciya kandidata sociologicheskikh nauk [The social mechanism of religious conversion: on the example of the St. Petersburg Buddhist lay community Karma Kagyu: dissertation of the Candidate of sociological Sciences 22.00.06]. St. Petersburg, 241 p.
- Lyubimova A.I. 2009. Teorii religioznoj konversii i novye religioznye dvizheniya v Rossii [Theories of religious conversion and new religious movements in Russia]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, 10(1): 70–74.
- Moravickij YA.B. 2005. Katolicheskaya obshchina Peterburga: yavlenie konversii i transformaciya vlastnyh otnoshenij [The Catholic Community of St. Petersburg: the phenomenon of conversion and transformation of power relations] *Journal of Sociology and Social Anthropology*, VIII(4): 102–119.
- Pronina T.S. 2015. Vliyanie processov religioznogo obrashcheniya i formirovaniya preemstvennosti na religioznyu identifikaciju posledovatelej [The influence of the processes of religious conversion and succession formation on the religious identification of followers]. *Vestnik TGU*, 9(149): 211–219.
- Ryazanova S.V. 2018. Vybor pravoslaviya v usloviyah mirovozzrencheskogo plyuralizma (Permskij kraj) [The choice of Orthodoxy in the conditions of ideological pluralism (Perm Krai)]. *Vestnik PSTGU. Series I Theology. Philosophy. Religious Studies*, 76: 130–144.
- Sabirova G. A. 2004. Kak stat' i ostat'sya musul'mankoj: opyt raznyh pokolenij. In the book. Ustnaya istoriya i biografiya: zhenskij vzglyad [How to become and remain a Muslim: the experience of different generations. In: Oral history and biography: a woman's view]. Editor and compiler E.YU. Meshcherkina. M., Publ. Nevskij Prostor: 191–220.
- Sgibneva O.I. 2017. Religioznye konversii v sovremennoj Rossii [Religious Conversions in Modern Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 7 Philosophy*, v.16, 1: 80–85.
- Tupahina O.V. 2014. Osobennosti religioznoj biografii sovremennyh pravoslavnyh hristian (na osnove analiza narrativov) [Features of the religious biography of modern Orthodox Christians (based on the analysis of narratives)]. In: Sociologicheskie aspekty transformacii rossijskogo obshchestva [Sociological aspects of the transformation of Russian society]: materials of the regional youth scientific conference. St. Petersburg, June 20–21, 2013. Editor K.S. Divisenko, O.V. Ozerova, P.I. Leshukova. SPb., Publ. Nestor-Istoriya: 85–97.
- Trofimov S.V. 2014. Individualizm i tipy religioznyh veruyushchih v rannej teorii D. Erv'e-Lezhe [Individualism and types of religious believers in the early theory of D. Hervier-Leger.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18 Sociology and Political Science*, 4: 204–218.
- Ufimceva E.I. 2020. Sovremennye ob'yasnitel'nye modeli religioznoj konversii: ogranicheniya i evristicheskie vozmozhnosti [Modern Explanatory Models of Religious Conversion: Limitations and Heuristic Possibilities.]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. New series. Series Sociology. Political Science*, 20(4): 426–437. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-426-437/>
- Folieva T.A. 2015. Racional'nyj/intellektual'nyj tip religioznogo obrashcheniya. In: Psihologiya religii: mezhdue teoriej i empirikoj [Rational/intellectual type of religious conversion. Psychology of Religion: Between Theory and Empiricism]. M., Publ. PSTGU: 121–136.
- Yashin V.B. 2019. Vybor very v XX1 veke: faktory religioznoj konversii zhitelej Omskoj oblasti v ocenkah veruyushchego naseleniya i ekspertnogo soobshchestva regiona. [The choice of faith in the XX1 century: factors of religious conversion of residents of the Omsk region in the estimates of the believing population and the expert community of the region]. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*, 1(36): 65–70.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.11.2021
Поступила после рецензирования 21.02.2022
Принята к публикации 30.07.2022

Received November 21, 2021
Revised February 21, 2022
Accepted August 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уфимцева Екатерина Игоревна, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский университет, г. Саратов, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina I. Ufimceva, associate professor of the Department of sociology of social work, Saratov State University, Saratov, Russia

УДК 298

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-584-592

Международная Духовная Школа Золотого Розенкрейца Lectorium Rosicrucianum и движение «Нового века» как религиозные идентичности в рамках современного окультизма

Королёв Ю.А.

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Россия, 302010, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95
E-mail: korolevbizant@mail.ru

Аннотация. Особенностью современного процесса десекуляризации является возникновение новых религиозных движений, в связи с чем возникает проблема их классификации. Существующие сегодня типологии НРД не всегда адекватно отражают реалии, верно определяют сущность современных религиозных культов, а значит и их место в системе новых религий. Автором рассмотрена проблема соответствия нового религиозного объединения «Международная Духовная Школа Золотого Розенкрейца Lectorium Rosicrucianum» основным характеристикам движения «Нью-Эйдж». На основе сравнительного анализа содержательных аспектов учения этих религиозных объединений автор обнаруживает существенные расхождения в их мировоззренческих позициях и приходит к выводу об их альтернативности в силу принадлежности к различным духовным проектам.

Ключевые слова: Нью Эйдж, гностический, розенкрейцеры, эзотеризм, трансформация, постмодернизм

Для цитирования: Королёв Ю.А. 2022. Международная Духовная Школа Золотого Розенкрейца Lectorium Rosicrucianum и движение «Нового века» как религиозные идентичности в рамках современного окультизма. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(3): 584–592. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-584-592

The Golden Rosycross International Theological School “Lectorium Rosicrucianum” and the “New Century” Movement as Religious Identities Within the Framework of Modern Occultism

Yuri A. Korolev

Orel State University,
95 Komsomolskaya St, Orel 302010, Russia
E-mail: korolevbizant@mail.ru

Abstract. Specifics of the modern process of desecularization is the emergence of new religious movements, which raises the problem of their classification. The typologies of that exist today do not always adequately reflect the realities, correctly define the essence of modern religious cults, and hence their place in the system of new religions. The article considers the problem of the correspondence of the new religious association, the International Spiritual School of the Golden Rosycross “Lectorium Rosicrucianum”, with the basic characteristics of the New Age movement. Based on a comparative analysis of the substantive aspects of the teachings of these religious associations, the author discovers significant differences in their worldview positions and comes to the conclusion that they are alternative due to their belonging to various spiritual projects.

Keywords: New Age, Gnostic, Rosicrucians, esotericism, transformation, postmodernism

For citation: Korolev Y.A. 2022. The Golden Rosycross International Theological School “Lectorium Rosicrucianum” and the “New Century” Movement as Religious Identities Within the Framework of Modern Occultism. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 584–592 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-584-592

В современном социально-религиозном дискурсе главной темой становится существование двух противоположных тенденций: секуляризация и десекуляризация. Ученые, ранее заявлявшие о тотальной победе секуляризма (Бергман, Лукман), с удивлением обнаружили, что процесс вытеснения религии из социальной жизни сменился ростом индивидуальной религиозности и возникновением новых религий. Одним из аспектов этого процесса является объединение множественных религиозностей в единый глобальный проект «Нью Эйдж». Возникшее в США в 60-е гг. XX в., это движение включает в себя различные культурные и религиозные контексты, оккультные по своему характеру. В настоящее время именно движение Нового Века пользуется громадной популярностью в современном западном социуме и особенно в молодежной среде, во многом формируя модель современной религиозности.

Следует подчеркнуть, что движение Нью Эйдж – это один из немногих религиозных феноменов, о котором с полным правом можно говорить как о новом религиозном движении, то есть о понятии, семантически отличающемся от таких понятий, как новая религиозная организация или новый религиозный культ. Относящиеся к Нью Эйдж множественные религиозности составляют парадигму глобальной духовности, которая базируется на оккультных и эзотерических учениях: теософии, гностицизме, спиритуализме, магии, во многом адаптированных к пониманию современного западного человека. По мнению социолога религии Шмуэля Эйзенштадта, «сегодня умножается число религиозных или "духовных" идей или течений в духе "Нью-Эйджа". Хотя эти движения, группы и течения не были организованы в какие-либо общие национальные или международные структуры, все же между ними установилось множество "транснациональных" связей, ставших новым элементом общей глобальной сцены» [Эйзенштадт, 2012, с. 59]. Основной идеей, объединяющей все эти разнородные религиозные группы, является ожидание наступления новой эпохи, связанной с астрологическим знаком Водолея. Эра Водолея предполагает свободное развитие и актуализацию оккультных сил, скрытых в человеке, а также его трансформацию в божественное существо. Этот процесс совершается через расширение человеческого сознания, под которым подразумевается усвоение идей и духа Нью Эйдж. Так, В. Алексеев уподобляет Нью Эйдж «ядру в оккультной субкультуре, вокруг которого в зависимости от числа разделяемых идей концентрируются самые различные оккультные группы. Это своего рода аналог экуменического движения в оккультной среде» [Алексеев, Григорьев, 1997, с. 222]. Большинство современных ученых относят данный феномен к культуре постмодерна. Так, голландский ученый Воутер Ханеграаф рассматривает Нью Эйдж как «проявление общества потребления эпохи постмодернизма – общества, члены которого используют, перерабатывают, объединяют и воспринимают существующие религиозные идеи и практики так, как считают нужным для себя» [Hanegraaff, 1998, с. 63].

Однако при этом нельзя забывать, что многие религиозные организации эзотерической направленности связаны с модернистским проектом формирования нового человека и восстановления единства человека и космоса. При безусловной адаптации отдельных элементов постмодернизма этими объединениями они по-прежнему прибывают в рамках модернистского дискурса. Одним из таких объединений является Международная Духовная Школа Золотого Розенкрейца *Lectorium Rosicrucianum*. Возникшее в начале XX века в г. Харлем (Нидерланды) как голландский филиал «Братства Розенкрейцеров» Макса Генделя, оно с 1936 года становится самостоятельной организацией под руководством Яна ван Рикенборга. Являясь типично оккультным сообществом и не скрывая своего

эзотерического содержания, Международная Духовная Школа позиционирует себя как современное направление христианского гностицизма, религиозно-философского течения, возникшего во 2 в. н. э. в Египте и Сирии. Именно эту традицию, отвергнутую христианской церковью еще во времена поздней античности, идеологи Международной Духовной Школы рассматривают как подлинное учение Спасителя, как своего рода «христианский реализм», который основан на евангельской любви к ближнему и идее хилиазма.

Многие исследователи новых религиозных движений, как религиоведы, так и теологи, усматривают некоторую мировоззренческую, идейную близость между Международной Духовной Школой Золотого Розенкрейца *Lectorium Rosicrucianum* и движением Нью Эйдж. Так, например, американский религиовед Джон Гордон Мелтон помещает Международную Духовную Школу в раздел «Медиумы и группы «New Age» своей «Энциклопедии американских религий», полагая, что это религиозные группы одного порядка. Тенденция к сближению этих двух религиозных феноменов присутствует и в конфессиональном религиоведении. Известный греческий богослов Николас Зисос считает розенкрейцерство одним из главных источников Нью Эйдж, а Миссионерский Отдел Московского Патриархата относит как Нью Эйдж, так и *Lectorium Rosicrucianum* к классу религиозных организаций группы матрицы «экология духа, оккультизм и язычество».

Следует отметить, что в связи с существующим многообразием типологий НРД возникает проблема их корректности и обоснованности. Как правило, чтобы определить принадлежность религиозного объединения к какому-либо конкретному классу или типу, необходимо исходить из определенных критериев. К настоящему времени довольно подробно разработаны критерии, на основании которых та или иная организация может быть причислена к движению Нью Эйдж. Одним из первых ученых в нашей стране, предложивших такие критерии, стал А.В. Дворкин. В своей известной книге «Сектоведение» он рассмотрел ряд характерных особенностей, присущих организациям и группам, принадлежащих к этому движению. К безусловным идейным основаниям Нью Эйдж он, в частности, относит: идею безличного божества, спиритизм, оккультные практики, возрождение языческих религий и культа «Верховной Богини», пантеистический монизм, веру в реинкарнацию, теософский взгляд на мироустройство, особый язык. В свою очередь западные религиоведы предлагают во многом схожие критерии. В частности, известный голландский исследователь Ханеграаф обращает внимание на такие характерные особенности Нью Эйдж, как то: наличие теории каузальности, теософская интерпретация религии, духовный эволюционизм, спиритуализм, восточные духовные и целительские практики, наличие специальной терминологии. Американец Норман. Л. Геслер добавил к этому списку критериев «вегетарианство и холические методы охраны здоровья», синкретизм, идею эволюции человека в Божество, представление о тождестве человека с Богом.

Таким образом, здесь с необходимостью возникает вопрос о соответствии Международной Духовной школы «Золотой Розенкрейц» этим критериям.

Разделяя идею безличного Бога, а также ожидания Нью Эйдж относительно грядущей эпохи Водолея, современные розенкрейцеры принципиально иначе, нежели ньюэйджеры, интерпретируют нарративы оккультизма. Это касается, прежде всего, таких феноменов, как спиритизм и магия. Став в XIX в. своеобразной «религией для интеллигенции», спиритизм или медиумизм был включен в ньюэйджерский дискурс благодаря теософии, которая является одним из главных источников этого нового религиозного движения. Теоретическую основу спиритизма составляет учение, согласно которому человеческая душа бессмертна и после смерти тела может вступать в контакт с живыми людьми и вызывать ряд физических и психических явлений. Для контакта с душой умершего человека необходим медиум, посредством которого душа общается с окружающими.

В кругу последователей движения Нового века большой популярностью также пользуется так называемое контактерство, или ченнелинг, который является наиболее опасной разновидностью спиритизма. В отличие от классического медиумизма, когда инициато-

ром контакта выступает человек, в ченнелинге инициатива исходит от духа, причем считается, что это дух высшего порядка. Данная сущность вселяется в человека и использует его речевую способность для контакта с другими людьми. И если в группах ньюэйдже-ровской направленности контактерство всячески приветствуется, то современными розенкрейцерами такие практики воспринимаются крайне негативно, поскольку, по их мнению, те, кто практикует спиритизм, не только препятствуют своему духовному совершенствованию, но по сути дела «питают и утверждают сатанизм». Главный идеолог «Золотого Розенкрейца» Ян ван Рикенборг прямо отождествляет спиритизм с сатанизмом. «Сатанизм сейчас сильнее, чем когда-либо раньше, он навис над миром как черная туча. Как результат, спиритическая деятельность усиливается и широко распространяется по миру» [Rijckenborg, 1982, с. 120]. Согласно учению розенкрейцеров, духи, с которыми вступает в контакт медиум, совсем не являются высшими. Это инфернальные сущности, паразитирующие на человеке, на его страхах и негативных эмоциях. Поэтому результатом занятий спиритизмом является лунатизм, самоубийство и безумие.

Несколько иначе относятся неорозенкрейцеры к магии, определяя её как «реконструкцию и применение способностей», которыми некогда обладал человек. Они разделяют магию на белую, направленную на осуществление божественного плана, черную, преследующую эгоистические интересы индивидуума, серую, целью которой является удовлетворение материальных желаний, и негативную, которая представляет собой попытку обрести знание за пределами Духовной Школы. Разумеется, сами розенкрейцеры признают и практикуют белую, или гностическую, магию, рассматривая магическое искусство как средство освобождения человека.

Что касается других оккультных наук, таких как каббала и астрология, то розенкрейцеры, напротив, относятся к ним весьма позитивно и включают их в свой дискурс, поскольку эти феномены являются нарративами западного оккультизма и составляют существенную часть розенкрейцерской традиции.

Совсем иное отношение у современных розенкрейцеров к восточным практикам, без которых немислимо существование движения Нью Эйдж. Медитацию или, например, йогу, они воспринимают довольно скептически, рассматривая их как оккультные методы, чуждые как традиционному христианству, так и западной эзотерической традиции. При этом Ян ван Рикенборг особо подчеркивает, что розенкрейцеры стремятся «сделать мир гуманным через необходимое дело, которое базируется на живом христианстве, а не на восточных техниках» [Rijckenborg, 1984, с. 46].

В основе идеологии новых розенкрейцеров лежит идея существования изначальной гностической традиции как единого источника западного эзотеризма, которая по-разному проявляется на различных этапах своего развития. Довольно сложные антропологические, космологические и метафизические идеи современные розенкрейцеры пытаются рассмотреть в рамках гностического дискурса, часто по-новому интерпретируя традиционные категории эзотеризма.

Последователи Духовной Школы полагают, что весь комплекс знаний, свойственных примордиальной традиции, сконцентрирован в едином учении, которое они называют Универсальной Доктриной, поэтому одним из главных постулатов *Lectorium Rosicrucianum* является тезис о том, что все западные эзотерические учения – это модификации единой Универсальной Доктрины, которые лишь дополняют друг друга. Так Ян ван Рикенборг утверждает, что «гносис Гермеса выглядит как оригинальное божественное намерение, возносящееся над миром» и поэтому «нет никакого существенного отличия между манихеями и последователями Гермеса Трисмегиста» [Rijckenborg, 1982, с. 50]. Носителями подлинного эзотерического знания в рамках примордиальной традиции провозглашаются различные гностические объединения античности и средневековья, которые образуют своеобразную цепь духовной инициационной преемственности или трансмиссии. Неорозенкрейцеры считают себя последним звеном трансмиссии, провозглашая *Lectorium*

Rosicrucianum преемником средневекового Братства Розы и Креста, основанного в 1400 году легендарным Христианом Розенкрейцем, именем которого и была названа эта организация. Своих предшественников на пути обретения гносиса ван Рикенборг называет Старшими Братями, которые духовно окормляют современных розенкрейцеров и указывают им истинный путь к спасению. Согласно Универсальной Доктрине, Старшие Братья являются основой Гностического Братства, которое составляет так называемое «магнитное» тело Международной Духовной Школы. Пребывая в ином измерении, «Старшие братья» оказывают существенную помощь ученикам Lectorium Rosicrucianum в их духовном развитии.

Для современных розенкрейцеров, так же как и для последователей Нью Эйдж, характерным является упование на грядущую трансформацию не только социума, но и всего мироздания, которая основывается на изменении сознания человека. Но если для ньюэйджеров такая трансформация сознания заключается в сакрализации собственного эго, в обретении способности актуализировать свои желания и материализовать свои мысли с помощью визуализации, то для учеников Духовной Школы подобная цель и методы являются ложными, поскольку «тот, кто относится с уважением к своему самосознанию, к желаниям своей старой личности никогда не сможет подняться над диалектическим уровнем, несмотря на все свои усилия» [Rijckenborg, 1984, с. 46], и, таким образом, никогда не достигнет освобождения.

Согласно учению Международной Духовной Школы, человек должен вырваться из-под власти эго, умертвив в себе ветхого, диалектического человека и разбудив «божественную искру света», пребывающую в его сердце. Это достигается посредством трансфигурации – процесса преображения «астрального эго». Этот процесс разворачивается в тот момент, когда сердца человека касается «божественный свет гносиса» и происходит его очищение. В результате «в очищенном сердце рождается бессмертная душа, основа вечного обновления человека» [Rijckenborg, 1982, с. 106].

Завершающим этапом трансфигурации является восстановление духовной природы человека. Избавление от собственного эго осуществляется через ослабление любви к себе и культивирование любви к ближнему. Очистившись от своих желаний и страстей, обновленный человек устанавливает связь с «живым телом Духовной Школы», которое представляет собой некое духовное коллективное излучение, силу, исходящую от Гностического Братства. Это Братство прибывает в особом, высшем метафизическом измерении – Божественном Царстве Духа. Очистившись духовно, ученик Школы уже не подчиняется кармическому закону.

Современные розенкрейцеры разделяют представление Нью Эйдж о существовании кармы, но не связывают этот феномен с процессом эволюции, как это делают ньюэйджеры. На эту особенность движения Нового века обращают внимание многие исследователи. Ньюэйджерам присуще специфически теософское понимание реинкарнации и кармического закона. Согласно этой трактовке, если человек в течение всех своих многочисленных перевоплощений совершает добрые дела, совершенствуется в духовных практиках, накапливает знания, то таким образом он раз за разом улучшает свою карму, продвигаясь по пути духовной эволюции. Именно такой подход к пониманию кармы и реинкарнации демонстрирует основатель современной теософии Е.П. Блаватская. Так, она утверждает, что «дух следует по линии, параллельной линии материи; и духовная эволюция совершается рука об руку с физической эволюцией» [Блаватская, 2016, с. 492].

В отличие от последователей движения Нового века современные розенкрейцеры придерживаются традиционного учения о карме и реинкарнации, так как оно представлено в брахманизме и древнегреческой философии Платона. Согласно доктрине розенкрейцеров, закон кармы препятствует человеку достичь освобождения души из плена материи. Единственная возможность осуществить этот одновременно метафизический и экзистен-

циальный акт – духовное обновление, в результате которого ученик Школы освобождается от действия кармического закона.

Обновленный человек становится подлинным гностиком, по своей сути диаметрально противоположным обычному человеку, жизнь которого определяется обстоятельствами этого диалектического мира. Этот мир воспринимается розенкрейцерами как дуалистический космос, который не может быть познан посредством современной науки, поскольку сама эта наука является ложной формой знания. Подлинным же знанием, противоположным науке, они считают эзотеризм, полагая, что «все истинные ценности современной науки – это украденные или заимствованные ценности, так как все они давно были известны эзотерикам» [Rijckenborg, 1988, с. 24].

Современные розенкрейцеры отождествляют науку с черной магией как по методам, которые она использует, так и по результатам, и степени её негативного влияния на мир, обращая особое внимание на приближающуюся «ужасную катастрофу, вызванную современными открытиями естественных наук» [Rijckenborg, 1984, с. 79]. Под современными открытиями имеется в виду открытие физиками расщепления ядра, а также производство и испытание ядерного оружия, что, по утверждению розенкрейцеров, нарушает баланс между космическими стратами и способствует интенсификации радиоактивного излучения. Незнание духовных законов, эгоизм и честолюбие представителей научного сообщества, по мнению ван Рикенборга, может привести человечество к гибели.

Такое критическое отношение к науке со стороны Международной Духовной Школы резко контрастирует с восторженным восприятием науки движением Нью Эйдж. Последователи этого движения верят в возможность синтеза науки и эзотеризма и даже пытаются осуществить этот синтез на практике. Зримым результатом такой попытки стало создание нозтики, представляющую собой причудливую смесь даосизма и квантовой механики, астрологии и нейропсихологии. Разработкой принципов нозтики занимались такие известные фигуры в Нью Эйдж, как Э. Митчелл, Д. Уайт, Ф. Капра.

Еще одним важным моментом учения Нью Эйдж, который не разделяют современные розенкрейцеры, является попытка реконструкции языческого культа Богини Матери, тесно связанного с идеей необходимости утверждения приоритета женского начала, существовавшего в эпоху матриархата. В большинстве ньюэйджерских групп распространено убеждение, что эра Водолея – это эпоха доминирования женщин во всех жизненных сферах. На этот аспект учения сторонников движения Новой эры обращают внимание многие исследователи. Так, А. Баркер отмечает, что «движение Нью Эйдж и некоторые неоязыческие группы склонны подчеркивать важность, а иногда и первичность женского начала» [Баркер, 1997, с. 82]. Поскольку Богиня Мать и прочие женские божества ассоциируются с силами природы, то, кроме откровенно феминистской направленности, для этого культа характерно пристальное внимание к вопросам экологии.

В отличие от последователей движения Новой эры современные розенкрейцеры придерживаются традиционного христианского взгляда на взаимоотношение полов, наиболее ясно выраженного в Посланиях к Коринфянам апостола Павла, который является значимой фигурой в гностической традиции. Важным отличием *Lectorium Rosicrucianum* от Нью Эйдж является также четкая структурированность Международной Духовной Школы и обязательное требование к своим ученикам оставаться в «силовом поле» Духовной Школы и Универсальной Доктрины, противоположностью чему является религиозная и организационная размытость движения Нового века, дающая полное право его последователям избирать любые формы религиозности и состоять в различных религиозных организациях.

Таким образом, мы видим, что позиции современных розенкрейцеров и последователей Нью Эйдж по существенным мировоззренческим вопросам диаметрально противоположны. Однако есть одна позиция, по которой взгляды розенкрейцеров и последователей Нью Эйдж полностью совпадают. Это отношение к вегетарианству.

Также, как и большинство ньюэйджеров, члены Lectorium Rosicrucianum считают, что «вегетарианство с его последствиями является основой для кандидата на пути ученичества» [Rijckenborg, 1984, с. 143]. Ученики Духовной Школы основываются на убеждении, что качество пищи и содержание в ней витаминов совершенно необходимо для процесса регенерации. Согласно Универсальной Доктрине, пища животного происхождения энергетически связана с эфирными излучениями, вредными для человека, кроме того, в крови животного растворена низшая часть его души, и, употребляя в пищу мясо того или иного животного, человек усваивает его негативные психические и физиологические качества. Так, ван Рикенборг обращает внимание на то, что «у наций и индивидуальностей, потребляющих большое количество мяса, знаки этого проявляются довольно отчетливо. Каждая клетка как центр силы подходит только для того организма, к которому она принадлежит. Любая чуждая клетка причиняет телу вред» [Rijckenborg, 1984, с. 147]. Кроме того, по мнению современных розенкрейцеров, потребление животной пищи препятствует духовному совершенствованию, освобождению человека, привязывая его к земной сфере и заставляя его все глубже погружаться в «материальное жизненное поле».

В данном контексте вегетарианство рассматривается розенкрейцерами в качестве средства для ослабления зависимости человека от влечений и потребностей своего материального тела и как необходимое условие его дальнейшей духовной трансформации. Однако в отличие от представителей некоторых других школ эзотеризма, которые считают пищевую диету обязательной аскетической практикой или Божественным установлением, современные розенкрейцеры полагают, что необходимость перехода к потреблению растительной пищи определяется самим человеком.

Еще один пункт, по которому солидаризируются эти религиозные движения, – это негативное отношение к традиционному христианству. Но даже здесь есть существенная разница в подходах. Так, современные розенкрейцеры при всем своем неприятии любого проявления ортодоксальности исходят из принципа христоцентризма, то есть утверждения примата христианства над всеми остальными религиями и формами религиозности, особенно в том, что касается учения о человеке. При этом ученики Духовной Школы придерживаются модернистской антропологической модели, в рамках которой человек трактуется как существо, утратившее свою божественность, но призванное обрести её вновь посредством духовной трансформации, где главную роль играет эзотерическое знание. Владение этим знанием ведет к спасению, которое понимается как освобождение частицы Божества, прибывающей в сердце человека, из плена материи и возвращении её к своему божественному источнику.

Очевидно, что такая модель является частью традиционного модернистского проекта.

В противоположность Lectorium Rosicrucianum Движение Новой эры предлагает совсем другую антропологическую модель. В ней интенция индивидуума направлена на развитие оккультных способностей, изначально заложенных в каждом человеке, посредством восточных психофизических практик. Согласно учению Нью Эйдж, развитие паранормальных способностей личности осуществляется на протяжении целого ряда перерождений и при достижении высшего уровня приводит к трансформации человека в сверхъестественное существо, для которого не существует границ возможного. При этом не акцентируется внимание на этическом аспекте личности, напротив, эгоизм и эгоцентризм возводятся в абсолют и всячески культивируются. Существующее в некоторых группах требование нравственного совершенствования индивидуума является лишь пустой декларацией. Провозглашая свою приверженность принципу толерантности к другим религиям и формам религиозности, нью-эйджеры откровенно враждебно относятся к христианству, на которое, как они полагают, принцип толерантности не должен распространяться, поскольку, по их мнению, христианство препятствует развитию оккультных способностей человека и наступлению эры Водолея. А значит, оно должно быть преодолено любыми средствами. Поэтому не случайно, что одной из главных особенностей постмодернист-

ской ньюэйджеровской духовности является нравственный релятивизм, где добро и зло – это лишь относительные понятия.

Таким образом, общий вывод, который можно сделать на основании проведенного сравнительного анализа двух этих оккультных объединений, заключается в том, что *Lectorium Rosicrucianum* не соответствует большинству характеристик Нью Эйдж и не вписывается в его парадигму. Более того, эти новые религиозные объединения, несмотря на их оккультный характер, не являются тождественными не только критериально, но и онтологически, поскольку принадлежат двум различным проектам. Нью Эйдж представляет собой модификацию постмодернистской духовности, а *Lectorium Rosicrucianum* является выражением модернистского проекта.

Возможным единственным вариантом снятия противоречий между двумя этими оккультными движениями является переход на новый уровень современной псевдодуховности, то, что сегодня обозначается как метамодернизм. Именно в рамках этого нового проекта могут возродиться «грандиозные нарративы», отвергнутые и деконструированные постмодернизмом, и оба этих течения трансформируются в единый метанарратив обновленного оккультизма, переместившегося с периферии в центр общественного сознания.

Список литературы

- Алексеев В., Григорьев А. 1997. Религия Антихриста. Новосибирск, Посох, 272 с.
- Баркер А. 1997. Новые религиозные движения. СПб., Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 282 с.
- Блаватская Е.П. 2016. Разоблаченная Исида. В 2-х т. М., Эксмо-Пресс, 832 с.
- Дворкин А.Л. 2012. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Н. Новгород, Христианская библиотека, 456 с.
- Эйзенштадт Ш. 2012. Новые религиозные конstellации в структурах современной глобализации: цивилизационная трансформация. Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 1: 57–89.
- Catharosa di Petri. 1979. The way of the Rosycross in our time. Haarlem-The Netherland,
- Hanegraaff, W. J. 1998. New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought. NY, Publ. Albany, State University of New York Press, 580 p.
- Rijckenborg J. van, 1984. Elementary philosophy of the modern Rosycross. Haarlem-The Netherland, Publ. Lectorium Rosicrucianum, 207 p.
- Rijckenborg J. van. 1982. The Egyptian Arch-Gnosis. Haarlem-The Netherland, Publ. Lectorium Rosicrucianum, 232 p.
- Rijckenborg J. van. 1988. The call of the Brotherhood of the Rosycross. Haarlem-The Netherland, Publ. Lectorium Rosicrucianum, 361 p.

References

- Alekseev V., Grigor'ev A. 1997. Religija Antihrista [Religion of the Antichrist]. Novosibirsk, Publ. Posoh, 272 p.
- Barker A. 1997. Novye religioznye dvizhenija. [New religious movements]. St. Peterburg, Publ. Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 282 p.
- Blavatskaja E.P. 2016. Razoblachennaja Isida. [Unveiled Isis]. Moscow, Publ. Eksmo-Press, 832 p.
- Dvorkin A.L. 2012. Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematiceskogo issledovanija. [Sect studies. totalitarian sects. The experience of systematic research]. N. Novgorod, Publ. Hristianskaja biblioteka, 456 p.
- Jeizenshtadt Sh. 2012. Novye religioznye konstelljacii v strukturah sovremennoj globalizacii civilizacionnaja transformacija. [New religious constellations in the structures of modern globalization civilizational transformation]. Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom, 1: 57–89.
- Catharosa di Petri. 1979. The way of the Rosycross in our time. Haarlem-The Netherland, Lectorium Rosicrucianum, 382 p.

- Hanegraaff W.J. 1998. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought*. NY, Publ. Albany, State University of New York Press, 580 p.
- Rijckenborg J. van. 1984. *Elementary philosophy of the modern Rosycross*. Haarlem-The Netherland, Publ. Lectorium Rosicrucianum, 207 p.
- Rijckenborg J. van. 1982. *The Egyptian Arch-Gnosis*. Haarlem-The Netherland, Publ. Lectorium Rosicrucianum, 232 p.
- Rijckenborg J. van. 1988. *The call of the Brotherhood of the Rosycross*. Haarlem-The Netherland, Publ. Lectorium Rosicrucianum, 361 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.05.2022

Поступила после рецензирования 30.07.2022

Принята к публикации 30.07.2022

Received May 30, 2022

Revised July 30, 2022

Accepted July 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Королёв Юрий Алексеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орел, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri A. Korolev, PhD, Associate Professor, Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security, Orel State University, Orel, Russia

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 130

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-593-600

Генезис картины мира и аксиологических ценностей МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

¹ Дагаев Р.Р., ² Филатова Я.С.

¹ Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
Россия, Чеченская Республика, 364037, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33
² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Filatova_ya@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению генезиса картины мира и аксиологии современного молодого поколения, раскрытию их особенностей и характерных черт, а также выявлению проблематики внутри молодежных субкультур и неформальных молодежных объединений. В ней затронуты проблемы молодежного релятивизма, утраты корневых мировоззренческих основ жизни. Данная тема необычайно актуальна на сегодняшний день в силу стремительного распространения ложных идей и течений в молодежной среде, что приводит не только к моральному разрушению молодых людей, но и способна причинить вред психическому и физическому здоровью. Целью данной статьи является анализ современных подходов к решению задач по воспитанию гармонично развитой личности. В такой личности должны быть заложены не только моральные и нравственные идеалы и принципы, но духовные основы, по средствам которых осуществляется преемственность поколений.

Ключевые слова: молодёжь, парадигма, релятивизм, субкультура, мировоззренческий кризис, самосознание, идеология, личность, материальные ценности, духовно-нравственный вакуум, нонконформизм

Для цитирования: Дагаев Р.Р., Филатова Я.С. 2022. Генезис картины мира и аксиологических ценностей молодого поколения. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 47(3): 593–600. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-593-600

Genesis of the Worldview and Axiological Values of the Younger Generation

¹ Rashid R. Dagaev, ² Yana S. Filatova

¹ A.A. Kadyrov Chechen State University,
33 Subry Kishieva St, Grozny 364037, Chechen Republic, Russian Federation
² Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: Filatova_ya@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the genesis of the picture of the world and the axiology of the modern young generation, the disclosure of their features and characteristics, as well as the identification of problems within youth subcultures and informal youth associations. It touches upon the problems of youth relativism, the loss of the root ideological foundations of life. This topic is

extremely relevant today due to the rapid spread of false ideas and trends among the youth, which leads not only to the moral destruction of young people, but can also cause harm to mental and physical health. The purpose of this article is to analyze modern approaches to solving problems of educating a harmoniously developed personality. In such a personality, not only moral and ethical ideals and principles should be laid, but also spiritual foundations, through which the continuity of generations is carried out.

Key words: youth, paradigm, relativism, subculture, ideological crisis, self-awareness, ideology, personality, material values, spiritual and moral vacuum, non-conformism

For citation: Dagaev R.R., Filatova Y.S. 2022. Genesis of the Worldview and Axiological Values of the Younger Generation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 593–600 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-593-600

Введение

XXI век – век информатизации и стремительного развития технологий. Это обусловило то, что нынешнее молодое поколение активно развивается, имея практически неограниченный доступ к различным информационным ресурсам (прежде всего к Интернету). Зачастую это приводит к тому, что за ответом на интересующие вопросы молодые люди обращаются не к представителям старшего поколения, а к различным информационным ресурсам. Долгое время именно старшее поколение передавало свой опыт более молодому, обучая их не только грамотности, но и принципам жизни, отношения к миру. Ценностные ориентиры старались сохранять и передавать из поколения в поколение. Одними из главнейших ценностей являлись вера в Бога, уважение к старшим, умение жить в коллективе, альтруизм и трудолюбие. Старшее поколение пользовалось авторитетом у молодежи, благодаря своим знаниям и житейской мудрости.

Сейчас данные процессы претерпевают значительные изменения. Молодое поколение гораздо быстрее приспосабливается в быстроменяющемся мире гаджетов, реагирует на смену политического устройства, экономики, культуры и искусства. Конфликт между поколениями имеет долгую историю и был присущ обществу на разных этапах его развития. Сегодня он является столь же актуальным, как и столетия назад.

Картина мира современной молодежи: эпистемологический анализ

Современная картина мира не статична, она стремительно меняется, приобретает разнообразные формы. Если в советский период ценностью являлись коллективизм и преобладание общественного над частным, то сейчас все больше и больше людей, особенно молодежи, склоняются к индивидуализму и даже эгоизму. В сознании молодых людей присутствует четкая убежденность в ценности своей личности, независимо от того, что из себя представляет таковая личность. Счастье понимается как индивидуальное благополучие, где прежде всего хорошо должно быть именно *тебе*.

В статье «Современная молодежь: взгляд изнутри» Фролова Н.А. описывает социологические исследования, проведенные среди молодежи в 2019 году. По итогам исследования было выявлено, что 44 % респондентов склонны к эгоизму, а 46 % склонны к цинизму. При этом большинство из принявших участие в исследовании молодых людей способно на помощь и отзывчивость. Это говорит о том, что идеалы молодежи выглядят очень противоречиво. С одной стороны, можно отметить устремление молодых людей к личному благополучию, а с другой стороны, молодые люди вполне активно участвуют в общественной жизни, проявляют заинтересованность к будущему страны и улучшению условий жизни [Фролова, 2019].

Смена нравственных ориентиров и парадигм конца прошлого столетия повлекла за собой нестабильность общественного самосознания, породив серьезный внутренний кон-

фликт в сознании каждого человека. Отсутствие социальной стабильности повлекло массу проблем не только социального, но и внутреннего, психологического характера. «Устаревание» ценностных парадигм усугубило духовно-нравственный вакуум, который начал постепенно заполняться не самыми лучшими примерами для подражания.

Молодежь – наиболее уязвимая часть общества, в силу возрастных особенностей формирования характера. При этом именно в этой группе динамичного общества рождаются основополагающие психические, социокультурные и философские парадигмы. Именно поэтому необходимо обратить особое внимание на вопросы изучения круга проблем молодежи, выработать определенную стратегию и подходы к образованию и воспитанию детей и подрастающего поколения, а главное – научиться правильно реагировать на проявление протеста, а возможно, и агрессии со стороны молодого поколения. При условии правильности и последовательности выбранных путей, можно рассчитывать на положительное решение множества проблемных вопросов. Подробное исследование аксиологических ценностей молодого поколения, безусловно, будет способствовать решению вопросов формирования их самосознания и целостной философской картины мира, пусть совершенно иной, нежели в прошлые годы, но при этом не искаженной и релятивистской.

Для человеческого сознания релятивизм имеет негативные последствия, в частности способствуя потере духовных идеалов, переживания, психологические проблемы, суицидальные наклонности. На этот счет довольно полно высказался Ж.П. Сартр: «...Жизнь не имеет априорного смысла. Пока вы не живете своей жизнью, она ничего особенного не представляет, вы сами должны придать ей смысл, а ценность есть не что иное, как выбранный вами смысл» [Sartre, 1948, p. 67]. Великий философ и писатель уделял категорически важное значение свободе и воле в действиях каждого. Именно действующий индивид может быть значим для общественного сознания и бытия [Sartre, 2001]. Напомним, что Сартр был весьма радикален в политических взглядах и выступал идейным лидером молодежи.

Аксиологические ценности и парадигмы современного молодого поколения складывались в довольно непростых условиях. Если обратиться к истории нашего государства, мы увидим, что практически весь XX век наполнен трагическими социальными, экономическими, политическими и духовно-нравственными потрясениями. Это период смены не просто системы государственного управления после революции 1917 года, но гораздо больше – трансформации национальной картины мира и самосознания. После революции случилась гражданская, а потом Великая отечественная война. Все силы молодого здорового поколения были брошены на борьбу с врагом. Основной ценностью в это время был патриотизм и желание победить врага, освобождение своей страны и близких. Эти стремления были смешаны с разочарованием, страхом смерти и бессилием перед машиной смерти. Страшные события исковеркали множество человеческих судеб. То, что ранее было ценным, потеряло смысл. Огромное количество погибших среди молодого поколения, ужасы войны и потери близких серьезно травмировали судьбы всего поколения в целом. На долгое время были прекращены любые рассуждения о смысле жизни и ее ценностях. Превалировал один единственный смысл – выжить. В таких условиях в сознании человека активизируются прежде всего естественные защитные механизмы. Далеко не все проявляли способность к поддержке ближнего, его спасению и жизни. Примеров предательства и эгоизма было огромное количество. Это остро обнажило уже начавшийся гораздо раньше кризис мировоззрения и самосознания. Огромные потери были в первую очередь среди мужского населения. Вот что говорит на этот счет один из наиболее авторитетных российских психологов Людмила Петрановская: «После войны чуть ли не в каждой семье — отсутствующий папа, переутомленная мама с отморозенными чувствами...» [Петрановская, 2021].

После таких потрясений и катаклизмов, естественно, поменялся духовно-нравственный и культурный облик народа. Сегодня можно говорить о возникновении

явления релятивизма, угрожающего полной потерей рамок и границ целостной картины мира и нонконформизма в самом остром его проявлении. С первого взгляда можно в данных явлениях рассмотреть позитивное влияние как создание новой почвы для появления обновленной цивилизации, но, с другой стороны, есть серьезная опасность ухода в крайний негативизм, а также утрата связи поколений, или «разорванность миров», как говорил Л.С. Выгодский [1983, с. 124].

В период 80-х и 90-х гг. в нашей стране с новой силой заявляют о себе всявозможные оккультные общества, экстрасенсорика, мистические культы, неоязычество. Различные религиозные организации деструктивного характера активизируются на территории всего Советского Союза. Причиной тому как раз явился духовно-нравственный вакуум. Истребление христианской веры как противоречащей идеям атеистического коммунистического идеологического общества привело к потере традиционных ценностей, сформированных в течении нескольких веков. Потребность в духовной поддержке и наличии высших духовных ориентиров все более возрастала. В ответ на это стали появляться искаженные формы духовности: оккультизм, магизм и пр. Подобные трансформации молодого сознания происходят независимо от стран и национальностей, это характерная черта молодого возраста. Здесь хорошим примером может послужить судьба известного британского писателя К.С. Льюиса. Он вырос в христианском мире, внук священника, вера была им впитана с молоком матери. И тем не менее, попав в колледж, в самостоятельную взрослую жизнь, он не просто потерял веру, а серьезно увлекся оккультизмом. Стал очень непримирим и резок. И неизвестно чтобы произошло, если бы судьба не вернула его к христианству [Lewis, 1955, pp. 128–186].

Долгий запрет на зарубежную культуру, музыку и кино, породил к ним невероятно сильный интерес у молодежи. Начали появляться различные неформальные молодежные группы, движения и организации. Основной отличительной чертой их являлось противостояние стереотипам и господствующим устоям, несогласие с большинством, критика власти и культурных направлений. Такие сообщества все больше набирали популярность. Их отличала активность и свободомыслие, отсутствие рамок и стереотипов мышления, противостояние прошлому поколению. Именно там столь активно рассматривается и утверждается идея свободомыслия и демократии, либерализма [Nailova, 2019].

В научном труде Казаникова А.А. описаны и проанализированы молодежные неформальные движения времен СССР, а также выявлены причины их появления и популярности. Одной из первых причин исследователь называет желание молодежи бросить вызов традиционному укладу и рамкам, затем перечисляются такие причины, как преодоление непонимания, стремление к самоутверждению, реализации, выражение своей жизненной позиции, увлеченность западной культурой, потеря нравственных ориентиров и ценностных парадигм, а также влияние криминальных, бандитских группировок [Казаникова, 2016, с. 44-47]. Большинство из них были агрессивно настроены и циничны. Тем более, что постепенный упадок и нищета в обществе привели к росту беспризорности и преступности [Казаникова, 2016, с. 44-47]. Поколение, чье становление пришлось на 90-е годы, формировалось в жестких условиях конкуренции и самоутверждения, зачастую вопреки нормам морали и нравственности.

В современном мире неформальные молодежные движения и субкультуры остаются так же популярны. Подростки, юноши и девушки так же, как и раньше, стремятся к самовыражению, которое проявляется в протестных формах против общественных норм. При этом свойственный им инфантилизм не позволяет зачастую переходить от желаний к активным действиям, что все более усложняет внутренний духовный кризис. Помимо прочего, популярной становится символика и атрибутика различных неформальных и даже оккультных движений. Именно поэтому так популярно сейчас в среде молодежи неоязычество с его агрессивностью, радикализмом и национализмом. Все, что попадает под запрет, воспринимается как нечто особенно интересное, заманчивое. Порой молодые лю-

ди сами не понимают идеологии того, к чему по форме принадлежат. Стремление выделиться из толпы приводит к тому, что молодые люди оказываются в плену обстоятельств, а зачастую попадают в трагические ситуации и даже погибают. В большинстве случаев подобные ситуации случаются из-за конфликта детей и родителей. И конфликт этот имеет очень долгую историю, с глубокими серьезнейшими причинами, лежащими не только на поверхности, в сфере социального неравенства и общественных кризисных явлений, но и в глубине сознания и психологии.

Проблема потери привязанности между поколениями, отсутствие доверия и общения между детьми и родителями привело к тому, что подростки попадают под влияние деструктивных настроений и неформальных сообществ. В поиске самих себя, пытаясь найти свое призвание, самих себя, понимание и поддержку они идут куда угодно, но только не к родителям, осуждающим их увлечения, считающим их проблемы мелочными и несерьезными [Лисовский, 2000]. Чем старше становится ребенок, тем больше он отдаляется от родителей. А если он не находит смысла даже там, где на первый взгляд казалось, что обрел, наступает глубокое разочарование. Неразделенная любовь, непонимание родителей, проблемы со сверстниками, учебой и много чего еще приводят подростка или молодого человека в глубокий психологический кризис, тупик. Отсутствие мировоззренческих ориентиров, неких аксиологических парадигм и фундаментальных истин приводит к чувству потери самого себя, растерянности и переживаниям. Юношеский максимализм и острое восприятие действительности, завышенная эмоциональная реакция на события часто приводят к страшным трагическим последствиям: либо к наркомании, либо к преступности, либо к участию в оккультно-мистических, экстремистских группировках, но страшнее всего – суицид. Случаев суицида у подростков и молодежи огромное количество на сегодняшний день. Конечно, по сравнению с девяностыми их на порядок меньше, но все равно огромное количество. Из них случаев увлечения молодых людей оккультизмом и, как следствие, различными суицидальными группами, огромный процент. По данным Росстата Россия входит в тройку лидеров по числу самоубийств на душу населения. При этом средний возраст самоубийц – от 15 до 30 лет. Это страшная статистика. Именно этот факт должен направить внимание всех специалистов различных областей научной и общественной сферы на проблемы молодежи.

В статье «Исследование релятивизма в аксиологических ценностях современной студенческой молодежи: анализ проблем» Курочкиной Е.В. приводится градация ценностей современного молодого поколения. На первом месте стоит материальное благополучие, затем общение и общественное признание, семейные ценности, культура (в первую очередь информационная), на последнем месте ценностей находится наука и научные изыскания как нечто ненужное и не приносящее материальных доходов [Курочкина, 2021]. Основной желаемой ценностью становится получение материальных благ без каких-либо больших усилий и труда. Способы получения этих благ порой противоречат не только законам морали и нравственности, но и законодательству.

Факторы решения проблем в сфере воспитания молодежи

Одним из наиболее правильных путей переориентации молодого поколения является корректировка в семейном воспитании, восстановление доверия и привязанности между родителями и детьми. Это возможно осуществить, только планомерно и целенаправленно воспитывая родительство изначально, еще у детей. По мнению психологов [Петрановская, 2021; Ковалев, 2006], основополагающими факторами, формирующими привязанность ребенка к родителям как одну из главнейших витальных потребностей, является сугубое внимание к ребенку в первые его полтора года жизни. В этот период должно быть грудное вскармливание и постоянное пребывание взрослого с человеком, родившимся в мир. Ребенок рождается совершенно не подготовленным к жизни. Задача родителя – научить осно-

вам жизни, быть рядом, не бросать. С возрастом родитель все меньше должен находится рядом с ребенком, но при этом следить за увлечениями и интересами подростка, интересуясь его проблемами и окружением. Когда молодой человек уверен в поддержке родителей, он будет устойчив перед негативным влиянием современного мира. Он не будет бояться ошибок и последствий своих поступков.

В современном мире наблюдается смена воспитательных концепций среди все большего числа родителей. Они заводят детей уже в более сознательном возрасте, что позволяет им становиться наиболее адекватными, внимательными и отзывчивыми. Предоставляя ребенку определенную свободу в развитии, родитель дает некий стимул к тому, чтобы он проявлял свои способности. Это обуславливает формирование правильной самооценки и веру в себя, в собственные силы и возможности.

Вторым не менее важным фактором решения проблем, связанными с воспитанием молодежи, является поддержка молодых семей государством, путем выстраивания молодежной политики. Сейчас в данном вопросе присутствует положительная динамика. Все больше и больше молодых людей увлекаются спортом, искусством и наукой в рамках действующих социальных и воспитательных программ. Но этого по-прежнему недостаточно. Необходимо прививать в обществе интерес к здоровому и активному образу жизни. На смену агрессивному и неформальному поведению, которое присутствует у молодежи, предоставленной самой себе, должны прийти действительно интересные и полезные формы проведения досуга. Одним из позитивных примеров могут стать различные молодежные форумы, такие как «Молодое дело» (форум, созданный по инициативе Белгородской епархии с целью духовно-нравственного воспитания молодежи). В течении нескольких дней молодые люди проживают на базе отдыха в лесу, где общаются с инициативными, креативными и интересными людьми: священниками, учеными, спортсменами и др. Вечерами перед костром поют песни под гитару, общаются на темы, актуальные для данного возраста. Это помогает самореализации и социализации юношей и девушек. Они чувствуют свою причастность обществу, общению и миру.

Основным фактором благополучного будущего молодежи, по мнению многих исследователей [Ковалев, 2006; Курочкина, 2021; Лисовский, 2000] является состояние психологического комфорта, отсутствие страхов и искаженных представлений о мире и о себе. Свобода самовыражения и активное участие в *молодежных мероприятиях*, включенность в общественную жизнь дадут молодому человеку понимание собственной ценности и нужности своей стране. Необходимо отметить, что наше государство и общество, ученые и педагоги общими силами смогут скорректировать и утвердить в сознании молодого поколения уверенность в себе и завтрашнем дне. Для этого на сегодняшний день создаются все возможности и условия.

Заключение

В итоге необходимо сказать, что все эти вышеуказанные способы решения проблем связаны больше с социальной сферой жизнедеятельности общества. А для формирования целостного мировоззрения и картины мира необходимо нечто большее, глубинное, стоящее вне материальных сфер. И здесь мы говорим о формировании аксиологических ценностей, их правильной формулировки и восприятия. Определение границ духовно-нравственных, моральных, этических и эстетических ценностей определит постепенное решение проблемы развития у молодого поколения устойчивости к катаклизмам времени, поможет сформировать личность, способную мыслить и развиваться, анализировать и сопоставлять, а главное знать свое собственное предназначение и разумно оценивать самого себя. Определяя жизненные приоритеты, мы определяем и действия, с помощью которых они реализуются. Как справедливо отмечено А.Н. Леонтьевым, ценности личности являются не только источником, но и смыслом, наиболее значимым для человека [Леонтьев,

1994, с. 78]. Принципиально важно определить эти ценности именно сейчас, в переломный момент, чтобы в будущем иметь устойчивое общество индивидов с четкой нравственной позицией и философской картиной мира.

Что касается методов преодоления современного релятивизма, разрозненности и мировоззренческой пустоты в молодом поколении, то они весьма разнообразны и должны быть рассмотрены в отдельной работе более подробно.

Список литературы

- Выготский Л.С. 1983. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3. Проблемы развития психики. Педагогика, 368.
- Казаникова А.А. 2016. Неформальные молодежные движения в СССР в период перестройки. Юный ученый, 2(5): 44–47.
- Ковалев С.В. 2006. Мы родом из Страшного Детства. Как стать хозяином своего прошлого, настоящего и будущего. Ростов н/Д, Феникс, 224 с.
- Курочкина, Е.В. Исследование релятивизма в аксиологических ценностях современной студенческой молодежи: анализ проблем. URL: <https://davaiknam.ru/text/issledovanie-relyativizma-v-aksiologicheskikh-cennostyah-sovrem> (дата обращения: 02 апреля 2021).
- Леонтьев А.Н. 1994. Философия психологии: Из научного наследия. М., Изд-во МГУ, 228 с.
- Лисовский В.Т. 2000. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., С. Петерб. гуманит. ун-т профсоюзов, 508 с.
- Петрановская Л.О. 2021. О том, как воспитывать (и не воспитывать) подростков. URL: <https://www.pravmir.ru/kak-stat-samim-soboy-i-ne-rasstroit-mamochku-instruktsiya-k-podrostku-ot-lyudmilyi-petranovskoy/> (дата обращения: 04 апреля 2021).
- Петрановская Л.О. 2021. О современном поколении. URL: <https://clutch.net.ua/deti/obuchenie/deti-otupeli-na-sebja-posmotrite-ljudmila-petranovskaja-o-sovremennom-pokolenii> (дата обращения: 04 апреля 2021).
- Сартр, Ж.-П. 1989. Экзистенциализм – это гуманизм. В кн.: Сумерки богов. М., Политиздат, 403 с.
- Фролова, Н.А., Браницкий В.В. 2019. Современная молодежь: взгляд изнутри. Вестник экономики, права и социологии, 1: 167–170.
- Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка. 2016. URL: <https://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodezhi-ekspertnaya-ocenka> (дата обращения: 07 апреля 2021).
- Lewis C.S. 1955. Surprised by Joy: The Shape of My Early Life. New York City: Harcourt Brace Jovanovich. pp. 128–186.
- Hailova, A.V. 2019. Value orientations of European youth the example of the UK. Voprosy studentcheskoy nauki, 11(39): 667–671.
- Sartre Jean-Paul. 1946. L'existentialisme est un humanism. France, Les Editions Nagel, Methuen & Co, 141 p.
- Sartre Jean-Paul. 2001. L'imagination. P., PUF, Sixieme e'dition, 163 p.
- Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. 1976. Subcultures, cultures, and class. London: Routledge, 206 p.
- Willis P.E. 1981. Learning to labor: how working-class kids get working-class jobs. NY: Columbia University Press. 226 p.
- Brake M. 1993. Comparative youth culture: the sociology of youth subcultures in Britain and Canada. London; New York: Routledge, 228 p.

References

- Vygotskiy L.S. 1983. Sobraniye sochineniy: V 6-ti t. [Collected works: In 6 volumes] T. 3. Problemy razvitiya psikhiki [Problems of psychic development]. Moscow, Publ. Pedagogika, 368 p.
- Kazanikova A.A. 2016. Neformal'nyye molodezhnyye dvizheniya v SSSR v period pe-restroyki [Informal youth movements in the USSR during perestroika]. *Yunyy uchenyy*, 2(5): 44–47.
- Kovalev S.V. 2006. My rodom iz Strashnogo Detstva. Kak stat' khozyainom svoego proshlogo, nastoyashchego i budushchego [We come from Terrible Childhood. How to become the master of your past, present and future]. Rostov n/D, Publ. Feniks, 224 p.
- Kurochkina, Ye.V. Issledovaniye relyativizma v aksiologicheskikh tsennostyakh sovre-mennoy studentcheskoy molodezhi: analiz problem [he study of relativism in the axiological values of

- modern student youth: analysis of problems]. Available at: <https://davaiknam.ru/text/issledovanie-relyativizma-v-aksiologicheskikh-cennostyah-sovrem> (accessed: 02 April 2021).
- Leont'yev A.N. 1994. *Filosofiya psikhologii: Iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of Psychology: From the Scientific Heritage]. Moscow, Publ. MGU, 228 p.
- Lisovskiy V.T. 2000. *Dukhovnyy mir i tsennostnyye oriyentatsii molodezhi Rossii* [Spiritual world and value orientations of Russian youth]. SPb., S.-Peterb. gumanit. un-t profsoyuzov, 508 p.
- Petranovskaya L.O. 2021. O tom, kak vospityvat' (i ne vospityvat') podrostkov [How to educate (and not educate) teenagers]. Available at: <https://www.pravmir.ru/kak-stat-samim-soboy-i-ne-rasstroit-mamochku-instruktsiya-k-podrostku-ot-lyudmilyi-petranovskoy/> (accessed: 04 April 2021).
- Petranovskaya L.O. 2021. O sovremennom pokolenii [About the modern generation]. URL: <https://clutch.net.ua/deti/obuchenie/deti-otupeli-na-sebja-posmotrite-ljudmila-petranovskaja-o-sovremennom-pokolenii> (data obrashcheniya: 04 aprelya 2021).
- Satr Zh.-P. 1989. *Ekzistsentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is humanism]. In.: *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, Publ. Politizdat, 403 p.
- Frolova N.A., Branitskiy V.V. 2019. *Sovremennaya molodezh': vzglyad iznutri* [Modern Youth: Inside View]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 1: 167–170.
- Sistema tsennostey rossiyskoy molodezhi: ekspertnaya otsenka [The system of values of Russian youth: expert assessment]. Available at: <https://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodeji-ekspertnaya-ocenka> (accessed: 07 April 2021).
- Lewis C.S. 1955. *Surprised by Joy: The Shape of My Early Life*. New York City: Harcourt Brace Jovanovich. pp. 128–186.
- Hailova A.V. 2019. Value orientations of European youth the example of the UK. *Voprosy studencheskoy nauki*, 11(39): 667–671.
- Sartre Jean-Paul. 1946. *L'existentialisme est un humanism*. France, Les Editions Nagel, Methuen & Co, 141 p.
- Sartre Jean-Paul. 2001. *L'imagination*. P., PUF, Sixieme e'dition, 163 p.
- Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. 1976. *Subcultures, cultures, and class*. London: Routledge, 206 p.
- Willis P.E. 1981. *Learning to labor: how working-class kids get working-class jobs*. NY: Columbia University Press. 226 p.
- Brake M. 1993. *Comparative youth culture: the sociology of youth subcultures in Britain and Canada*. London; New York: Routledge, 228 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.12.2021

Поступила после рецензирования 18.03.2022

Принята к публикации 30.07.2022

Received December 18, 2021

Revised March 18, 2022

Accepted July 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дагаев Рашид Рамазанович, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия

Филатова Яна Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rashid R. Dagaev, senior lecturer departments of theory and technology of social work A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

Yana S. Filatova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 342; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-601-609

Философское понимание силы права: совесть и достоинство в истоках народной органической жизни

¹Исмагилова М.М., ²Римский А.В., ³Римский В.П.

¹ Культурно-спортивный центр (филиал ООО Газпром трансгаз Чайковский)
617762, Россия, Пермский край, г. Чайковский, ул. Советская, 49

² Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
308024, Россия, Белгород, ул. Горького, 71

³ Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308000, Белгород, ул. Королева, 7

E-mail: alex.rimskiy@yandex.ru; masha.stepkina.2012@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. Представлена попытка интерпретировать совесть и достоинство в контексте правовых изменений в российском обществе, исходя из положения о нравственном смысле права в традиционной правовой культуре. Автор статьи полагает, что категории совести и достоинства в русской традиции носят не индивидуалистический смысл, а связаны с экзистенциальным измерением, выводят право на состояние обращенности к народной органической жизни, где мериллом является совесть как явление национального самосознания. Сделан вывод о том, что в традиционной правовой культуре обосновано понимание совести как ключа к достоинству человека, при этом для автора самоочевидным становится нравственное регулирование диалога общества и государства, власти и народа.

Ключевые слова: совесть, достоинство, сила права, правовая традиция, модерни, интеллигенция

Для цитирования: Исмагилова М.М., Римский А.В., Римский В.П. 2022. Философское понимание силы права: совесть и достоинство в истоках народной органической жизни. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 47(3): 601–609. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-601-609

Philosophical Understanding of the Power of Law: Conscience and Dignity in the Origins of People's Organic Life

¹Maria M. Ismagilova, ²Aleksey V. Rimsky, ³Viktor P. Rimskiy

¹ Cultural and Sports Centre (branch of OOO Gazprom transgaz Tchaikovsky),
49 Sovetskaya St, Tchaikovsky, Perm Region 617762, Russia

² Putilin Belgorod law Institute of the Ministry,
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russia

³ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308000, Russia

E-mail: alex.rimskiy@yandex.ru; masha.stepkina.2012@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Abstract: This article attempts to interpret conscience and dignity in the context of legal changes in Russian society, based on the position about the moral sense of law in the traditional legal culture. The author supposes that the categories of conscience and dignity in Russian tradition have not individualistic meaning, but are connected with existential dimension; they bring law to the state of being applied to national organic life, where the measure is conscience as a phenomenon of national self-consciousness. Concluding that the traditional legal culture substantiates the understanding of conscience as the key to human dignity, the author considers the moral regulation of the dialogue between society and state, power and people to be self-evident.

Key words: conscience, dignity, power of law, legal tradition, modernity, intellectuals

For citation: Ismagilova M.M., Rimsky A.V., Rimskiy V.P. 2022. Philosophical Understanding of the Power of Law: Conscience and Dignity in the Origins of People's Organic Life. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 601–609 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-601-609

Для понимания социальной и правовой динамики важно рассмотреть, как она выражает конституционализм и симфонизм в сознании и правовой культуре русской интеллигенции. Немаловажное место здесь занимает дух эпохи и дух человека. Отмечая, что сила права состоит по внешней форме в политико-институциональной конфигурации, мы должны отметить следующие обстоятельства. Русская интеллигенция является уникальным культурно-историческим явлением, поскольку в ней соединились революционный и нигилистический разночинский дух, увлечение идеями освобождения и одновременно стремление понять русское общество, русскую культуру. Не случайно сформировалась плеяда блестящих русских юристов (Муромцев, Новгородцев, Суздальцев), тех, кто пытались выявить самобытность русского права, соотнесенного с русским обществом и русской властью. Это общее положение конкретизируется, принимает ясность, когда мы включаем в описание права такие нравственные и культурные категории, как «совесть» и «достоинство». Действительно, русская правовая традиция связана с народной органической жизнью, в ней понятие «совесть» как веление личности, как ее высокий побудительный мотив сопрягается с понятием достоинства, чести, способности быть человеком не только в критические моменты жизни – с этим мы уже сталкивались в истории на примере негативной мобилизации, – но и с испытанием бытом.

В этом смысле приходит на память мысль историка русской философии Н.О. Лосского, который писал, что сама идея русской философии пропитана тем, как традиция находится в родстве с русской идеей, как существует изумительное сверхэмпирическое единство народа. Когда он говорит о И.В. Киреевском, то делает вывод о том, что Киреевский был подлинным выразителем глубинных основ русского духа [Лосский, 1994, с. 31]. Таким образом, есть необходимость рассматривать правовую традицию в ее отреллексированном виде, опирающейся на духовность русского народа, закрепленную в православной традиции.

Повторяя мысль о том, что русское общество является традиционным и в этом его сила и особенность, в отличие от западной цивилизации, сложно определить то, что является воплощением этой особенности в правовом смысле. Здесь требуется разделить правовые влияния, связанные с модернизацией права, совершенствованием правового кодекса, и то, что мы называем глубинной сущностью права. Когда ставится вопрос о совести и достоинстве, аргументация не должна сужаться до подвига отдельной личности, сподвижника. Актуальным является то, как совесть и достоинство выгранены в правовых коннотациях, в правовых суждениях и оценках общества.

Интересный факт – русская адвокатура в конце XIX века «рыла могилу» власти, защищая революционных террористов (её во многом и справедливо за это попрекали). Это вопрос, который затрагивал русскую интеллигенцию, и дело не только в её комплексе «народолюбия». Представители интеллигенции, выражаясь языком морали, говорили, что так им велит совесть и те, кто был подвергнут преследованиям государственной машины, несмотря на их злодеяния, нуждаются не только в декларативном сочувствии.

Парадоксально, – это было то, что в современном языке называется «профессиональный долг», и он, профессиональный долг, сейчас стал абстракцией равнодушия. Нередко исполнение профессионального долга связывается с возможностью заработать

символический и материальный капитал, а адресат юридического действия остается вне понимания совести, квалифицируется как клиент. В этом и есть отличие современных профессионалов от русской интеллигенции, которая включила понятие совести в правовую мысль.

Каким образом совесть может быть регулятором права? В.С. Соловьев называл право низшей ступенью морали, вынужденной необходимостью, требующей устранения абсолютного зла [Русская идея, 1992, с. 189]. Ф.М. Достоевский писал о том, что само понятие совести заставляет человека осознавать себя или в мире, или вне мира; совесть есть величайшая ответственность человека [Русская идея, 1992, с. 149]. Поэтому, когда Достоевский описывал ужасы войны, он четко указывал на то, что именно совесть требует от личности не совершать деяния, несовместимые с достоинством человека; что несмотря на зверства противника, русский солдат не был склонен к повторению зверств, был освободителем славянских народов в высоком нравственном смысле и нес избавление не только от национального гнета и многовекового рабства, но и, по существу, показывал, что есть пределы выше формальных правовых норм: надо жить и поступать по совести.

Это, кстати, актуально и поныне для понимания действий «русского солдата». В этом контексте важным представляется то, что российские воины, защищая Отечество в настоящий момент, являются не только профессионалами, выполняющими свои обязанности, к ним предъявляется – и они взаимно предъявляют обществу – императив судить обо всем по понятию совести. Совесть – это не химера, которую топтали нацисты, а затем их дело продолжили явные и не явные наследники. Совесть – это глубинное измерение русской правовой мысли.

Американский исследователь Дж. Х. Биллингтон в своем произведении «Икона и топор» пишет о топоре как орудии возмездия [Биллингтон, 2001], парадоксально сочетающимся с иконой – символом святости, но он так и не понял самого важного: именно русский народ целиком оправдывает драматический ход событий, народ всегда начинает и завершает историческую драму. Эта мысль прозвучала в комментарии Биллингтона оперы М. Мусоргского «Хованщина», но ее подлинный смысл гораздо шире. Именно народ является выразителем совести, если, конечно, мы имеем дело с народом, а не с «биомассой», населением и другими расплывчатыми и сомнительными предикатами.

Таким образом, понятие совести восходит к истокам русского правового сознания. Право обретает силу, если оно базируется на совести, на стремлении и личности, и общества жить в гармонии. Обратной стороной совести является стыд как чувство виновности, но стыд вторичен по отношению к совести, точнее, стыд есть показатель того, что общество способно к самоврачеванию, и стыд, несмотря на драмы и коллизии общественной жизни, актуализирует фильтры права, ставит разграничительный знак между дозволенным и недозволенным.

То, что в западной европейской интеллектуальной истории английский философ Ф.М. Тернер обозначает как «поворот к субъективизму» [Тернер, 2016, с. 81], в реальности означало, что модерни (современность) освободило эпоху духа просвещения от вмешательства священничества, но дело не только в секуляризованности. Для человека жизнь состоит в действовании, в избавлении от божественного откровения и переносе смыслов на внутренний религиозный опыт, требует рассматривать человеческие творения (к чему относится и право) по критерию конструирования человеческим разумом собственного опыта. А это означает, что совесть как категория трансцендентная уходит в прошлое и на ее место, даже если человек, по Канту, рассматривает сам себя, становится понятие достоинства.

Казалось бы, призыв к способности мыслить, что отделяет человека от животного, обнаруживает стремление к рационализации, а право выступает одной из высших форм

рационализма. Здесь есть очень тонкий момент, который заключается в том, что с освобождением от трансцендентности, метафизичности, внешнего религиозного опыта человек, внутренне оставаясь наедине с самим собой, как говорил Р. Гвардини [Самосознание... 2000, с. 201], обнаруживает, что исчез центр мира, а от этого логика модерни в последствии переходит в логику постмодернити, релевантности понятий, в том числе и нравственных категорий. Даже если считать достижением XVIII века то, что поворот к субъективизму создал очаги личной свободы, свобода, таким образом, – и это видно по размышлениям современных либеральных теоретиков, – становится свободой «от», или негативной свободой и отменой права, потому что нынешняя отмена презумпции невиновности является отменой права.

Русская философская мысль предчувствовала такой опасный поворот событий, когда в работах Достоевского, Леонтьева, Бердяева был поставлен знак равенства между совестью и ответственностью. Понимание того, что совесть воспроизводится в праве как ограничитель бесправия, требование поступать должным образом, есть трудность. Действительно, правовые нормы, следуя логике равенства, формальны, не относятся к личности как таковой, а аргумент совести не является юридически обоснованным. Но, если обратиться к истории традиционного права, права как способности выражать духовность человека, вероятно, совесть становится обязательной по отношению к достоинству. К такому выводу мы можем прийти на основании размышлений Н.А. Бердяева, который пишет о судьбах России (с ним можно соглашаться или не соглашаться), о том, что несмотря на исключительную способность русской интеллигенции к идейным увлечениям, несмотря на то, что русский интеллигент пережил увлечение Гегелем, Шеллингом, Фейербахом, Марксом, эта болезнь не привела к духовному вырождению.

Да, даже невзирая на религиозный экстаз, важной стороной этого процесса стало пробуждение мысли и, несмотря на нигилизм, утопизм революционности, оно было связано со стремлением к внутренней свободе, к тому, что уже первый русский революционер А. Радищев утверждал верховенство совести. У А. Радищева, которого можно считать первым русским носителем радикальных революционных идей, суть размышления состоит в том, что именно категория совести должна применяться и к обществу, и к государству, что если государство поступает «не по совести», то оно не может претендовать на то, чтобы поучать народ, быть апостолом совести.

Русская интеллектуальная мысль (обратим внимание на этот термин Бердяева) искала ответ на вопрос, что есть Россия и какова ее судьба. Как бы не попрекали русское общество в мессианизме, в том, что оно постоянно увлекается ложными идолами и в этом смысле безнадежно отстало от «современного» мира, наверное, это благо для России, так как здесь нигилизм дошел до предела, а действующие вместо ценностей «правила» на современном Западе показывают убожество европеизма.

Не останавливаясь на критических оценках, нам следует согласиться с тем, что совесть – это то, что позволило и позволяет традиционной системе права быть сопричастной и судьбам страны, и судьбам народа. Совесть не является только элементом внутреннего опыта. В этом смысле расхожее правило «каждый поступает по своей совести», требуя от человека внешнего соблюдения, как следствие, допускает моральный релятивизм. Неправильное судебное решение является не уделом судьи, совершившего преднамеренную или непреднамеренную ошибку. «Поступать по совести» означает ставить понимание того, что есть совесть, задуматься над интерпретацией того, что есть правовое решение. Для постижения этого вывода мы опираемся на русскую религиозно-нравственную и интеллектуальную традиции, на то, что понятие совести не означает волю индивидуализма, возведение достоинства человека в безусловный постулат.

Важно отметить тот момент, что при ситуации распада «связи времен», как писал В. Малинкович, ценности нового времени оказались переходящими в «правила» и ссылки на «человеческий разум», и, как показал проект Просвещение, не спасли и могут иметь следствием идеологию ненависти и вражды, но именно обращение к совести и достоинству как к двум полюсам права избавляет от романтизма и гиперрационализма [Малинкович, 2008, с. 77]. Думается, что фаустовское мировоззрение не свойственно русской традиции, потому что оно может вызвать острый конфликт в сознании человека между совестью и успехом. У И. Гете была реальная проблема творческого потенциала человека, но что примечательно, победа либеральной идеи прав человека, достоинства личности не предупредила брожения умов в Европе, что характерно для коннотаций русского традиционного права, несмотря на исторические испытания.

Сказанное выше вовсе не означает, что мы имеем иммунитет против проявления антисовести, нравственного нигилизма или унижения достоинства человека. Думается, что веберовская мысль о рационализации не только экономики, науки, искусства, государства, о том, что всё должно быть практически рациональным, хорошо выверенным и проверенным, отнимает у человека право мыслить. Как признает В. Малинкович, советскому человеку проще, чем рационализированному западному, погружаться в сферы, которые принято называть духовными.

Рассматривая проблему совести и достоинства в русской правовой традиции, нельзя не отметить то, что мы не отождествляем правовые коннотации и правовую традицию, поскольку традиция богаче по объему и содержанию, но дело не только в этих внешне количественных параметрах. Правовые коннотации подчеркивают и выделяют особенности российской системы права как имеющие формально юридические параметры, но реально восходящие к традиции как к механизму воспроизводства духовной жизни российского общества.

Обращаясь к наследию митрополита Иоанна, который написал замечательные «Очерки русского самосознания», мы можем говорить о том, что согласно православному учению раскол на Руси был связан не только с борьбой никонианцев и старообрядцев, а имел гораздо более глубокие и серьезные основания и последствия в процессах секуляризации, реформах Петра I, который много сделал для российской государственности, но одновременно внес дух западничества в русскую общественную жизнь и национальное самосознание [Митрополит Иоанн, 1994, с. 236]. Митрополит Иоанн говорил о том, что западничество являлось тем обстоятельством, которое имело догматический характер для российской истории, для раскола элит и народа и привело в конечном счете к кризису самодержавного духа.

Ведь согласно имперской идее, существовавшей в XIX веке, оформленной русской консервативной мыслью, быть русским – значит быть верноподданным империи, носителем имперской идеи. Это то, что являло резонанс универсальности православной традиции, то, что оставалось и остается смыслом русского права, имеющего основания в согласии народа и власти. Иными словами, каждый раз, когда право пытается изменить народное национальное самосознание, когда в правовые конструкции вносятся идеи стяжательства и эгалитаризма, правовые нормы не воспринимаются в социальной повседневности и становятся источником коррупции, деформации права, перевертывания его миссии. Жизнь всякого человеческого сообщества, говорил митрополит Иоанн, зиждется единством мировоззрения, определяющего не только морально-этические и религиозно-нравственные нормы поведения, но и то, что признается людьми допустимым, а что нет, что выдается за благо, а что за зло, и какой смысл появляется в человеческом бытии и какова его личная высшая цель.

Казалось бы, разрыв между правом как системой принуждения в эпоху вынужденного недоверия (А. Селигмен) не соприкасается с моралью, с традицией, которая воспринимается в лучшем случае консерватизм [Селигмен, 2002, с. 199]. Но понятно, что столкновение противоречивых идей, которое может быть выдано за свободу мнений, не есть доказательство верховенства права над народным бытием. Духовные начала коренятся в русской правовой традиции, традиционной культуре, ориентированной на высшие смыслы. И когда заявляют, что справедливость признается как базовый принцип вне совести и достоинства, в этом есть определенная эпистемологическая ошибка и лукавство. Справедливость – слишком пустое понятие для морали, если оно носит сугубо социоцентристский смысл, как это показали и показывают социалистические движения, доходящие до казарменного социализма и уравниательства. Оно становится правовым, если опирается не на конструкт формального правового равенства, а связано с понятием «жить по совести».

Поэтому трудно представить судьбу России, подобно описанной З. Бауманом в конструкте индивидуализированного общества [Бауман, 2002, с. 298]. Видный социолог постмодерна писал о том, что в современном мире человек перестает видеть опору в государстве, солидарности и идентичности. Как ни удивительно, опасения З. Баумана относительно современного человека, траектории его жизни, совпадают с мыслью митрополита Иоанна. Они объективно солидарны в том, что на лицо кризис современной демократии, которая перестала быть идеей субъекта как гражданина и члена политического организма у З. Баумана и является демократией меньшинств, которая воспринималась митрополитом Иоанном в качестве диктатуры формы, формального и подавляющего механизма.

Анализируя совесть и достоинство как непреходящие ценности личности и общества, лежащие в основе традиционного общества, легко «напороться» на частокол обвинений в автократии и даже в тоталитаризме. Но, как мы выяснили ранее, русская правовая традиция не является антиконституционалистской: напротив, в ней запечатлены основные права человека, но именно как человека традиционного общества, как гражданина, «живущего по совести». Не случайно З. Бауман говорит о том, что демократия есть власть меньшинства в том смысле, что требует выступить от всех, но для этого основывается только на формальных юридических нормах, лишенных юридической оболочки.

Российский исследователь В.В. Ильин, классифицируя современную теорию познания, отмечает, что прославление технизма, урбанизма, национализма, фактурности, технологичности создает кризисную ситуацию, а сверхзадачей оказывается выработка ответственности в пределах «этики обещаний», веры в бога и «осмотрительного поведения». В действительности правовые формы вне совести, как ответственность перед Богом и обществом, и достоинства как самосознания личности в рамках дилеммы «человек – не человек» выводят на то, что вне традиции, и это можно объяснить из противоречивых реформ модернизации. Они становится практиками «внутренней колонизации», и по мере того, как в предшествующий советский период нарастала атмосфера безверия и ухода от языка просвещенческого универсализма, стал отрицаться сам смысл права как выражения экспрессии совести.

В позднесоветский период, когда под лозунгом перестройки началась атака на основы, пусть несовершенного, но имевшего смысл для миллионов людей социалистического проекта, правовые институты, такие как демократия и рынок, стали магическими формулами, увлекшими общество в дебри несправедливости и разочарования. Получилось так, что взгляд на мировую историю из социалистической перспективы оказался, по мнению строителей нового капитализма, ложным, но при этом перестала существовать категория совести. Отмечается, что правовая коннотация совести в правовом поле российского общества в постсоветский период формализовалась [Баранов, Овчинников, 2006], и не случайно либеральные теоретики пытаются выдвинуть претензии по поводу беспомощности

права в российском обществе как свидетельство правовой демодернизации. Мы же можем отметить, что, наоборот, именно формализация правовых норм, попытки перевести их на язык европейского конституционализма, выхолостить экзистенциальную сущность права создали ситуацию правовой неопределенности. Россия выявила тенденцию упрощения реальных социальных, культурных и в целом экзистенциальных проблем.

Когда мы говорим о правовых инновациях, о тех усилиях, которые предпринимаются российскими законодателями и представителями власти, не трудно заметить, что речь идет об укреплении авторитета российского государства, сужения простора антисистемных влияний, и правовые нормы, которые были закреплены в 90-е годы, естественно нуждаются в коррекции, действительном соотношении с живым правом. Совесть, как регулятор правовых изменений, воздействует на принятие критерия соответствия правовых норм традиционным ценностям. В этом контексте конструктивны намерения нейтрализовать действия постмодернистских веяний, связанных с релевантностью права, с внедрением трансгендерной проблематики, с пропагандой однополых браков. Это, так сказать, поверхность, в которой наиболее проявляются противоречия нашей жизни, и их нельзя свести только к остаточным влияниям западной правовой культуры.

Особенность русской правовой культуры, восходящей к православной традиции, состоит в том, что совесть как ядро традиционной морали является пространством ответственности человека, того, что Достоевский относил к сфере свободы. Совесть является смыслом ответственности и смыслом направленности воли, действия человека по образцу апостолов. Не опасаясь такого сильного сравнения, мы можем говорить о том, что именно совесть в русской правовой традиции относится не только к интеллигенции, к её лучшим представителям, но и к народу как органическому субъекту, основывается на понимании человека как образа Божьего. Несмотря на то, что Н.А. Бердяев назвал стремлением к анархии и бунтарству, действие духа распространяется на все человечество, дух объемлет душу и тело, то есть именно дух, как сердцевина права, вынуждает человека действовать по Божьей воле [Бердяев, 1997, с. 272]. Другими словами, для личности совесть есть то, что стоит над справедливостью. Чувство сопричастности к справедливости возникает в том месте и тогда, когда пробуждается совесть.

Размышляя таким образом, мы возвращаемся к теме крепости духа (митрополит Иоанн), к состоянию убежденности в том, что судьба России – божий промысел. Это не вздорное суждение о богоизбранности народа. Российский народ здесь нужно различать как гражданско-политическую и духовную общность. Но, если мы в традиционном праве на первое место ставим духовность, измерение жизни по божьему закону, то гражданин является носителем совести, и если он претендует на достоинство, то должен быть человеком совести. Достоинство нужно заслужить, хотя оно и возведено в ранг формального права, но получает смысл в совести. Таким образом, конфигурация свободы и совести создает понимание права как включенного в мир субъективных ценностей российского человека.

Список литературы

- Бауман З. 2002. Индивидуализированное общество. М., Логос 390 с.
- Баранов П.Л., Овчиников А.И. 2006. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления. Ростов-на-Дону, НИИ МВД России, 192 с.
- Бердяев Н.А. 1997. Русская идея. Судьба России. М., Изд «Сварог и К», 526 с.
- Биллингтон Дж. Х. 2001. Икона и топор. Изд. Рудомино, 879 с.
- Гражданские позиции интеллигенции. «Камо грядеши». 2004. М., Российский государственный гуманитарный университет, 359 с.
- Ильин В.В. 2020. Теория познания. Критика инструментального разума. М., Проспект, 160 с.
- Ильин И.А. 1998. О грядущей России. Джорданвилл, 367 с.

- Лосский Н.О. 1994. История русской философии. М., Прогресс, 460 с.
- Люкс Л. 2009. История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина. М., Российская политическая энциклопедия, 527 с.
- Малинкович Вл. 2008. Век вывихнут... Распалась связь времен М., Международный институт гуманитарно-политических исследований, 352 с.
- Митрополит Иоанн. 1994. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Изд. Л.С. Яковлевой, 352 с.
- Русская идея. 1992. М., Республика, 496 с.
- Самосознание культуры и искусства конца XX века. 2000. М., Спб., Университетская книга Культурная инициатива, 640 с.
- Селигмен А. 2002. Проблема доверия. М., Идея-Пресс, 256 с.
- Тернер Фр. М. 2016. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше. М., Кучково поле, 384 с.
- Традиция и русская цивилизация. 2006. М., Астрель, 282 с.
- Уолцер М. 2000. О терпимости. М., Дом интеллектуальной книги, 160 с.

References

- Bauman Z. 2002. Individualizirovannoye obshchestvo [Individualized society]. Moscow, Publ. Logos 390 p.
- Baranov P.L., Ovchinikov A.I. 2006. Aktual'nyye problemy teorii pravosoznaniya i pravovogo myshleniya [Actual problems of the theory of legal consciousness and legal thinking]. Rostov-on-Don, NII MVD Rossii, 192 p.
- Berdyayev N.A. 1997. Russkaya ideya. Sud'ba Rossii [Russian idea. The fate of Russia]. Moscow, Publ. Svarog i K, 526 p.
- Billington Dzh. KH. 2001. Ikona i topor [Icon and axe]. Moscow, Publ. Rudomino, 879 p.
- Grazhdanskiye pozitsii intelligentsii. «Kamo gryadeshi». 2004. [Civic positions of the intelligentsia. "Kamo are coming"]. Moscow, Publ. Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 359 p.
- Il'in V.V. 2020. Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma [Theory of knowledge. Critique of instrumental reason]. Moscow, Publ. Prospekt, 160 p.
- Il'in I.A. 1998. O gryadushchey Rossii [About the coming Russia]. Dzhordanvill, 367 p.
- Loskiy N.O. 1994. Istoriya russkoy filosofii [History of Russian Philosophy]. Moscow, Publ. Progress, 460 p.
- Lyuks L. 2009. Istoriya Rossii i Sovetskogo Soyuz. Ot Lenina do Yel'tsina [History of Russia and the Soviet Union. From Lenin to Yeltsin]. Moscow, Publ. Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 527 p.
- Malinkovich Vl. 2008. Vek vyvikhnut... Raspalas' svyaz' vremen [A century will dislocate... The connection between the times of M. broke up]. Moscow, Publ. Mezhdunarodnyy institut gumanitarno-politicheskikh issledovaniy, 352 p.
- Mitropolit Ioann. 1994. Samoderzhaviye dukha. Ocherki russkogo samosoznaniya [Autocracy of the spirit. Essays on Russian identity]. Publ. L.S. Yakovlevoy, 352 p.
- Russkaya ideya [Russian idea]. 1992. Moscow, Publ. Respublika, 496 p.
- Samosoznaniye kul'tury i iskusstva kontsa XX veka. 2000. [Self-awareness of culture and art of the late twentieth century]. Moscow, St. Petersburg, Publ. Universitetskaya kniga Kul'turnaya initsiativa, 640 p.
- Seligmen A. 2002. Problema doveriya [The problem of trust]. Moscow, Publ. Ideya-Press, 256 p.
- Terner Fr. M. 2016. Yevropeyskaya intellektual'naya istoriya ot Russo do Nitsshe [European intellectual history from Rousseau to Nietzsche]. Moscow, Publ. Kuchkovo pole, 384 p.
- Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya [Tradition and Russian civilization]. 2006. Moscow, Publ. Astrel', 282 p.
- Uoltser M. 2000. O terpimosti [On tolerance]. Moscow, Publ. Dom intellektual'noy knigi, 160 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.04.2022
Поступила после рецензирования 18.07.2021
Принята к публикации 20.07.2022

Received April 18, 2022
Revised July 18, 2021
Accepted July 20, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, лейтенант полиции, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Aleksey V. Rimsky, Candidate of Philosophical Sciences, Police Lieutenant, Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

Исмагилова Мария Михайловна, секретарь руководителя Культурно-спортивного центра (филиал ООО Газпром трансгаз Чайковский), Чайковский, Россия

Maria M. Ismagilova, Secretary of the Head of the Cultural and Sports Center (branch of Gazprom transgaz Tchaikovsky), Tchaikovsky, Russia

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия

Viktor P. Rimskiy, doctor of philosophy, Professor, Professor of the Department of philosophy, cultural studies, and science of the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATIONS

*Предлагаем вниманию наших читателей материалы выступлений участников международного круглого стола «**КОНСОЛИДАЦИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ: ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ И РЕГУЛИРОВАНИЯ**», который прошёл в Белгородском государственном национальном исследовательском университете 09 сентября 2022 года.*

*We bring to the attention of our readers the materials of the presentations of the participants of the international round table "**CONSOLIDATION OF URBAN COMMUNITIES: PROBLEMS OF DIAGNOSTICS AND REGULATION**", which was held at the Belgorod State National Research University on September 09, 2022.*

УДК 316.6

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-610-614

Мода и идентичность в городском пространстве

Анисимов Н.О., Римская О.Н.

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7
E-mail: nik.anisimov.o@bk.ru; olgarimskaja@rambler.ru

Аннотация. Моду возможно рассматривать как средство, с помощью которого воспринимаются различные дискурсы об идентичности и с которым можно связать характеристики мест, где она проявляется. Авторы рассматривают взаимосвязь между модой – набором знаков одежды – и городским пространством, то есть местом, где она воспроизводится.

Ключевые слова: город, мода, идентичность, городское пространство

Для цитирования: Анисимов Н.О., Римская О.Н. 2022. Мода и идентичность в городском пространстве. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право, 47(2): 610–614.
DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-610-614

Fashion and Identity in Urban Space

Nikita O. Anisimov, Olga N. Rimskaya

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russian Federation
E-mail: nik.anisimov.o@bk.ru; olgarimskaja@rambler.ru

Abstract. Fashion can be seen as a medium through which different discourses about identity are perceived and to which the characteristics of the places where it manifests itself can be associated. The

authors consider the relationship between fashion – a set of signs of clothing – and urban space, that is, the place where it is reproduced.

Keywords: city, fashion, identity, urban space

For citation: Anisimov N.O., Rimskaya O.N. 2022. Fashion and Identity in Urban Space. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 610–614 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-610-614

Моду можно рассматривать как средство коммуникации через образ, который она создает и который служит для характеристики идентичности. Одежда, которую мы носим, включает в себя набор мнений, вкусов и критических оценок индивида относительно себя, но она также вбирает в себя коллективные интерпретации, используемые определенной группой людей и в определенное время. Что касается идентичности, мода также является выражением языка, передаваемым через визуальный аспект одежды и аксессуаров, кодов и символов, которые служат для представления определенных социальных групп. Жиль Липовецкий в «Империи Эфемерного» [2012] показывает связь между модой и культурными представлениями. По мнению автора, существует теоретическая причина феномена моды в современном и западном обществах. Объекты моды – это социальные знаки, которые в контексте потребления служат своего рода легитимаций различий между индивидами.

По мнению автора, в процессе кризиса национальной идентичности прослеживается параллель между трансформацией понятия культурной идентичности и появлением моды как языка идентичности, поскольку мода сопровождает формирование культурных идентичностей. Мода играет важную роль в определении индивидом своей идентичности внутри тех социальных групп, с которыми он себя соотносит, либо стремится соотноситься. Одежда и аксессуары образуют «культурную кожу», которая показывает, кто мы есть или кем мы хотели бы быть. Однако так или иначе наш стиль одежды исходит из социальной и культурной конструкции, в которую мы были изначально интегрированы. Вот почему то, как мы одеваемся, может как интегрировать, так и исключать нас из социальной группы. Самым удобным способом для интеграции остается имитация социокультурной группы, а также пола, к которому человек стремится принадлежать. Подражание группе посредством моды помогает нам чувствовать себя «на своем месте» внутри группы и выполняет важную функцию социального подтверждения [Липовецкий, 2018].

Соотношение моды и группы существовало в иной плоскости, когда национальная идентичность была тесно связана с культурной идентичностью, мода служила подтверждением социальных различий, определяемых не только одеждой, но и манерами, поведением, вкусами и речью. Это то, что мы наблюдаем, например, в заимствовании культурных моделей, преобладавших при французском королевском дворе, другими западными народами в конце средневековья [Гофф Ле, 2018]. Однако связь между модой и идентичностью тем более ослабевает, когда национальная идентичность больше не соответствует культурной идентичности, и с этого момента мода стремится соответствовать сети разнообразных репрезентаций. Таким образом, мода становится формой репрезентации различий, в то же время подтверждая идею фрагментарной идентичности. Кроме того, мода как эфемерное явление постоянно обновляет свои коды и символы и, следовательно, трансформирует и изобретает заново дискурсы и языки.

Таким образом, мы рассматриваем идентичность как явление, связанное с культурными представлениями [Вебер, 1994], из которых мода, набор знаков и представлений, составляет особое культурное поле: культуру эфемерного. Это поле весьма парадоксально, поскольку оно утверждает свое тождество в процессе постоянного обновления.

Следует, однако, подчеркнуть, что это постоянное обновление возможно, поскольку в обществе одежда воспринимается еще и как предмет потребления. Отсюда приверженность идеи микроразличий и небольших вариаций стиля, возникающих за короткие промежутки времени. Нет больше необходимости долго кристаллизовать новые обычаи и привычки, связанные с одеждой и модой в целом. В этом контексте репрезентацией фрагментированных идентичностей именно через объекты мы проверяем инновации ценностей и смыслов, примером которых является мода. Даже если мода конструирует смысл, с которым индивид идентифицирует себя, она не нуждается в прошлых воспоминаниях или будущих увековечиваниях, время моды — это настоящее [Гофман, 2013]. Мода может искать знаки или значения в прошлом, но ее объекты всегда являются обновлением формы или используемых материалов. Этот процесс актуализации усиливает эфемерность и роль моды в утверждении фрагментарных идентичностей. С другой стороны, эта утонченная характеристика моды нуждается в контексте, в пространстве, где она может сыграть свою роль, где явление актуализируется, просматривается, различается, имитируется или копируется. Медиапространство может быть наиболее благоприятным для такого распространения; с другой стороны, интересующий нас анализ касается физического пространства города в построении или утверждении его различных частей.

После того, как мы представили взаимосвязь между идентичностью и модой, мы стремимся понять, как эта взаимосвязь воспринимается в физическом пространстве, в частности, в городском пространстве. Городское пространство понимается как структурированное, не случайно организованное пространство, социальные процессы которого выражают детерминизм социальной организации [Tilly, 1994]. Таким образом, городское пространство представляет собой множество фрагментов или пространств, дифференцированных по разнообразию типов или социокультурных представлений, вписанных в него. Эти дифференцированные пространства мы называем территориями [Трубина, 2011]. Город как бы представляет собой огромную «головоломку», составленную из дифференцированных частей, где каждая часть занимает свое место. В целом определение территории связано с политической сферой, разделением социальных классов и функциями городского пространства. С другой стороны, дифференциация проявляется и у его жителей в образе жизни, речи, еде и одежде.

Идея городского пространства, построенного фрагментированными территориями, соответствует идеи о том, что город создается повседневными практиками, в которые вписаны ценности, символы, знаки и знаки различных культурных идентичностей. Таким образом, мы воспринимаем городское пространство как сцену, на которой эти разные идентичности играют и предстают в отношениях взаимозависимости, где одна утверждает другую.

Город представляет собой культурную территорию, а городское пространство, таким образом, является совокупностью территорий, границы которых более или менее ясны, более или менее проницаемы или непроницаемы, стабильны или пластичны, где идентичности проявляются и взаимодействуют [Вирт, 2016]. По аналогии поле моды имеет более или менее четкие границы, в соответствии с которыми идентичности ведут себя аналогично репрезентации территориями. Пространство, в котором выставляются и объединяются общие коды, означает, что индивиды утверждают себя, узнают себя и узнаются в идентичности, которая также специфична для этого пространства. Таким образом, мы понимаем, что отношение между модой и местом — это не определение или утверждение одного другим, а сопоставление. Мода, являясь эфемерной и коммуникативной, нуждается в пространстве, в котором она сможет выразить себя.

Сегодня, когда стремление к индивидуальности усиливается за счет индивидуального самовыражения, возрастает и потребность в пространствах, где это самовыражение демонстрируется [Lynd, 2000]. Города, которые по сути являются центрами моды, по-

следовательно выстраивают свой модный дискурс, опираясь на те историко-культурные реалии, в которых они существуют и формируют свой собственный узнаваемый стиль. Этот стиль объединяет жителей города по принципу соответствия моде. Вместе с тем сами жители города стремятся к тому, чтобы интегрироваться в это общегородское пространство моды. Во многом это стремление вызвано необходимостью ощущать сопричастность с людьми, которые окружают индивида каждый день. Городские пространства все более воспринимаются городским сообществом как пространства социального самовыражения и моды, как своеобразный канал коммуникации. В этом диалоге между индивидуумом и городским сообществом чувство принадлежности, которое возникает в том числе через соответствие моде, определяет саму форму общения по принципу свой/чужой. Вместе с тем ошибочно будет представлять городское пространство моды, равно как и городское сообщество, целостным явлением, потому как в основании моды, как и в основании идеи города, лежат фрагментации смыслов. Мода отражает пространство города в целом, а также превращение современных городов в отдельные «острова», где появление новых форм смысла, идентичностей и диалог задаются все меньшими фрагментами городских сообществ и пространств. [Mitchell, 2000]. Этот набор пространств социальности привлекает городское сообщество, которое, несмотря на периодическое изменение смыслов, сохраняет стремление к первичной сущности города, построенного локусами символического.

Список литературы

- Вебер М. 1994. Избранное. Образ общества. М., Юрист, 704 с.
Вирт Л. 2016. Урбанизм как образ жизни. М., Strelka Press, 108 с.
Гофман А.Б. 2013. Мода и люди: новая теория моды и модного поведения. М., Книжный дом «Университет», 227 с.
Ле Гофф Ж. 2018. Рождение Европы. М., Александрия, 398 с.
Липовецкий Ж. 2012. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе., М., Новое литературное обозрение, 336 с.
Трубина Е.Г. 2011. Город в теории: опыты осмысления пространства. М., Новое литературное обозрение, 520 с.
Lynd R.S., Lynd H.M. 2000. Middletown: A study in American culture. Harcourt Brace Javanovich, 549 p.
Mitchell J. Clyde 1983. Cities, Society, and Social Perception. A Clarendon Press Publication. Clarendon Press, 358 p.
Tilly C., Blockmans W. 1994. Cities and the Rise of States in Europe, A.d. 1000 To 1800. Wesview Press, 290 p.

References

- Veber M. 1994. Izbrannoe. Obraz obshchestva. [Favourites. The image of society]. Moscow, Publ. Yurist, 704 p.
Virt L. 2016. Urbanizm kak obraz zhizni. [Urbanism as a way of life]. Moscow, Publ. Strelka Press, 108 p.
Gofman A.B. 2013. Moda i lyudi: novaya teoriya mody i modnogo povedeniya. [Fashion and people: the theory of new fashion and fashion behavior]. Moscow, Publ. University Book House, 227 p.
Le Goff. 2018. Rozhdeniye Yevropy [Birth of Europe]. Moscow, Publ. Alexandria, 398 p.
Lipovetsky J. 2012. Imperiya efemernogo. Moda i yeye sud'ba v sovremennom obshchestve [The Empire of the Ephemeral. Fashion and its fate in modern society]. Moscow, Publ. New Literary Review, 336 p.
Trubina E.G. 2011. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva [City in theory: experiences of understanding space]. Moscow, Publ. New Literary Review, 520 p.
Lynd R.S., Lynd H.M. 2000. Middletown: A study in American culture. Harcourt Brace Javanovich, 549 p.
Mitchell J. Clyde 1983. Cities, Society, and Social Perception. A Clarendon Press Publication. Clarendon Press, 358 p.
Tilly C., Blockmans W. 1994. Cities and the Rise of States in Europe, A.d. 1000 To 1800. Wesview Press, 290 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.09.2021

Received September 18, 2021

Поступила после рецензирования 18.12.2021

Revised December 18, 2021

Принята к публикации 09.02.2022

Accepted February 9, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Римская Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Olga N. Rimskaya, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Culturology science studies, Belgorod state Institute of arts and culture, Belgorod, Russia

Анисимов Никита Олегович, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры г. Белгород, Россия

Nikita O. Anisimov, Postgraduate student of the Department of Philosophy, Culturology science studies, Belgorod state Institute of arts and culture, Belgorod, Russia

УДК 316.42

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-615-620

Консолидация регионального сообщества: политический манифест, реальный проект или имитация? (Опыт Белгородской области)

Бабинцев В.П., Коврижных Ю.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: babintsev@bsu.edu.ru; kovrizhnykh@bsu.edu.ru

Аннотация. Представлен анализ опыта реализации Стратегии формирования регионального солидарного общества в Белгородской области. Систематизируются возникшие в ходе этого проблемы, к числу которых относятся: обоснование необходимости и возможности создания региональных консолидационных проектов, определение содержания феномена солидарности применительно к современному социуму, конструирование «консолидационного маршрута», выявление специфики консолидации в условиях новой реальности, определяющихся пандемией коронавируса COVID-19, санкционным давлением и международными конфликтами, сопровождающими попытку трансформации однополярного мира в многополярный. Подчеркивается, что нарастание опасностей и угроз стимулируют консолидацию. Но интеграция региональных сообществ под влиянием внешнего фактора все же вряд ли может быть долговременной и прочной.

Ключевые слова: региональное сообщество, солидарность, консолидация, имитация, проект, стратегия

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>.

Для цитирования: Бабинцев В.П., Коврижных Ю.В. 2022. Консолидация регионального сообщества: политический манифест, реальный проект или имитация? (Опыт Белгородской области). НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 47(3): 615–620. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-615-620

Consolidation of the Regional Community: A Political Manifesto, a Real Project or an Imitation? (Experience of the Belgorod Region)

Valentin P. Babintsev, Yuri V. Kovrizhnykh

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: babintsev@bsu.edu.ru; kovrizhnykh@bsu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the experience of implementing the Strategy for the formation of a regional solidary society in the Belgorod region. The problems that have arisen in the course of this are systematized, which include: substantiating the need and possibility of regional consolidation projects, determining the content of the phenomenon of solidarity in relation to modern society, constructing a “consolidation route”, identifying the specifics of consolidation in a new reality, determined by the COVID-19 coronavirus pandemic, sanctions pressure and international conflicts that accompany an

attempt to transform a unipolar world into a multipolar one. It is emphasized that the growth of dangers and threats stimulate consolidation. But the integration of regional communities under the influence of an external factor can hardly be long-term and durable.

Keywords: regional community, solidarity, consolidation, imitation, project, strategy

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>

For citation: Babintsev V.P. Kovrizhnykh Yu.V. 2022. Consolidation of the Regional Community: A Political Manifesto, a Real Project or an Imitation? (Experience of the Belgorod Region). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 615–620 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-615-620

Принятие в 2011 году в Белгородской области Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы»¹ сопровождалось традиционным для административных проектов информационным шумом на уровне региональной элиты и околоэлитного окружения. Данный документ и последующая его судьба (реальная жизнь Стратегии завершилась публикацией Постановления Правительства Белгородской области от 06.06.2022 № 340-пп «О признании утратившим силу постановления Правительства Белгородской области "Об утверждении стратегии «Формирование регионального солидарного общества" на 2011–2025 годы» от 24 ноября 2011 года № 435-пп», основанием для которого было заявлено исполнение ее мероприятий всеми участниками в установленные сроки), оказали несомненное влияние на развитие не только региона, но и Российской Федерации в целом. Однако последний аспект далеко не однозначен и требует осмысления, особенно в контексте современной ситуации (пандемия, специальная военная операция на Украине).

В ходе этого анализа основное внимание будет направлено на следующие проблемы, решать которые следует *sine ira et studio*.

1. Необходимость и возможность консолидационных проектов. Изначально Стратегия формирования регионального сообщества декларировалась как долгосрочный курс на улучшение качества человеческих отношений. При этом предполагалось, что их низкое качество является препятствием для улучшения качества жизни и, как утверждалось позднее, воспроизводства регионального сообщества. Но сегодня мы можем признать: в формулировке данной задачи были неоправданно поменяны местами причина и следствие. Солидарность и консолидация, выступающие в не превращенной форме, – не условие улучшения качества человеческих отношений, но их следствие. И это качество должно формироваться не «сверху», не на уровне региона и страны, но на уровне локальных сообществ, в виде микропрактик солидарности (взаимопомощи, поддержки, волонтерства, отношения справедливости).

Однако главная проблема заключалась в том, что содержание Стратегии по-разному воспринималось реальными и потенциальными «игроками» регионального пространства. Сформировались как минимум три позиции. Сторонники первой рассматривали ее как своеобразный политический манифест, задача которого – обеспечить за счет притягательности идеи солидарности дополнительную поддержку политической элите, которая в то время чувствовала себя довольно уверенно, а потому воспринимала документ как полезный, но не ключевой в практиках управления. Энтузиасты такой трактовки обнаружили

¹ Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы. 2011. Белгород, 80 с.

и среди населения, причем среди его активной части. В их интерпретации документ квалифицировался как попытка реновации традиционных ценностей, к которым причисляли не только солидарность, но и духовность, справедливость, патриотизм и другие. Эта трактовка обычно подкреплялась словами губернатора области Е. Савченко, который, характеризуя суть солидарности, обычно ссылаясь на Н. Федорова: «Жить не для себя, не для других, а со всеми и для всех»¹.

Сторонники второй позиции восприняли Стратегию в качестве реального политико-управленческого проекта, определяющего ориентиры развития региона, на основе которых можно разрабатывать технологические модели.

Наконец, значительной частью населения региона Стратегия воспринималась как очередная имитация, инициированная бюрократическим аппаратом, а ее перспективы оценивались крайне отрицательно. Развитие событий в целом подтвердило эти сомнения; процесс формирования регионального солидарного общества скорее симулировался, чем реально осуществлялся. И только внешний фактор – специальная военная операция на Украине и связанные с нею антироссийские действия западных стран – изменил ситуацию, но такая возможность изначально не рассматривалась в качестве основного консолидирующего фактора.

В реальности процесс реализации Стратегии не стал воплощением лишь одного из рассмотренных подходов, но сочетал черты, присущие каждому из них. Это, скорее всего, явилось одной из причин (хотя далеко не главной) неуспешности проекта. Однако опыт осуществления Стратегии имеет, на наш взгляд, два главных позитивных результата. Первый заключается в понимании того, что в современных условиях консолидация больших сообществ практически не реальна, хотя, вероятно, возможна и необходима в перспективе. Но она имеет перспективы на микросоциальном уровне (муниципалитеты, профессиональные сообщества, группы по интересам). Накопленный ими опыт может быть впоследствии трансформирован в макропространстве как следствие своеобразной «консолидационной сборки».

Второй результат состоит в постановке вопроса о том, что вообще следует понимать под солидарностью и консолидацией, о необходимости которой заявляют как руководители властных структур, так и общественных формирований.

2. Интерпретация консолидации в современных условиях. С момента разработки Стратегии актуальной стала проблема определения сущности феноменов солидарности и консолидации, которая имеет весьма длительную историю [Ковригина, 2015; 2020]. В результате в регионе сформировались две основных позиции. Согласно первой, консолидация представляет собой способ социальной интеграции и близка по своему содержанию идее соборности и, согласно пониманию философа русского зарубежья С.А. Левицкого, представляет собой синтез социализма и либерализма [Левицкий, 2003]. Второй подход основывался на идеях Ю. Хабермаса, согласно которому солидарность является одной из форм самоорганизации коммуникаций [Хабермас, 2000, с. 158]. Консолидация в рамках данного подхода рассматривалась как целенаправленно организуемый и регулируемый (в том числе и саморегулируемый) процесс укрепления межличностных и межгрупповых коммуникаций, достижения взаимопонимания в отношении решения общих проблем на основе диалога и сотрудничества.

Поскольку Стратегия, вопреки формулировке Постановления Правительства области, так и была исполнена в полном объеме, трудно однозначно утверждать, какой из подходов

¹ Разработка и реализация стратегии формирования солидарного общества в Белгородской области. 2014. Белгород, КОНСТАНТА, 58 с.

является наиболее адекватным. Однако нельзя отрицать, что, по сравнению с первым, второй подход является наиболее реалистичным и практикоориентированным. Однако сегодня есть все основания дополнить его акцентом на взаимопомощь и взаимную поддержку.

Таким образом, консолидацию в предельно простом определении уместно трактовать в качестве процесса налаживания взаимопонимания между людьми и установления их лояльности в отношении друг друга и общества в целом (согласно Т. Парсонсу, лояльность – «готовность откликнуться на должным образом "обоснованный" призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности» [Парсонс, 1998, с. 26]).

3. Содержание «консолидационного маршрута». Работа над Стратегией высветила проблему последовательности действий, которые потенциально могут обеспечить решение задачи консолидации. Она получила свое выражение в идее «консолидационного маршрута», представляющего собой процесс последовательных модификаций массового сознания, заключающегося в поэтапном утверждении предпосылок, обеспечивающих усвоение идеи консолидации как поведенческой нормы. Сегодня более или менее понятно, что в ходе его осуществления должны последовательно решаться задачи: формирование региональной идентичности; утверждение принципа социальной справедливости; установление отношений доверия; интеграция сообщества.

Однако фактически процесс консолидации в области был начат с формирования символической солидарности и интеграции, что нарушало логику процесса и порождало множество проблем.

4. Перспективы консолидации в контексте цифровой трансформации общества. Разработка Стратегии осуществлялась в период, когда процесс цифровизации/дигитализации социальной реальности просматривался лишь в общих контурах. Поэтому в ней практически не были учтены, как цифровая трансформация повлияет на установление солидарных отношений. Сегодня можно утверждать, что это влияние является (и будет являться) крайне неоднозначным.

С одной стороны, дигитализация создает дополнительные возможности консолидации, поскольку:

- субъектам регионального пространства становится более доступной социальная информация, их коммуникации становятся интенсивными, оперативными и разноплановыми, что стимулирует общественный диалог;
- возникают новые площадки для взаимодействия в виде социальных сетей;
- коммуникации становятся все более рационально мотивированными и в силу этих особенностей ориентированными на достижение соглашений на основе баланса интересов;
- усложнение (умножение) социального пространства за счет его дополненной и виртуальной разновидностей расширяет пределы выбора, стимулирует добровольчество и самостоятельность при принятии решений, что адекватно идее органической консолидации.

Вместе с тем дигитализация создает и ограничители реализации «консолидационного маршрута»:

- в ходе внедрения цифровых технологий формируется новый тип неравенства – цифровое неравенство, выступающее существенным социальным демаркатором;
- в среде управленческой элиты возникает устойчивое желание использовать возможности цифрового администрирования для принудительной консолидации;
- цифровые технологии в ряде случаев становятся эффективными инструментами манипуляции сознанием людей;
- применение цифровых технологий формализует общественные процессы и отношения между людьми, а это создает предпосылки для распространения имитационных практик.

Однако эти и другие процессы требуют дополнительных исследований, которые позволят ответить на вызов, сформулированный дигитализацией для социально-гуманитарного знания [Яницкий, 2018, с. 8].

В качестве особого аспекта проблемы консолидации следует рассматривать кризисное развитие общества в последние два-три года, определяющееся пандемией коронавируса COVID-19, санкционным давлением и международными конфликтами, сопровождающими попытку трансформации однополярного мира в многополярный. Нарастание опасностей и угроз, несомненно, стимулировали консолидацию. Однако интеграция региональных сообществ под влиянием внешнего фактора все же вряд ли может быть долговременной и прочной, если использовать определения Э. Дюркгейма, она не органична, а механистична, а потому не вполне адекватна человеческой природе.

Впрочем, время покажет, каковы перспективы нового консолидационного проекта, созданного не в научных лабораториях и коридорах власти, а в ходе практической борьбы за здоровье и жизнь, в том числе и на полях военных действий.

Список литературы

- Ковригина Г.Д. 2020. Социальная солидарность как метаинститут: дис. ... д-ра филос. наук. 09.00.11. Иркутск, 304 с.
- Ковригина Г.Д. 2015. Социокультурные ресурсы социальной консолидации российского общества: дис. ... канд. филос. наук. 09.00.11. Иркутск, 183 с.
- Левицкий С.А. 2003. Свобода и ответственность: «основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме. М., Посев, 464 с.
- Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. М., Аспект Пресс, 270 с.
- Хабермас Ю. 2000. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., Наука, 384 с.
- Яницкий О.Н. 2018. К проблеме модернизации гуманитарного знания. Социологическая наука и социальная практика, 6-1(21): 7–22.

References

- Kovrigina G.D. 2020. Sotsial'naya solidarnost' kak metainstitut [Social solidarity as a meta-institute]: dis....Dr. Philos. sciences'. 09.00.11. Irkutsk, 304 p.
- Kovrigina G.D. 2015. Sotsiokul'turnyye resursy sotsial'noy konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Socio-cultural resources of social consolidation of Russian society]: dis. ... candidate of Philos. sciences'. 09.00.11. Irkutsk, 183 p.
- Levitsky S.A. 2003. Svoboda i otvetstvennost': «osnovy organicheskogo mirovozzreniya» i stat'i o solidariz-me [Freedom and responsibility: "fundamentals of an organic worldview" and articles on solidarism]. Moscow, Publ. Posev, 464 p.
- Parsons T. 1998. Sistema sovremennykh obshchestv [The system of modern societies]. Moscow, Publ. Aspect Press, 270 p.
- Habermas Yu. 2000. Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg, Publ. Nauka, 384 p.
- Yanitsky O.N. 2018. K probleme modernizatsii gumanitarnogo znaniya [On the problem of modernization of humanitarian knowledge]. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika, 6-1(21): 7–22.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.09.2021

Поступила после рецензирования 18.12.2021

Принята к публикации 09.02.2022

Received September 18, 2021

Revised December 18, 2021

Accepted February 9, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Коврижных Юрий Васильевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Doctor of Philology, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Yuri V. Kovrizhnykh, Candidate of Sociological Sciences., Docent of the Department of Social Technologies and Public Service of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia